

**Институт российской истории
Российской академии наук**

**РОССИЯ И МИР
ГЛАЗАМИ ДРУГ ДРУГА:
ИЗ ИСТОРИИ
ВЗАИМОВОСПРИЯТИЯ**

Выпуск восьмой

**Москва
2017**

Институт российской истории РАН продолжает серию коллективных трудов, посвященную проблеме взаимовосприятия России и внешнего мира. Данный, восьмой выпуск сборника посвящен различным аспектам формирования и взаимодействия инокультурных образов, под которыми понимаются все категории представлений о внешнем мире. Материалы сборника охватывают период с конца XVI по вторую половину XX в. Сборник построен по проблемно-хронологическому принципу и состоит из четырех разделов. Первый из них включает статьи, посвященные дипломатии как форме межкультурного взаимодействия. Второй раздел включил в себя статьи о роли средств массовой информации и пропаганды. В третьем разделе рассматриваются вопросы, связанные с религией и церковью. Последний раздел сборника посвящен проблемам взаимовосприятия в контексте конфликтов и войн. В пятом разделе собраны статьи, анализирующие различные аспекты взаимовосприятия в контексте визуальной культуры. Шестой раздел посвящен проблемам взаимовосприятия России и Германии.

Ответственный редактор:
канд. ист. наук А.В. Голубев

Редколлегия:
канд. ист. наук П.С. Куприянов
(Институт этнологии и антропологии РАН),
канд. ист. наук Т.А. Мухаматулин, канд. ист. наук С.М. Шамин

Рецензенты:
д-р ист. наук В.Н. Захаров,
д-р ист. наук Л.А. Сидорова

Предисловие

Институт российской истории РАН продолжает серию коллективных трудов, посвященную проблеме взаимовосприятия России и внешнего мира.

В 1994 г. в Центре по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН возник и с тех пор успешно функционирует Всероссийский научный семинар по истории взаимовосприятия культур, в работе которого принимают участие как сотрудники ИРИ РАН, так и представители различных научных учреждений России, а также ряд исследователей из-за рубежа¹. В 1994–2016 гг. состоялось 23 заседания ежегодного круглого стола на тему «Россия и внешний мир глазами друг друга»². На основе материалов первых круглых столов вышли два сборника научных трудов³, а также коллективная монография «Россия и Запад: формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века» (М., 1998), получившие высокую оценку научной общественности⁴. С 2000 г. материалы научного семинара издаются под общим названием «Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия» (М., 2000–2016, вып. 1–7).

Данный, восьмой выпуск сборника посвящен различным аспектам формирования и взаимодействия инокультурных образов, под которыми понимаются все категории представлений о внешнем мире⁵. Материалы сборника охватывают период с середины XVI по середину XX в. Сборник построен по проблемно-хронологическому принципу и состоит из шести разделов.

В первом разделе рассматриваются отдельные сюжеты, связанные с взаимовосприятием культур в дипломатическом контексте.

Открывает сборник статья М.В. Моисеева, в которой проанализировано современное состояние исследования проблемы «поминок» во взаимоотношениях Русского государства и тюрко-татарских юртов. На основе анализа данных посольских

книг, списков «поминок» показывается эволюция посольских даров в отношениях России с Ногайской Ордой в XVI в. Автор делает вывод, что постепенно формировалось восприятие «поминок» как жалования за службу.

В статье А.В. Белякова изучены состав и подготовка посольства И.И. Чемоданова в Венецию в 1656 г., а также бытовая сторона его пребывания в Италии.

С.В. Алпатов с неожиданной стороны подходит к российской брачной дипломатии XVIII в., анализируя отражение этих сюжетов в слухах, фольклоре и драматургии того времени. По мнению автора, это «позволяет выявить существенный образный, сюжетный и жанрово-текстуальный узел, связывающий в общем дискурсивном поле, с одной стороны, злободневную рефлексию реальных и мнимых событий европейской династической политики и, с другой стороны, архетипические представления “безмолвствующего большинства” российского социума Нового времени о семейной и государственной жизни царственных особ».

Статья К.Н. Станкова посвящена впечатлениям дьяка В.М. Михайлова от посещения Британии. В его статейном списке Британия предстает страной, управляемой королем, который принадлежит к религиозному меньшинству, способствует эмансипации католиков, пытается создать опору своей власти в лице постоянной регулярной армии и новой политической элиты и манипулирует сословным представительством. Характеризуя внешнюю политику Якова, автор списка справедливо усматривает и здесь религиозную подоплеку.

Наконец, В.А. Небезин изучил элементы грузинского застолья в церемониале дипломатических приемов И.В. Сталина в Кремле в 1941–1945 гг. По мнению автора, речь идет, во-первых, о принципе «тамадизма», и, во-вторых, о наличии блюд кавказской кухни в меню дипломатических приемов в честь союзников.

Второй раздел посвящен роли средств массовой информации и пропаганды в процессе взаимовосприятия культур. Статья В.А. Малахова обобщает и сравнивает отклики германской и британской прессы на еврейские погромы в России

в 1880-х годах. С одной стороны, освещение происходящего в России зачастую использовалось для внутривосточных целей и атаки на политических оппонентов. С другой стороны, пресса Германии по сравнению с британской была настроена намного более дружелюбно к России и враждебно к евреям. В Великобритании, наоборот, пресса крайне критично относилась к российскому правительству, на которое возлагалась основная вина за еврейские погромы. Однако в результате, как подчеркивает автор, в общественном мнении западных стран образ погромов 1881–1882 гг. закрепился именно в самом неприглядном и сильно преувеличенном изложении британской прессы.

В статье О.В. Дубровиной исследуется история возникновения и функционирования итальянского «Радио Москва», транслировавшего программы антисоветского характера на территории Европы и СССР. Автор проводит содержательный анализ зачитываемых текстов, а также делает попытку разобраться в слушательской аудитории и возможном эффекте, оказанном антикоммунистической пропагандой фашистского режима.

Т.А. Мухаматулин рассматривает историю турне испанской рабочей футбольной команды в СССР осенью 1933 г. в контексте противоречий между двумя пропагандистскими установками: интернационализмом, оставшимся признанной идеологической доктриной, и набирающими силу идеями превосходства Советского Союза во всем. В описываемом случае конфликта установок удалось избежать только из-за низкого спортивного уровня приезжих спортсменов.

Статья А.С. Шаповаловой посвящена международным аспектам советских политических процессов на примере процесса «Промпартии», в частности, малоизученным механизмам и специфике использования московских процессов для мобилизации различных групп населения за пределами Советского Союза. По мнению автора, оценивая постановку агитационной зарубежной кампании вокруг процесса «Промпартии» в целом, можно говорить о попытке тотальной мобилизации сверху всех коммунистических и советских структур, которые по роду сво-

ей деятельности работали с заграницей, а также прокоммунистических и просоветских организаций за рубежом.

Статьи, составившие третий раздел, затрагивают религиозные аспекты взаимовосприятия культур. Как считает А.В. Толстиков, изучение истории понятия границы в России и в Швеции в Средние века и раннее Новое время показывает, что политические аспекты понятия границы с XVI в. понимались по обе ее стороны весьма сходным образом. Зато различие проявлялось в религиозной сфере, в частности в России принципиальное значение придавалось религиозному измерению пространства, подвластного православному царю.

А.Н. Старицын рассматривает положение православных приходов на территории Швеции, в частности вопросы локализации, устройства, условия существования староверческих общин, обосновавшихся в Швеции в конце XVII в. Прослеживается связь между русской церковной реформой и бегством в Швецию православных мирян и священников в XVII в. Староверы России и Швеции, разделенные границей, сохраняли связи со своими единоверцами по ту и другую сторону границы. Однако, хотя среди лютеранского финского населения находились люди, тесно общавшиеся с православными соседями и в силу этого оказавшиеся восприимчивыми к проповеди правоты старой веры, в целом финны с недоверием относились и к русским, и к православным карелам.

В статье Ю.С. Белянкина и С.М. Шамина исследуются рукописная традиция текста о старцах-пророках, проделавшего путь от переводного европейского памфлета до популярного в старообрядческой среде эсхатологического сочинения, новые источники и история его бытования на русской почве в XVIII в.

Сконструированный польскими католическими интеллектуалами второй половины 1940-х годов образ СССР является предметом изучения А.М. Лохматова. По мнению автора, этот образ был важным показателем самоопределения польской католической интеллигенции в новых политических условиях. Симпатизирующие социализму католики обращались к нему очень осторожно и осмотрительно. Всячески подчеркивалось

принципиальное отличие «Советской России» от рухнувшего «царизма»: СССР стал символом государственной заботы о культуре, справедливого социального порядка и эффективной национальной политики, «великого духа» русского народа и «доблести» советской армии, в то же время Советы выступили надежным гарантом безопасности новой западной границы польского государства. Между тем, апеллируя к «принципиальным отличиям» Польши от СССР, католическая интеллигенция стремилась отстоять суверенитет польского государства, права на католическое мировоззрение и возможность культурных, экономических и политических контактов с Западными странами. Так, обращаясь к рефлексии католической интеллигенции 1945–1948 гг., мы наблюдаем очередной пример того, как политическая обстановка вынуждает интеллектуалов искать пути преодоления «исторической традиции» в отношениях двух народов.

В четвертый раздел сборника вошли статьи, в которых изучаются проблемы взаимовосприятия в контексте войн и конфликтов. В работе Д.В. Лисейцева прослежены судьбы поляков, оставшихся в России после завершения Смуты и удачно «вписавшихся» в русское общество. Как подчеркивает исследователь, их судьба ярко демонстрирует отсутствие непреодолимых религиозных, социокультурных, ментальных барьеров между подданными двух восточноевропейских государств.

Статья П.С. Куприянова посвящена запискам штурмана А.И. Хлебникова о пребывании в японском плену в 1811–1813 гг. Особое внимание уделяется описанной Хлебниковым «шабае» – принятой в японской тюрьме экзотической практике морального истощения пленника, жертвой которой стал автор записок. Очевидно, что записки Хлебникова являются ценным источником и по японской обыденной культуре, и по истории японского языка, русско-японских контактов, взаимовосприятия и межкультурной коммуникации и т.д.

Прогнозы относительно развития военно-морского соперничества Англии и Германии, сделанные накануне Первой мировой войны в публикациях российского «Морского сборника», стали предметом исследования А.А. Черниловского.

И.В. Купцова исследует формирование образа Франции в публикациях М.А. Волошина в годы Первой мировой войны. Основную свою задачу поэт видел в освещении событий и проблем воюющей Франции. По мнению автора, по замечаниям и наблюдениям, высказанным М. Волошиным в статьях, можно реконструировать жизнь Франции и французов в годы войны.

В статье А.А. Киличенкова проанализированы оценки командованием РККА уровня развития зарубежного танкостроения в 1930-х годах. Автор обосновывает вывод о том, что в 1930-е годы восприятие и оценки заграничного опыта оказывали прямое и постоянное воздействие на развитие танкостроения в СССР.

В пятом разделе собраны статьи, анализирующие различные аспекты взаимовосприятия в контексте визуальной культуры. Статья А.В. Топычанова посвящена практике сравнения российских и западных загородных резиденций, преимущественно в произведениях иностранных дипломатов и путешественников XVII в. Анализ используемой терминологии позволил автору выявить три стратегии сопоставления: противопоставление, сближение и отождествление, причем последняя стратегия была характерна и для российской стороны.

В статье К.А. Голикова показано разнообразие трансформации идеи дворцово-паркового комплекса Версаля в разное время на различном конкретно-историческом материале. В частности, подчеркивает исследователь, в Петергофе, который в свое время окрестили «русским Версалем», и в архитектурно-ландшафтной композиции МГУ имени М.В. Ломоносова – «советском Версале» – идея, заложенная во французском образце, была творчески переосмыслена.

В статье безвременно ушедшей из жизни Л.В. Жуковой (1963–2017) исследуется история формирования визуального образа Китая в русском общественном сознании в конце XVIII – первой половине XIX в. Первые изображения Китая в России в основном зависели от европейской художественной традиции, и лишь в начале XIX в. появляется новый, этнографически точный образ Китая. Творцами его были не профес-

сиональные художники, а ученые-путешественники. В статье прослеживается, как в художественной традиции реалистичский, бытовой образ китайской природы, людей постепенно вытесняет замысловатость предшествующей традиции. Именно такой, реалистичный, лишенный экзотики и причудливости, образ Китая становится доминирующим в художественном творчестве второй половины XIX в.

Наконец, статья И.Е. Печенкина, который рассматривает архитектурный русский стиль в Европе как успешный проект, фундаментальная цель которого заключалась в конструировании русской идентичности посредством архитектуры. Как отмечает автор, русский стиль органично вписался в репертуар европейской эклектики, обозначив при этом вполне определенные грани русского культурного мифа, адресованного западному зрителю.

Шестой раздел продолжает уже сложившуюся в рамках серии традицию – он посвящен проблемам взаимовосприятия России и Германии (в предыдущих выпусках подобные разделы были посвящены Великобритании, США, Японии, Франции и той же Германии). Открывает раздел статья Е.В. Мамоновой, в которой рассматривается позиция М.Н. Каткова по поводу политики Бисмарка по отношению к католическому духовенству – как подчеркивает автор, эта проблема была весьма актуальной и для Российской империи. Игнорируя притеснения католиков в Германии и даже сочувствуя правительству Бисмарка в его борьбе с ультрамонтанами, Катков не призывал заимствовать и применять в России те или иные меры. Однако он и не акцентировал их неприемлемость. Гораздо важнее для него было указать своим читателям на сходство проблем, возникающих у не католических государств с католицизмом, и на те принципы верховенства закона над конфессиональными дисциплинарными нормами и лояльности подданных, исходя из которых следовало их так или иначе решать.

О.С. Шурыгина посвятила свою статью малоизученной теме – заимствованию Россией в начале XX в. культурных и технических инноваций, прежде всего из Германии, на примере развития автомобилизма. Рецепция иностранного опыта осу-

ществлялась по нескольким каналам. В первую очередь, это был импорт самой автотехники, большая часть которой поступала в Россию из Германии. Однако Россия импортировала не только сами машины, но и квалифицированные кадры. Российско-германские связи проявились в начале XX в. и в сфере организации автомобильной инфраструктуры, в частности, строительстве и оборудовании гаражей и автомобильных мастерских.

В статье В.Л. Черноперова основное внимание обращено на свидетельства современников – советских граждан о духовной атмосфере и политическом противоборстве в Веймарской республике. Среди авторов, чьи опубликованные сообщения были проанализированы, известные советские политики, писатели и журналисты, а также случайные свидетели, оказавшиеся в Германии межвоенного времени.

Завершает и раздел, и сборник в целом статья А.В. Голубева, в которой рассмотрена противоречивая реакция советского общества на подписание «пакта Молотова – Риббентропа». Как подчеркивает автор, в те годы никакого единомыслия, никакого общего понимания происходящего и ближайшего будущего, в советском обществе не было. И поэтому само заключение пакта о ненападении и последовавшие непосредственно за этим события были встречены не только с удивлением, непониманием, даже осуждением, но и с одобрением, которое, впрочем, определялось самыми разными причинами.

---

¹ О работе семинара см.: *Голубев А.В.* Россия и мир глазами друг друга: из опыта изучения проблемы // Труды Института российской истории. М., 2008. Вып. 7. С. 400–410.

² См. отчеты о заседаниях круглого стола: *Голубев А.В.* Россия и внешний мир. Заседание «круглого стола» // Отечественная история. 1995. № 3. С. 214–216; *Голубев А.В., Малето Е.И.* Россия и внешний мир: проблемы взаимовосприятия. Заседания «круглого стола» // Там же. 1998. № 3. С. 202–205; *Малето Е.И., Рудая Е.Н.* Россия и мир: проблемы взаимовосприятия. Заседание «круглого стола» // Там же. 1999. № 1. С. 191–194; *Малето Е.И., Сенявская Е.С.* : 1) Россия и мир: проблемы взаимовосприятия. Заседание «круглого стола» // Там же. 1999. № 6. С. 195–200 ; 2) Россия и мир: проблемы взаимовосприятия в XV–XX вв. Заседание «круглого

- стола» // Там же. 2001. № 2. С. 206–209; *Шамин С.М.* Россия и мир: проблемы взаимовосприятия в XVI–XX вв. Заседание «круглого стола» // Там же. 2001. № 6. С. 192–196; *Агеева О.Г., Шамин С.М.* Россия и внешний мир: проблемы взаимовосприятия. Заседание «круглого стола» // Там же. 2003. № 3. С. 187–190; *Барченкова В.А., Клименко А.Е., Котюков К.Л.* Россия и мир глазами друг друга // Там же. 2006. № 5. С. 191–196; *Киперман Г.Ф., Клименко А.Е., Стрижкова Н.А.* Россия и мир: проблемы взаимовосприятия культур // Там же. 2006. № 6. С. 224–227; *Голубев А.В., Кудюкина М.М.* Россия и мир: из истории взаимовосприятия // Там же. 2007. № 5. С. 215–218; *Стрижкова Н.А.* Россия и мир: проблема взаимовосприятия культур // *Российская история*. 2009. № 2. С. 199–202; *Мухаматуллин Т.А.* : 1) Россия и мир глазами друг друга: проблемы взаимовосприятия // Там же. 2010. № 1. С. 194–199 ; 2) «Круглый стол» по истории политической карикатуры // Там же. 2010. № 3. С. 217–218 ; 3) Россия и мир: проблема взаимовосприятия культур // Там же. № 5. С. 211–215 ; 4) Семинар «Россия и мир: из истории взаимовосприятия» в 2011–2013 гг. // Там же. 2014. № 2. С. 203–209; *Куприянов П.С., Мухаматуллин Т.А., Шамин С.М.* Круглый стол «Россия и мир: из истории взаимовосприятия» // Там же. 2016. № 1. С. 207–209.
- ³ Россия и Европа в XIX–XX вв.: проблемы взаимовосприятия народов. социумов. культур. М., 1996; Россия и внешний мир: диалог культур. М., 1997.
- ⁴ Рецензии см.: Отечественная история. 1998. № 5; 1999. № 6; 2000. № 2; 2004. № 6; Историографический сборник. Саратов. 2004. Вып. 21. С. 265–276.
- ⁵ Подробнее см.: *Голубев А.В.* Эволюция инокультурных стереотипов советского общества // 50 лет без Сталина: наследие сталинизма и его влияние на историю второй половины XX века. М., 2005. С. 98–116; *Голубев А.В., Куприянов П.С.* Представления об «Ином»: эволюция и механизмы (российский опыт XIX–XX вв.) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2006. Вып. 3. С. 374–396; *Голубев А.В.* Проблема взаимовосприятия культур: предварительные итоги и ближайшие перспективы изучения // Историк и мир – мир историка в России и Центрально-Восточной Европе. Будапешт: Russica Pannonicana, 2012. С. 267–275.

I ДИПЛОМАТИЯ КАК ФОРМА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

М.В. Мoiseев

Посольские дары – «поминки» в контексте взаимоотношений России и постордынских государств: проблемы изучения

Дипломатический диалог, как известно, является полем активного столкновения и взаимодействия культур. Очевидно, что именно в его рамках можно отчетливо различить сложную систему ритуалов, направленных на «ограничивание» чужого и, в конечном итоге, включение его в приемлемую систему координат. Естественным образом эта знаковая система не всегда поддается дешифровке. Многие коды посольского ритуала были не ясны уже современникам и ныне вызывают недоумение. Однако преувеличивать «мотив чужого» в дипломатии все-таки не стоит. Существовало (и существует) достаточно большое количество ритуалов и знаков – вполне одинаково читаемых в разных культурах. К таким идентичным прочтениям можно отнести ритуалы встречи посла, а именно: очередность спешивания с лошади или вставания, а также коленопреклоненное или нет обращение к правителю принимающей державы¹. Ряд этикетных норм имел пограничное, скользящее значение. В этом смысле весьма любопытна роль посольских даров, которые в делопроизводственной практике Посольского прика-

за определялись как «поминки». Суть «скольжения» в этом вопросе заключалась в том, что «поминки» в рамках взаимоотношений с постордынскими государствами имели ситуативное прочтение. В зависимости от ситуации их представляли то дарами, то данью. Наиболее отчетливо это заметно в рамках дипломатии большого восточноевропейского геополитического треугольника: Великое княжество Литовское – Крымское ханство – Московское государство. Так, в Литве русские «поминки» восточным правителям представлялись как дань, в Русском государстве возмущались такой интерпретацией, но в свою очередь считали литовские «упоминки» – данью². Естественно, степные правители охотно пользовались такими разночтениями в продвижении своего понимания отношений, их статуса. Более того, им такое положение было чрезвычайно выгодно, так как сохранялась возможность поддерживать свое влияние на отношения в ситуации изменившегося геополитического баланса в восточноевропейском регионе. Естественно, столь туманное определение «поминок» современниками оказывает свое влияние и на историков. До сих пор среди специалистов идет вялая дискуссия о значении «поминок», их происхождении. Время от времени эти споры обостряются, а затем вновь затухают. Рассмотрим в общих чертах эту полемику.

В историографии XIX в. утвердилось мнение, что крымские ханы и ногайские бии выпрашивали поминки и собственно этим (особенно в отношении Ногайской Орды) ограничивались их отношения с Россией³. Впоследствии поминки, направляемые степным владыкам, стали рассматривать как своеобразную форму торговли⁴. Против такой трактовки выступили А.М. Некрасов и С.Ф. Фаизов, высказавшие мнение, что «поминки» являлись своего рода данью-откупом⁵. С острой критикой такой позиции выступила А.Л. Хорошкевич. По ее мнению, «в русско-крымских отношениях с самого начала ни о каких формах данничества не было и речи»⁶. Исследовательница внимательно проанализировала «поминки» в русско-крымских отношениях рубежа XV–XVI вв. и установила разновидности поминок, их социальную стратификацию, политическую и идеологическую борьбу вокруг «даров». Автор указала, что

русские власти стремились «провести принцип службы великому князю как условие получения поминков из Москвы». Крымские ханы отстаивали наследственный принцип распределения поминков, близкий к «зауморщине»⁷. Среди зарубежных исследователей также нет единодушия по вопросу о поминках. Р.М. Кроски не придавал им политического значения, а М. Ходорковский отметил, что для российской стороны это была плата за лояльность и службу, а для кочевников – дань⁸. В.В. Трепавлов, рецензируя монографию М. Ходорковского, отметил стремление степных правителей контролировать раздачу поминков и возникавшие по этому поводу конфликты с московскими дипломатами⁹.

Таким образом, к началу XXI в. обозначилось желание историков выработать компромиссную позицию по этому вопросу. Суть компромисса, по М. Ходорковскому, «для степняков дань, а для русских жалованье», нельзя полностью признать удовлетворительной. В XVI в. Русское государство усиливает давление на степняков, превращая поминки в гибкий инструмент влияния, увеличивая «поминки» лояльным представителям степной элиты и снижая своим противникам. Поэтому говорить о реальности представления о тождестве «поминок» дани затруднительно¹⁰. А.В. Виноградов в монографии 2007 г. приводит убедительное обоснование того, что «поминки» – это посольские дары¹¹. В результате исследования отношений Русского государства с Крымским ханством и Ногайской Ордой были накоплены данные, противоречащие интерпретации «поминок» как дани. Однако этот вопрос был вновь поднят на круглом столе «Московское государство и постзолотоордынские тюрко-татарские государства: история взаимоотношений», который проводился 16 марта 2012 г. в Казани. И.М. Миргалеев и Б.Р. Рахимзянов в ходе заседания указали на факт отмены «поминок» крымским ханам в 1700 г. Сами поминки И.М. Миргалеев охарактеризовал термином «харадж» и отождествил с «выходом»¹². На это замечание А.В. Виноградов дал развернутый ответ. Во-первых, исследователь развил компонент ситуативности в понимании «поминок»/«упоминок», приведя примеры из практики Речи Посполитой. Во-вторых,

указал на понимание термина «выход» русскими дипломатами XVI столетия как запроса слишком больших денежных сумм¹³. Отдельному анализу был подвергнут вопрос об отмене поминков договором 1700 г. И.В. Зайцев указал, что Петр I перестраивал посольский церемониал по европейскому образцу, в котором не было места обычаям татарского посольского ритуала. Именно поэтому приходилось отменять старые нормы договорами¹⁴. Весьма ценными для дискуссии о «поминках» стали суждения А.В. Малова. Автор указал на тот факт, что определение «поминок» данью не соответствует реальности международных отношений постордынских государств со своими соседями. И это явление не связано с ранее сложившимися отношениями. Например, Польское королевство не было захвачено монголами и дань не платило, однако, как позднее и Речь Посполитая, присылала в Крым свои «упоминки»¹⁵. Таким образом, в ходе дискуссии были обозначены позиции сторонников трактовки «поминок» как дани и ее противников. Оба «лагеря» предложили ряд крепких аргументов, хотя более весомой оказалась аргументация противников трибутарной трактовки «поминок». Откликом на этот спор в Казани стала статья Р.Ю. Почекаева. Автор, бегло и не полностью ознакомившись с историографией вопроса, предположил, что ход дискуссии определяет национальность авторов и «несколько превратное понимание патриотической позиции»¹⁶. Далее Р.Ю. Почекаев привел общие рассуждения, иллюстрируемые примерами разных эпох, разных политических систем, однако ни разу не коснувшись конкретно-исторического материала¹⁷. Автор забывает о принципе историзма, согласно которому любое явление развивается во времени.

В русско-ногайских отношениях, например, «поминки» сначала не играли серьезной роли, нося скорее этикетный, символический характер¹⁸. В 1504 г. русские власти в лице великого князя Ивана III и его сына Василия решили использовать «поминки» как средство экономического стимулирования ногайской знати. «Поминки» отсылались главе Ногайской Орды Ямгурчи-бию и его жене Девлет-султане¹⁹. Всего Ямгурчи от Ивана и его сына получил девять предметов. Таким образом в Москве, используя

крымскую «табель о рангах», ногайского правителя приравняли к мангытскому беку в Крымском ханстве²⁰.

Очевидно, в Москве приняли решение встроить «поминочные» отношения с ногаями в крымскую систему, по которой «поминки» шли в первую очередь Чингизидам, затем карачибиям и сейиду. Однако такая схема не могла вполне удовлетворить ногайскую знать, так как она почти полностью исключалась из этих отношений. Это недовольство проявилось рано, уже на заре «поминочных» отношений Русского государства с Ногайской Ордой. В 1505 г. Казанское ханство вышло из-под подчинения Москвы. Великокняжеские дипломаты спешно приняли меры, направленные на изоляцию непокорного ханства от его степных союзников. В Ногайскую Орду отправили гонца с поминками для бия, но их перехватил один из мирз²¹. Но более очевидно недовольство «поминочной» политикой Москвы проявилось в 1530-е годы, во времена правления Саид-Ахмед-бия.

Правление Саид-Ахмеда совпало с наивысшим расцветом Ногайской Орды и пришлось на кризисный момент в истории России. Бий Саид-Ахмед претендовал на изменение статуса русско-ногайских отношений, одновременно с этим он добивался и изменения статуса Ногайской Орды в постзолотоордынском политическом пространстве²². Эти претензии проявились в изменении формуляра верительных грамот. В августе 1534 г. Саид-Ахмед требовал выплат крымских «поминков», настаивая на той же системе их распределения. При этом бий занимал место хана, появлялся и ногайский аналог калги. Тон грамот резко изменился. В одной из них Саид-Ахмед жестко увязал вопрос о выдаче поминков с сохранением «роты». В это же время Саид-Ахмед стремился сконцентрировать в своих руках выдачу поминков мирзам, что вызвало конфликты внутри Орды и с русскими дипломатами. В конце 1534 г. в Москву приехало ногайское посольство, возглавляемое главой ногайского правительства – кара-дуваном. Бий требовал денежных выплат от 60 до 100 тыс. алтын, в случае же спора или «затейки» угрожал войной. Свои претензии на денежные выплаты Саид-Ахмед обосновывал тем, что бывшая Большая Орда те-

перь принадлежит ногаям. В таких условиях возрастала роль дипломатов, отправлявшихся в Ногайскую Орду. Даниил Губин, русский посол в Орде в 1534–1535 гг., выяснил наличие глубоких противоречий между Саид-Ахмедом и мирзами²³.

Вероятно, следствием этих противоречий и стало посольство мирз западного крыла Ногайской Орды в декабре 1534 г., предлагавших служить России, за «поминки». Российские дипломаты оперативно отреагировали на это посольство: в Орду был отправлен посол Петр Левский. В вопросе о «поминках» он должен был подчеркивать, что «ныне государь наш для вашей дружбы поминки свои к вам со мною послал»; в случае верности и борьбы с врагами великого князя (крымским ханом), государь «любовь свою и свыше хочет держати и поминки свои станет к вам посылати по-пригожу, что у него лучит». Вместе с тем настоятельно подчеркивалось: «А не наймует вас государь наш»²⁴. Такое пояснение было связано, вероятно, с неудачным опытом распространения принципа службы великому князю как условия получения «поминков» на крымских царевичей в 1516–1518 гг.²⁵

В конце 1535 г. стали известны претензии Саид-Ахмеда на «девятные поминки», традиционно связанные с русско-крымскими отношениями. Впрочем, в России уже знали, что в самой Орде не все поддерживают его притязания. Так, глава «финансового ведомства» Ногайской Орды – Теку дуван – советовал Д. Губину написать в Москву, чтобы Саид-Ахмеду не потакали, а писали в грамотах и слали «поминки», как было ранее. В течение 1536–1537 гг. продолжалась борьба «за поминки». В ответ на требование «крымских поминков» Ф.И. Карпов подчеркивал, что бий «правду не учинил», а великий князь «дружбу не выкупает». Русская сторона крепко держалась выбранной линии: слать «поминки» только после шертования. Все это, а также жалобы мирз на качество «поминков» свидетельствует о том, что правительство Елены Глинской существенно ограничивало количество «поминков». К примеру, мирза Хаджи-Мухаммед писал в 1537 г., что великий князь их обманывает и шлет «малые некоторые поминки». Возможно, это было продолжением практики Казны первого десятилетия XVI в.²⁶

Осенью 1537 г. в Москве узнали об административных изменениях в Ногайской Орде (появление нурадинов и кековатов) и связанных с этим экономических претензиях (нурадинова пошлина). Требования поминков для Саид-Ахмеда вообще непомерно возросли. Реакция Москвы была резкой и однозначной: Ф.И. Карпов и дьяки М. Путятин и Ф. Мишурин ответили на требования ногайской стороной «крымских поминков»: «ни князю и мирзам пригоже чюжих поминков просити», и далее подчеркнули связь «поминков» со службой («наших недругов воюют, тогда им от нас и поминки ходят»). В ответной грамоте Саид-Ахмеду подчеркивалось беспрецедентность таких требований²⁷. Таким образом, дипломатия правительства Елены Глинской продолжала политику Казны времен Василия III и стремилась превратить «поминки» в жалованье.

После правления Саид-Ахмеда «поминочные» отношения стабилизировались. В 1548–1549 гг. не видно конфликтов по этому вопросу, наоборот, проявляется тенденция к утверждению «жалованного» принципа получения «поминков». Так, мирза Али б. Юсуф просил «поминок» за военные действия против врагов Ивана IV. Вместе с тем, среди правящей элиты Орды (бия, нурадина и кековата) оставались живы старые традиции. Нурадин Исмаил писал: «А чего яз прошу, то мне дай; будешь добр, и яз тебе друг». Распространились и «запросы», особенно активен в них был все тот же Исмаил. Новый бий орды Юсуф запрашивал «платье доброе», которое должны были пошить в России. Оставались и прежние претензии к качеству «поминков». Необходимо отметить, что умиротворенность в вопросах о «поминках» в то время во многом диктовалась общим климатом русско-ногайских отношений 1548–1549 гг. В это время наблюдалось сближение России и Ногайской Орды по «казанскому вопросу» и обострение ногайско-крымских отношений²⁸.

1550-е годы также прошли без заметного обострения «поминочного вопроса». Среди ряда мирз усиливалась «жалованная» тенденция. В частности, Исхак мирза писал, прося «поминков»: «Другу своему князю бью челом»²⁹. Семантическое значение челобитной формы обращения в XVI столетии было

широким. С одной стороны, оно означало просто обращение к государю, с другой – указывало на некоторую приниженность контрагента³⁰. В посланиях ногайских мирз применялось также выражение «тау салам»³¹. Обыкновенно исследователи переводят его как приветствие³². Однако данные источников свидетельствуют, что в переводческой практике русского дипломатического ведомства того времени «тау салам» означало челобитие³³.

Вместе с тем большинство мирз не разделяли такого подхода. После 1554 г. пришедший к власти Исмаил попытался, как ранее Саид-Ахмед, изменить статус русско-ногайских отношений. Это выразилось в именовании им Ивана Грозного сыном. В 1556 г. Исмаил получил в ответ гневную отповедь и с тех пор прекратил столь явно претендовать на верховенство в русско-ногайских отношениях³⁴. Впрочем, положение Исмаил-бия в то время не способствовало настойчивости в проведении подобной политики. Ногайская Орда погрузилась в омут гражданской войны и экономического краха³⁵. Именно в таких условиях развивались «поминочные» отношения. Постепенно нарастала жалованная тенденция в понимании поминков, и ревизии этого со стороны ногаев в исследуемый период не происходило.

Исмаил-бий отмечал необходимость «поминков» для собирания и удержания людей вокруг него³⁶. Разорение ногаев вынуждало бия активно выпрашивать у русских властей повышение «кун», шедших к ним из Москвы. Исмаил отмечал, что пришедшую к нему «рухлядь» он раздавал своим детям, племянникам и слугам. Обеспокоенный целостностью приходящих поминков, он требовал присылать их список с описанием отправляемого «татарским письмом». Исмаил расширял список получателей «поминков», включая в него своих беков, влиятельного ногайского сейда Кара-ходжу и других представителей незидгейской знати³⁷.

В середине XVI в. «поминки» приобрели характер «годового» с точно определенной номенклатурой и количеством отсылаемого. Среди дач начали фигурировать деньги. В 1559 г. Исмаил-бий писал: «То ты мне даешь денег годовое и по то послал

есми Бекчурю, годовое денги однолично бы еси приказал з Бекчурою». В годовое входили шубы, сукна и однорядки. В послании Исмаил-бия в 1560 г. сообщалось, что ежегодно шло 4 шубы (горлатная с поволокою, горностаевая с поволокою, две белых с поволоками), по четыре постава сукна и «однорядки шитые»³⁸.

Показательно изменение отношения к поминкам в среде самих ногаев. Все чаще в их среде проявлялось понимание поминков как жалования. Когда в 1562 г. в ставке Урус-мирзы в жесткой форме с русского гонца К. Тоишева взяли пошлины, аталык Уруса Тюбек этим возмутился. Он корил своего воспитанника, что тот делает это «не гораздо», государевых посланников бесчестит и грабит. По словам К. Тоишева, аталык говорил Урису: «О государе деи царе и великом князе свет видите, его государевым жалованьем живете, а его ж посланников грабиш». Урус оказался вынужден оправдываться: на грабеж его толкнуло то, что к нему приехало из иных элей много людей, а дать им нечего. Мирза обещал, что когда будет отпускать гонца, то возместит его убытки. Еще более откровенно это новое понимание выразил Исмаил-бий в своем предсмертном послании. Выпрашивая у Ивана Грозного повышение денежных и других дач, он четко проводил параллель между служилыми татарами и Ногайской Ордой³⁹.

Ногайская Орда стремительно теряла влияние на внешнеполитическую ситуацию в западном Деште, русско-ногайские отношения «провинциализировались». Как следствие, «поминки» постепенно сближались с жалованием. Русские дипломаты стремились влиять на процесс принятия внешнеполитических решений ногайской элитой с помощью регулирования объемов направляемых в орду «поминков», снижая их своим противникам и увеличивая сторонникам. Во время русско-ногайского противостояния в 1580-е годы русское дипломатическое ведомство сократило содержание бию Урису и его сторонникам и увеличило тем мирзам, которые выступали за мирные отношения с Русским государством⁴⁰.

Постепенно угасание интереса к Ногайской Орде как субъекту внешней политики привело к снижению стоимости от-

правляемых ногайской элите «поминок». В 1584 г. «поминки» для бия равнялись по стоимости 300 руб., в 1585 г. их стоимость в связи с антирусской позицией Уруса сократилась до 200 руб., а в начале XVII в. – до 71 руб. При этом общая стоимость «поминок» в Ногайскую Орду составляла в 1584 г. 772 руб., в 1585 г. – 817 руб. Рост стоимости поминков был связан с увеличением жалованья мирзам, придерживающимся промосковской позиции, а также с включением в роспись дополнительных представителей ногайской элиты. Однако в действительности в Орду в 1585 г. отослали «поминок» на заметно меньшую сумму, так как Урус и его сторонники тогда «посылок» не получили и итоговая сумма составила лишь 400 руб. В начале XVII в. общая стоимость поминков составила 563 руб.⁴¹ Приведем для сравнения стоимость польских «упоминок» в Крымское ханство. В конце XV в. она равнялась 15 000 червонных золотых, при Сигизмунде II Августе и Стефане Батории – 5000 золотых, в 1591 г. – 3600 талеров и 300 червонных золотых, а в 1596 г. – 3800 золотых⁴². Общая тенденция на снижение стоимости «поминок» заметна, хотя она и имела довольно медленный темп.

На протяжении изучаемого времени «поминочные» отношения эволюционировали. Если в 1530-е годы заметно усиление трибутарной тенденции, умело преодоленной русскими дипломатами, то к середине столетия стало очевидным укрепление жалованной тенденции. К 1560-м годам поминки превратились в жалованье, а к началу XVII в. стоимость «поминок», отправляемых ногайским бию и мирзам, была сокращена в связи с общим угасанием интереса к Ногайской Орде как самостоятельному игроку на внешнеполитической арене. Очевидно, что в рамках дипломатических отношений «поминки» в течение столетия претерпели существенные изменения, и к широким историческим сравнениям в этом случае стоит прибегать крайне осторожно.

Более того, восприятие «поминок» внутри России или Речи Посполитой тоже менялось. Красноречив пример, приведенный А.В. Виноградовым, когда один шляхтич в 1578 г. так характеризует королевские «упоминки»: «Во Львове король от-

дал огромное количество дани послам крымского царя и османам»⁴³. Заметно, что уже к концу XVI столетия увеличивается негативная сторона в восприятии этого компонента отношений с татарами, а в XVII в. недовольство поминками в русско-крымских отношениях становится настолько существенным, что в Посольском приказе разрабатывают легитимирующую легенду, согласно которой «поминки» были освящены авторитетной традицией⁴⁴. Изменение в отношении к «поминкам», происходившее в течение XVII в., прекрасно иллюстрирует и появление в 1666 г. в Посольском приказе перевода «Росписи дивным вещам Саббатая Цви», содержащего пародийно-сатирический реестр диковинок. С. Алпатов сомневается, что пародийный характер этого реестра осознавался переводчиками приказа, однако он полагает, что данный текст мог быть связан с кругом пародийных документов Всешутейшего собора Петра I⁴⁵.

В любом случае очевидно, что ко второй половине XVII столетия «поминки» тюрко-татарским государствам в общественном мнении все чаще воспринимаются как анахронизм. Сообщение же Патрика Гордона об обязательном, ежегодном характере русских платежей в Крым, приводимое Р.Ю. Почекаевым⁴⁶, само по себе ничего не доказывает. Во-первых, оно находится в тренде общественного мнения (которому было мало дела до политической реальности), а во-вторых, относится к традиции «петровской легенды», ярко охарактеризованной А.В. Маловым⁴⁷. В рассуждениях о «поминках» присутствует убеждение в их высокой ценности и стоимости. Однако, как показывают конкретные данные, чаще всего своей высокой стоимости «поминки» достигали за счет больших объемов отсылаемых вполне ординарных вещей. Кроме «поминок», существовала практика запросов, когда степная элита просила для личных нужд различные вещи. В этом случае фантазия их, конечно, приобретала большой полет, но русские власти к этим запросам относились весьма скептически и довольно часто оставляли их без внимания⁴⁸.

Для примера приведем собранные нами данные по русско-ногайским отношениям. Наиболее частыми были просьбы при-

слать одежду. Среди предметов одежды выделялись шубы (собольи, горностаевые, лисьи, «хрептовые бельи» и куны). Затем по популярности шли шапки (лисьи, «черногорланные») и однорядки. Большой популярностью пользовались доспехи: нередко были просьбы прислать парадные панцири и шлемы. Реже запрашивалось оружие. Довольно популярны были ткани и конская сбруя. Ткани в основном были ипские, лунские. Нередко просили сукна, чтоб «телега покрывати». Цвета, как правило, запрашивались зеленый и синий. Были и курьезы. Так, Исмаил в 1551 г. просил два постава сукна «один бы постав добре был, а другой бы постав плохой». Часто запрашивались предметы парадного выезда («з золотом седло и узду», седло золочено с уздою). Среди «поминок» и «запросов» фигурировали ловчие птицы (кречеты, соколы, ястребы) и моржовый клык. Запрашивались музыкальные инструменты (трубы, накры) и шатры⁴⁹.

Ряд «запросов» диктовался, по-видимому, потребностями бийской канцелярии и ногайским духовенством. Именно бии запрашивали бумагу, краски и шафран⁵⁰. С одной стороны, подобные запросы могут служить косвенным свидетельством о возможности изготовления книг в Ногайской Орде⁵¹. С другой – находок памятников ногайской письменной культуры до сих пор нет, поэтому к подобному предположению стоит относиться весьма осторожно. Вполне вероятно, что запросы бумаги диктовались ее дефицитностью и необходимостью восполнять запасы для ведения активной дипломатической переписки с сопредельными странами. Также стоит заметить, что книжная культура является неотъемлемой частью городской культуры⁵², поэтому наличие книгописания в кочевой Ногайской Орде сомнительно. С другой стороны, у нас имеются данные о книжной торговле между Крымским и Казанским ханствами⁵³, однако, нельзя определенно сказать, были ли эти книги собственного производства или привозные. Запрашивались также чернильницы и печати⁵⁴.

Среди запросов фигурировали поталь, нашатырь, олово и ртуть. В Ногайской Орде велось строительство культовых сооружений. Так, в 1551 г. Исмаил просил железа немецкого для

постройки кладбища (вероятно, мазара, кешене); в 1553 г. Белек-Пулад-мирза просил, наряду с традиционными шубами, еще и 1000 листов потали, уверяя, что строит мечеть. В конце 1555 г. Мухаммед-мирза б. Исмаил-бий сообщал, что строит кешене над умершим младшим братом и просил «много потали и олова»⁵⁵. Нашатырь мог использоваться для очистки металлических изделий. Олово, благодаря малой температуре плавления, могло использоваться и в кочевом быту для лужения и починки посуды. Ртуть служила основой для «горячего ртутного золочения» – покрытия металлических предметов позолотой; применялась она и в лекарственных целях. Поталь – оловянная или медная фольга, применялась для украшения изделий. Поталь и ртуть могли также перепродаваться в Бухару (с которой ногаи имели традиционные отношения и где существовало развитое ювелирное искусство)⁵⁶. Косвенным подтверждением последнего может служить сообщение Исмаила, что он послал на продажу в Казань «бархат золотной», который попадал в орду в «поминках». Запрашивали ногайские аристократы и гвозди (Саид-Ахмад в 1535 г. просил 300 тыс. гвоздей, Исмаил в 1555 г. – 500 тыс.), киноварь, сусальное золото⁵⁷.

С середины XVI в. в запросах регулярно фигурируют деньги. Первоначально запрашиваемая сумма равнялась 100 золотым, затем с 1558 г. – 200, с 1560 г. сумма стала равняться 300 руб., в 1562 г. бий требовал присылать 400 руб. Перед смертью Исмаил, сравнивая себя со слугами Ивана Грозного, потребовал присылать к нему 500 руб.⁵⁸ Впрочем, степень удовлетворения денежных запросов нам не известна, но учитывая тенденцию на сокращение «поминок», можно предположить, что денежные дачи имели чрезвычайный характер.

Приведенные данные демонстрируют общую тенденцию на сокращение «поминок» и «запросов». Эта политика проводилась и московской, и польско-литовской дипломатией. Стоимость «поминок» никогда не была фиксированной (и это еще один косвенный довод против трибутарной трактовки). Следовательно, по данным одного года или нескольких лет нельзя делать строгих выводов, и, конечно, эти ограниченные данные нельзя экстраполировать на всю историю «поминочных» от-

ношений. Очевидно, что с конца XV по XVI в. стоимость «поминок» снижалась. Однако после событий Смуты и разрушения оборонительной системы на южных рубежах русскому правительству пришлось вернуться к повышению стоимости «поминок»⁵⁹. Впрочем, к этому времени русская дипломатия уже сумела дифференцировать этот вид отношений, определив большую их часть как «жалование» и, по сути, исключив из «поминочных» отношений. Этот процесс имел несколько существенных следствий. Во-первых, жалование отсылалось только за службу и, соответственно, гарантированным быть не могло. Это позволило в итоге создать группу лояльной к России элиты не только в Крыму, но и вообще в постордынском мире и на Северном Кавказе. Во-вторых, сам по себе облик русского посольского обычая освобождался от ордынских наслоений, что подготавливало почву для его кардинального изменения в конце XVII – начале XVIII в.

Утверждение трибутарного характера «поминок», таким образом, совсем не очевидно. Конкретный материал посольских документов показывает, скорее, обратную ситуацию. Для объяснения феномена «поминок» в русско-татарских отношениях можно предложить следующую модель. В конце XV в., когда память об Орде еще «не остыла», а геополитические связи в регионе только начали устанавливаться и были не стабильны, «поминки» приобрели ряд этикетных черт, свойственных ордынскому культурному миру. В 1520-е годы на фоне роста влияния Крымского ханства происходит ревизия понимания «поминок»: теперь для степняков они означают дань. В 1530-е годы в эту систему включается и Ногайская Орда. Однако для реального утверждения такого понимания и возвращения даннических отношений ни у Крымского ханства, ни у Ногайской Орды сил не было. Поэтому русским дипломатам удалось «купировать» проблему, и трибутарное понимание так в реальность и не превратилось. В течение второй половины XVI в. сохранялась тенденция снижения стоимости «поминок» и внедрения жалованного принципа. Со стороны же элит Крымского ханства и Ногайской Орды отчетливо заметно стремление сохранения двоякого трактования термина «по-

минки» и поддержания своеобразного аукциона, наиболее известного в крымском варианте. В первой трети XVII в. Русское государство после Смуты не могло продолжить жесткой линии государей XVI столетия: заметно возвращение к практике отсылки богатых «поминок» в Крым. Однако в это время в обществе нарастают антикрымские настроения, в рамках которых «поминки» в Крым, обремененные ордынским этикетом, представляются ненужными, архаичными и, наконец, унижительными. Все это приводит в конце концов к упразднению «поминок» в 1700 г.

Надо сказать, что сама по себе практика отправки посольских даров – «поминок» является и древней, и широко распространенной. Известно, что «поминочные отношения» не ограничивались контактами с восточными странами. Сохранились сообщения о «поминках» в отношениях Москвы со Псковом. Такие же данные имеются о контактах Великого княжества Литовского с Псковской республикой и Тверским княжеством⁶⁰. В отношениях с европейскими соседями «поминки» также фигурировали с достаточной регулярностью, служа, с одной стороны, делу репрезентации власти, с другой – исполняя роль своего рода рекламы продукции и самой страны⁶¹. Эта практика для западноевропейцев не была чем-то уж очень забытым: во время поездки герцога Бекингема и принца Чарльза в Испанию в 1623 г., испанцы и англичане активно обменивались подарками⁶². «Поминки» играли заметную роль и в отношениях Польши с Крымским ханством⁶³. Нам известны весьма экзотические поминки в отношениях России с Сефевидским Ираном. Такое широкое функционирование института «поминок» размывает представления об исключительности его в русско-татарских отношениях. Сама эта практика имела свой этикет, ритуал, нарушения которого могли вызвать международный скандал. Поэтому странным выглядит недоумение Р.Ю. Почекаева, написавшего: «думаем, что если бы речь шла о посольских дарах, ритуальном обмене подарками... вряд ли вообще этот спор принял бы такой острый характер»⁶⁴. Как раз наоборот, существовала практика цензурирования подарков, дабы пресечь возможные акты диффамации. Дары могли ис-

пользоваться в символических действиях (иконических перформансах⁶⁵), именно поэтому посольские дары всегда составляли отдельную часть в дипломатическом протоколе. В рамках же золотоордынской традиции они получали дополнительное развитие. Впервые посольские дары в золотоордынской дипломатии появляются в рамках отношений с Египтом. Подарки, отсылаемые в Сарай египетскими султанами, были богатыми. Так, например, уже послы Бейбарса везли Берке Коран, написанный по преданию Османом ибн Аффаном («в обложке из красного, шитого золотом, атласа», в кожаном футляре), налож из слоновой кости и черного дерева, венецианские материи, молитвенные подушки и ковры, подставки для подсвечников, разнообразное оружие, серебряные фонари и множество других роскошных парадных предметов. Ко всему прочему в состав даров входили котлы из змеевика, слуги, прислужницы-поварихи, «попугаи удивительные», дикие ослы, несколько скакунов, дрессированные обезьяны с «хатайскими накидками», нубийские верблюды (ибн абд-аз-Захыр специально подчеркивает, что это редкий вид животных), а также жираф. Животных сопровождали специально обученные люди. В 1281 г. к Ногаю и сыновьям Берке послы везли дорогие ткани, роскошные одежды, предметы вооружения и всяческие ценные редкости. Показательно, что автор «Прославления дней и веков по жизнеописанию Эмелика-Эльмансура» специально подчеркивал, что дары состояли «из всяких вещей, какие дарятся в подобных случаях» и в должном количестве. В 1286/87 г. новое мамлюкское посольство везло в составе посольских даров кроме вещей также клейменых лошадей «с седлами и уборами к ним». Сам состав даров должен был поражать воображение принимающей стороны роскошью и редкостью. Впрочем, это было традиционное требование к посольским подаркам в международных отношениях. Вместе с тем, уже в рамках египетско-ордынских отношений заметна еще одна характерная особенность ордынского церемониала, которая сохранялась и позднее. Если первоначально султан Бейбарс отсылал дары непосредственно только к хану Берке, то позднее дары адресовались членам правящей фамилии, Ногаю, влиятельным эми-

рам (Маву и Тайре), а также женам хана⁶⁶. Эта практика в других отношениях не имела ярко выраженного характера, тогда как для Золотой Орды и ее наследников она была обязательной.

Итак, когда мы говорим о «поминках» в контексте взаимоотношений России и постордынских стран, мы говорим о сложносоставном явлении. Однако в основе своей это именно посольские дары: анализ конкретных данных не подтверждает даннического характера этой практики. В предложенной нами модели данническое содержание играет второстепенную роль и, скорее, связано с политическими претензиями, чем реальностью. Горячие споры, которые ведутся вокруг «поминок», стимулируют дальнейшее углубленное изучение этого явления. Перспективным кажется изучение семантики вещей, которыми монархи одаривали друг друга. Для понимания «поминок» в русско-татарских отношениях важно изучить эволюцию отношения к ним среди властной элиты и интеллектуалов. Весьма интересной представляется задача понять, реально ли «поминки» считались, например, в Крымском ханстве, «хараджем», и, если да, то каким образом это коррелировало с посольским обычаем не только Московского государства, но и других европейских стран. Есть у этой проблематики и музееведческое значение: выявить те предметы, которые попадали в нашу страну в составе посольских даров, что, собственно, давно и успешно реализуется в рамках работы Музеев Кремля.

Очевидно, что проблематика «поминок» значительно шире, чем это может показаться на первый взгляд. Изучение этого «странного» дипломатического института позволяет решить ряд вопросов на стыке истории и культурологии и реконструировать систему представлений друг о друге, репрезентации власти эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени.

---

¹ Ножникова З. «Московия» и ее автор // *Герберштейн С.* Московия. М., 2007. С. 35–36.

² Хорошкевич А.Л. Русь и Крым после падения ордынского ига: динамика трибутарных отношений // *Отечественная история.* 1999. № 2. С. 71–78.

³ Соловьев С.М. Сочинения. М., 1989. Кн. 3, т. 6. С. 466; *Перетяткович Г.И.* Поволжье в XV и XVI веках: (очерки из истории края и его колонизации).

- М., 1877. С. 180; *Савва В.И.* О посольском приказе в XVI в. Харьков, 1917. Вып. 1. С. 379.
- ⁴ *Фехнер М.В.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. М., 1956. (Труды / Государственный исторический музей; вып. 31). С. 54–55; *Назаров В.Д.* Российско-ногайская торговля (первая половина XVI в.) // Восток: афро-азиатские общества: история и современность. 1998. № 1. С. 55–56.
- ⁵ *Некрасов А.М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа, последняя четверть XV – первая половина XVI в. М., 1990. С. 180; *Фавзов С.Ф.* Поминки – «тыш» в контексте взаимоотношений Руси-России с Золотой Ордой и Крымским юртом: (к вопросу о типологии связей) // Отечественные архивы. 1994. № 3. С. 49–55.
- ⁶ *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым после падения ордынского ига ... С. 70–71.
- ⁷ *Ее же.* Русь и Крым. От союза к противостоянию, конец XV – XVI вв. М., 2001. С. 241–258.
- ⁸ *Croskey R.M.* Muscovite Diplomatic Practice in the Reign of Ivan III. N.Y.; London, 1987. P. 180. О книге М. Ходорковского см.: [Рец.]: *Тренавлов В.В.* Три столетия территориального расширения России: (*Khodarkovsky M.* Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington; Indianapolis, 2002) // Отечественная история. 2003. № 2. С. 182.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ *Мусеев М.В.* Взаимоотношения России и Ногайской Орды (1489–1563 годы): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2007. С. 303–322; *Moisjefew M.* Między haraczem a podarkiem: Rola upominków w stosunkach rosyjsko-nogajskich w XVI wieku // *Mówią wieki: Magazyn historyczny.* 2010. Serpień. Nr 8. S. 14–17; *Мусеев М.В.* Эволюция и содержание посольских даров-«поминок» в русско-ногайских отношениях XVI века // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Серия «История и политология». М., 2011. № 4. С. 17–31.
- ¹¹ *Виноградов А.В.* Русско-крымские отношения, 50-е – вторая половина 70-х годов XVI века. М., 2007. [Ч.] 1. С. 60.
- ¹² Материалы круглого стола «Московское государство и постзолотоордынские государства: история взаимоотношений». Ч. 1 // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2012. Вып. 4. С. 188.
- ¹³ Там же. С. 193–194.
- ¹⁴ Там же. С. 194.
- ¹⁵ Там же. С. 195–196.
- ¹⁶ *Почекаев Р.Ю.* Дары или дань?: к вопросу о «золотоордынском наследии» в отношениях Московского государства с тюрко-татарскими ханствами // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2012. Вып. 4. С. 200.
- ¹⁷ Там же. С. 201.
- ¹⁸ Сборник императорского Русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 82; Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой, 1489–1508 гг. М., 1984. С. 28, 34, 39 и др. (Далее: ПК); *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым. От союза к противостоянию ... С. 245.
- ¹⁹ ПК. С. 54–55.

- ²⁰ *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым. От союза к противостоянию ... С. 251.
- ²¹ ПК. С. 57.
- ²² *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2000. С. 186–197, 201–210.
- ²³ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой, 1489–1549 гг. Махачкала, 1995. С. 93, 95, 124–125, 126–127, 131, 146–147, 150–151. (Далее: ПКСРНО, 1489–1549).
- ²⁴ Там же. С. 135–138, 144.
- ²⁵ *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым. От союза к противостоянию ... С. 249.
- ²⁶ Там же. С. 258; ПКСРНО, 1489–1549. С. 129, 156, 186, 190, 197.
- ²⁷ ПКСРНО, 1489–1549. С. 200, 213, 214–215.
- ²⁸ Там же. С. 237, 239, 246, 248–249, 250, 287, 294–296, 298–299, 304–305, 308, 311.
- ²⁹ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой, 1551–1561 гг. Казань, 2006. С. 47. (Далее: ПКСРНО, 1551–1561).
- ³⁰ *Croskey R.M.* The Diplomatic Forms of Ivan III's Relationship with the Crimean Khan // *Slavic Review*. 1984. Vol. 43, N 2. P. 260, 269; *Филиюшкин А.И.* Титулы русских государей. М.; СПб., 2006. С. 96–99.
- ³¹ ПКСРНО, 1551–1561. С. 133–134; Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). Оп. 1. Кн. 6. Л. 16 об., 17.
- ³² *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863. [Ч. 1]. С. 306–307; *Зайцев И.В.* Из истории русского средневекового дипломатического лексикона: этимологические заметки // *Восточная Европа в древности и средневековье: проблемы источниковедения*. М., 2005. Ч. 2. С. 198–199.
- ³³ РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Оп. 1. Кн. 6. Л. 20.
- ³⁴ ПКСРНО, 1551–1561. С. 181, 203, 208, 211.
- ³⁵ *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. С. 270–289.
- ³⁶ ПКСРНО, 1551–1561. С. 216.
- ³⁷ Там же. С. 252–253, 259, 280.
- ³⁸ Там же. С. 297, 325.
- ³⁹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 6. Л. 47–47 об., 211 об.
- ⁴⁰ Там же. Ед. хр. 1 (1584 г.). Л. 1.
- ⁴¹ Там же. Л. 1–3; Записка об отправлении к нагайскому князю Иштереку Ивана Бутурлина и Дмитрия Жедринского с подарками ему и его детям и родственникам // *Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.)* / собрал и ред. А.М. Гневушев. М., 1914. С. 234.
- ⁴² *Skorupa D.* Stosunki polsko-tatarskie, 1595–1623. Warszawa, 2004. S. 67, 80.
- ⁴³ *Средневековые тюрко-татарские государства*. Казань, 2012. Вып. 4. С. 193–194.
- ⁴⁴ *Кривцов Д.Ю.* Легенда о происхождении крымских «поминков» // Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в XV – первой трети XVIII века. М., 2006. С. 68–70.
- ⁴⁵ *Алпатов С.* «Роспись дивным вещам Саббатая Цви» в русской рукописной традиции и фольклоре XVII–XIX вв. // *Устное и книжное в славянской и еврейской культурной традиции*. М., 2013. Вып. 44. С. 55–65.

- ⁴⁶ *Почекаев Р.Ю.* Указ. соч. С. 201.
- ⁴⁷ Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 4. С. 196.
- ⁴⁸ *Моисеев М.В.* Эволюция и содержание посольских даров-«поминок» ... С. 27–28.
- ⁴⁹ ПКСРНО, 1489–1549. С. 93, 95–97, 135–137, 156, 158, 165, 166, 185, 193–194, 202, 205, 209–210, 236–237, 239, 246, 248–250, 291, 296, 299, 308, 311–312, 327; ПКСРНО, 1551–1561. С. 45, 47, 49–50, 63, 67, 69, 81, 91, 97, 105, 129, 156, 182, 184, 216; ПК. С. 54–55.
- ⁵⁰ *Трепавлов В.В.* Ислам и духовенство в Ногайской Орде XV–XVI вв. // Этнографическое обозрение. 2002. № 4. С. 100–111; ПКСРНО, 1489–1549. С. 95, 156, 308; ПКСРНО, 1551–1561. С. 45, 49, 105, 160, 182, 208, 216.
- ⁵¹ *Зайцев И.В.* К истории книжной культуры в Джучидских государствах // Восточный архив. М., 2000. № 4. С. 80.
- ⁵² ПКСРНО, 1489–1549. С. 93–94; *Акимушкин О.Ф.* Заметки о персидской книге и ее создателях // *Акимушкин О.Ф.* Средневековый Иран: культура, история, филология. СПб., 2004. С. 92.
- ⁵³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 6. Л. 128.
- ⁵⁴ ПКСРНО, 1551–1561. С. 274.
- ⁵⁵ Там же. С. 106, 128, 160, 162, 182–183, 208, 216; ПКСРНО, 1489–1549. С. 200; *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. С. 569.
- ⁵⁶ *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. С. 203–204, 267, 530, 565; *Юлдашев М.Ю.* К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XVI–XVII вв. Ташкент, 1964. С. 12–13, 15.
- ⁵⁷ ПКСРНО, 1489–1549. С. 156, 200; ПКСРНО, 1551–1561. С. 105, 216.
- ⁵⁸ ПКСРНО, 1551–1561. С. 274, 282, 325; РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 6. Л. 5 об., 9 об., 10, 211 об.
- ⁵⁹ Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 4. С. 194.
- ⁶⁰ *Никонов С.А.* «Дар» и «поминки» в политических взаимоотношениях Пскова и Москвы второй половины XV – начала XVI вв. // Вестник Удмуртского университета. Серия «История». 2006. № 7. С. 63–77; Lietuvos Metrika. Vilnius, 2004. Кн. 4: 1479–1491. S. 108–109, 165–166.
- ⁶¹ *Загородняя И.А.* История царской казны в зеркале внешней политики России XVII столетия // «Во утверждение дружбы...»: посольские дары русским царям: каталог выставки. М., 2005. С. 10, 46–48; *Моисеев М.В.* Слон Ивана Грозного // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. Минск, 2010. Вып. 3. С. 209–220.
- ⁶² *Дюшен М.* Герцог Бекингем. М., 2007. С. 133–135.
- ⁶³ *Skorupa D.* Op. cit. S. 60, 66–67, 73, 77, 78, 80, 81, 87, 88.
- ⁶⁴ *Почекаев Р.Ю.* Указ. соч. С. 202.
- ⁶⁵ Иконический перформанс, термин определенный О.В. Чумичевой, как «репрезентативный жест, предполагающий наличие аудитории, публичность». Подробнее см.: *Чумичева О.В.* Иконические перформансы Ивана Грозного: трансформация идеи царской власти // Пространственная икона. М., 2011. С. 508–509.
- ⁶⁶ Золотая Орда в источниках. М., 2003. Т. 1. С. 43, 47–48, 53, 56.

Посольство И.И. Чемоданова в Венецию 1656 г.

Посольство И.И. Чемоданова в Венецию 1656 г. уже неоднократно привлекало внимание исследователей¹. Причина этого кроется, в том числе, и в том, что данное событие оказалось более чем экзотичным для Северной Италии середины XVII в. Слишком отличны были культурные традиции двух народов. Поэтому оно нашло свое отображение не только в дипломатической документации двух стран, но и в ряде записок итальянцев – свидетелей события². При этом авторов в первую очередь интересовали главы посольства – И.И. Чемоданов и А. Постников. Остальные лица (И.О. Власов, Ф. Костюрин, Т. Топоровский, Л. Цымерман, И. Дмитриев, М. Тропинин, В. Леонтьев и др.) были обойдены вниманием. Однако и о них сохранилась определенная информация. Второстепенные (технические) участники посольства интересны нам, в том числе, и потому, что многие из них были иностранцами европейского происхождения. Однако итальянцы говорят о них чаще как о русских. Но и фигуры руководителей посольства – И.И. Чемоданова и А. Постникова также заслуживают того, чтобы о них было сказано несколько слов. По возможности восстановим биографии основных действующих лиц.

ЧЕМОДАНОВ ИВАН ИВАНОВИЧ. Сын стряпчего с ключом (с 1614 г.) и ясельничего (с 8 сентября 1626 г.) Чемоданова Ивана Ивановича³. Впервые упоминается на страницах Дворцовых разрядов в 1624/25 г. как стряпчий. Однако в последующих записях вплоть до 1630 г. отмечается как стольник и рында на многочисленных, в том числе и дипломатических, дворцовых церемониях⁴. После этого продолжает участвовать в дворцовых церемониях среди остальных стольников. Скорее всего, непосредственное наблюдение за ходом официальных дипломатических церемоний стало единственной школой будущего

посла. В Боярской книге 1639 г. отмечен среди стольников с поместным окладом в 500 четей⁵. По-видимому, с начала службы размер оклада не менялся. В 1645 г. И.И. Чемоданова назначают воеводой в г. Усерд⁶. В 1650 и 1651 гг. второй воевода в Путивле (первый – боярин князь Семен Васильевич Прозоровский)⁷. В боярском списке 1651/52 г. имеется зачеркнутая помета: «160-го в Марте за вину з городом», а в 1651/52 «в сыску из Разбойного»⁸. В 1666/67 г. о нем сказано, что он болен⁹. На настоящий момент это вся информация, известная об этом человеке.

ПОСНИКОВ (ПОСТНИКОВ) АЛЕКСЕЙ. Об этом человеке нам известна более чем ограниченная информация. По данным С.В. Веселовского, в 1645 г. он подьячий приказа Большого дворца. С 15 июня 1652 по 29 декабря 1653 г. подьячий Монастырского приказа. В апреле 1658 г. дьяк Разбойного приказа. 5 мая того же года назначен с воеводами в Киев¹⁰. Н.Ф. Демидова несколько дополняет наши сведения. Дьяком он стал из подьячих Устюжской четверти (20.05.1656 г.). Первая его придача к новичному окладу «за службы и литовский бой» 1653–1655 гг. была дана уже через пять дней после назначения. В 1660/61 г. убит «в черкасских городех от польских людей». Примечательно, что до конца дней более не получал прибавки к окладу. Он оставался равен 77 рублям¹¹. Благодаря записным вотчинным книгам Поместного приказа нам известно имя отца Алексея – Мелентий. В этом году подьячий приобрел по просроченной закладной кабале вотчину – деревню (сельцо) Жуково (Шевырево) с пустошами в Берендеевском стане Дмитревского уезда¹².

ВЛАСОВ (ВЛАСЬЕВ) ИВАН ОСТАФЬЕВ (ЕВСТАФЬЕВ) СЫН. Жилец. По-видимому, сын Остафия Ивановича, фанариота¹³, выехавшего из Константинополя на имя Михаила Федоровича и пожалованного в «иноземцы» в 1647 г. Остафий Иванович отмечен в 1653/54–1654/55 гг. «у мордвы в Арзамасе»¹⁴. До этого служил в греческой роте. Был замешан в деле Юрия Трапезундского¹⁵. Ивана Остафьева вновь отправят в Италию (Флоренцию) в 1659 г. с посольством Василия Лихачева и дьяка Ивана Фомина¹⁶.

КОСТЮРИН ФЕДОР ИВАНОВ СЫН. Жилец (?). Предположительно, потомок Ивана Костюрина¹⁷, подьячего Челобитного приказа с 1622/23 г., дьяк с 1631/32 г. по свою смерть в 1636 г.¹⁸

ТОПОРОВСКИЙ ТИМОФЕЙ. О нем нам практически ничего не известно. Удалось найти только, что его братом был переводчик польского и латинского языков Посольского приказа Григорий Колчицкий¹⁹. Упомянутый во внешнеполитическом ведомстве с 1656/57²⁰ по 1667/68 г. В 1667/68 г. его перевели в Малороссийский приказ²¹. Следует отметить, что переводчики Малороссийского приказа ведались в Посольском приказе и активно использовались в последнем, однако степень параллельности их службы требует особого исследования. Умер 28 января 1678 г.²² В 1659–1563 гг. Тимофей Топоровский посылался переводчиком во Флоренцию с посланником Василием Богдановичем Лихачевым и дьяком Иваном Фоминым²³.

ЦИММЕРМАН[ОВ] ЛАЗАРЬ ИВАНОВ СЫН. Переводчик немецкого и цесарского языков (судя по всему, речь идет о северо-немецком и южнонемецком диалектах). Хотя в документах упомянут как толмач. Возможно, переводчиком его сделали после возвращения из-за границы. В 1656 г. специально взят в штат приказа для отправления вместе со стольником И.И. Чемодановым и дьяком А. Посниковым в Венецию. Но когда через два года посольство вернулось в Москву, переводчика с ними не оказалось. В челобитной читаем: «Будучи из виницкие земли цесарской землею под себя (Чемоданов. – А.Б.) и под государеву казну нанимал подводы, а дворяне и переводчики, и подьячие шли пешком в город Бриксене...», и там Лазарь Циммерман «к ним на дворе посольства не бывал»²⁴. Вскоре по возвращении посольства «в окрестные государства, для покупки узорчатых товаров» послан комиссар Иван Гербдон. Ему дана память: найти Циммермана, разузнать причину, по которой он отстал от посольства, где жил все это время, и, «если скажет, что не ехал из-за денег, а ныне боится гнева», сказать, чтоб не боялся, и, если выскажет желание вернуться, дать рублей «50 или 60». Через своего леворнского товарища, Карлоса Лонгрена, Гербдону удалось разыскать переводчика во

Флоренции. Лазарь Циммерман поведал ему свою историю, повторенную впоследствии в челобитной: «В 1664 году послан с Иваном Чемодановым в Венецию», ради этой посылки Лазарю дано 80 рублей. Однако к г. Болсан деньги кончились. «А я, холоп твой, заскорбел (заболел. – А.Б.); болеши, бил челом Чемоданову, чтоб меня в чужой земле не покинул и дал деньги, чем лошадь купить, чтоб не отставать». Однако посланник оставил больного, который отстал и пролежал в горячке полтора месяца. Поправившись, переводчик отправился во Флоренцию, «чтобы добраться на кораблях к Архангельскому городу». Но кораблей в это время не оказалось, и Лазарь Циммерман нанялся к флорентийскому герцогу в рейтарскую службу и жил там два года, до того как Карлос Лонгрэн нашел его и передал письмо от Ивана Гербдона с предложением о возвращении в Россию. Тогда он, взяв отставку, отправился к комиссару в Голландию и с грузом мушкетов, сукна и венецианских сосудов морским путем добрался до Архангельска. При этом Гербдон «сверх жалованья указанные статьи ... для того, что было ему (Л. Циммерману. – А.Б.) в таком далеком пути поднятца было теми деньгами (50–60 рублей. – А.Б.) нетчем», выдал переводчику на дорогу 82 рубля²⁵. По приезде в Москву он взят на прежнее место со старым окладом (300 четей поместной дачи, 20 рублей годового оклада и 10 копеек (36,5 рубля в год) поденного корма). Н.Н. Бантыш-Каменский отмечает его участие в посольстве в Пруссию в 1661 г.²⁶ В 1661/62 г. Лазарь Циммерман направлен переводчиком в Великий Новгород²⁷. По-видимому, тогда же произошло увеличение его оклада до 30 рублей и 12 копеек поденного корма, последний на следующий год возрос до 17 копеек²⁸. В 1667/68 г. он поменялся с Яковом Гитнером и приехал в Москву²⁹. В 1668/69 г. посылался в Курляндию, а 19 ноября 1669 г. умер³⁰. Судя по всему, его службой были довольны. Он регулярно получал придачи к своему жалованью. А в 1664/65 г. «ради скудности и пожарного разоренья» ему в Новгороде дали 10 рублей, при этом сделана пометка – «а до этого выписать некова»³¹.

БАЙБАКОВ ФИРС. Подьячий Стрелецкого приказа. В 1653 г. неверстанный подьячий приказа Большого прихода³². Взят в По-

сольский приказ в феврале 1658 г.³³ Вскоре после этого был отправлен в составе посольства в Крым, вернулся в феврале 1663 г., 21 марта 1665 г. – назначен дьяком в Нижний Новгород³⁴. Судя по тексту посольской книги Фирс Байбаков занимал главенствующее положение среди подьячих посольства.

ИВАН ДМИТРИЕВ. Подьячий Разрядного приказа. В таком случае это может быть Дмитриев Иван Трофимов. Он начал службу неверстанным подьячим в Разрядном приказе в 1649 г. В 1658 г. происходит резкое увеличение его денежного жалования и верстание поместным окладом. Этот факт можно интерпретировать как награду за посольскую службу. В 1662–1665 гг. подьячий приказа Каменных дел. Дьяк с 1667 по 1682 г. Поочередно занимал эту должность в приказе Каменных дел, Новгороде, приказе Сыскных дел³⁵. Интересно, что в самой посольской книге подьячий ни разу не упоминается. О нем нам становится известно только из более поздней справки³⁶.

МАРК ТРОПИНИН. Архангельский подьячий. Иная информация отсутствует. Несколько позднее в Двинской таможенной избе мы видим двух дьячков Тропининых³⁷.

ВТОРКО (ВТОРЫШКО, ПАВЕЛ?) ЛЕОНТЬЕВ (ЛЕВОНТЬЕВ). К государевой казне целовальник. Иная информация отсутствует. Мы можем предположить, что это служащий Посольского приказа – архангельский переводчик немецкого языка. Он известен в городе с 1645 г. (взят по челобитью из толмачей) и до 1667/68 г., когда попросился в отставку («устарел»)³⁸. В Левонтьев вполне мог на время оставить город. Ведь в нем зачастую отмечается сразу несколько переводчиков³⁹. Здесь следует отметить еще один немаловажный факт. Под немецким языком в это время понимали не только собственно немецкий (как мы уже говорили, он делился на немецкий и цесарский), но целый спектр европейских языков⁴⁰.

ВАСИЛИЙ ПАВЛОВ. О нем только известно, что он сын целовальника Вторки Леонтьева⁴¹. Мы вправе предположить, что сын был взят отцом для получения бесценного опыта общения с иностранцами и языковой практики.

Бросается в глаза тот факт, что переводчиками взяли почти случайных людей. До этого у них не было опыта приказной

работы. Данный факт можно объяснить только одним. В Москве только завершилось очередное «моровое поветрие» которое унесло из жизни большое количество жителей столицы, в том числе и служащих внешнеполитического ведомства. Зачастую власти были поставлены в безвыходное положение. Ведь старые проверенные кадры погибли. Ту же картину мы можем наблюдать и по отношению к руководителям посольства. Собственно «дипломатического» опыта у них не было.

Что касается других участников миссии, то и их навыки в ведении переговоров были более чем ограничены. Однако это несколько компенсировалось общим подбором технических участников посольства. В подьячие выбрали довольно опытного специалиста. Судя по размерам годового денежного жалования (10 рублей), на тот момент он был подьячим второй статьи. В создавшихся условиях этого было достаточно. Из Посольского приказа взять было некого. Из-за мора его штат обновился более чем наполовину. Оставшиеся специалисты должны были вырастить новые кадры. Отсутствие хотя бы одного человека, безусловно, тут же сказалось бы на работе. У архангелогородского подьячего, безусловно, имелся опыт контактов с иностранцами. Ведь через город проходила оживленная торговля с Европой. К тому же он, возможно, происходил из семьи подьячих, и для него это была наследственная служба.

Вырисовывается интересная картина обеспеченности посольства специалистами по тем или иным языкам. Мы видим людей, знавших «немецкие», польский, латинский языки. Власов, скорее всего, знал греческий, турецкий и, возможно, некоторые иные языки. Известно, что турецкие выходцы – греканы, порой были полиглотами. Юрий Трапезундский хорошо владел итальянским⁴². Таким образом, миссию постарались обеспечить набором специалистов по основным языкам, позволявшим путешествовать по Европе. Собственно итальянский язык был для России того времени экзотичным. За все царствование Алексея Михайловича в Посольском приказе известно только два человека, знавших его. Нельзя не отметить еще один интересный факт, касающийся того, как дипломаты использовали знание языков: «Один из послов прекрасно владеет латинским

языком, несмотря на то что в обществе он разговаривает исключительно по-русски, во избежание дать повод расспрашивать его о целях посольства»⁴³. Остается открытым вопрос: кто этот посол. Биографии Чемоданова и Посникова не дают нам повода предположить знание ими латыни. В таком случае остается переводчик Тимофей Топоровский и посольский дворянин И.О. Власов. Но автоматически возникает следующая проблема: адекватность восприятия иностранцами реального статуса того или иного участника посольства.

Но наши наблюдения не делают сообщения иностранцев об отдельных странностях в поведении участников посольства более понятными для нас. Итальянцы в своих записках отмечали в первую очередь то, что их более всего шокировало или же казалось им несколько странным. Они отмечали явный диссонанс между пышностью костюмов и ценностью привозимых товаров, с одной стороны, и мелочностью в самых незначительных финансовых вопросах. Ими дается общая характеристика руководителей миссии. Но более всего привлекает «бытовая» сторона. Мы можем привести целый ряд заинтересовавших их сюжетов. Это перегонка пожалованного послам вина в «граппу», любовь к полным женщинам, жестокое обращение руководителей миссии по отношению к подчиненным, внимание к отправлению физиологических потребностей, странный способ выхода из предоставленной послам кареты. Но каждое подобное сообщение следует рассматривать по отдельности.

При посещении Ливорно послам для передвижения по городу выделили коляску. При этом они не давали открывать дверцу при остановке и выскакивали на землю через край⁴⁴. Яркий, запоминающийся эпизод, трудно поддающийся истолкованию. Объяснение С.А. Аннинского, сводящееся к тому, что русские привыкли ездить на телегах, видится нам мало убедительным. Кареты уже были известны в России. Можно предположить, что знаток придворного церемониала, а И.И. Чемоданов действительно был таковым, боялся получить знаки внимания, допустимые, по его мнению, только государю.

В Ливорно послы получали значительное содержание в виде итальянских вин. Но они сливали их без разбора в одну емкость и перед отправлением перегнали в водку⁴⁵. В России XVI–XVII вв. хорошо знали привозные вина, в том числе и итальянские. Это были статусные напитки, подававшиеся по особым случаям в царском дворце и домах знати. Однако «ценность» и статусность алкоголя повышалась пропорционально росту градуса⁴⁶. К тому же, как справедливо заметил автор записки, малый объем водки везти с собой значительно проще. Хочется обратить внимание на иной аспект. От кого происходила идея подобной процедуры, и кто непосредственно осуществлял выгонку? Ведь винокурение в России строго регламентировалось государством. Любые нарушения тут же подлежали наказанию. Безусловно, «превращение» вина в водку делала его перевозку более удобной и дешевой. Но как мы увидим, посольство далеко не всегда прагматично относилось к размерам багажа.

С данным сюжетом смыкается и замечание об огромном багаже посольства: «Они возят с собой смешной багаж, а именно пустые ящики и пустые бочонки, говоря, что путешествовать с большим количеством багажа – величественно»⁴⁷. Однако трудно предположить такое роскошество от посольства, оказавшегося в более чем непростом финансовом положении. Денег в Москве выделили явно недостаточно. Скорее, это попытка предоставить по приезде «полный финансовый отчет» о проделанной работе, в том числе предъявив и выданную тару.

Список подобных сюжетов можно с легкостью значительно расширить. Но это не поможет нам установить степень их истинности и причины возникновения подобных слухов.

Таким образом, мы вправе констатировать, что общий анализ состава участников посольства И.И. Чемоданова в Венецию в 1656 г. позволяет нам взглянуть на итоги миссии, а также и на ее восприятие за границей под несколько иным углом. С одной стороны, необходимо признать, что в посольстве отсутствовали опытные дипломатические кадры. Присутствие на дворцовых посольских церемониях и рутинная мелочная приказная работа, неустанно ведшаяся в Посольском приказе, –

это абсолютно разные вещи. Хотя в Москве считали, что главный посол получил вполне достойную выучку. Ведь ему требовалось в первую очередь быть прямым ретранслятором слов своего государя и ни в коей мере не уронить его честь в глазах иноземцев, как это понимали в Кремле. С другой стороны, наличие в составе миссии значительной группы выходцев из Западной и Южной Европы должно было облегчить послам путь в абсолютно незнакомой и неизвестной им среде. Но это также должно было создать несколько превратный образ московского царя как монарха, которому служит пол-Европы. А это заставляло смотреть итальянцев на служилых иноземцев как на природных москвитов. К тому же нельзя не отметить и тот факт, что для жителей Апеннинского полуострова они таковыми и являлись.

Но здесь мы вправе поднять еще один немаловажный вопрос: как происходил подбор участников зарубежных дипломатических миссий. Насколько «неподготовленность» участников венецианского посольства 1656 г. была типичной? Или же это исключение, вызванные чумой?

---

¹ *Суворов Н.* Возвращение русских послов из Венеции в Москву через Вологду в 1658 г. // Вологодские епархиальные ведомости. 1868. № 9. С. 240–250; *Брикнер А.* Русские дипломаты-туристы в Италии в XVII столетии // Русский вестник. 1877. № 3, 4, 7; *Шаркова И.С.* Посольство И.И. Чемоданова и отклики на него в Италии // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972. С. 207–223; *Казакова Н.А.* Статейные списки русских послов в Италию как памятники литературы путешествий (середина XVII в.) // Труды Отдела древнерусской литературы / Пушкинский дом. Л.: Наука, 1988. Т. 41. С. 268–288; *Третьякова М.В.* Сведения о Венеции в статейных списках русских исполнителей дипломатических поручений XVI–XVII вв. // Город в античности и средневековье: общеевропейский контекст. Ярославль, 2010. Ч. 1. С. 51–54. Наиболее полная библиография по данному вопросу содержится в упоминаемой нами работе И.С. Шарковой.

² Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1871. Т. 10. Стб. 931–1188; Бумаги флорентинского центрального архива касающиеся до России. М., 1871. Ч. 1. С. 1–211; *Шмурло Е.Ф.* Посольство Чемоданова и Римская курия // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1932. Вып. 7. С. 1–25; *Аннинский С.А.* Пребывание в Ливорно царского посольства в 1656 году: (впе-

- чатления иностранцев) // Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А.С. Орлова. Л., 1934. С. 201–211; *Di Salvo M. La missione di I. Cemedanov a Venezia (1556–1657): osservazioni e nuovi materiali* // Archivio italo-russo. Trento, 1997. S. 57–81.
- ³ Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 130, 132, 357, 624, 636, 683, 703, 823, 827, 854, 914.
- ⁴ Там же. Стб. 638, 757–758, 768; СПб., 1851. Т. 12. Стб. 5, 132, 139–148, 189–224, 242.
- ⁵ Боярская книга 1639 г. М., 1999. С. 46–47, л. 76 об.
- ⁶ Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 754.
- ⁷ Там же. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 183, 254, 276.
- ⁸ *Белоусов М.Р.* Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник. Казань, 2009. Т. 2. С. 431.
- ⁹ Там же. С. 431.
- ¹⁰ *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 426.
- ¹¹ *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700): библиограф. справочник. М., 2011. С. 448–449.
- ¹² Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. М., 2010. С. 613–613, 1241.
- ¹³ От «Фанар», названия одного константинопольского квартала. Так назывались сначала несколько греческих, по преимуществу знатных семейств, уцелевших в Константинополе после водворения в Византийской империи османов. С конца XVII в. фамилии некоторых фанариотов начинают все чаще и чаще упоминаться в истории дипломатических сношений Турции с европейскими державами: оттоманское правительство привлекает Ф. к себе на службу, пользуясь их знаниями и талантами. В XVIII в. при французском и австрийском дворах фанариотами слывут уже вообще греки, занимающие в турецкой администрации высокие посты, невзирая на знатное или «худородное» свое происхождение.
- ¹⁴ *Белоусов М.Р.* Указ. соч. Т. 2. С. 62.
- ¹⁵ *Опарина Т.А.* Иноземцы в России XVI–XVII вв. М., 2007. С. 301, 313.
- ¹⁶ Памятники дипломатических сношений древней России ... Т. 10. Стб. 509, 511.
- ¹⁷ *Белоусов М.Р.* Указ. соч. Т. 2. С. 198.
- ¹⁸ *Демидова Н.Ф.* Указ. соч. С. 289.
- ¹⁹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 138. Оп. 1. Д. 1661/3.
- ²⁰ Там же. Д. 1658/7. Л. 25.
- ²¹ Там же. Д. 1680/2. Л. 1.
- ²² Там же. Д. 1678/3. Л. 102.
- ²³ Памятники дипломатических сношений древней России ... Т. 10. Стб. 509.
- ²⁴ В посольской книге дается несколько иная интерпретация событий, а Лазарь назван государевым изменником (Памятники дипломатических сношений древней России ... Т. 10. Стб. 1105–1107). Следует отметить, что на обратной дороге (в Инзбруке) бежало несколько слуг Посланника и дьяка (Там же. Стб. 1116).
- ²⁵ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1659/1. Л. 107–114.

- ²⁶ *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). М., 1902. Ч. 4. С. 448.
- ²⁷ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1664/10. Л. 1–3.
- ²⁸ Там же. Оп. 2. Д. 13. Л. 41 об.; Оп. 1. Д. 1661/6. Л. 8.
- ²⁹ Там же. Оп. 2. Д. 12. Л. 67.
- ³⁰ Там же. Оп. 1. Д. 1669/8. Л. 42.
- ³¹ Там же. Д. 1670/20. Л. 26.
- ³² *Демидова Н.Ф.* Указ. соч. С. 53.
- ³³ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1658/8. Л. 2; Оп. 2. Д. 13. Л. 250 об.–251.
- ³⁴ *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 41.
- ³⁵ *Демидова Н.Ф.* Указ. соч. С. 168.
- ³⁶ Памятники дипломатических сношений древней России ... Т. 10. Стб. 1330.
- ³⁷ *Демидова Н.Ф.* Указ. соч. С. 568.
- ³⁸ РГАДА. Ф. 138. Оп. 21. Д. 12. Л. 68 об.–69.
- ³⁹ *Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа второй трети XVII века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. М., 2001. С. 113–115.
- ⁴⁰ Там же. С. 116–117.
- ⁴¹ Памятники дипломатических сношений древней России ... Т. 10. Стб. 964. 1116.
- ⁴² *Опарина Т.А.* Указ. соч. С. 293.
- ⁴³ *Шаркова И.С.* Указ. соч. С. 214; *Шмурло Е.Ф.* Указ. соч. С. 19.
- ⁴⁴ *Аннинский С.А.* Указ. соч. С. 206, 210–211.
- ⁴⁵ Там же. С. 210.
- ⁴⁶ *Моисеев М.В.* Алкоголь и дипломатия: спиртное в практике русского Посольского приказа XVI – начала XVII в. // История в подробностях. 2014. № 4. С. 14–17; *Беляков А.В.* Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань, 2011. С. 342–347.
- ⁴⁷ *Аннинский С.А.* Указ. соч. С. 211.

Европейская брачная дипломатия XVIII в. в зеркале русской рукописной и фольклорной традиции

Брачная дипломатия – один из важных факторов европейской политики раннего Нового времени¹, значение которого сознавали не только власть предержащие, но и рядовые граждане российского общества. Существенную роль в распространении объективной информации и субъективных представлений о брачной политике отечественной и зарубежных правящих династий в общественно-политическом дискурсе петровской и последующих эпох играли многообразные формы рукописной традиции, создававшие двусторонний информационно-коммуникативный канал, с одной стороны, доводивший до широких слоев российского общества реальные известия и невероятные слухи из высших политических сфер, а, с другой стороны, доносивший до правящей элиты политические ожидания и брачно-династические стереотипы низов, в том числе, в такой радикальной форме, как следственные дела о самозванстве и оскорблении величества².

Непосредственным импульсом настоящего исследования стала рукопись РГАДА «Рефлексиі о нынешнехъ состояніи дель Европеискихъ» (ф. 375, оп. 1, ед. хр. 38)³, датировка которой в архивной описи 1716 г. должна быть уточнена, исходя из указания в самом тексте рукописи «въ нинешнем Пасаровицкомъ миру» (л. 2 об.) – речь идет о Пассаровицком (Пожаревацком) мирном договоре Австрии, Венеции и Османской империи 1718 г.

Неизвестный автор сочинения, формулируя способ, «дабы былъ Баланць Европескіи въ своемъ равномерности», указывает:

«какъ союзы наипаче постановляются связанные сродством... уже десница Б(о)ж(и)я || л. 6 подать соизволила Величеству Нашего Августейшаго съ Наследникомъ Имперіа всеро(с)сискаго,

еще и три Царевны, между которыми старшая не могла б лутше быть возведена, токмо на Троне Монархii Гишпанскои... Средняя еще во младом возрасте, и может быть что Фортуна определила оную || л. 6 об. къ другой Монархii не меншеи, где видятся процветать лилиямъ управляемымъ от Единого Короля младолетнаго... || л. 7 и дабы тем отогнать джелозии которые б нам принесло обязательство того ж Претендента хъ Королю Швецкому, яко принципальному инструменту Его на Тронъ возвращенiя, то мощно б позволить одну Ц(а)ревну въ Супругу, ибо как онъ и zelo желаетъ».

Таким образом, по замыслу автора династического проекта, три дочери Петра I: Анна (1708 г.р.), Елизавета (1709 г.р.) и Наталья (1718 г.р.) – должны либо в текущий политический момент, либо со временем стать гарантами осуществления российских интересов в отношениях с Испанией, Францией и Швецией непосредственно, а с Великобританией и Австрией опосредованно.

Исходя из языковых особенностей анализируемого сочинения, можно предположить, что перед нами список с одного из документов, вышедших из-под пера Бориса Ивановича Куракина⁴, российского посла в Ганновере (с 1709 г.), Лондоне (с 1710 г.), Гааге (с 1711 г.) и Франции (с 1722 г.).

Среди опубликованных документов архива Б.И. Куракина⁵ данного сочинения не обнаруживается. Однако сходные политические коллизии (хотя и без матримониального компонента) излагает его «Записка об отношениях держав и делах политических» (Гаага, 3 октября 1718 г.)⁶. Более того, среди писем и указов Петра I Б.И. Куракину содержатся два, непосредственно касающихся вопросов брачной дипломатии:

«Ныне пред несколькими днями писал Сава Рагузинской, что говорил ему в Венеции их регимент, что будто король их намерен свататца дочь мою за своего сына, а вместо приданого желает шести караблей, а за то обещает сумму по два милиона на год, с кем война будет, против чего писал я к нему, чтоб он в то не вступал, но ежели им то надобно, чтоб говорили тебе о том» (СПб., 27 сентября 1718 г.)⁷.

«Господин подполковник. Письмо ваше генваря от 1-го числа до нас дошло, в котором пишешь о двух делах: первое что дук де Бурбон сватается на нашей дочери, – другое что король не хочет жениться на гишпанской. Того ради, зело б мы желали, чтоб сей жених нам зятем был, в чем гораздо прошу все возможные способы к тому употребить и твой труд по крайней возможности, а с первым можешь на описку взять или иной отлагательной способ употребить ласковым образом» (СПб., 16 января 1724 г.)⁸.

Можно уверенно предполагать, что анализируемый нами и подобные ему династические проекты получали распространение (в виде рукописных копий и устных пересказов) в придворной, дипломатической и военной среде обеих столиц, а затем и в провинциальных центрах России.

Своего рода «обратной связью», фиксирующей представления широких слоев населения Российской империи о династических факторах современной им политической жизни, стали материалы следственных дел Тайной канцелярии.

Так, в деле «О солдате Василии Буром, говорившем что война начата шведами за цесаревну Елизавету Петровну» 1741 г. (РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 781) изложены разговоры караульных солдат о причинах возникновения новой войны: по мнению одного из караульных, виной всему «планеты на небе»; по мысли второго, «шведы мир нарушили и к нам приступают»; по словам третьего, «Елизавету Петровну хотят выдать замуж за принца и отрешить от российского престола» (л. 3–3 об.).

В деле «О матросе Данииле Казакове, рассказывавшем будто при осаде Колберга взята была в плен сестра прусского короля» 1760 г. (РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 1954) подробно описан соответствующий эпизод:

«Как де мы были под прусским городом Колберхом на кораблях и с кораблей сошли на берег и зделали шанцы и батареи из тех шанцев. Из упомянутых шанцев батарей и с кораблей производилась в означенный город Колберг пушечная пальба и в то время из оного города выехала пруссакаго короля сестра, которая и взята была в полон бывшим при той войне генералом Демидовым и была у того генерала сутки с трои. И потом де оной Деми-

дов ездил на корабль к адмиралу Захару Даниловичу Мишукову и по приезду того Демидова по-прежнему на берег х команде она королевская сестра свобождена попущена а куда неизвестно» (л. 5 об.–6 об.).

Крайне любопытно совпадение данных следственных дел середины XVIII столетия о брачно-династических слухах и толках в солдатской среде с матримониальными мотивами народных исторических песен того же времени.

Так, в песне «Взятие Колывани» захват Ревеля в сентябре 1710 г. прямо увязан с пленением «шведской королевы»:

Как во славном было городе Колыване,
Что стояли тут белокаменны палаты;
Что во тех ли белокаменных палатах,
Как стояли тут столы дубовые;
За столом сидит шведская королева,
Перед ней стоят шведские генералы.
Что возговорят шведские генералы:
«Ах ты гой еси, шведская королева!
Ты зачем к королю-брату не пишешь,
Чтоб прислал он силу на подмогу?»
Не успела королева слова молвить,
Уж как белый царь к городу подступает,
И он шанцы-батареи отбивает,
В белокаменну стену стреляет,
А в город армию свою впускает⁹.

Песня «Взятие Берлина» (1760 г.) вводит в ключевой эпизод Семилетней войны сходный мотив пленения «молодой королевы»:

Собирался прущкой король
Со своей армией на круту гору,
Становился прущкой король под дубровою,
Он глядел-смотрел в свою сторону:
«Страна ль ты моя сторонущка, Берлин-город,
Ту кому ж, моя укрепущка, достанешься?»
Доставалась укрепущка царю белому,
Царю белому, енералу Красношекому.

Краснощечкой-енерал он догадлив был,
Он ходил-гулял с купцом по торгу,
Закупал наш енералушка сорок семь пушек,
Разбивал наш енерал стены каменные,
Через речку, через быструю мосты вымостил,
Молодую королеву во полон брали¹⁰.

В свою очередь, взятие Бендер (1770 г.) также сопряжено в песне «Румянцев и красна девица» с пленом «королевишны»:

Как под Бендером мы стояли,
Трое суток простояли,
Не пивали и не едали,
С добрых коней не слезали,
Мы белу стену пробивали.
Короля дома не застали,
Королевишну в полон взяли,
К белым шатрам привозили,
Пред Румянцова становили:
«Ты не плачь, не плачь, красна девица:
Я отдам тебя замуж за лучшего генерала,
За родного моего брата!»¹¹

Очевидно, что в основе сюжетного канона народных военно-исторических песен XVIII столетия лежит архетипический топос «захват крепости = пленение царицы»¹², в равной мере свойственный повестям петровского времени и народным сказкам на сюжет СУС 307 «Солдат, вызволяет пленную царевну»¹³.

В свою очередь, сквозными мотивами пьес придворного и любительского театра XVII–XVIII вв. (начиная с «Эсфири» и заканчивая драматическими переработками повестей и романов типа «Ливерский акт», «Акт о Клеандре и Неонилде» и др.) были вопросы престолонаследия и «честного брака» государей, от которого зависели политический мир государств:

Л и в е р и й
Каждому известна судьба мая злая,
Сколь та наказует, свирепо карая...
А хотя те злости уже миновались,

Но печальны мысли са мной не растались
Вдовствует престол тому болше года,
Нет скипетродержавца здешняго народа.
Для того желаю, штобы всио потданство
Не пришло в упадок, также и гражданство,
Вас же прошу таперя: изволте трудитца,
И кому карону дать о том согласитца.

С е н а т о р 1

Чрез меня гражданство речь свою приносит,
Также и подданство со слезами просит.
Ваше высочество, примите корону,
Также и наследство отеческа трону...
Много бы щастливей могли мы назватца,
Источник утех стал бы изливатца,
Когда б предприятия ваши мысли взяли,
Красоту чюдесну в уме предприяли.
Англия стократно б щасливой призналась,
Естли бы супруга с вами оказалась.

Л и в е р и й

Для пользы народной всио я хочю зделать,
Лишь кому сердце отдать, должен ето ведать¹⁴.

В «Акте о Клеандре и Неонилде» Юпитер повелевает Аристону идти в Грецию и возвестить цесарю Полиартесу о рождении царственных детей, чей брак в будущем примирит Грецию и Турцию:

«Слушай, Аристоне, я же ти глаголю: твори немедленно, твои мою волю. Гряди бо скоро во Грецию ныне, не мешкав нима-ло во днешней године. К Палиартесу цесарю изволь приходи. О рождении сына ему возвестити. Велел я Натуре учинит им сына, Калеандра храбраго оному едина. А потом юных детей имать породити, на свет храбрейших тех производите. Также скажи, что и Тигрина дщер себе родила, Неонилду храброю на свет изводила. Когда же оныя имут возрастати, Неонилда с Калеандром войны учиняти. А потом впоследствии они помирятца, супружеством тья в брак соединятца. Трапезонт со греки в мире станут жити, уже те опосле не будут тужити»¹⁵.

В свою очередь, в репертуаре фольклорного театра XVIII–XIX вв. наиболее популярной постановкой является пьеса «Царь Максимилиан», исходная сюжетная коллизия которой – повторная женитьба Максимилиана на басурманке (иноземке и язычнице) Венере, побуждающей царственного супруга к реставрации языческой религии и, как следствие, к казни царского сына Адольфа, отвергающего поклонение «кумирным богам»¹⁶.

Вопрос о сложении династической коллизии народных пьес о царе Максимилиане под влиянием переводных европейских новелл, с одной стороны, отечественных повестей и песен о женитьбе Ивана Грозного на черкешенке Марии Темрюковне и его гневе на сына, с другой стороны, и, наконец – устной памяти о расправе Петра над царевичем Алексеем¹⁷, выходит далеко за рамки настоящего анализа и заслуживает самостоятельного разбора. Вместе с тем, в качестве еще одной перспективной линии подобного исследования укажем известный латинский дистих, ассоциируемый как непосредственно с женитьбой императора Максимилиана I на Марии Бургундской 1477 г., так и с австрийской брачной дипломатией позднего Средневековья и раннего Нового времени в целом:

Bélla geránt aliī, tú felix Áustria nūbe.
Nám quae Márs aliīs, dát tibi díva Venūs.

Пусть другие воюют, ты же, счастливая Австрия,
заклучай браки.
То, что другим дает Марс, тебе дарует Венера.

Суммируя сказанное, подчеркнем, что анализ материалов рукописной и фольклорной традиции XVIII в. позволяет выявить существенный образный, сюжетный и жанрово-текстуальный узел, связывающий в общем дискурсивном поле, с одной стороны, злободневную рефлексию реальных и мнимых событий европейской династической политики и, с другой стороны, архетипические представления «безмолвствующего большинства» российского социума Нового времени о семейной и государственной жизни царственных особ.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рассужденіи о политическомъ состояніи техъ временъ Европейскихъ дель. 1718 г.

- л. 1   Рефлексіи о нынешнехъ состояніи дель Эвропеискихъ.
Цесарь ныне обретающися въ расширеніи великости, яко Победитель над Турками, по всемъ видамъ ясно мощно признать что онъ промышляетъ о універсальной Монархіи.
Англія разделенна на две партіи одна склонна королю Георгію а другая Претенденту, изъ которыхъ партіи можетъ произойти третия склонна Принцу де Галлесъ и отъ тово zelo остерегаца надобно дабы помянутыя партіи своими внутренними несогласіями не нанесли онной Англіи какого бедствования: чeso ради онная будучи
- л. 1 об.   по настоящему въ такомъ состояніи препятствовать цесарскому намеренію не можетъ.
Франція нине во младости своего Короля, и в замишленіяхъ дукe Орлеанскаго ко наследствованію обретаея, есть принуждена всеми мерами охранять недвижимую неутралитеть дабы не дать причину войны которая не токмо была бы единому Королю во младости сущему небезопаасна, но еще и zelo вредителна своему Регенту.
Галандія, понеже силою морскою отпоръ учинить не можетъ обретаея далеко отъ береговъ
- л. 2   Аустріачнихъ, которые отъ морской стороны граничатъ съ другимъ владеніемъ, и не имея доволной силы ко отпору сухопутнымъ воискамъ, принуждена содержать доброе дружелюбіе съ цесаремъ, наипаче при нынешнихъ случаяхъ въ Гишпаніи, которая возстаеъ съ великимъ воинскимъ приуготовленіемъ.
Речь Посполитая Венецкая хотя отъ Цесара и озлоблена такъ во мирномъ Карловицкомъ поставленіи съ Турками заключенномъ поспешно не прилагаея старания о Ея авантаже какъ требоваль вечной союзъ между онными владеніями постановленной; такъ и
- л. 2 об.   и въ нынешнемъ Пасаровицкомъ которому миру принуждена согласитца, и доволствоватца по нужде, по потераніи Мореи безъ праведнаго поравненія другимъ награжденіемъ, чтобъ оной самой не остатца въ войне

- съ Турками, съ которыми одна противостоять не можетъ: Къ такимъ неудовольствиемъ еще и сие прилагается что Цесарь наложилъ цепь на шею Речи Посполитой Венецкой декляруя Порты франки Триестъ, Рену, Букаре, и Сене, Городе приморскихъ въ самомъ лице столничнаго Ея места; однако ж со
- л. 3   всемъ такимъ неудовольствиемъ по доброй максиме облигована содержать съ Цесаремъ дружбу ради Турка. Принци Имперіа связаны чрезъ меру съ цесаремъ ихъ главою или сродствомъ такъ близкимъ, что не имеютъ за бл(а)гословно и пристойно разрушит и быть неприятелми, или съ надеждою въ нове сродства [какъ Баварской и Саксонской, которые утверждаются обещаниями иметь за своихъ дѣтей двухъ Арцидукесовъ, и сие делается съ некоторымъ намерениемъ надъ статы Аустрическіе, ежели б когда лишилось наследство настоящаго Цесаря]; чесо ради всехъ привесть
- л. 3 об.   въ соединеніе на Его не возможно, а несоединеномъ противостоять въ томъ бы была великая неразумность. Дука Савойскіи неотваженъ въ своей резолюціи подлинно признать не мощно какую партию содержать будетъ однакожъ видится въ правду, что соединенъ чинить какую-нибудь диверсю, но въ томъ самъ одинъ ничего не можетъ. Токмо что не надобно верить его непостоянству.
- Одна токмо Гишпанія свободна могла б во всемъ, ибо имея войну во Италиі чинить аки бы въ своемъ домѣ понеже Италианцы суть оной Монархіи зело склонны признавая ея трактamentъ
- л. 4   люцкой, и угодной, где Алеманцы будучи жестокаго темперамента, то не можно угодить природной учтивости Италианской.
- Но понеже Цесарь имея силы чрезвычайныя, которому вспомагаю Англія своимъ флотомъ, то уже Гишпанцы въ среди курса счастливаго своей добычи уступать начинаютъ; при которомъ случае будучи Цесарь победителемъ надъ оными, какъ былъ и надъ Турками, то отъ того яко гордыи въ полности своего счастья похочетъ разпространить свое могущество и чиня себя страшнымъ во все Европѣ,
- л. 4 об.   похочетъ дать уставы всемъ Принцамъ.
Во-первыхъ зело изрядно есть видимо Цесарское обеща-

ние съ Королем Августом о обнадеживаніи Послѣдства Его Сина на Королевство Полское.

Видима противность на Дуку Меклембургскаго понеже ведаеть его яко Презирателя своих указовъ.

Видима также ревность противъ короля Шведскаго: и видима джелосиа на Славу Его Ц(а)рского Величества, которое имееь счастье давать уставы въ странах Нортских, хотя и во всемъ притворяется дабы не воздвигать на себя новыхъ неприятелей. Но всегда когда увидится отправлен от воины Гишпанскоі

- л. 5 тогда уже не будетъ притворствовать своими идеами и мнениями, но похочеть их содержать силою оружіа, и въ томъ возимееть многихъ Адерентовъ, какъ суть два Августа, Король Англинскоі аки все Цыркулами Имперіа, при томъ можетъ быть и самого Короля Прускаго, которой приложить старание возиметь такіе авантажи, какія можетъ Ему принести случаи.

Чтобъ быть въ безопасности отъ такихъ злыхъ приключеніи, и чтобъ пресеклась дорога такому могутству, но наипаче дабы былъ Баланць Эвропескій въ своемъ равномерности, то чинить подъ рукою вспоможеніе Королу

- л. 5 об. Гишпанскому видится въ томъ быть способу
Къ такому употребленію образы суть различни, которые той можетъ лучше признать кто родился съ дарованіемъ примудрости въ великомъ художестве Государствованія: однакожъ видится что быть въ союзе съ Королемъ Гишпанскимъ было бъ преизрядно, понеже когда бъ сей Принць имель сюзника, которой бы Ему помогъ, то бъ зело изрядно держалъ весы въ своей равномерности.

Но какъ союзы наипаче постановляются связанные сродствомъ сіе могло бъ быть трактовано чрезъ Особу совершеннаго искусства. Уже десница Б(о)ж(и)я.

- л. 6 подать соизволила Величеству Нашего Августеишаго съ Наследникомъ Имперіа всеро(с)сискаго, еще и три Царевны, между которыми старшая не могла бъ лутше быть возведена, токмо на Троне Монархіи Гишпанскоі, когда бъ была обручена съ Принцемъ Астурискомъ Наследникомъ оной Короны уже въ брачномъ возрасте, и верно что такой бы Партить быть Гишпанцомъ зело приятно.

Средняя еще во младомъ возрасте, и можетъ быть что Фортунa определила оную

- л. 6 об.   къ другой Монархїи не меншеи, где видятя процветать
лиліямъ управляемымъ от Единого Короля младолетнаго.
Когда б свемогущїи Б(ог)ъ подаль намъ миръ съ Шве-
домъ то не трудно б также и Его присоединить къ Сою-
зу, въ какомъ случае сооб(ъ)ять бы мощно еще и Пре-
тендента, понеже Король Швеции яко неприятель
отверстїи и непримирительнїи съ Королемъ Георгиемъ
могль бы безъ трудности толко съ малою помощію
другаго возвратить онаго Претендента на пр(е)ст(о)ль
О(те)ческіи.
- л. 7   и дабы тем отогнать джелозїи которые б нам принесло
обязательство того ж Претендента хъ Королю Швецко-
му, яко принципалному інструменту Его на Тронъ
возвращенїа, то мощно б позволить одну Ц(а)ревну въ
Супругу, ибо как онъ и зело желяеть.
Такимъ образомъ Цесарь будучи окруженъ съ обеих
ст(о)рон Союзомъ такъ зело силным не посме(е)тъ воз-
носить голову, но наипаче былъ бы принужденъ от ка-
ждаго уставовъ требовать.

РГАДА. Ф. 375. Оп. 1. № 38. 8 л.

-
- ¹ *Попов Н.В.* Династические браки и «брачная дипломатия» в Западной Европе, XVII – начало XVIII в. // Новая и новейшая история. 2001. № 5. С. 185–213.
- ² *Усенко О.Г.* Монархическое самозванчество в России в 1762–1800 гг.: (опыт системно-статистического анализа) // Россия в XVIII столетии. М., 2004. Вып. 2. С. 290–353; *Рычаловский Е.Е.* Политические слухи в провинции времен Екатерины II: по материалам Тайной экспедиции Сената // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века: сб. ст. М., 2012. С. 467–493.
- ³ Содержание рукописи изложено с фрагментарными цитатами в монографии: *Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа, XVII – первая четверть XVIII в. М., 1976. С. 255–258. Полный текст документа с сохранением орфографии оригинала см. приложение к настоящей статье.
- ⁴ *Ясинская М.Б.* Языковая личность князя Б.И. Куракина и мотивированность лексических заимствований: (на материале историко-биографической прозы) // Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 4. С. 181–186.
- ⁵ Преимущественно первые три тома издания: Архив князя Ф.А. Куракина. СПб., 1890–1902. Т. 1–10.

- ⁶ Архив князя Ф.А. Куракина. СПб., 1890. Т. 1. С. 329–340.
- ⁷ Там же. С. 4.
- ⁸ Там же. С. 32.
- ⁹ Исторические песни и баллады / сост. и коммент. С.Н. Азбелева. М., 1986. С. 382.
- ¹⁰ Там же. С. 413.
- ¹¹ Там же. С. 439.
- ¹² *Франк-Каменецкий И.Г.* Женщина-город в библейской эсхатологии // С.Ю. Ольденбургу: к 50-летию науч.-обществ. деятельности, 1882–1932: сб. ст. Л., 1934. С. 535–548; *Топоров В.Н.* : 1) Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Исследования по структуре текста. М., 1987. С. 121–132 ; 2) О понятии места, его внутренних связях, его контексте (значение, смысл, этимология) // *Топоров В.Н.* Исследования по этимологии и семантике. М., 2006. Кн. 2, т. 2. С. 246–340.
- ¹³ *Кузьмина В.Д.* Повести Петровского времени // История русской литературы: в 10 т. М.; Л., 1941. Т. 3: Литература XVIII века. С. 117–136.
- ¹⁴ «Ливерский акт» // Пьесы любительских театров / под ред. А.Н. Робинсона. М., 1976. С. 397–400.
- ¹⁵ Там же. С. 194.
- ¹⁶ Народный театр / сост. и коммент. А.Ф. Некрыловой, Н.И. Савушкиной. М., 1991. С. 151–204.
- ¹⁷ *Берков П.Н.* Вероятный источник народной пьесы «О царе Максимилиане и его непокорном сыне Адольфе» // Труды отдела древнерусской литературы / ИРЛИ (Пушкинский дом). М.; Л., 1957. Т. 13. С. 298–312; Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2010. Т. 16. С. 21–30; Исторические песни и баллады. С. 122–131.

Статейный список В.М. Михайлова как исторический источник

В 2008 г. крупным отечественным исследователем – временно ушедшей от нас Е.И. Кобзаревой – в архивохранилищах РГАДА был обнаружен и опубликован уникальный источник – статейный список дьяка В.М. Михайлова¹. Статейные списки представляли собой записи глав русских дипломатических миссий, которые велись ими в ходе посещения иностранных держав. Эти документы содержали сведения о внутреннем положении страны и о ее внешних сношениях, которые удалось выяснить послу, и являлись одним из основных источников информации Посольского приказа о состоянии дел за рубежом. Особая значимость статейного списка В.М. Михайлова заключается в том, что он позволяет представить ситуацию в Англии накануне одного из самых знаменательных событий в истории страны – Славной революции 1688–1689 гг.

О высокой информативной значимости списка В.М. Михайлова свидетельствует то, что побывавший в Лондоне годом позже с тем же заданием дьяк В.Т. Постников в своем списке практически полностью копирует текст Михайлова, прибавив от себя лишь несколько второстепенных замечаний. Последнее говорит о том, что В.М. Михайлов проделал столь огромную работу, что по сравнению с ним его преемник не смог узнать практически ничего нового².

Миссия В.М. Михайлова в Лондоне была связана с созданием в Европе Священной лиги и попытками привлечь к ней Великобританию. В 1684 г. Священная Римская империя, Венеция и Речь Посполитая вступили в оборонительно-наступательный союз для борьбы с могущественной мусульманской Портой. В русле этой политики в 1686 г. между Москвой и Варшавой был заключен «Вечный мир». Согласно ему, стороны отказывались от взаимных претензий и намеревались

объединить свои силы для борьбы с «неверными»³. Таким образом, Россия была привлечена к Священной лиге и была заинтересована в вступлении в нее могущественной морской державы – Британии.

В поисках новых участников лиги, а также с целью укрепления политических и торговых связей из Москвы в европейские столицы во второй половине 1680-х годов были направлены послы. Князь Яков Федорович Долгоруков посетил Францию и Испанию, граф Борис Петрович Шереметьев – Венецию, Борис Михайлов – Данию и Швецию⁴.

Василию Михайловичу Михайлову выпало возглавить дипломатическую миссию в Лондон. К сожалению, об этом дипломате сохранилось мало сведений. Но на основании тех крупиц фактов, которые дошли до нашего времени, можно констатировать, что выбор пал на В.М. Михайлова не случайно, и этот дипломат был хорошо подготовлен к доверенному ему поручению. Василий Михайлович стал дьяком в 1654 г. Через три года он был приписан к Приказу Большого дворца, а в 1673 г. перешел в Приказ Казанского дворца. В 1676–1677 гг. находился в Приказе Большого прихода, в 1677–1680 гг. – в Новгородском приказе. С 1683 г. вновь занимает должность дьяка Приказа Казанского дворца. В 1683 г. вместе с сокольничим князем Феодулом Волконским послан на Северный Кавказ к царю Арчилу, чтобы прояснить вопросы по поводу территориальной принадлежности земель по р. Терек⁵. В результате В.М. Михайлов приобрел большой и разнообразный опыт государственной службы.

Как и все русские дипломаты, В.М. Михайлов, прибыв на место назначения, начал собирать всю доступную информацию о положении дел в британском королевстве. В частности, В.М. Михайлов описывает реформы в различных сферах государственной и общественной жизни, предпринимаемые королем Яковом II Стюартом (1685–1688), и их восприятие британским общественным мнением.

Прежде всего, московский дьяк отмечает религиозный компонент во внутренней политике британского монарха: «англинской король един да с ним некоторые немногие сена-

тори тайно римскую веру держат. А посполитой народ весь в калвинской и в протестантской вере. И за сие великое нелюбление на Кор[олевское] В[еличест]во имеют»⁶.

Действительно, по данным британских источников, абсолютное большинство населения Англии ($\frac{9}{10}$) составляли приверженцы протестантского вероучения в его англиканском варианте. Не случайно В.М. Михайлов отдельно упоминает «калвинскую веру». Хотя ее представители были крайне немногочисленны (менее 7%), но они играли не последнюю роль в духовной и политической жизни страны и в конце XVII в. (во многом благодаря «Славной революции») укрепили свое влияние⁷.

В то же время утверждение русского дьяка, будто католики были представлены единственно монархом и несколькими его советниками, является не совсем точным. Хотя приверженцы «римской веры» действительно составляли конфессиональное меньшинство (по разным подсчетам, от 0,9% до 4%)⁸, они помимо ближайшего окружения Якова II были представлены многочисленными и влиятельными дворянскими семействами северных графств Англии и Эссекса⁹.

Здесь следует отметить, что религиозные гонения привели к массовой миграции британских католиков на континент, где они расселились от Франции до России¹⁰. В период правления Якова II приверженцы престола Св. Петра начали возвращаться на родину, надеясь получить высокие чины от короля-единоверца¹¹. В связи с этим можно предположить, что число католиков в Британии в период правления этого монарха несколько увеличилось.

Ошибочно также и утверждение, будто британский монарх и его советники «тайно римскую веру держат». Яков II никогда не скрывал своей принадлежности к католицизму, что стало одной из причин его свержения, как это зафиксировано в одном из главных документов периода «Славной революции» – резолюции палаты общин от 28 января 1689 г. об объявлении вакантности британского престола¹².

Далее в статейном списке содержится важное уточнение: «Е[го] Кор[олевское] В[еличест]во намерен, чтобы конечно римские костелы учинить и в тот закон все государство обра-

тить»¹³. Как мы покажем далее, это заявление является безусловным преувеличением, однако определенные шаги в хотя бы частичном восстановлении былой мощи католической церкви на Британских островах Яковом II были действительно приняты, и В.М. Михайлов выделяет наиболее важные из них.

Как отмечалось выше, русский посланник сообщает об «учинении костелов». По всей видимости, в рассматриваемом источнике нашли отражение попытки Якова II создать в Лондоне несколько католических часовен. До восстановления католических храмов и соборов в краткое правления Якова II так и не дошло, однако личные заметки монарха позволяют предположить, что у него был план возрождения в Британии монастырей. По крайней мере, в 1686 г. были заложены основы для создания в Лондоне мужского католического монастыря: при часовне дворца Сент-Джеймс, где совершались католические мессы, «было поселено четырнадцать монахов-бенедиктинцев»¹⁴.

Кроме того, в рассматриваемом источнике упоминается, что Яков II пригласил в Англию «езуитов» (иезуитов. – *К.С.*) – представителей ордена, специально созданного, чтобы противостоять распространению Реформации. Из британских источников известно, что оба духовника короля (Дж. Уорнер и Э. Питр) принадлежали к «Обществу Иисуса»¹⁵, причем последний был включен в состав Тайного совета, хотя, как отмечал сам король, «вопреки его собственному желанию и совету королевы»¹⁶. Иезуитом был и граф Каслмэйн, ставший в 1687 г. послом Британии в Риме¹⁷. Годом ранее в Лондоне по личному указу Якова II иезуитам было разрешено открыть часовню и при ней – «коллегию для обучения детей», в которую в первый же год «было принято двести католиков»¹⁸. Тем не менее, не следует преувеличивать степень влияния иезуитов. В частности, в статейном списке сообщается, что иезуиты «не смеют в своей обыкновенной одежде ходить. А по велению Кор[олевского] В[еличест]ва ходят в аглинском служилом платье со шпагами»¹⁹.

Наконец, Яков II в 1688 г. принимает в Лондоне папского нунция. Им стал итальянский кардинал д'Адда²⁰. По этому случаю русский посланник сообщает: «Пребывающему при

нем папезскому послу во всем поведению превеликая волность дана»²¹. По всей видимости, это утверждение свидетельствует о том, что в правление Якова II в Британии были созданы благоприятные условия для активной деятельности папского нунция.

В статейном списке нашли свое отражение не только преобразования Якова II в конфессиональной сфере, но и отношение к ним в обществе. Последнее выражено Василием Михайловым в краткой, но меткой характеристике: «король римской веры, которая в Лондоне и во всей Англии в великой неприязни содержится»²². Действительно, в конце 1670-х годов в Англии вспыхнула волна антикатолической истерии, которая улеглась только после «Славной революции». Изначально она носила политический характер и была направлена против растущего влияния в Европе Франции. Однако в сознании британцев мощь их южного соседа и извечного соперника всегда связывалась с католицизмом. Постепенно эпицентр конфликта сместился с политики на религию и с внешних дел на внутренние проблемы и стал направлен против короля-католика Якова II и проводившейся им в стране политики. Шотландские историки П. Дьюкс и П.Х. Грэм и финский исследователь Дж. Котилайне отмечают, что Василий Михайлович прибыл в Англию как раз на пике этой общественной истерии, и видение ситуации противниками короля оказало сильное влияние на отражение положения в Англии русским дипломатом²³.

В.М. Михайлов провел в Лондоне слишком мало времени, чтобы реально оценить обстановку. Поэтому он ориентировался на доступные ему источники информации. Кроме того, автор статейного списка был ограничен в получении полноценных сведений о стране²⁴.

Иначе причины Славной революции оценивал другой представитель России, побывавший на Британских островах накануне «Славной революции», – шотландский генерал на царской службе Патрик Гордон. Он связывал их не с религиозной подоплекой, а с отношениями короля и политической элиты Англии. Впоследствии в личной переписке П. Гордон отмечал: «Я сознавал, уже когда был там [в Лондоне], что слишком

большая доброта и доверчивость короля в поручении высоких постов недовольным и злонамеренным лицам не могла не оказаться роковой»²⁵.

Спор о подлинных целях и направлении религиозной политики Якова II не утихает между историками и по сей день. Однако историческая правда не принадлежит ни одной из сторон, а находится где-то посередине. Приверженцы престола Св. Петра были столь малочисленны и ограничены в своих действиях столь жестким законодательством, что даже по мнению отдельных протестантов не представляли на Британских островах существенной угрозы делу Реформации²⁶. В конфессиональную эпоху, к которой относится и XVII в., принадлежность короля и его окружения к католицизму не могла не вызвать негативной реакции со стороны протестантского населения, которое начало крайне подозрительно относиться ко всем его шагам²⁷. А, как видно из текста статейного списка, эти шаги были значительны: восстановление монастырей, закладывание основ католического образования, проявление иезуитского влияния при королевском дворе, приглашение папского нунция.

Помимо религиозной политики, которая занимает преимущественное место среди преобразований Якова II, В.М. Михайлов также упоминает его заботу об укреплении британских вооруженных сил. В частности, русский дипломат пишет: «по восприятию коруны» Стюарт занимается «непрестанным строением ратных людей и тех частыми смотрами»²⁸. Суть проблемы заключалась в том, что у Британии после роспуска войск «нового образца» О. Кромвеля не было сильной сухопутной армии. Большинство английских политических и государственных деятелей полагали, что островному государству достаточно иметь сильный флот, и в качестве сухопутной силы достаточно иметь территориальное ополчение – милицию графств²⁹. Ошибочность этого положения доказали восстания герцога Монмаута и графа Аргайла в 1685 г., два локальных мятежа, которые королевские силы были не в состоянии подавить в течение трех месяцев, и нидерландское вторжение 1688 г.³⁰

Яков II, всю свою молодость проведший на службе в армиях континента³¹, имел более широкий кругозор, чем большинство его соотечественников. При Карле II британская армия представляла собой фактически лишь расширенную до 8,5 тыс. солдат личную гвардию монарха³². Яков II сделал решительный рывок в развитии английской, ирландской и шотландской сухопутной армии. Генерал Патрик Гордон, так же, как и Василий Михайлович Михайлов, побывавший в Лондоне в 1686 г., следующим образом передавал свои впечатления: «Я отправился в Сити и по дороге повстречал Шотландский батальон, марширующий через город; он хорошо обмундирован, вооружен и обучен»³³.

Из статейного списка следует, что король принимал самое активное личное участие в формировании и обучении войск: «многое время король в Лондоне не был, а ездил будто для досмотра и строенья ратных людей»³⁴. По всей видимости, в данном случае в источнике имеются в виду масштабные военные учения, проходившие летом 1686 г. в военном лагере в Хаунслоу Хит³⁵.

Согласно данным В.М. Михайлова, подтверждающимися другими источниками, Яков II уделял большое внимание крепостям и артиллерийским складам. В частности В.М. Михайлов пишет: король «все крепости городовые и пушечные дворы и всякое воинское приуготовление в своих руках при бытности посланничьи имел». О «строении... городов»³⁶ (то есть крепостей) и об укреплении линии береговой обороны Яковом II упоминает и П. Гордон. В своем «Дневнике» «русский шотландец» пишет: «Около 6 часов король сошел на берег к Ширнессу и обошел укрепления. На вершине башни он осведомился, что я думаю о крепости. Я отвечал: “Она чрезвычайно хорошо устроена и снабжена, и я удивлен, как голландцы отважились подняться к Четэму, имея на пути такие преграды”. Король сказал: “Нет, вы ошибаетесь – здесь тогда не было ничего подобного, лишь малый и плохо укрепленный шанц”»³⁷.

Московский дипломат свидетельствует и о конфликте короля с парламентом (и стоявшей за ним политической элитой) в вопросе о контроле над вооруженными силами: «Прежде сего

окроме королей всякое к воинскому делу употребление у парламента во власти бывало. И за сие и в вере за пременение с тем парламентом и с посполитым народом Кор[олевское] В[еличест]во немирствует»³⁸.

В этой связи не удивительно, что реформы вооруженных сил Якова II вызвали нарекания со стороны его подданных. В частности, В. Михайлов сообщает, что король «строением ратных людей и тех частыми смотрами у подданных своих древною в них грубость и непокорство применяет»³⁹. Проблема заключалась в том, что поскольку в Англии постоянная регулярная армия не имела глубоких традиций, британцы с подозрением относились к любым попыткам монархов создать или увеличить регулярные войска, полагая, что они будут использоваться главным образом для подавления общественного недовольства правительством и, в более отдаленной перспективе, для постепенной трансформации сложившегося после Реставрации 1660 г. равновесия короны и парламента в абсолютистский режим⁴⁰. С восшествием на престол Якова II эти настроения усилились вследствие религиозной принадлежности нового монарха и его настойчивых попыток предоставить часть офицерских должностей католикам⁴¹.

В статейном списке В.М. Михайлов упоминает о еще одной важной внутривластной проблеме – вопросе о парламенте. Об английском парламенте московский дьяк упоминает дважды и оба раза – в негативном ключе, что явилось результатом влияния общественного мнения на составителя рассматриваемого источника. Сначала глава русской миссии пишет: «И за сие великое нелюбление на Кор[олевское] В[еличест]во имеют и за пресечение парламента их зело бедством дышат». В следующей заметке русский дьяк излагает проблему в более развернутом виде: «А Кор[олевское] В[еличест]во в супротивлении им с французского поведения у них подданных своих исконно бывый парламент в Англии, по тому их жестокосердию до конца искореняет»⁴².

Суть проблемы заключалась в том, что в Англии существовал многовековой сложившийся институт сословного представительства, с которым с проведением реформ, в корне затраги-

вавших всю социальную, политическую и религиозную жизнь страны, корона не могла не считаться⁴³. Это подчеркивает и сам Михайлов, определяя парламент как «исконно бывший в Англии»⁴⁴. В статейном списке нашли отражение попытки Якова II подтасовать выборы в парламент, чтобы получить такой состав представителей, через которых можно провести отмену карательных законов и «Тест-Актов», ущемлявших права религиозных меньшинств – католиков и протестантских нонконформистов⁴⁵.

В статейном списке упоминается и о важной проблеме, связанной с парламентским вопросом, – ротации Яковом II британской политической элиты. Это замечание выражено в источнике всего в двух фразах, однако за ними кроется глубокое содержание. В частности, русский дипломат пишет: «И где было возможно, ему тот древле бывший парламент в тех городех отставливал». Здесь, вероятно, идет речь о замене городских хартий, которые давали местной элите возможность баллотироваться в английский парламент. Сектанты и те англикане, которые были настроены в пользу отмены карательных законов и «Тест-Актов», получили новые места в городских корпорациях и коллегиях мировых судей, что давало им возможность принять участие в выборах в парламент, в то время как джентри и буржуа, выступавшие против политики короля, потеряли свои должности, позволявшие им выставлять кандидатуры во время выборов. Согласно подсчетам М. Эшли, к 1688 г. были заменены хартии у 35 городов Англии⁴⁶. По данным Дж.Р. Джоунса, в эти перетасовки было вовлечено несколько тысяч представителей британской политической элиты⁴⁷.

Чрезвычайно ценной является и другая заметка В.М. Михайлова, который сообщает о мерах, предпринимаемых королем на местах во время поездки по стране: «А в то число своего желания людей начальниками утверждал и тем в дом противником страшна и безопасна тогда себя являл»⁴⁸. Сопоставление с источниками британского происхождения позволяет утверждать, что в данном пассаже нашла отражение политика Якова II по назначению на ведущие посты в графствах своих ставленников. Британский монарх прекрасно понимал, что в

английском обществе не существует социальных механизмов, способствующих выдвиганию на первые места католиков и протестантских нонконформистов. А потому любые декларации об уравнивании их в правах с англиканами останутся лишь на бумаге, если одновременно не добиться выдвигания на ведущие посты представителей католической и диссентерских общин, порой, как отмечается в источнике, путем прямого королевского вмешательства.

Особая ценность свидетельств В.М. Михайлова заключается в том, что они являются одним из немногих источников, демонстрирующих, что политический конфликт в Англии во второй половине 1680-х годов носил двусторонний характер. С одной стороны, он был вызван комплексом причин, связанных с внутренней политикой короны, с другой – В.М. Михайлов усматривает роль в нем и самих подданных. Эта оценка облекается в характеристику политической культуры населения. Русского посла удивило непривычное для выходца из Москвы свободное отношение британских подданных к институту монархии. Эта оценка содержится в краткой, но емкой по смыслу фразе: «Зело народ груб и противу Кор[олевского] В[еличест]ва дерзок». В частности, в рассматриваемом источнике приводится следующий эпизод: «Е[го] Кор[олевское] В[еличест]во на носилках, устроенного по коретному» в сопровождении слуг и охраны совершал прогулку по Лондону. Неожиданно на пути процессии встал человек (судя по описанию костюма – дворянин), который вопреки обычаю не снял шляпы перед монархом. В ответ шляпу «с него с накладными волосами з головы шпагою рейтар сняв, бросил на землю». Телохранители были намерены заколоть наглеца, «но Кор[олевское] В[еличест]во чинити им того запретил». В своем статейном списке В.М. Михайлов выделяет, на его взгляд, главные черты англичан: «жестосердие... древнюю в них грубость и непокорство».

Примечательно, что В.М. Михайлов под впечатлением от увиденного предсказал Славную революцию за два года до ее осуществления: «И сего ради дознаваются в Англии, что за такие несогласия и в вере превращение нечто в посполитом на-

роде (еще не Господь Бог отвратити не изволит) вперед хочет быть нечто бедственное»⁴⁹.

В условиях, когда авторитет главы государства в обществе подорван, неизбежно начинаются поиски нового лидера. М. Эшли, основываясь на широком круге источников, доказывает, что таких альтернативных фигур в правление Якова II были две – герцог Монмаут и статхаудер Нидерландов Вильгельм Оранский. Монмаут выступал со своими правами на корону как старший из незаконнорожденных детей Карла II. Однако он оказался слабым политиком и погиб в самом начале своей политической борьбы. В отличие от него Вильгельм Оранский обладал более обоснованными с точки зрения закона претензиями на британский престол, поскольку был женат на родной дочери Якова II (от первого брака). Но главное заключалось в том, что он был гораздо более способным политиком, дипломатом и полководцем⁵⁰.

Статейный список В.М. Михайлова сообщает о третьем претенденте, который мог оказаться не менее опасным для Якова II. Эти сведения рассматриваемого документа уникальны, поскольку их не удалось обнаружить при самом тщательном исследовании как всех доступных нам источников британского происхождения, так и донесений других европейских дипломатов, аккредитованных в Лондоне (прежде всего, имперского посла Ф.И. Гоффмана и тосканского резидента Тьерези). Проверить его достоверность вследствие этого, к сожалению, не представляется возможным. Но по ряду соображений нужно полагать, что имеются все основания доверять свидетельству В.М. Михайлова.

Как бы то ни было, русский дьяк сообщает, что еще одним лидером оппозиции при Якове II стал его второй зять – Георг, принц Датский: «И того ради то посполство для веры к датцкому королевичу склонны». Его права на британскую корону основывались «для того, что та королевская дочь (Анна, младшая дочь Якова II от первого брака. – К.С.) выдана за него при таких договорных статьях, что для Е[го] Кор[олевское] В[еличест]ва бездетсва жить при нем, а буде по нем мужского полу наследства не останется, то тому королевичу датцкому

зятю его быть королем аглинским»⁵¹. Суть проблемы с престолонаследием заключалась в том, что вплоть до середины 1688 г. престарелый Стюарт не имел детей от второго брака с католичкой Марией Моденской. Как отмечает русский дипломат, в 1686 г. все полагали, что королева уже не способна на рождение наследника, а обе дочери Якова II от первого брака были воспитаны в англиканстве: «А кроме двух дочерей у Е[го] Кор[олевского] В[еличест]ва иных детей нет. А с нынешнею королевою португальского короля з дочерью детей они у себя живых не имеют ж»⁵². Поэтому все с упованием ожидали, что после смерти Якова II к власти неизбежно придет преемник-протестант.

Можно высказать несколько предположений, почему в период пребывания В.М. Михайлова в Англии в обществе оказался популярен принц Датский. Во-первых, после женитьбы на Анне Стюарт он сохранил верность лютеранству и, благодаря этому, стал кумиром британских протестантов. Во-вторых, то, что принц Датский принадлежал именно к этому течению в протестантизме, играло ему на руку, поскольку гарантировало его нейтральное отношение к англиканской церкви, в то время как Вильгельм Оранский был представителем кальвинистского учения, адепты которого к концу XVII в. убедительно продемонстрировали свое непримиримое отношение не только к католикам, но и к другим протестантским конфессиям. В-третьих, принц Георг на полных правах жил в Англии, в то время как с «призванием» Вильгельма Оранского, который был представителем другого государства, были неизбежны серьезные осложнения, такие как вторжение иноземных войск, оккупация части территории страны и т.д. При любых условиях в случае смерти Якова II принца Датского было гораздо легче возвести на престол, чем принца Оранского. Наконец, датчанин был нейтрален во внешней политике, в то время как «приглашение» принца Оранского неизбежно влекло за собой вовлечение Британии в масштабный конфликт на континенте, вылившийся всего через два года в войну Аугсбургской лиги 1688–1697 гг.

Однако принц Датский не сыграл сколько-нибудь заметной роли в политической борьбе в Англии в конце XVII в. В ходе

«Славной революции» Георг переметнулся на сторону Вильгельма Оранского⁵³, заняв тем самым в политической борьбе подчиненное положение по отношению к нидерландскому статхаудеру. Между тем, согласно свидетельству рассматриваемого источника, у Якова II популярность принца Датского вызывала настороженность: «а король, ведя о том тайно, дмется на него. Но противного ему учинить не может»⁵⁴.

В статейном списке не менее подробно, чем внутреннее положение, отражена внешняя политика Британии того времени. Василий Михайлович выделяет основные направления в дипломатии Якова II: дружба с Францией, противостояние с Нидерландами, отношения со Священной Римской империей и торговые интересы на Востоке. Наиболее подробные сведения касаются отношений с Францией⁵⁵.

В начале рассматриваемого документа его автор дает краткую характеристику состоянию международных отношений в Европе накануне войны Аугсбургской лиги. В.М. Михайлов справедливо усматривает основу конфликта в гегемонистских устремлениях Франции, сталкивающих ее, в первую очередь, с Германской империей: «Кор[олевское] В[еличест]во французской, яко первый славы искатель цесаря... ненавидит». Далее русский дипломат сообщает: «ежели Цес[арское] В[еличест]во с турчином по сей настоящей войне хотя что малое от военных трудов успокоитца, то Кор[олевское] В[еличест]во французское конечно на Цесаря войну всчасть готовитца»⁵⁶.

Между прочим, Василий Михайлов упоминает о дипломатической миссии князя Я.Ф. Долгорукого во Францию, в частности, с его слов передает сведения о «посолских пересылках» Людовика XIV с «поганиным»: «их Ц[арского] В[еличест]ва послы столник князь Яков княж Федоров сын Долгорукого с товарищи в своей бытности в Париже их видели. И о поведении тех турецких послов в какой чести обращались подлинно слышали». Из этой краткой заметки следует, что В.М. Михайлов был хорошо подготовлен к данному ему поручению, предварительно ознакомившись с материалами других посольств, хранившихся в Посольском приказе⁵⁷.

Не менее скрупулезно в своем статейном списке В.М. Михайлов исследует состояние отношений между Францией и Британией в середине 1680-х годов. Говоря о планах Версаля развернуть масштабную войну против Австрии, В. Михайлов подчеркивает, что у Людовика XIV нет иного союзника, кроме Якова II: «Кор[олевское] В[еличест]во французской ... для которого дела (войны с Империей. – *К.С.*) себе в помощь и Кор[олевского] В[еличест]ва англиснского склонил, и тайно между собою утвердились». Основу союза В.М. Михайлов видит в общности их религиозных взглядов: «для того что ныне они меж себя единовверны суть»⁵⁸.

Сопоставление данных статейного списка со сведениями, известными из британских источников, позволяет сделать вывод двоякого рода. С одной стороны, общее русло внешней политики Якова II определено В.М. Михайловым верно. Яков II был в близкой дружбе с Людовиком XIV и регулярно получал от него денежную пенсию⁵⁹. Не имея широкой опоры внутри страны, британский монарх пытался найти источник помощи за рубежом. Он остро нуждался в денежных средствах, а в этом случае не было необходимости для покрытия коронных расходов созывать ранее определенного времени парламент, через который правящая элита попыталась бы ограничить полномочия короля.

С другой стороны, не следует преувеличивать степень зависимости Якова II от французского двора. Тайный союз между Версалем и Лондоном был заключен еще при предшественнике Якова II – Карле II⁶⁰, и в данном случае новый монарх лишь продлил уже существовавший договор. Ни о каком дальнейшем сближении с Францией в течение правления Якова II вплоть до кануна «Славной революции» речи не шло. Стюарт сопротивлялся любым попыткам давления на него со стороны французских дипломатов, всеми силами пытавшихся склонить его к войне с Нидерландами: посла Франции в Лондоне Поля де Баррийона, чрезвычайного посланника Юссона де Бонрепо, трижды за правление Якова II посещавшего Лондон, и посла Франции в Гааге графа д'Аво⁶¹.

На настоящий момент доказано, что Яков II не был послушным орудием в руках Людовика XIV, и, несмотря на финансовую поддержку Версаля, показал себя самостоятельным и независимым правителем. Достаточно привести некоторые из этих аргументов. Яков II осудил отмену во Франции Нантского эдикта и, к глубокому недовольству Версаля, принял в своих владениях 4 тыс. беженцев-гугенотов, предоставив им денежные средства из коронных доходов и право занимать государственные должности⁶². Яков II отказался укрепить союз с Францией браком своей дочери Марии Стюарт с дофином, на чем настаивал Людовик XIV, и к возмущению версальского двора Яков выдал Марию за главного соперника французского короля в Европе – нидерландского статхаудера Вильгельма Оранского. Кроме того, король Великобритании пытался наладить отношения с оппонентами Людовика XIV – римским папой и германским императором⁶³.

Столь же сдержанное отношение к Британии продемонстрировал Версаль. Во время «исключительного кризиса» в Англии 1679–1681 гг. Людовик XIV стремился не допустить прихода к власти Якова (тогда носившего титул герцога Йорка), финансируя английских эксклюзионистов⁶⁴. При восхождении нового британского монарха на престол французским королем была временно отменена пенсия, которая выплачивалась его предшественнику – Карлу II⁶⁵. В 1685 г. Людовик XIV отказался предоставить Якову II войска или хотя бы деньги для подавления восстания герцога Монмаута⁶⁶.

Только в августе 1688 г., когда стало очевидно, что Вильгельм Оранский готовит вторжение в Англию, Яков II был вынужден заключить военный договор с Версалем, который предусматривал предоставление Стюарту французским правительством 11 военными кораблей и 3 брандеров. Однако эта помощь так и не была оказана⁶⁷.

Между тем, ориентация британской дипломатии на союз с Францией была крайне негативно воспринята в британском обществе. В этой связи русский посланник пишет: «английской народ на французов к войне зело склонен, потому что за веру меж теми народы великая противность содержится»⁶⁸. Британ-

цы опасались, что Яков II, не имея прочной поддержки внутри страны, обратится за военной помощью к Версалю для осуществления в своих владениях Контрреформации.

Эти настроения оказали огромное влияние на В.М. Михайлова при составлении статейного списка, в связи с чем мы имеем несколько искаженную и преувеличенную картину, которая отражает не столько историческую действительность, сколько состояние общественного мнения.

Далее Василий Михайлович обращается к сношениям Британии с Нидерландами. Русский посланник сразу подчеркивает конфликтный характер этих отношений, одной из основных причин которого стал вопрос о Шотландской бригаде. Она была сформирована шотландской королевой Марией Стюарт (1542–1587) и направлена на помощь Генеральным штатам, сражавшимся с Испанией за независимость. Эта проблема нашла отражение в статейном списке, в котором автор, возможно, в силу ограниченности в России сведений о географии дальнего зарубежья, смешивает шотландцев с англичанами: «древле в аглинской земле некая Мария бывая королева государствовала, которая тогда з галанцы постановленные договоры имела. И шесть региментов (полков. – К.С.) ратных с начальными аглинскими народа людми тогда на их хлебы во употребление им отпустила, которые договоры бутто и до днес обновляясь, в такой силе содержатца, что те регименты и ныне у галанцев»⁶⁹. Автор не был осведомлен об изначальном состоянии бригады. В частности, разделение на шесть полков произошло только в ходе Тридцатилетней войны, в то время как при королеве Марии в Нидерланды было отправлено одно формирование из 5 тыс. британцев под командованием графа Лейстера. В 1693 г. к нему присоединилось 6,5 тыс. шотландских наемников. Именно с этого времени в военный обиход входит термин Шотландская (или Англо-голландская) бригада⁷⁰. Однако В.М. Михайлов был прав в главном: британские правители могли отозвать назад формирование, состоящее из их соотечественников, только находясь в состоянии войны: «постановленные меж ними договоры гласят сице, буде бы на государство Е[го] Кор[олевское] В[еличест]ва наступали какие

неприятели, и тогда б те regimenty они, статы, по договором отпустить должны»⁷¹. Действительно, однажды такая попытка была предпринята Карлом II, когда в 1665 г. во время Второй англо-голландской войны он попытался отозвать Шотландскую бригаду, однако тогда три полка пожелали остаться на службе у Республики Соединенных провинций и ослушались королевского приказа⁷².

Яков II также пытался вернуть Шотландскую бригаду на родину. Стремление короля было не случайным: это формирование являлось одним из лучших в Европе того времени, и с его помощью Стюарт хотел укрепить британские вооруженные силы⁷³. Однако по этой же причине нидерландское правительство не было склонно переводить в Британию Шотландскую бригаду: «При бытности посланничьи в Лондоне Кор[олевское] В[еличест]во посулал к статом, чтоб они аглинсково ево народа помянутые шесть regimentов из галанской земли прислали в Англию. И Статы в том отказали, а чрез своего резидента Кор[олевское] В[еличест]ву предлагали, что тех regimentов отпустить не доведется для того, что... ныне у Е[го] Кор[олевское] В[еличест]ва неприятелей никово нет и войны ни с кем не имеет. И того ради тех regimentов отпустить им в Англию не возможно»⁷⁴.

Далее В.М. Михайлов подробно прослеживает развитие конфликта: «И за сей ответ Кор[олевское] В[еличест]во на Стат зело гневен. И с такого противного ответа, взяв себе съ их стороны большее досаждение, мыслит с Кор[олевским] В[еличест]вом французским, каким бы образом тех Стат возгордившихся смирить»⁷⁵.

Следует отметить, что из британских источников известно, что Яков II на «возгордившихся Стат» был «разгневан» давно. Причинами этого послужили военная помощь Нидерландов, оказанная герцогу Монмауту и его наперснику графу Аргайлу, укрывательство политических оппонентов британского монарха, сопротивление любым попыткам Лондона добиться их экстрадиции⁷⁶. Отказ предоставить в его распоряжение Шотландскую бригаду явился последней каплей, переполнившей терпение Стюарта. В то же время заявление, будто Яков II собирает-

ся атаковать Нидерланды вместе с Людовиком XIV, скорее, основано на пропаганде нидерландской прессы и вызванных ею слухов, чем на действительных фактах. Британский монарх был настолько поглощен внутренними делами, что всячески пытался отложить конфликты с европейскими державами, о чем, между прочим, упоминает и наш источник: «он, Кор[олевское] В[еличест]во, против галанцев военно стояти не может»⁷⁷.

В данном случае скорее Нидерланды выступили инициатором политического, а затем и военного противостояния. Тем не менее, опираясь на увиденное, русский дьяк справедливо упоминает (и предсказывает), что между Яковом II и Вильгельмом Оранским «за такие вышепомянутые причины конечно война будет вскоре»⁷⁸.

В статейном списке уделено внимание и отношениям Британии со Священной Римской империей. В частности, В.М. Михайлов о «неделных настоящего времени посолских пересылках» между Лондоном и Веной «за то, что всемилостивый Господь Бог с спомочными ему силами над турчиным победу даровати изволил и венгерского королевства столицу Будиню владети ему повелел»⁷⁹. Победа имперцев при осаде Буды в 1686 г. не случайно упоминается в источнике: британские военные также внесли свой вклад в это крупное военное достижение Леопольда I. Яков II направил в войска германского императора, сражавшиеся под стенами венгерской столицы, группу из английских, шотландских и ирландских офицеров с целью получить военный опыт в одной из лучших армий Европы. Среди них был и старший из незаконнорожденных детей Якова II – герцог Берик⁸⁰.

Подробно Василий Михайлович останавливается на торговых интересах Британии. Московит отмечает стремление Лондона контролировать Гибралтар – стратегический ключ к Средиземному морю, открывающему торговые пути с Левантом, являвшихся одним из главных источников богатства королевской казны, а в стратегическом плане – могущества Британской империи в мире. Как видно из текста, в анализируемом документе подчеркивается, что, дабы удержать контроль над

морскими коммуникациями в этом регионе, британское правительство, несмотря на различия в вере, стремится поддерживать добрососедские отношения с «алжирами» – арабами и берберами Магриба, контролировавших торговые пути в Средиземном море: «А Е[го] Кор[олевскому] В[еличест]ву в настоящее время со всеми окрестными соседями и с турчином мир имея, с ними, подданными своими, осматривается свободно, для которого дела с подданными султана турецкого единоверными закону махометанского с алжирским волным народом з живущими меж дву морь, акиянскую пучиною и белым морем близ усково место для торгового промыслу подданным в турецкую землю свободного проезде примирился»⁸¹.

В связи с торговыми интересами Британии вновь всплывает сюжет с отношениями Лондона с Гаагой. В частности, в статейном списке упоминается, что Яков II обратился с просьбой «чтоб алжиры галанских воинских и торговых караблей во Индию (и в Турецкую землю. – К.С.) не пропускали, для того, что в той Индии галанцы пред англичаны в торговом промыслу силу болши одержали. За что у агличан з галанцы и ссоры многие начинаютца». И вновь русский посланник приходит к выводу о неизбежности войны между Британией и Республикой Соединенных провинций: «и к войне случаи показуетца тем»⁸².

Таким образом, впечатления Василия Михайловича Михайлова от посещения Британии были весьма противоречивыми, что было вызвано как обстановкой внутри страны, так и состоянием международных отношений на континенте. Англия пребывала в состоянии острого политического кризиса, и все британское общество было расколото на сторонников и противников Якова II, что отрицательно сказывалось на состоянии общественного мнения, под впечатлением от которого русский дипломат составил свой статейный список. Британия предстает страной, управляемой королем, который принадлежит к религиозному меньшинству, способствует эмансипации католиков, пытается создать опору своей власти в лице постоянной регулярной армии и новой политической элиты и манипулирует сословным представительством. Налицо попытки монарха укрепить позиции института короны в политической системе

реставрационной Британии. Во внешней политике в силу близости интересов персоны короля с Людовиком XIV наблюдается сближение Британии с Францией и быстрого расхождения с Нидерландами в силу политических и торговых факторов. Автор статейного списка справедливо усматривает здесь и религиозную подоплеку. В целом, в источнике показано, что Англия находилась на грани «Славной революции», а вся Западная и Северная Европа – накануне войны Аугсбургской лиги.

-
- ¹ «Зело народ груб и противу Королевского Величества дерзок»: русский посол об Англии накануне переворота 1688 г. // *Источник*. 2002. № 5. С. 24–29.
- ² Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 35. Оп. 1. № 19. Л. 226–237 об.
- ³ *Кобзарева Е.И.* Россия и Вестфальская система (1648–1686 годы) // *Новая и новейшая история*. 2014. № 3. С. 144–165; *Кочегаров К.А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 158–159, 244–245, 272–279, 365.
- ⁴ *Dukes P., Herd G.P., Kotilaine J.* Stuarts and Romanovs: The Rise and Fall of Special Relationship. [Dundee], 2009. P. 151.
- ⁵ *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 336.
- ⁶ «Зело народ груб ...». С. 27.
- ⁷ *Reresby J.* The Memoirs of the Honourable Sir John Reresby, Bart. And Last Governor of York. L., 1734. P. 324, 337.
- ⁸ *Garrett J.* The Triumphs of Providence: the Assassination Plot, 1696. Cambridge, 1980. P. 5.
- ⁹ *Reresby J.* Op. cit. P. 274; *Childs J.* The Army, James II, and the Glorious Revolution. Manchester, © 1980. P. 211–212.
- ¹⁰ *Dukes P.* Scottish Soldiers in Muscovy // *The Caledonian Phalanx: Scots in Russia*. Edinburgh, 1987. P. 18–22; *Friedrichs C.R.* The war in myth, legend and history // *The Thirty Years' War*. L; N.Y., 2006. P. 167–168; *Lenman B.* The Jacobite Clans of the Great Glen, 1650–1784. P. 24–26.
- ¹¹ *Гордон П.* Дневник, 1684–1689. М., 2009. С. 110, 116.
- ¹² Resolution that the Throne is Vacant, 28 January 1689 [Электронный ресурс] // *Journal of the House of Commons*. L., 1802. Vol. 10. P. 14. URL: <http://british-history.ac.uk/report.aspx?compid=28740> (дата обращения: 06.10.2010).
- ¹³ «Зело народ груб ...». С. 27.
- ¹⁴ *Life of James the Second written by himself* // *Original Papers; containing Secret History of the Great Britain, from the Restoration, to the Accession of the House of Hannover ...* L., 1775. Vol. 1. P. 149.

- ¹⁵ *Ogg D.* England in the Reigns of James II and William III. Oxford, 1955. P. 164–165.
- ¹⁶ Life of James the Second written by himself. P. 148.
- ¹⁷ *Reresby J.* Op. cit. P. 245, 274; *Burnet G.* Bishop Burnet's History of the Reign of King James the Second. Oxford, 1852. P. 187–191.
- ¹⁸ Life of James the Second Written by Himself. P. 149.
- ¹⁹ «Зело народ груб ...» С. 27.
- ²⁰ *Reresby J.* Op. cit. P. 245, 274; *Burnet G.* Op. cit. P. 187–191.
- ²¹ «Зело народ груб ...». С. 27.
- ²² Там же.
- ²³ *Dukes P., Graeme P.H., Kotilane J.* Op. cit. P. 151.
- ²⁴ «Зело народ груб ...». С. 27.
- ²⁵ Письмо Патрика Гордона герцогу Гордону от 15 ноября 1690 г. // *Гордон П.* Дневник, 1684–1689. М., 2009. С. 62.
- ²⁶ *Lindsay A.W.C.* Memoirs touching the Revolution in Scotland, 1688–1690. By Colin, Earl Balcarres. Presented to King James II at St. Germain's, 1690. Edinburgh, 1841. P. 4.
- ²⁷ *Dukes P., Graeme P.H., Kotilane J.* Op. cit. P. 151.
- ²⁸ «Зело народ груб ...». С. 27.
- ²⁹ *Barnett C.* Britain and Her Army: A Military, Political and Social Survey, 1509–1970. L., 1970. P. 115; *Miller J.* Catholic Officers in the Later Stuart Army // *The English Historical Review.* 1973. Vol. 88, no. 346. P. 35.
- ³⁰ *Фадеева И.В.* Восстание Монмаута // Ученые записки / Горьковский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Горький, 1971. Вып. 109, ч. 2. С. 55–81; *George J.W.H.* A History of the English and Scotch Rebellions of 1685 ... N.Y., 1851.
- ³¹ *Ashley M.* James II. L., 1977. P. 10; *Aubrey P.* The Defeat of James Stuart's Armada, 1692. Leicester, 1979. P. 15; *Petrie Ch.* The Marshal Duke of Berwick: A Picture of an Age. L., 1953. P. 15–16.
- ³² *Гордиенко Д.О.* Карл II – создатель английской королевской регулярной армии // Телескоп: науч. альманах. Самара, 2004. Вып. 9. С. 24.
- ³³ *Гордон П.* Указ. соч. С. 107–108.
- ³⁴ «Зело народ груб ...». С. 27.
- ³⁵ Calendar of State Papers. Domestic Series. Of the Riegn of James II, L., 1964. Vol. 2: January, 1686 – May. 1687. P. 151. (Далее: CSPD).
- ³⁶ «Зело народ груб ...». С. 27.
- ³⁷ *Гордон П.* Указ. соч. С. 105–106.
- ³⁸ «Зело народ груб ...». С. 27.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ *Childs J.* Op. cit. P. 84; *Manning R.B.* An Apprenticeship in Arms: The Origins of the British Army, 1585–1702. Oxford, 2006. P. 290.
- ⁴¹ *Reresby J.* Op. cit. P. 194, 215, 220, 235–236; Speech of James II in support of the standing army and the Catholic officers, and the address of Commons in reply, 1685 // *English Historical Documents.* L., 1953. Vol. 8. P. 81–82.
- ⁴² «Зело народ груб ...». С. 27.

- ⁴³ *Jones J.R.* James II's Revolution: Royal Policies, 1682–92 // *Anglo-Dutch Moment: Essays on the Glorious Revolution and its World Impact*. Cambridge, 1991. P. 61.
- ⁴⁴ «Зело народ груб ...». С. 27.
- ⁴⁵ *Jones J.R.* Op. cit. P. 61.
- ⁴⁶ *Ashley M.* The Glorious Revolution of 1688. London: Panther, 1968. P. 112–113.
- ⁴⁷ *Jones J.R.* Op. cit. P. 61.
- ⁴⁸ «Зело народ груб ...». С. 27.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ *Ashley M.* The Glorious Revolution of 1688. P. 29–34.
- ⁵¹ «Зело народ груб ...». С. 27.
- ⁵² Там же. С. 29. В Михайлов допускает ошибку, указывая, что Мария Моденская была дочерью португальского короля, в действительности она происходила из влиятельного североитальянского дома герцогов Моденских. См. подробнее: *Haile M.* Queen Mary of Modena: Her Life and Letters. L.; N.Y., 1905.
- ⁵³ *A Court in Exile: The Stuarts in France, 1689–1718*. Cambridge, 2004. P. 14.
- ⁵⁴ «Зело народ груб ...». С. 27.
- ⁵⁵ Там же. С. 27–29.
- ⁵⁶ Там же. С. 27, 29.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Там же. С. 27.
- ⁵⁹ *George R.H.* The Financial Relations of Louis XIV and James II // *The Journal of Modern History*. 1931. Vol. 3, no. 3. P. 392–413.
- ⁶⁰ Secret Treaty of Dover, 1670 // *English Historical Documents*. L., 1953. Vol. 8. P. 863–867.
- ⁶¹ *Ashley M.* The Glorious Revolution of 1688. P. 74. Lord Fountainhall.
- ⁶² CSPD. Of the Reign of James II. L., 1972. Vol. 3: June, 1687 – February, 1689. P. 252; *Lauder Fountainhall J., Lord.* Historical Observes of Memorable Occurrences in Church and State, from October 1680 to April 1686. Edinburgh, 1840. P. 249; *Luttrell N.* A Brief Historical Relation of State Affairs from September 1678 to April 1714. Oxford, 1857. Vol. 1. P. 434.
- ⁶³ *Hume D.* The History of England, from the Invasion of Julius Cæsar to the Revolution in 1688. L., 1822. Vol. 8. P. 208–209; *Miller J.* James II: a Study of Kingship. Hove, 1978. P. 133, 138–140, 152–154, 158–163.
- ⁶⁴ A Court in Exile ... P. 13. Эксклюзивисты – сторонники отмены прав герцога Йорка на британский престол во время «исключительного кризиса» в Англии в 1679–1681 гг.
- ⁶⁵ *Ibidem.* Впрочем, при содействии лорда-казначея графа Рочестера и государственного секретаря графа Сандерленда выплата французской казной пенсии британскому монарху была возобновлена. См. подробнее: *George R.H.* Op. cit. P. 392–413.
- ⁶⁶ A Court in Exile... P. 11–13.
- ⁶⁷ *Ashley M.* The Glorious Revolution of 1688. P. 131, 139–140.
- ⁶⁸ «Зело народ груб ...». С. 27.
- ⁶⁹ Там же. С. 28.

- ⁷⁰ *Childs J.* Op. cit. P. 119. В литературе распространено название этого контингента британских воинов на службе у Нидерландов «Англо-голландская бригада» (Anglo-Dutch Brigade). Однако в действительности абсолютное большинство ее составляли выходцы из Шотландии. В связи с этим название «Шотландская бригада» (Scots Brigade) представляется более точным.
- ⁷¹ «Зело народ груб ...». С. 28.
- ⁷² *Childs J.* Op. cit. P. 119.
- ⁷³ *Manning R.B.* Op. cit. P. 330–331, 341, 347; *Western J.R.* Monarchy and Revolution: The English State in the 1680^s. L., 1972. P. 137.
- ⁷⁴ «Зело народ груб ...». С. 28.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ *Ashley M.* The Glorious Revolution of 1688. P. 74–77; *Miller J.* Op. cit. P. 138–143.
- ⁷⁷ «Зело народ груб ...». С. 29.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ Там же. С. 29.
- ⁸⁰ CSPD. Of the Reign of James II. Vol. 3. P. 188, 393, 396, 445, 448; *Fitzjames Berwick J., Duke of.* Memoirs of the Marshal Duke of Berwick. L., 1779. Vol. 1. P. 3–19.
- ⁸¹ «Зело народ груб ...». С. 28.
- ⁸² Там же.

Элементы грузинского застолья в церемониале дипломатических приемов И.В. Сталина 1941–1945 гг.

В современной российской историографии получили распространение специфические подходы, характерные для такого исследовательского направления, как «новая политическая история». Работающие в данном русле исследователи рассматривают различные сюжеты, связанные с проявлениями политической культуры. Они анализируют социокультурный контекст власти и ее символические системы, к числу которых принадлежат церемониалы¹.

Церемониал – традиционный порядок проведения какого-либо действия, торжественное совершение того или иного обряда по установленным правилам. Церемониалам свойственна высокая степень стандартизации, стилизации, повторяемость и известная устойчивость. Они проводятся в специальных парадных помещениях, в определенное время, по значимым поводам и являются экспрессивными, непосредственно совершаемыми действиями.

К такого рода действиям относились дипломатические приемы (банкеты), которые давались от имени И.В. Сталина в честь союзников по антигитлеровской коалиции в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В международной жизни подобные банкеты являются одной из общепринятых и распространенных форм деятельности исполнительных органов власти, внешнеполитических ведомств. Помимо сугубо представительского значения они являются средством установления, поддержания и развития контактов дипломатического корпуса с властями страны пребывания. Важную роль дипломатические приемы играют в качестве средства оказания почестей и демонстрации гостеприимства высоким зарубежным гостям, прибывающим с официальными визитами².

В период Великой Отечественной войны настоятельная необходимость координации военной, политической и дипломатической деятельности, конечной целью которой являлось достижение победы над общим врагом – Германией и ее сателлитами, требовала постоянного обмена мнениями между членами антифашистского альянса. В Москву неоднократно прибывали политические лидеры, военные деятели, дипломаты государств и правительств, представлявших этот альянс. Как правило, в рамках подобных визитов, помимо официальных переговоров и других протокольных мероприятий, в Кремле от имени главы советского правительства И.В. Сталина устраивались дипломатические приемы (в основном, обеды).

Обед – это один из видов дипломатического приема, который начинается в промежуток времени от 20 до 21 часа и длится два-три часа³. Согласно нашим данным, с 1 октября 1941 г. по 13 августа 1945 г. в Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца был устроен 21 дипломатический прием (обед) в честь представителей государств антигитлеровской коалиции. Наибольшее число приемов (9) было устроено в честь англичан и американцев (1 октября, 20 декабря 1941 г.; 14 августа, 26 сентября 1942 г.; 23 мая, 30 октября 1943 г.; 18 октября 1944 г.; 1 июня, 13 августа 1945 г.). 5 раз этой чести удостоивались польские союзники, в частности Вл. Сикорский, Председатель Совета Министров правительства Польши в изгнании (4 декабря 1941 г.), а также представители Армии Людовой и Временного правительства Польши (16 марта, 27 июня 1944 г.; 21 апреля 1945 г.; 23 июня 1945 г.); 4 раза – чехословацкие (11 декабря, 14 декабря 1943 г.; 25 марта, 27 июня 1945 г.); по одному разу – государственные руководители Китая (13 июля 1945 г.), Франции (4 декабря 1944 г.) и Югославии (11 апреля 1945 г.).

Церемониал кремлевских приемов Сталина имел эксклюзивный характер. Ответственным за организацию приемов являлся Народный комиссариат иностранных дел в лице руководителей и сотрудников его Протокольного отдела. В 1941–1950 гг. отделом заведовал Федор Федорович Молочков. Именно он заранее (за две-три недели до ожидаемой даты офи-

циального визита) направлял главе внешнеполитического ведомства В.М. Молотову инициативные документы, связанные с церемонией встречи высоких зарубежных гостей. В этих документах по пунктам перечислялись практические мероприятия, которые планировалось провести работникам советских ведомств в рамках программы пребывания в СССР той или иной иностранной делегации. Особое место в этих программах уделялось и устройству официального приема (обеда) в Кремле от имени И.В. Сталина.

Вопрос о дате и точном времени начала приема решался в каждом конкретном случае в зависимости от складывающейся ситуации. Предложения о том, устраивать или не устраивать обед у Сталина в честь представителя (представителей) той или иной союзной державы, выдвигались Протокольным отделом НКВД, утверждались заместителями наркома иностранных дел и визировались В.М. Молотовым. Однако окончательное решение всегда оставалось за И.В. Сталиным.

Он вносил свою лепту в конструирование церемониала дипломатических приемов. И.В. Сталин имел собственный взгляд на протокольные нормы, по-своему их корректировал. Не исключено, что И.В. Сталин лично принимал непосредственное участие в подготовке банкетов. Согласно воспоминаниям сотрудников внешнеполитического ведомства, имевших возможность повседневно наблюдать за его практической деятельностью, советский вождь «отдавал должное церемониальной стороне дипломатических мероприятий, обращая внимание на детали их подготовки и проведения, интересовался программами пребывания иностранных гостей, мог продиктовать меню предстоящего дипломатического обеда, умел предстать гостеприимным хозяином»⁴.

Поскольку Сталин был грузином, то можно предположить, что грузинские застольные традиции в какой-то степени отразились на построении церемониала таких грандиозных застолий, как кремлевские приемы. Ведь советский вождь неизменно выступал на них в качестве подлинного хозяина.

При написании данной статьи использовались, прежде всего, материалы интернет-публикации «СССР и союзники: доку-

менты Архива МИД России о внешней политике и дипломатии ведущих держав антигитлеровской коалиции»⁵. Помимо этого привлекались мемуары советских и зарубежных участников дипломатических приемов в Кремле.

В исследовательской литературе уже отмечалось, что свидетельства о некоторых дипломатических приемах И.В. Сталина периода Великой Отечественной войны оказались в распоряжении историков исключительно благодаря иностранцам – очевидцам событий и их мемуарам⁶. Особую ценность представляют свидетельства лидеров союзных СССР держав. Здесь прежде всего необходимо указать на соответствующие отрывки из мемуаров У. Черчилля⁷ и Ш. де Голля⁸. Заслуживают внимания и материалы, связанные со служебной деятельностью (синхронные записи, официальная переписка), а также документы личного происхождения (дневники, мемуары, интервью).

Не меньший интерес имеют воспоминания руководителей внешнеполитических ведомств зарубежных стран, их референтов, а также сотрудников иностранных дипломатических представительств в Москве о том, что происходило на банкетах в Кремле. В нашей статье использованы свидетельства А. Гарримана⁹, Ж. Катала¹⁰, Я. Смутного. К этому же разряду можно отнести воспоминания Ж. Лалуа¹¹, который являлся переводчиком Ш. де Голля на банкете 9 декабря 1944 г., и генерала Вл. Андерса¹², переводившего представителям советской и польской стороны на приеме в честь председателя Совета Министров Польской Республики генерала Вл. Сикорского. К сожалению, в их свидетельствах информативная составляющая порой уступает место чисто эмоциональным оценкам.

Церемониал дипломатических приемов в Кремле в честь союзников включал в себя следующие составные части: рассадка гостей, собственно застолье, предполагавшее не только потребление яств и алкогольных напитков, но и непосредственное общение между хозяевами и гостями, тосты и здравницы в честь присутствующих, а также (в некоторых случаях) кинопросмотры¹³.

Возвращаясь к вопросу об отношении И.В. Сталина к грузинским традициям, в том числе к застольным, следует сделать некоторые оговорки. Еще до установления своей власти в большевистской партии и в Советском государстве он неоднократно декларировал и демонстрировал собственную принадлежность к русскому этносу. Став практически неограниченным правителем, по окончании Великой Отечественной войны, И.В. Сталин назвал русский народ «наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза», «руководящим народом»¹⁴. Отсюда понятно, почему на публике он, как правило, предпочитал не подчеркивать свое грузинское происхождение.

Но это не мешало И.В. Сталину оставаться грузином. 7 ноября 1937 г. в узком кругу ближайших соратников, за бокалом вина, Сталин говорил, что он – «не европеец, а обрусевший грузин-азиат»¹⁵. Американскому политическому деятелю У. Уилки во время личной встречи в Кремле 23 сентября 1942 г. он заявил буквально следующее: «я вырос в семье грузинских крестьян и не обучен светским беседам»¹⁶.

Однако «не обученный светским беседам» И.В. Сталин имел хорошее представление о грузинской застольной традиции, что, на наш взгляд, не могло не отразиться в церемониале дипломатических приемов, которые устраивались в Кремле от его имени его имени, как главы Советского правительства.

У представителей иных этносов и культур атмосфера, царившая на грузинских застольях, вызывала большой интерес. В свое время русский писатель и путешественник конца XIX в. Е.Л. Марков, впервые попавший на такое застолье, свидетельствовал, что «распорядитель пира» (тамада) провозглашал тосты «в строжайшей последовательности, не забывая никого», причем «по степеням подобающего уважения всех присутствовавших». Особое предпочтение отдавалось гостям, присутствовавшим на пиру. Каждый из тех, за кого пили персонально, должен был благодарить тамаду и, в свою очередь, отвечать тостом¹⁷.

Сам термин «тамада» имеет грузинское происхождение. В переводе на русский язык он обозначает «руководитель, веду-

щий, возбуждающий аппетит». Во многом от тамады зависит то, как именно проведут время гости за накрытым столом¹⁸. Одной из специфических особенностей грузинского застолья, как отмечал известный философ Г. Гачев, является принцип тамадизма (от слова «тамада»). Во время грузинского застолья, по выражению Гачева, в тостах и здравицах, особенно со стороны тамады, допустимы «беспардонное ласкательство» и «гиперболическое восхищение» в адрес гостей¹⁹. И.В. Сталин в основном придерживался подобного обычая. Однако, будучи прагматичным политиком, он своеобразным образом интерпретировал застольные грузинские традиции при организации дипломатических приемов в Кремле.

Формально сам Сталин не выступал в роли тамады на подобных приемах. Эту роль неизменно исполнял Народный комиссар иностранных дел СССР В.М. Молотов. Согласно грузинской традиции, тамадой избирают человека, который руководит застольем так, чтобы гости весело и интересно провели время. Хороший тамада наряду с другими положительными качествами должен иметь природный дар уметь вести стол²⁰.

Понятно, что В.М. Молотов, этнический русский, не мог претендовать на соответствие тем критериям, которые предъявляет тамаде грузинская застольная традиция. К тому же он явно не импонировал представителям союзных стран, участвовавшим в дипломатических приемах. Так, В. Андерс отмечал следующее различие в имиджах И.В. Сталина и В.М. Молотова. Советский лидер «всегда был очень вежлив», что «выгодно отличало его от заикающегося Молотова с вечно злым лицом»²¹.

В беседе с представителями делегации Праги (район польской столицы Варшавы), состоявшейся 22 ноября 1944 г., И.В. Сталин заявил, что «официальные приемы бывают скучны»²². Скорее всего, он имел в виду дипломатические приемы в Кремле. Так или иначе, И.В. Сталин стремился сделать менее формальной ту часть церемониала, которая включала непосредственное общение между хозяевами и гостями, а также обязательные тосты и здравицы от имени хозяев и гостей. Естественно, подобное стремление во многом диктовалось собст-

венной сталинской мотивацией и пониманием специфики застольного общения. В первую очередь, оно выражалось в том, что И.В. Сталин выступал (в прямом и в переносном смысле) в качестве своеобразного помощника (но отнюдь не ассистента) тамады В.М. Молотова.

Своеобразие дипломатических приемов в Кремле 1941–1945 гг., которое делало их во многом схожим с традиционным грузинским застольем, состояло в многочисленности провозглашавшихся тостов. Например, А. Гарриман свидетельствовал, что на приеме 1 октября 1941 г. прозвучало 32 здравницы²³. У. Уилки, в честь которого И.В. Сталин устроил банкет 26 сентября 1942 г., насчитал целых 53 тоста, после которых хозяева и гости, присутствовавшие на дипломатическом приеме в его честь, «до дна» осушали свои бокалы²⁴.

Большое количество здравниц, провозглашавшихся на банкетах в Кремле, можно объяснить не только строгой приверженностью И.В. Сталина русским или грузинским застольным обычаям, но и иными, на первый взгляд, субъективными, однако, весьма важными обстоятельствами.

Во-первых, давала себя знать сравнительная многочисленность участников дипломатических приемов. На банкете 1 октября 1941 г. присутствовало более 90 человек²⁵; 14 августа 1942 г. – около 70-ти²⁶; 28 марта 1945 г. – свыше 70-ти²⁷; 9 декабря 1944 г. и 23 июня 1945 г. – свыше 60-ти²⁸. Количество присутствовавших на других дипломатических приемах в Кремле в честь представителей союзных держав в каждом конкретном случае также составляло несколько десятков. На обедах 23 мая, 30 октября, 22 декабря 1943 г.; 27 июля, 18 октября 1944 г.; 11 апреля 1945 г. их насчитывалось порядка 50 человек²⁹. На банкетах 20 декабря 1941 г., 11 декабря 1943 г. и 13 августа 1945 г. присутствовало примерно по 40 человек³⁰. Самыми малочисленными оказались обеды 4 декабря 1941 г. и 13 июля 1945 г., на которые было приглашено по 30 человек³¹. Обычай гостеприимства (в сталинском его понимании) обязывал хозяев отметить тостом если не всех присутствующих советских и иностранных гостей, то, по крайней мере, большинство из них.

Во-вторых, многочисленность тостов и здравиц, провозглашавшихся на дипломатических приемах в Кремле в честь союзников, можно объяснить еще одним немаловажным обстоятельством. Помимо обильного угощения, их участникам предлагались разнообразные виды алкогольных напитков (водка, перцовка, коньяк, зубровка; ликеры; красное и белое вино; шампанское)³², причем практически без ограничения. Понятно, что приглашенные на банкеты (а это были преимущественно отличавшиеся крепким здоровьем мужчины среднего и зрелого возраста) активно употребляли предлагаемые спиртные напитки, чему и способствовали многочисленные тосты. В данной связи несомненный интерес представляет дневниковая запись, сделанная после кремлевского приема 22 декабря 1943 г. Э. Таборским, личным секретарем Э. Бенеша. Согласно его наблюдениям, на этом застолье было «несметное количество блюд, одно вкуснее другого, и потоки водки и иных напитков, дающие возможность произносить множество тостов»³³.

Порядок произнесения тостов на дипломатических приемах в Кремле был следующим. После того, как Молотов заканчивал первую череду тостов (за союзников, за грядущую победу над Германией, за Красную армию), Сталин вставал со своего места и провозглашал здравицы персонально за присутствующих иностранных гостей и за советских военачальников. Каждый подходил к нему и чокался.

При этом И.В. Сталин действовал как настоящий грузинский тамада, которому никто не подливает спиртное в рюмку. И, несмотря на обилие тостов, он умудрялся не пьянеть, сохраняя трезвость в поступках и в суждениях. Феномен не пьянеющего Сталина можно объяснить тем, что в отличие от некоторых своих соратников и иностранных гостей, «налегавших» на крепкие спиртные напитки (водку или коньяк), он пил (притом умеренно) вино или шампанское из небольшой рюмки (емкостью примерно 140 мл), наполняя ее наполовину³⁴.

Возникают вопросы: имели ли иностранные гости представление о специфике грузинского застолья? как реагировали они на попытки И.В. Сталина внести «грузинский элемент» в церемониал дипломатических приемов?

На оба эти вопроса можно дать неоднозначные ответы. Практически все (за единственным исключением, о котором подробнее будет сказано ниже) иностранные участники банкетов, которые устраивались Сталиным в Кремле в 1941–1945 гг., опубликовавшие свои дневники и воспоминания, воспринимали их церемониал как отражение русской (советской) застольной традиции.

Так, Я. Смутный, начальник канцелярии президента Чехословакии, после банкета 11 декабря 1943 г. записал в своем дневнике: «Все происходило как бы по обязанности, со скуки, лишь для самих русских. За себя поднимали тосты, себя приветствовали, сами себя развлекали, если вообще говорили [...] Во время ужина последовал бесконечный ряд тостов, которые сплошь произносил Молотов: за Красную Армию, за Сталина, за Калинина, за всех присутствовавших маршалов по очереди, за чехословацкую армию и т.д. Все происходило так, как будто банкет был *чисто русским мероприятием* (выделено мной. – В.Н.)»³⁵.

Присутствие на дипломатических приемах в Кремле вызывало у других иностранных гостей иные ассоциации. На наш взгляд, довольно причудливыми были те образы, которые возникали у Ж. Лалуа в связи с нахождением рядом со Сталиным на банкете в Кремле 9 декабря 1944 г., устроенном в честь главы Временного Правительства Французской Республики генерала Ш. де Голля и министра иностранных дел Ж. Бидо. И.В. Сталин представлялся Лалуа «морским волком», капитаном корабля, окруженным преданными и резвыми юнгами, «с которыми ему было в удовольствие проводить время». Ж. Лалуа также сравнивал советского вождя с древнерусским великим князем, восседавшим «за столом в окружении своей дружины в Киеве, матери городов русских». Наконец, имея в виду беседу за столом в Екатерининском зале уже по окончании официальной части и после кинопросмотра, французский дипломат писал: «Мы были в шатре великого хана, готового раздавать почести и кары»³⁶.

Едва ли не единственным иностранцем, который акцентировал внимание на присутствие элементов грузинского застолья

в церемониале дипломатических приемов в Кремле, оказался Ж. Катала. Вспоминая о банкете 9 декабря 1944 г., Катала писал: «Сталин провозглашает несколько тостов подряд... Тосты красиво закручены, и произносит их Сталин сердечным тоном, с очень сильным грузинским акцентом, которому во французском языке соответствовал бы один из южных говоров – марсельский или корсиканский. Гости произносят ответные речи... А хозяин приема, выполнив долг по отношению к иностранным гостям, пьет теперь за своих соратников.

Грузинские тосты – целое искусство. ...У тоста, как у всякой литературной формы, свои правила: он должен долго вернуться вокруг да около, и имя того, в чью честь он произносится, звучит в последний момент. *Сталин следует этим правилам* (выделено мной. – В.Н.)»³⁷.

В том, что Ж. Катала был прекрасно осведомлен о специфике грузинского застолья, нет ничего удивительного. В период пребывания дипломатического корпуса в Куйбышеве (ныне Самара) Катала, как и сотрудники других иностранных посольств, питался в ресторане, директором которого являлся грузин Гогоберидзе. По словам Катала, свое заведение Гогоберидзе «превратил в тифлисский рестораник под открытым небом – с шашлыком и цыплятами-табака»³⁸.

Возвращаясь к приему 9 декабря 1944 г., устроенному в честь Ш. де Голля, следует отметить один церемониальный казус, который, по свидетельству некоторых участников этого банкета, восходил к грузинским застольным обычаям. По свидетельству В.М. Малышева³⁹, в начале банкета И.В. Сталин провозгласил здравицу в честь подполковника П. Пуйяда⁴⁰ (и даже выпил с ним на брудершафт)⁴¹.

На этот момент обратили внимание и французские очевидцы. Однако они по-разному, на свой манер пытались объяснить происходящее. Например, Ж.-Р. Блок⁴². По словам Блока, на приеме 9 декабря 1944 г. он обладал особым статусом: «имел честь быть одним из гостей или даже единственным гостем, помимо официальных представителей, как со стороны Франции, так и со стороны СССР и союзников». Французский писатель утверждал, что в середине застолья, когда уже было про-

возглашено 12 или даже 15 тостов, перед глазами его участников предстала следующая картина. И.В. Сталин, попросив слова у тамады В.М. Молотова, заявил: «Хочу выпить за здоровье человека, представляющего здесь то, что мы больше всего ценим во Франции, ее бойцов против фашизма, ее фронтовиков, тех, что смешали свою кровь с нашей в борьбе против общего врага, тех, кто завоевал любовь и уважение наших бойцов своей доблестью, мужеством, скромностью, я пью за здоровье командира полка французской истребительной авиации “Нормандия – Неман”». Вслед за этим, по словам Ж.-Р. Блока, присутствовавшие на приеме «увидели нечто поразительное»: «Сталин встал со своего места и, пройдя вдоль огромного стола до середины, подошел к подполковнику Пуйяду, но вместо того, чтобы попросту чокнуться с ним, как он это делал до сих пор, маршал продел правую руку под руку французского подполковника, чтобы выпить с ним вместе в таком положении, словно они были связаны друг с другом».

Соседи по столу поспешили пояснить Ж.-Р. Блоку: «Таков грузинский обычай [...]. Этот обычай означает, что двое людей, которые выпили вместе, скрестив руки, связаны до самой могилы и считаются как бы братьями по крови».

Иначе интерпретировал этот эпизод Ж. Катала. Он вспоминал, что сразу после тоста за Л.М. Кагановича, одного из своих соратников, И.В. Сталин заявил следующее: «Много говорят о героизме в нашей стране. Да, конечно, это так. Однако есть герои, стоящие особо. Я хочу сказать о летчиках полка “Нормандия – Неман”» Затем он обратился к подполковнику П. Пуйяду, сидевшему рядом с Ж. Катала. В ответ на здравицу в честь «храбрецов», летчиков этого авиаподразделения, Пуйяд встал со своего места. Сталин также поднялся и, обойдя стол, пошел ему навстречу. Конец этой сцены, согласно воспоминаниям Катала, выглядел следующим образом: «Они осушили бокалы шампанского, затем Сталин обнял Пуйяда и поцеловал его по старой русской традиции». Именно в таком духе Ж. Катала разъяснял П. Пуйяду, когда тот вернулся к своему столу, смысл сталинского жеста. Катала уверял героического летчика, что отныне тот может обращаться к Сталину на «ты»⁴³.

Таким образом, в интерпретации Ж. Катала дружественные действия, которыми И.В. Сталин сопровождал свой тост в честь подполковника П. Пуйяда, объяснялись его приверженностью русским традициям, а в видении Ж.-Р. Блока – мотивировались склонностью к соблюдению грузинских обычаев. Это может служить подтверждением тезиса о том, что сконструированный Сталиным церемониал дипломатических приемов в Кремле являлся своеобразным синтезом русского и грузинского застолья. Скорее всего, соседями французского писателя (либо им самим) была допущена ошибка в интерпретации сталинского жеста. В то же время следует, очевидно, учитывать, что традиция пить на брудершафт (а именно таким манером И.В. Сталин и полковник П. Пуйяд осушили свои бокалы на приеме в Кремле 9 декабря 1944 г.) возникла не в Грузии, а в средневековой Европе.

Имеется еще один аспект, связанный с присутствием элементов грузинского застолья в церемониале банкетов И.В. Сталина в честь союзников. Это – состав блюд такого рода банкетов.

Вопросами составления меню дипломатических приемов в Кремле сотрудники НКВД занимались совместно с представителями Народного комиссариата внутренних дел СССР. От силового ведомства за этот важный аспект устройства банкетов отвечал высокопоставленный сотрудник А.Я. Егнаташвили⁴⁴. Согласно архивным документам, Егнаташвили, в частности, был ответственным за организацию буфета в особняке на ул. Спиридоновка, где проходили заседания участников Московской конференции представителей союзных держав в октябре 1943 г.⁴⁵, а также за питание прибывших в Москву в декабре 1943 г. членов делегации президента Чехословакии Э. Бенеша⁴⁶.

Выявленные в Архиве внешней политики РФ проекты и окончательные варианты меню обедов в Кремле в честь союзников в совокупности с ранее введенными в научный оборот сведениями на этот счет дают основание для вывода о большом кулинарном разнообразии и обилии блюд, подававшихся на этих застольях.

Меню обедов на дипломатических приемах в Кремле 1941–1945 гг., как и положено, соответствовало национальным традициям страны, которую представляли устроители (хозяева). Оно включало холодные и горячие закуски, обед (первое и второе блюда) и десерт.

Вспоминая о банкете 30 октября 1943 г., В.М. Бережков, в частности, писал, что А.Я. Егнаташвили, «ведавший церемониалом приемов, составил особенно изысканное меню. В разложенных у каждого прибора кремовых карточках с тисненым государственным гербом Советского Союза перечислялись блюда русской, французской и кавказской кухни»⁴⁷.

Анализ имеющихся в нашем распоряжении меню дипломатических приемов в Кремле в честь союзников дает возможность убедиться, что наряду с известными французскими кулинарными терминами («огратен», «пуаврад», «консоме», «парфе», «пти-фур», «паризьен») в них фиксировались и типично русские («борщок», «расстегайчики», «семга», «нельма», «рябчики», «куропатки»). Подавались на этих обедах и блюда кавказской кухни.

К концу 1930-х годов одной из составных частей в меню представителей кремлевской элиты были кавказские (преимущественно грузинские) блюда; ведь И.В. Сталин, А.И. Микоян и Л.П. Берия были родом с Кавказа⁴⁸. Доставкой продуктов для высшего советского руководства в то время ведал упомянутый выше А.Я. Егнаташвили.

По некоторым сведениям, специально для У. Черчилля во время приема 14 августа 1942 г. приготовили и подали на стол шашлык (специфическое кавказское, в том числе – грузинское блюдо), и британский премьер якобы остался доволен, отведав этот деликатес⁴⁹. Благодаря сохранившемуся в архиве проекту меню этого обеда, отредактированного А.Я. Егнаташвили⁵⁰, есть возможность внести некоторые уточнения. В нем упомянут не шашлык, а «молочный барашек с картофелем, салат с огурцами»⁵¹. А в меню приема 23 мая 1943 г. это блюдо фигурирует уже как «молочный барашек жареный с картофелем»⁵². Данное меню также было представлено А.Я. Егнаташвили⁵³. Скорее всего, также фигурировавшие в нем «цыплята жарен-

ные» – не что иное, как знаменитые грузинские дыплята табака (тапака). Сам факт включения обоих этих блюд в меню дипломатического приема знатоком грузинской кухни, сталинским земляком Егнаташвили, представляется знаменательным. Можно напомнить, что в череде холодных закусок, предлагавшихся на дипломатических приемах в Кремле, свое место занимали и «огурцы кавказские».

Следовательно, можно согласиться с выводом о том, что предлагавшиеся на этих банкетах яства своеобразным образом отражали синтез традиционной европейской (французской), русской и кавказской (грузинской) кухни⁵⁴.

Таким образом, в церемониале дипломатических приемов И.В. Сталина в Кремле 1941–1945 гг., несомненно, присутствовали элементы грузинского застолья. Это выражалось прежде всего в том, что их устроители придерживались принципа «тамадизма», скорее всего, исходя из предлагавшегося сталинского «сценария» подобного рода банкетов. Можно также говорить и о наличии блюд кавказской кухни в меню дипломатических приемов в честь союзников.

Пока остается открытым вопрос о том, обнаруживались ли эти церемониальные элементы иностранными гостями И.В. Сталина, и если да, то как именно – это требует, на наш взгляд, дополнительной проработки.

---

¹ Новая политическая история. СПб., 2004.

² *Лядов П.Ф.* История российского протокола. М., 2004. С. 108.

³ Там же. С. 132.

⁴ Цит. по: *Карягин В.* Воспоминания разных лет // *Международная жизнь.* 1996. № 4. С. 77.

⁵ Эта документальная публикация размещена в Интернете по адресу: URL: <http://agk.mid.ru>

⁶ *Марьина В.В.* : 1) Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны, 1939–1945 гг.. М., 2009. Кн. 2: 1941–1945. С. 164 ; 2) Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек, 1884–1948. М., 2013. С. 213.

⁷ *Невежин В.А.* Застольные речи Сталина: документы и материалы / [сост. В.А. Невежин]. М.; СПб., 2003. С. 308–310. (Далее: ЗРС).

⁸ Там же. С. 408–413 (Док. № 94).

- ⁹ *Harriman W.A., Abel E.* Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941–1946. N.Y., 1975. Уильям Аверелл Гарриман (1891–1986) – политический деятель, дипломат. Посол США в СССР (октябрь 1943 г. – апрель 1946 г.).
- ¹⁰ *Катала Ж.* Ни ружья, ни цветка. Мои русские компании // Звезда. 2004. № 5. С. 135–163. Жан Катала (1905–1991) – французский дипломат. Пресс-атташе посольства Французского Комитета Национального Освобождения в СССР.
- ¹¹ *Laloy J.* À Moscou: entre Staline et de Gaulle, décembre 1944 // Revue des études slaves. Paris, 1982. Т. 54, fasc. 1–2. Р. 137–152. Жан Лалуа (1912–?) – французский дипломат.
- ¹² *Андерс В.* Без последней главы // Иностранная литература. 1990. № 12. С. 230–232. Владислав Андерс (1892–1970) – военачальник, генерал дивизии. Командующий польской армией на территории СССР (с августа 1941 г.). В марте – сентябре 1942 г. эта армия была перебросена на Средний Восток.
- ¹³ Подробнее об этом см.: *Невежин В.А.* : 1) Дипломатические приемы Сталина в Кремле 1941–1945 гг. // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР: к 70-летию начала Великой Отечественной войны: материалы VII Междунар. науч. конф. Краснодар, 2012. С. 340–356 ; 2) Дипломатические приемы И.В. Сталина периода Второй мировой войны (1939–1945 гг.) глазами представителей иностранных государств // Проблемы российской истории. М.; Магнитогорск, 2013. Вып. 12. С. 222–237 ; 3) Сталинская «стратегия банкета»: дипломатические приемы в Кремле в честь союзников (1943 г.) // Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа: материалы междунар. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 6–7 июня 2013 г.). Ростов н/Д, 2013. С. 108–114 ; 4) Церемониал дипломатических приемов Сталина 1941–1945 гг. // Историк и художник: сборник воспоминаний и статей памяти проф. С.С. Секиринского. М., 2013. С. 448–462 ; 5) Еда и алкогольные напитки на дипломатических приемах в Кремле (1941–1945 гг.) // Codrul Cosminului. 2014. Vol. 20, no. 1. Р. 149–166 ; 6) Дипломатические приемы в Кремле и вербальная коммуникация союзников // Значение сражений 1941–1943 гг. на юге России в Победе в Великой Отечественной войне. Ростов н/Д, 2015. С. 283–289 ; 7) Дипломатические приемы в Кремле в честь союзников 1941–1945 гг.: вербальный контекст // История Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Пределы и возможности современных интерпретаций ключевых проблем. М., 2015. С. 178–189 ; 8) Церемониймейстер Сталин. Дипломатические приемы в Кремле как часть внешнеполитической игры // Живая история. 2015. № 3 (3). С. 22–25.
- ¹⁴ Подробнее об этом см.: *Невежин В.А.* Застолья Иосифа Сталина. М., 2011. Кн. 1: Большие кремлевские приемы 1930-х – 1940-х гг. С. 335–380.
- ¹⁵ *Его же.* ЗРС. С. 158. (Док. № 20).
- ¹⁶ *Печатнов В.О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: документ. очерки. М., 2006. С. 81.
- ¹⁷ *Марков Е.Л.* Очерки Кавказа. Картины кавказской жизни, природы и истории. СПб.; М., 1887. С. 328.
- ¹⁸ *Болквадзе Н.М.* Грузинское застолье: искусство тамады. М., 2004. С. 59.

- ¹⁹ *Гачев Г.* Ментальности народов мира. М., 2003. С. 250–251.
- ²⁰ *Болквадзе Н.М.* Указ. соч. С. 59.
- ²¹ *Андерс В.* Указ. соч. С. 232.
- ²² Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 06. Оп. 6. П. 42. Д. 558. Л. 17.
- ²³ *Harriman W.A., Abel E.* Op. cit. P. 99.
- ²⁴ *Печатнов В.О.* Указ. соч. С. 88.
- ²⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3 АВТО. П. 33. Д. 441. Л. 23, 25–26; Ф. 69. Оп. 30. П. 104. Д. 13. Л. 25.
- ²⁶ Там же. Оп. 4. П. 14. Д. 134. Л. 12–14. У. Черчилль утверждал, что на обеде присутствовало «около сорока человек» (*Невежин В.А.* ЗРС. С. 308 (Док. № 69)). Согласно воспоминаниям советского военачальника А.Е. Голованова, на банкет пришло «человек десять, а может быть, чуть больше» (Там же. С. 311).
- ²⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 51. Д. 831. Л. 20–28.
- ²⁸ Там же. Оп. 6. П. 55. Д. 751. Л. 19–20; Оп. 7. П. 39. Д. 594. Л. 10–11. Согласно воспоминаниям советского авиаинженера А.С. Яковлева, на прием 9 декабря 1944 г. «собралось человек пятьдесят» (*Невежин В.А.* ЗРС. С. 424 (Док. № 98)).
- ²⁹ АП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 29. Д. 337. Л. 56–58, 60; П. 34. Д. 405. Л. 33; Оп. 5 б. П. 40. Д. 17. Л. 7–8; Оп. 5. П. 29. Д. 337. Л. 56–58, 60; Оп. 6. П. 22. Д. 229. Л. 14; Оп. 7. П. 51. Д. 831. Л. 26; П. 53. Д. 878. Л. 20. Здесь и далее дается приблизительное количество участников дипломатических приемов в Кремле 1941–1945 гг., поскольку автор данной статьи использовал главным образом сохранившиеся в архиве черновые варианты списков приглашенных.
- ³⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3 АВТО. П. 8. Д. 86. Л. 19–20; Оп. 5. П. 34. Д. 405. Л. 28; Оп. 7. П. 44. Д. 683. Л. 20.
- ³¹ Там же. Оп. 3 АВТО. П. 19. Д. 244. Л. 4; Оп. 7. П. 36. Д. 522. Л. 30, 32.
- ³² *Невежин В.А.* Еда и алкогольные напитки на дипломатических приемах ... С. 160–161.
- ³³ Цит. по: *Невежин В.А.* ЗРС. С. 375 (Док. № 87).
- ³⁴ *Harriman W.A., Abel E.* Op. cit. P. 99.
- ³⁵ Цит. по: *Невежин В.А.* ЗРС. С. 363 (Док. № 85).
- ³⁶ *Lalou J.* Op. cit. P. 147, 151.
- ³⁷ Цит. по: *Катала Ж.* Указ. соч. С. 158.
- ³⁸ Там же. С. 148.
- ³⁹ Вячеслав Александрович Малышев (1902–1957) – государственный деятель. Народный комиссар танковой промышленности СССР (19 сентября 1941 г. – 17 июля 1942 г., 28 июня 1943 г. – 10 октября 1945 г.). Герой Социалистического Труда, генерал-лейтенант (5 августа 1944 г.) инженерно-танковой службы, генерал-полковник (19 апреля 1945 г.) инженерно-танковой службы.
- ⁴⁰ Пьер Пуйяд (1911–1979) – командир французской авиационной группы «Нормандия», сражавшейся на территории СССР против немцев (1943–1944). Подполковник (1944).
- ⁴¹ *Невежин В.А.* ЗРС. С. 407 (Док. № 93).

- ⁴² Жан-Ришар Блок (1884–1947) – французский писатель, драматург, общественный и театральный деятель. В 1941–1944 гг. проживал в СССР.
- ⁴³ Там же. С. 414–415 (Док. № 95).
- ⁴⁴ Александр Яковлевич Егнаташвили (1887–1948) – заместитель начальника 1-го отдела ГУГБ НКВД СССР по хозяйственной части (1938–1941). Заместитель начальника 1-го отдела НКГБ СССР (1941–1943). Начальник 6-го отдела и заместитель начальника 6-го Управления НКГБ СССР (1943–1945). Комиссар госбезопасности (1943); комиссар госбезопасности 3-го ранга (1944); генерал-лейтенант (1945).
- ⁴⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5 б. П. 40. Д. 17. Л. 14.
- ⁴⁶ Там же. Оп. 5. П. 34. Д. 405. Л. 10.
- ⁴⁷ Цит. по: *Невежин В.А.* ЗРС. С. 335 (Док. № 76).
- ⁴⁸ *Scott E.R.* How Georgian Cuisine Conquered the Soviet Table // *Kritika: Explorations in Russia and Eurasian History.* (Fall 2012). 13, 4. P. 836–840.
- ⁴⁹ *Богомолов А.А.* Добрый дедушка Сталин: правдивые рассказы из жизни вождя. М., 2012. С. 56.
- ⁵⁰ Фамилия Егнаташвили обозначена в этом документе.
- ⁵¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 14. Д. 134. Л. 15.
- ⁵² Там же. Оп. 5. П. 29. Д. 337. Л. 61; *Печатнов В.О., Магдеев И.Э.* Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны: документальное исследование. М., 2015. Т. 1. Фото между с. 480 и 481.
- ⁵³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 29. Д. 337. Л. 63.
- ⁵⁴ Кремль. Особая кухня: Ветеранам посвящается. М., 2014. С. 22.

II СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И ПРОПАГАНДА

В.А. Малахов

Освещение еврейских погромов 1881–1882 гг. в России британской и германской прессой

Спустя полтора месяца после убийства Александра II по новороссийским и украинским губерниям Российской империи прокатилась волна жестоких еврейских погромов. Беспорядки начались во время православной Пасхи в ночь с 15 на 16 апреля 1881 г. в Елисаветграде, охватили города и местечки Киевской, Волынской, Подольской, Черниговской, Полтавской, Таврической, Херсонской и Екатеринославской губерний и продолжались вплоть до конца июля того же месяца. 13 декабря 1881 г., накануне католического рождества, мятежи вспыхнули значительно западнее, в Варшаве и некоторых других городах Привислинского края. Беспорядки возобновились на Пасху 1882 г. в Подольской и Херсонской губерниях, достигнув своего апогея во время погрома в Балте, где было ранено и убито несколько десятков человек.

С первых дней погромы в России привлекли пристальное внимание западной прессы. Наибольшее внимание к проблеме по понятным причинам проявили еврейские периодические издания, такие, как “The Jewish Chronicle” в Великобритании и «Allgemeine Zeitung des Judentums» (далее AZJ) в Германии. Однако и многие общие периодические издания также пристально следили за беспорядкам в России. Среди немецких из-

даний, публиковавших материалы о погромах, стоит отметить такие газеты, как «Germania», «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» (далее «Norddeutsche»), «Neue Preußische Zeitung» (более известная как «Kreuzzeitung»)¹. Среди британских – лондонская «The Times»² и «Spectator».

В Германии 1881-й г. также был отмечен серией антиеврейских беспорядков (хоть и меньших масштабов, чем в Украине и в Привислинском крае), поэтому за ситуацией в России здесь наблюдали с особым интересом. Наиболее авторитетным еврейским изданием в Германии в рассматриваемый период был журнал AZJ. Издание выступало с ассимиляторских позиций, призывая не только немецких евреев отказаться от использования идиша и учить немецкий, но и русских евреев – учить русский язык, ассимилироваться в русскую культуру и быть патриотами России³. Описывая еврейские погромы в западных губерниях Российской империи, AZJ критиковал российские власти за пассивность и бездействие, проявленное при подавлении беспорядков. Критике также подверглась русская пресса, которая в своем большинстве возлагала вину за погромы на самих евреев, вернее, на экономическую эксплуатацию евреев местного населения. Именно распространение юдофобии российскими периодическими изданиями явилось, по мнению AZJ, одной из главных причин вспыхнувшего насилия⁴. С прискорбием журнал отмечал, что нигде, кроме Великобритании и США, события в России не вызвали широкого резонанса и общественного возмущения. Говоря о варшавском погроме, издание указывало на хорошую организованность погромщиков, это было свидетельством того, что погром был спланирован если не русскими властями, то с их молчаливого согласия. Правительство хотело доказать, что утверждения польской прессы о различиях между Россией и Польшей и невозможности погромов на территории последней – не верны, писал AZJ⁵. Впрочем журнал не питал иллюзий относительно еврейско-польских отношений, и признавал, что антисемитские настроения в польском обществе весьма сильны.

Одной из «общих» немецких газет, освещающих погромы в России, была «Germania». «Germania» была идейно близка ка-

толической партии центра, и резко выступала против политики проводимой Бисмарком в отношении католической церкви (Культуркампф). В газете статьям о России была присуща критика имперского правительства, общества и церкви. Восточный сосед Германии на страницах издания изображался отсталой страной, в которой католики подвергались гонениям и дискриминации. С большой симпатией газета относилась к полякам⁶.

Начало погромов в России «Germania» напрямую увязывала с убийством Александра II. Вина за беспорядки возлагалась на евреев-нигилистов, ответственных в смерти царя и заинтересованных в разжигании беспорядков в империи. Именно евреи (а не поляки, как это утверждалось на страницах некоторых других немецких изданий, например «Norddeutsche»), по мнению «Germania», были основными распространителями революционных идей в России⁷. Вскоре, однако, стало ясно, что революционеры не имели прямого отношения к организации погромов в России, и обвинения в нигилизме в адрес евреев заменяются другими характерными мифами, позаимствованными в большинстве своем из русских и польских юдофобских изданий. Евреи обвинялись в эксплуатации и спаивании крестьян, а погромы представлялись праведным (хоть и не законным) гневом местного населения⁸. Столь яркую антиеврейскую позицию издания по отношению к событиям в России можно объяснить ситуацией в самой Германии, где евреи поддерживали антикатолическую политику Бисмарка. Комментируя позицию базирующейся в Париже международной еврейской организации «Alliance israelite universelle», выразившей сочувствие своим единоплеменникам в России, «Germania» с неодобрением отмечала, что притеснения католиков (имея в виду политику секуляризации, проводимую во Франции), «Alliance» напротив встретил одобрением⁹.

«Germania» поддерживала политику сегрегации евреев, проводимую Александром III¹⁰, и вплоть до декабря 1881 г. была дружественно настроена по отношению к российскому правительству, видя причину погромов исключительно в экономической деятельности евреев. Ситуация кардинально меняет-

ся с началом варшавского погрома. Вслед за польской прессой «Germania» обвиняет в организации варшавского погрома российские власти, которые таким образом хотели очернить образ миролюбивых поляков¹¹. В качестве доказательства причастности правительства к погрому газета указывала на то, что зачинщики беспорядков якобы говорили на русском или с сильным акцентом. Однако уже в начале 1882 г., когда в лондонской «The Times» публикуются материалы о массовых зверствах русских погромщиков, «Germania» вновь занимает дружественную по отношению к России позицию. В начавшейся в Великобритании общественной кампании, целью которой было заставить правительство У. Гладстона вмешаться в ситуацию в России, «Germania» видела происки мирового еврейства и обвиняла «The Times» в преувеличении масштаба погромов¹². В целом можно отметить, что во время погромов 1881–1882 гг. «Germania» заняла ярко выраженную юдофобскую позицию и, за исключением варшавского погрома, не торопилась обвинять русских в организации погромов.

Интересно, что подобной позиции придерживалось большинство немецких изданий, в том числе идеологические противники «Germania». Так, придерживающаяся консервативных позиций «Kreuzzeitung», вслед за российскими юдофобскими изданиями, описывала русских евреев как эксплуататоров и нигилистов и именно на них возлагала основную вину в погромах. Статьи о зверствах погромщиков, опубликованные в «The Times», «Kreuzzeitung» объявила провокацией, направленной на то, чтобы поссорить Россию с Великобританией¹³.

Другое консервативное издание, выражающее интересы протестантского севера Германии, «Norddeutsche», использовало события в России для атаки на поляков и католиков в целом, обвинив их в революционной пропаганде и разжигании беспорядков¹⁴. Впрочем, когда стало понятно, что революционеры не причастны к организации погромов, газета переключилась на евреев, обвиняя их в высокомерии и тайном стремлении доминировать над христианами. Подобные обвинения касались не только русских евреев, но евреев в целом. Оправдывая таким образом антиеврейские выступления в самой Гер-

мании, «Norddeutsche» утверждала, что везде, где евреи составляют значительную часть населения, они вызывают отторжение и ненависть местного населения¹⁵. При этом размах и жестокость погромов в России объяснялись высокой концентрацией еврейского населения в западных губерниях России, а также экономической несостоятельностью местного крестьянства, чем пользовались евреи, спаивая и эксплуатируя христиан. Характеризуя действия российских правоохранительных органов и армии, газета отмечала их пассивность и слабую организацию. Неспособность армии быстро подавить беспорядки показали, насколько низок ее авторитет среди простого народа¹⁶. Критике со стороны издания также подверглась Русская православная церковь, которая, по мнению «Norddeutsche», не пользовалась уважением и не имела существенного влияния на общество, что привело к падению морали и распространению среди российской интеллигенции нигилизма¹⁷.

Иначе ситуация сложилась в Великобритании, где пресса встала на сторону евреев и возлагала ответственность за беспорядки почти исключительно на российское правительство. Хотя поначалу даже «The Jewish Chronicle» довольно осторожно описывал ситуацию в России, сочувствуя единоплеменникам и беспокоясь о судьбе эмигрантов-евреев, которые в массовом порядке начали покидать Россию, но не торопясь обвинять российское правительство в кризисе. Впрочем, беспорядки в России описывались в весьма мрачных тонах: грабежи, побои, сожженные дома и магазины. Уже в июле 1881 г. на страницах журнала Россия напрямую сравнивалась с средневековой Испанией, а ее притязания на статус «цивилизованной» страны ставились под сомнение¹⁸. Издание обвиняло российские власти не только в бездействии, но зачастую и в сочувствии погромщикам¹⁹. К концу 1881 г. при содействии «The Jewish Chronicle» в Соединенном Королевстве начала набирать обороты общественная кампания в поддержку русских евреев. От британского правительства требовали вмешаться в ситуацию в России²⁰. Даже публикация в начале 1882 г. российским МИД официальных данных об арестованных и осужденных погромщиках, которые должны были убедить мировую обществен-

ность в искренности усилий правительства в борьбе с беспорядками, была воспринята журналом как попытка пустить пыль в глаза²¹. Более того, когда в феврале 1882 г. в ответ на статьи “The Times” уже МИД Великобритании опубликовал донесения британских консулов в России, опровергавшие массовые убийства и изнасилования, “The Jewish Chronicle” объявил, что указанные донесения основываются на предвзятой, почерпнутой из российских источников информации и не могут соответствовать действительности²².

Пожалуй, одним из наиболее авторитетных британских изданий, во многом определивших восприятие еврейских погромов в России 1881–1882 гг., была лондонская “The Times”. Даже до антиеврейских беспорядков в своих статьях издание изображало Россию деспотичной, варварской и отсталой страной, недостойной называться цивилизованной европейской державой²³. Российское правительство представлялось главным угнетателем евреев, по мнению “The Times”, именно правительство поощряло распространение антисемитизма в обществе²⁴. Евреи для имперских властей стали своего рода козлами отпущения, на которых можно было свалить вину за все невзгоды простого народа, и которые принимали на себя все его недовольство, писала газета после начала погромов²⁵. Обозначив свою позицию по данному вопросу, в дальнейшем на протяжении 1881 г. “The Times” продолжала освещать события в России с минимумом редакторских комментариев.

Ситуация изменилась, когда в январе 1882 г. газета опубликовала материалы русско-еврейского комитета (Russo-Jewish Committee), британской организации, созданной для защиты интересов русских евреев²⁶. Эти статьи, позднее вышедшие отдельной брошюрой²⁷ и переведенные на многие европейские языки, сыграли решающую роль в формировании образа еврейских погромов в России на Западе. В них в сочных тонах описывались зверства погромщиков: массовые изнасилования и убийства, грабежи и поджоги. Российское правительство призывалось к ответу за эти преступления. Статьи получили широкий общественный резонанс, ситуацию в России напрямую сравнивали с массовыми убийствами турецкими войсками

болгар во время восстания 1876 г. Кабинет У. Гладстона подвергся критике за недостаточно жесткую позицию по данному вопросу, от правительства Британии требовали вмешательства в российские дела с целью защиты евреев.

В ответ на обвинения в нерешительности МИД Великобритании публикует донесения британских консулов в России²⁸. Донесения были составлены после опросов жертв погромов и разговоров с российскими официальными лицами, и в них картина беспорядков представляется совсем в ином свете. Из донесений следует, что сообщения о массовых убийствах и изнасилованиях – чистой воды фантазии. Так, консул Одессы Г.Е. Стенли смог подтвердить лишь один случай изнасилования и ни одного – убийства. Схожим образом были значительно преувеличены данные о материальном ущербе, понесенном евреями. Нерешительность российских войск в подавлении погромов в Варшаве объяснялась нежеланием генерал-губернатора осложнять и без того непростые русско-польские отношения и использовать против поляков огнестрельное оружие. В ответ на это в марте 1882 г. в “The Times” были опубликованы две статьи²⁹, в которых подвергалась сомнению достоверность информации изложенной в донесениях консулов; так, данные, предоставленные российскими официальными лицами, – предвзяты, а большая часть опрошенных жертв погромов просто боялись рассказывать правду, да и какая уважающая себя еврейка признается в том, что ее изнасиловали, иностранному консулу, задавался вопросом автор статьи. Далее вновь описывались зверства, учиненные погромщиками, а в качестве «нерушимого» доказательства достоверности этой информации автор удобно ссылаясь на некие письма неназванных руководителей еврейских общин России. Впоследствии МИД Британии опубликовал второй выпуск донесений консулов с более детальными расследованиями событий в России³⁰, которые также не смогли подтвердить большинство из самых серьезных обвинений в адрес погромщиков и российского правительства. Тем не менее в общественном мнении западных стран образ погромов 1881–1882 гг. в России закрепился именно в самом неприглядном и сильно преувеличенном изложении “The Times”.

Популярный журнал “The Spectator”, поддерживавший правительство У. Гладстона, подключился к дискуссии о беспорядках в России лишь осенью 1881 г. Комментируя циркуляр министра внутренних дел России Н.П. Игнатьева, в котором чиновник возлагал вину за беспорядки на евреев, указывая на их религиозный фанатизм, эксплуатацию христиан, нежелание заниматься производственным трудом, издание подвергло российское правительство жесткой критике. В целом соглашаясь с тезисом о том, что евреи ничего не производят и живут за счет крестьян, “The Spectator” писал: «правительство России не видит, что идеальным лекарством является свобода. Именно благодаря отсутствию ограничений, а не под их влиянием, евреи смогут постепенно слиться с окружающим населением»³¹.

После варшавского погрома, комментируя точку зрения, будто российские власти сами организовали беспорядки для того, чтобы наказать евреев за связь с нигилистами, журнал писал, что подобная теория выглядит маловероятной, так как российское правительство достаточно сильно, чтобы самому карать и арестовать своих врагов, не прибегая к помощи разгневанной толпы. Тем не менее, продолжал “The Spectator”, сейчас нельзя не признать того, что все евреи презирают Россию, а российское правительство и пресса отвечают им взаимностью. Единственный выход из сложившейся ситуации, подытоживало издание, полная правовая эмансипация евреев, которая станет первым шагом к их слиянию с христианским населением³².

После публикации в январе 1882 г. статей в “The Times” и начала общественной кампании в поддержку русских евреев, когда все сильнее начинают звучать голоса с требованием от правительства У. Гладстона вмешаться в ситуацию в России, “The Spectator” призывал не торопиться и дожидаться, пока о погромах появится более достоверная информация. Зверства, совершенные в Болгарии, писал журнал, были подтверждены многочисленными свидетельствами корреспондентов газет, а также британскими и американскими консулами, информация же о зверствах в России основывается на перепечатках и компиляциях материалов неизвестных иностранных газет³³. После

публикации донесений британских консулов о погромах “The Spectator” не без удовольствия отметил, что их сомнения в достоверности материалов, опубликованных “The Times”, полностью оправдались. Сравнения действий российского правительства во время беспорядков с зверствами турок во время болгарского восстания абсолютно несправедливы по отношению к России, писал журнал³⁴.

Несмотря на это, обвинить редакцию “The Spectator” в излишних симпатиях к правительству России сложно. Единственное преимущество деспотичного правительства, такого, как российское, перед анархией – это обеспечение порядка и безопасности своих подданных. Если деспотия не справляется даже с этим, то она теряет единственное оправдание для своего существования. Российские власти виноваты в бездействии и пассивности, более того, возложив вину за погромы на экономическую деятельность евреев, правительство еще более подогрело юдофобские настроения в стране, пишет журнал³⁵. Критикуя политику Александра III направленную на увеличение правовых ограничений и сегрегацию евреев, “The Spectator” вновь и вновь настаивает, что единственное лекарство от погромов – эмансипация и интеграция евреев в российское общество.

Таким образом, мы видим, что характер освещения беспорядков в России в западной прессе зависел от политической ориентации конкретного периодического издания. Более того, события в России зачастую использовались для внутривнутриполитических целей и атаки на политических оппонентов. Так, например, «Norddeutsche» в Германии с первых дней погромов увидела в них польскую интригу и не преминула использовать это для атаки на поляков и католиков в целом, тогда как «Germania», наоборот, всеми возможными способами их защищала. В Британии статьи, опубликованные в “The Times”, использовались для давления на правительство, в то время как “The Spectator” пытался защищать кабинет У. Гладстона и до какой-то степени – Россию. В целом можно отметить, что пресса Германии (за исключением AZJ) по сравнению с британской была настроена намного более дружелюбно к России и

враждебно к евреям. Политика, проводимая Александром II, как правило, одобрялась, а вина за беспорядки возлагалась на экономическую деятельность евреев. В Великобритании, наоборот, пресса крайне критично относилась к российскому правительству, на которое возлагалась основная вина за еврейские погромы. Даже “The Spectator”, до известной степени защищавший Россию от преувеличенных обвинений, озвученных на страницах “The Times”, критиковал российские власти за проводимую ими политику, настаивая на необходимости эмансипации русских евреев. Стоит отметить, что в общественном мнении западных стран образ погромов 1881–1882 гг. в России закрепился именно в самом неприглядном и сильно преувеличенном изложении “The Times”.

---

¹ См.: *Weinberg S.* Pogroms and Riots: German Press Responses to Anti-Jewish Violence in Germany and Russia (1881–1882). Frankfurt a. Main, 2010.

² См.: *Klier J.D.* Russians, Jews, and the Pogroms of 1881–1882. Cambridge, 2011. P. 398–408.

³ *Weinberg S.* Op. cit. P. 183–184.

⁴ Allgemeine Zeitung des Judentums. 1882. 9.05.

⁵ Ibid. 10.1.

⁶ *Weinberg S.* Op. cit. P. 115–116.

⁷ Germania. 1881. 14.03; 2.04.

⁸ Ibid. 18.05; 14.11.

⁹ Ibid. 8.06.

¹⁰ Ibid. 14.11.

¹¹ Ibid. 28.12; 30.12.

¹² Ibid. 1882. 20.01; 21.01.

¹³ *Weinberg S.* Op. cit. P. 85–89.

¹⁴ Norddeutsche Allgemeine Zeitung. 1881. 28.05.

¹⁵ Ibid. 18.05.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid. 5.05.

¹⁸ The Jewish Chronicle. 1881. 8.07; 29.07.

¹⁹ Ibid. 12.08.

²⁰ *Monaco C.S.* The Rise of Modern Jewish Politics: Extraordinary Movement. N.Y.; London, 2013. P. 148–149.

²¹ The Jewish Chronicle. 1881. 10.02.

²² Ibid. 24.02.

²³ См.: *Klier J.D.* Cit. op. P. 398–399.

²⁴ The Times. 1880. 16.03.

- ²⁵ Ibid. 1881. 24.05.
- ²⁶ Ibid. 1882. 11.01; 13.01.
- ²⁷ Persecution of the Jews in Russia, 1881: Reprinted from the “Times”, with map and tabulated statement. 3rd London, 1882. См. также: *Klier J.D.* Cit. op. P. 404.
- ²⁸ Correspondence respecting the treatment of Jews in Russia. 1882. No. 1.
- ²⁹ The Times. 1882. 2.03; 3.03.
- ³⁰ Correspondence respecting the treatment of Jews in Russia. 1882. No. 2.
- ³¹ The Spectator. 1881. 15.10.
- ³² Ibid. 1882. 7.01.
- ³³ Ibid. 28.01.
- ³⁴ Ibid. 25.02.
- ³⁵ Ibid. 28.01.

Итальянский проект «Радио Москва»

В период сосуществования двух тоталитарных режимов, коммунистического и фашистского, в отношениях между Италией и СССР можно выделить два основных этапа. Первый берет свое начало в 1924 г., когда правительство Муссолини официально признало Советскую Россию. Начало же второго совпало с нападением фашистской Италии на Абиссинию в 1935 г., вызвавшим отрицательную реакцию СССР и сблизившим Муссолини и Гитлера на позициях агрессивной внешней политики и антидемократической направленности обеих идеологий.

Следует отметить, что антисоветская и антикоммунистическая пропаганда являлись частью фашистского политического дискурса еще с момента прихода к власти Муссолини. Однако эта составляющая периодически меняла остроту тона и приобретала более или менее расплывчатые очертания в зависимости от конъюнктурных интересов обеих сторон. Экономические и геополитические факторы на первом этапе оказывали существенное влияние на принимаемые итальянским правительством решения. С момента сближения с нацистской Германией антикоммунистическая и антисоветская пропаганда фашистского режима стали составлять значительную часть его идеологии. Именно к этому периоду относится появление «Радио Москва» («РМ»), вещавшего на европейские страны, а также на территорию СССР.

Относящиеся к истории существования «Радио Москва» документы хранятся в разрозненном виде в Центральном Государственном Архиве (ЦГА) Рима и Историко-Дипломатическом архиве МИД Италии (ИДА МИД). В фонде Министерства народной культуры ЦГА находятся материалы, посвященные, главным образом, делопроизводству Отдела «Россия», отвечавшего за антикоммунистическую радиопропаганду. В

архиве итальянского МИД в многочисленные папки фонда Министерства народной культуры беспорядочно вложены тексты радиопередач на итальянском и русском языках. Если материалы ЦГА были уже введены в научный оборот итальянскими исследователями Ф. Каннистаро¹ и Дж. Петракки², то документы Историко-Дипломатического архива лишь недавно подверглись подробной инвентаризации и представляют собой свежий, еще не востребованный историками материал.

Предположительно, идея создания «подпольного» радио принадлежит крупному специалисту по вопросам советского права, юристу Томмазо Наполитано³, работавшему в тесном контакте с фашистскими органами пропаганды и поставлявшему сведения о Советской России. В частности, Наполитано являлся постоянным сотрудником Центра Антисоциалистических исследований, задействованного в проекте подпольного вещания. В разработке проекта участвовал также НУПИЕ (Отдел пропаганды в Италии и за границей при Министерстве народной культуры), получавший свежую информацию из различных источников, в том числе по дипломатическим и журналистским каналам⁴.

Тексты для радиопередач составлялись на итальянском языке, а затем переводились на русский и зачитывались русскоговорящими дикторами. (Так, среди штатных работников Отдела «Россия» числился некий граф Шереметьев, чье имя можно не раз встретить на страницах текстов, переведенных зачастую карандашом и с использованием дореволюционной орфографии). Это позволяло переводчикам исправлять неточности в написании личных имен и топонимов, используемых итальянскими авторами текстов. Переводчики указывали также на грубые смысловые ошибки, в результате которых советским слушателям могло быть нанесено оскорбление. Так, употребление слова «азиатский» в качестве характеристики русского народа, по совету переводчика, было вычеркнуто⁵.

Изначально предполагалось, что вещание антисоциалистических программ будет идти от имени троцкистской оппозиционной партии «Союз освобождения». Однако Т. Наполитано убедил руководство в непопулярности Л. Троцкого среди

советского населения и предложил передавать «подпольные программы “Радио Москва” от имени несуществующей секретной партии старых большевиков, действующих в СССР и распространяющих антибольшевистскую и антисталинскую пропаганду»⁶.

Журналисты, работавшие на радио, получали сведения из многочисленных источников. Прежде всего, Т. Наполитано и русскоговорящие сотрудники прочитывали ежедневно основные советские газеты «Известия» и «Правду», черпая оттуда новости о событиях политического и экономического характера, а также статистические данные. Затем Наполитано обрабатывал прочитанную информацию, снабжал ее подробностями и комментариями, способными оказать нужный эффект на слушателей, и передавал русским переводчикам. Упоминание о советской печати как об источнике сведений о СССР можно неоднократно найти в текстах самих радио передач: «Свыше десяти тысяч жертв расстрела представляют собой мрачный итог этого 1937 года. И это следует из ваших же газет»⁷. Важным источником информации было также советское радио⁸, прослушиванию которого уделялось особое внимание, так как итальянскими спецслужбами тщательно отслеживалась вся антифашистская пропаганда, исходящая из СССР. Она помогала итальянцам лучше ориентироваться в выбранном на тот момент внешнеполитическом курсе Политбюро и вовремя вырабатывать ответную линию поведения.

Во время радиовещания «Радио Москва» зачитывались статьи из фашистской прессы, содержавшие критические отзывы об СССР, а также передавалось краткое содержавшие антисоветских книг, опубликованных в Италии. Как правило, цитировались воспоминания бывших советских граждан, бежавших из СССР и получивших политическое убежище в Европе, а также европейских и американских путешественников, пожелавших своими глазами увидеть или даже поучаствовать в советских стройках и впоследствии разочаровавшихся в коммунистическом режиме. В центре внимания журналистов «Радио Москва» были также статьи критического содержания, опубликованные во французских газетах, что, с их точки зрения, в еще большей

степени доказывало кризисное положение СССР, терпевшего нападки даже со стороны своего политического союзника.

Среди источников информации «Радио Москва» необходимо также упомянуть доклады итальянских послов в Москве, которые предположительно составлялись по запросу Министерства народной культуры на различные интересовавшие его темы⁹. Что же касается Центра Антисоветских исследований, то сотрудничество с ним выражалось в составлении Г. Наполитано Секретных бюллетеней, посвященных различным аспектам политической, экономической и социальной жизни СССР. Секретные бюллетени «предоставляли документы и сведения о советском фронте, служащие для определения ориентиров для тех, кто занимается современными проблемами СССР как во внутренней политике, так и на внешнеполитической арене»¹⁰.

Трансляция первых программ «Радио Москва» состоялась в декабре 1937 г. Всего за 1938 г., по подсчетам итальянского исследователя Ф. Каннистраро, «РМ» выходило в эфир 241 раз с периодическими паузами в вещании в целях имитации глушения советскими станциями¹¹. Во время первой передачи русскоговорящий диктор перечислил основные цели Союза освобождения и поставленные партией перед радио задачи: «объединить все оппозиционные группы, действующие на территории СССР и борющиеся против сталинского режима, рассказать горькую и жестокую правду о преступлениях и провалах советской системы, доказать крах большевистской идеологии и ее непопулярность в России»¹².

Передачи на русском языке транслировались с периодичностью раз в день. С началом Второй мировой войны число выпусков возросло, стали выходить также передачи на украинском, грузинском и финском языках. По содержанию программы можно разделить на два типа: новостные и тематические. В рамках первых зачитывались новости внешней политики, хроники гражданской войны в Испании и советско-финской войны; ко вторым относились передачи, посвященные специальным темам о внутреннем положении в СССР, социально-политическим аспектам жизни советского общества. Идеоло-

гический подход к рассмотрению всех вопросов проявлялся в крайне критической позиции авторов по отношению к советской реальности. Во время тематических передач, или как их было принято называть на профессиональном сленге «бесед», зачитывались также отрывки из антисоветских книг, опубликованных в Европе (Эссад Бей¹³ «Красная справедливость», Де Басиль «Россия под игом Советов» и т.д.), из статей из итальянских и французских газет. В одной из передач авторы текстов ставили себе в заслугу освещение в наилучшей степени иллюстрирующих советскую действительность произведений: «Публикации политиков, экономистов, инженеров, рабочих, путешественников, журналистов, которым пришлось жить в советском раю, со страшными подробностями запечатали ужасы большевизма. Мы не упускали ни малейшего случая сообщать вам о публикации таких произведений и даже часто, насколько это позволяла сжатость эфирного время, зачитывали вам отрывки из них»¹⁴.

Для придания большей убедительности передаваемой информации руководство «Радио Москва» пригласило бежавшего за границу советского дипломата Ф. Бутенко рассказать в эфире об особенностях сталинского режима и поделиться со слушателями своими впечатлениями. Незадолго до этого в итальянской прессе была опубликована целая серия статей, написанных Бутенко о своей жизни в СССР, о своем побеге, его причинах и возможных последствиях. Однако на этот раз руководство Отдела решило не только зачитать газетные статьи¹⁵, но и пригласить ставшего к тому моменту широко известным во всей Европе бывшего дипломата, предварительно согласовав приглашение Бутенко с органами внутренней безопасности и получив разрешение на столь рискованный с точки зрения отношений с советским правительством шаг. Приглашение Бутенко было приурочено к празднованию в СССР очередной годовщины Октябрьской революции, для чего в программу радиовещания были включены «беседы, которые должны продемонстрировать крах большевистской революции. [...] Эти беседы будут проводиться знаменитым бывшим русским дипломатом Бутенко»¹⁶.

Помимо прямых свидетельств бывших советских дипломатов, «Радио Москва» передавало воспоминания бежавших за границу советских военных, агентов ГПУ, бывших сторонников новой России и разочаровавшихся в советском режиме вследствие пребывания в СССР (например, А. Жид), рабочих-социалистов, направившихся в Россию в поисках работы и лучших условий жизни¹⁷. Особое место было уделено зачетнику воспоминаний бежавшего из сталинских лагерей писателя и публициста И.Л. Солоневича. Опубликованные в Париже в 1935 г. главы его будущей книги «Россия в концлагере» внесли значительный вклад в распространение на Западе информации о параллельной, тайной жизни советского общества, скрытой от взглядов иностранных туристов, желающих поближе познакомиться с советским строительством.

Стоит отметить, что, несмотря на общее антисоветское содержание зачитываемых текстов, тон передач менялся в зависимости от внешнеполитического курса фашистского правительства. После подписания секретного Пакта Молотова – Риббентропа в августе 1939 г. и резкого изменения внешнеполитического курса нацистской Германии в отношении СССР в советско-итальянских отношениях наметилось некоторое сближение, и, по настоянию Гитлера, Муссолини вынужден был ослабить проводимую им жесткую антисоветскую политику. Резкий поворот в отношениях между Италией и СССР отразился и на содержании составляемых для «Радио Москва» текстов, сменивших резкий тон на более нейтральный. В конечном итоге было принято решение прервать трансляцию передач подпольного антисоветского радио «в ожидании более ясной позиции сталинской политики»¹⁸. В одной из последних передач Т. Наполитано даже приписал удачное завершение переговоров между СССР и Германией результатам деятельности тайных членов «Союза освобождения», действовавших в стенах Кремля, в непосредственной близости к Сталину. «За нашим словом следует действие: С.О. (так в документе. – *О.Д.*), воспользовавшись собственными средствами для внедрения, уже существующими своими ячейками, действующими в наиболее острых точках государственной системы рядом с самим

Сталиным, осуществил то, о чем в прошлом ясно заявил... Друзья из СССР, мы уже не раз вам повторяли, а сейчас об этом говорит и сам Молотов: настоящие враги мира — это Англия, Франция и Польша»¹⁹.

Однако уже в феврале 1940 г. «Радио Москва» снова вернулось к резким антисоветским выпадам, обосновывая свою непримиримую позицию антифашистской пропагандой, распространяемой в Европе советским радио. «Московская радиостанция продолжает транслировать передачи на итальянском языке в резких антифашистских тонах, проводя против Италии организованную кампанию лжи»²⁰.

Предполагаемой аудиторией были широкие слои советского населения. «Радио Москва» ставило себе целью охватить своим вещанием всю территорию СССР и «рассказать русскому народу всю правду» о его положении по сравнению с условиями жизни на Западе. Об этих амбициях напрямую заявлял один из основных авторов текстов М. Барберито: «Очевидно, что лишь благодаря нашему радио русский народ узнает, что думают и пишут о большевизме в других странах мира»²¹.

Судя по частым обращениям в начале каждой трансляции, целевой аудиторией «РМ» были советские рабочие и крестьяне, однако обращалось внимание и на советскую интеллигенцию, высшие военные чины и государственных чиновников. Если верить докладу самого Т. Наполитано, то «тысячи» советских слушателей «Радио Москва» были арестованы и расстреляны органами ГПУ²². Благодарных слушателей радио находило среди бывших, ностальгирующих по дореволюционному прошлому эмигрантов-белогвардейцев, которым «РМ» давало надежду на скорейшее освобождение России от «ига большевиков». Среди архивных документов хранятся письма от белых эмигрантов, посланных в Рим из Румынии, Югославии и Голландии.

Диапазон тем, затрагиваемых во время радиопередач, был крайне широким. От хода и результатов пятилетних планов до состояния советской культуры, от обсуждения внешнеполитического курса Сталина до описания жизни в исправительно-трудовых и концентрационных лагерях, от нравственно-

религиозных вопросов до описания быта рабочих и крестьян. Все предлагаемые слушателям темы сопровождались резкой и непримиримой критикой советской системы, марксистской идеологии и сталинской политики.

В рамках общей темы моего исследования образа России в представлении итальянских солдат, воевавших на советском фронте, я выделила несколько наиболее часто повторяющихся в радиопередачах сюжетов, которые так или иначе могли оказать влияние на формирование общественных представлений о России. Разумеется, необходимо учитывать крайне ограниченный доступ широкой итальянской публики к русскоязычным передачам, а также само предназначение «Радио Москва» для советского слушателя в рамках подрывной деятельности итальянских служб пропаганды. Однако изучение передаваемых по радио текстов позволяет приблизиться к бытовавшим тогда представлениям о Советской России. Именно они разрабатывались в кругах Министерства народной культуры и насаждались по иному, уже годами опробованному каналу (пресса, государственное радио и телевидение), среди итальянского населения.

Одним из наиболее часто обсуждаемых сюжетов была изоляция СССР, причем тема изоляции рассматривалась в трех различных аспектах. С одной стороны, это была самоизоляция России, в результате действий сталинского правительства, выраженная в закрытии границ, выдворении иностранных дипломатов и жестком контроле за въезжающими и выезжающими советскими гражданами. Такие действия диктовались не только необходимостью держать в секрете происходящее в стране, но и не давать возможности советским гражданам сравнивать собственный уровень жизни с условиями жизни и работы европейцев. «Сущность коммунизма заключается в строительстве тюрьмы для народов и загона для скота (людей), так как социализм не признает ценность человеческого существа и видит в нем лишь рабочий скот»²³.

С другой стороны, по мнению итальянских журналистов, западные страны сами отказывались иметь дело с «варварским режимом» и автоматически исключали советское правительст-

во из переговорных процессов и обсуждения геополитических вопросов и отказывались заключать с ним двусторонние соглашения. Такая маргинализация Советской России обуславливалась боязнью европейских правительств допустить проникновение нежелательных политических идей в свои страны и борьбой национальных служб безопасности с распространением коммунизма. «Изоляция большевистской России все усугубляется. Страх большевистской заразы парализует Государства в их попытках установления сотрудничества с Советами»²⁴.

И наконец, в речах дикторов русскоязычного радио часто звучала мысль о внутренней изоляции в СССР, то есть изоляции целых групп населения из-за их классовой, национальной и политической принадлежности. Многочисленные тюрьмы, ИТЛ и концлагеря создавали впечатление страны-матрешки, где в одной большой тюрьме, размером в целое государство, скрыто много маленьких, представляющих собой своеобразные автономные территории. «В Союзе установилась эпоха страха и полицейский беспредел. В одной из тюрем, где в царскую эпоху сидело два-три человека, сегодня содержатся 40–50 заключенных. В подобных условиях поражает моральных дух арестованных»²⁵. Тройная трактовка феномена изоляции должна была вызвать у слушателей мысль о закрытой территории зла, об искусственном его поддержании со стороны терпящего крах сталинского правительства, а также о скором конце угнетающего и разлагающегося режима.

Лейтмотивом многих передач было скорое и неизбежное освобождение России от «большевистской клики», так как «призыв к восстанию и крики ненависти слышны со всех концов этой несчастной русской земли»²⁶. В конце зачитываемого текста диктор нередко призывал русский народ к национальной революции и свержению поправшего его достоинство сталинского режима. Журналисты «Радио Москва» с уверенностью утверждали о существовании сильной оппозиции существующей власти, доказательством чему служили многочисленные расстрелы в Советской России высших военных чинов и политических деятелей из когорты верных ленинским принци-

пам большевиков. По утверждению журналистов, чистки служили свидетельством страха Сталина перед восстаниями, заставлявшем его предпринимать превентивные меры в виде физического уничтожения своих политических противников. «Возможно, народные комиссары и другие высокопоставленные правительственные чины уничтожаются один за другим из-за боязни восстания»²⁷.

«Подпольное» радио не только призывало советский народ к восстанию, но и давало инструкции для его проведения и удачного завершения. Так, по плану итальянских авторов, главная роль возлагалась на армию, которая должна была устранить из своих рядов всех партийных чиновников и предателей, а затем, вооружив народ, вовлечь его в активную фазу свержения сталинского режима, чтобы тем самым спасти страну от окончательного краха.

Другим способным привести к восстанию фактором могла быть война, которую, по мнению авторов текстов «Радио Москва», развяжет само советское правительство. В ходе боевых действий советское население вооружится и направит свой гнев не против врага СССР, который в действительности будет героем-освободителем русского народа, а против самого советского правительства, вынуждающего его жить в нечеловеческих условиях. «Советское правительство ошибочно старается вовлечь Европу в войну, так как, если война и разгорится, то первой от нее пострадает большевистская Россия, так как вооруженный русский народ обратит оружие против своих же палачей»²⁸. Таким образом, Италия могла протянуть дружественную руку и способствовать свержению ненавистного коммунистического строя.

Однако, несмотря на повторяющиеся призывы к восстанию и уверенность в готовности советского народа к активному действию, революция так и не свершилась. В качестве объяснения такой инертности журналисты выдвинули версию о депрессивном состоянии народных масс, о потере надежды на скорое освобождение и о беспрекословном подчинении русского народа сталинскому режиму. «Составляющие СССР народы не так уж и наивны и невежественны, чтобы наконец не

понять всю правду о советском режиме. Но как спасти себя? Как освободиться от сталинского гнета, если они безоружны, страдают от голода, а вся сила сосредоточена в руках правительства и своры его прихвостней?»²⁹ Мысль о беспомощности русских и необходимости извне подтолкнуть их к восстанию уже служила явной предпосылкой к аргументации будущего вторжения итальянской армии в СССР, ставшей частью пропагандистского арсенала фашистской власти. «Уже завтра, если возникнет такая необходимость, Римская держава обнажит меч во имя избавления от большевистской заразы и несчастной русской земли и вернет русскому народу его тысячелетнюю роль величественного распространителя цивилизации»³⁰.

Журналисты «Радио Москва» не переставали демонстрировать глубокое уважение в адрес «великого» и «благородного» русского народа (именно русского, а не советского) и подчеркивать положительные качества его характера, а также богатство оставленного им культурного наследия. Одновременно с этим в передачах выражалось сострадание «несчастному русскому народу», вынужденному жить в «печальных тюремных условиях». Человеческое достоинство в СССР, по мнению итальянских журналистов, оказывалось попранной беспощадной эксплуатацией во имя промышленного развития и наращивания военного потенциала. Жизнь человека теряла свою нравственную ценность, превращаясь в единицу труда и жертву сталинских амбиций. В результате русский народ переживал глубокий моральный упадок, выражавшийся в повсеместном доносителстве, деградации межличностных отношений, распространении проституции и процветании самых низменных инстинктов. «Общеизвестным стало то, что советский народ вынужденно совершает поступки, неприемлемые для человеческого достоинства. Состояние так называемой слежки и страха послушаться этих главарей коммунистов, в котором всем приходится жить, равно разлагающемуся состоянию души шпиона, поджидающего выгодный момент для приобретения собственной выгоды на страдании и за счет других»³¹.

Судя по частоте упоминания этой мысли, итальянские журналисты искренне верили в скорейшее падение советского

режима по причине его крайней непопулярности среди местного населения, готовности русских солдат перейти на сторону противника в вооруженных столкновениях с японцами и финнами. Сталин, по мнению авторов передач «Радио Москва», боялся развязывать войну и вмешиваться в мировые конфликты из-за шаткого положения своей власти и повсеместного недовольства ею среди широких слоев населения. Бегство за границу советских партийных работников, расстрелы среди высших армейских чинов и ближайшего окружения самого Сталина свидетельствовали о скором приближении конца разлагающегося изнутри тоталитарного режима. Ярким доказательством безнадёжного положения советской власти была ее неспособность построить здоровое общество с достойным уровнем жизни для своих граждан. Подобный режим не имел шанса на длительное существование. Полный крах потерпели и попытки распространить коммунистические идеи в разных европейских странах, где они не только не прижились, но были отвергнуты, а СССР изолирован от всего европейского сообщества как очаг «опасной инфекционной болезни».

Особое внимание уделялось вопросам бытовой жизни в СССР и положению семьи. «Радио Москва» рисовало жизнь в Стране Советов в самых черных красках: низкий материальный уровень жизни сопровождался духовно-нравственным падением советского общества. Среднестатистический советский рабочий жил хуже, нежели безработный гражданин Америки. Намереваясь построить справедливое общество путем устранения богатых, большевики превратили всех в одинаково бедных и голодных, добившись тем самым пропагандируемого ими всеобщего равенства. Борьба же с религией, разрушение института семьи и его замена свободными отношениями, подмена искусства пошлой пропагандой привели к духовной нищете, ставшей отличительным признаком каждодневной жизни советского человека. Феномен беспризорников, ответственность жен и детей за предполагаемые преступления мужей и отцов, продажа детей за кусок хлеба, широкий размах проституции были свидетельством разрушения здоровой семьи, первоочередной ценности в идеологии итальянского фашизма.

Материальный и духовный вакуум личной жизни сопровождался разрывом общественных связей, катастрофическим состоянием инфраструктуры, бедственным положением легкой промышленности и сферы услуг. Все это превращало жизнь советского населения в непрерывный кошмар, невообразимый для европейского человека, привыкшего к благам цивилизации.

Основной целью «Радио Москва» было создание апокалиптической картины советской действительности, направленной на подрыв коммунистического строя путем убеждения советского населения в необходимости скорейшего восстания и свержения сталинской диктатуры. Деятельность «РМ» можно рассматривать как пробу пера итальянского фашизма в распространении антисоветской пропаганды среди самого советского населения, что станет основным видом деятельности итальянских пропагандистов во время оккупации Украины и юга России. На данный момент исследования нет возможности ответить на вопросы о результатах выполнения этой задачи, другими словами, сколько советских граждан (%) слушало программы на волнах «Радио Москва», об эффективности работы советских станций по глушению антисоветских передач, об ответной реакции жителей СССР на прослушивание программ итальянского радио. Очевидно, что следующим шагом в раскрытии темы будет работа в российских архивах по поиску документов, позволяющих ответить на поставленные выше вопросы.

---

¹ *Cannistraro Ph.* La fabbrica del consenso: Fascismo e mass media. Roma: Laterza; Bari, 1975; *Cannistraro Ph., Wynot E.D., Jr.* On the Dynamics of Anti-Communism as a Function of Fascist Foreign Policy, 1933–1943 // *I1 Politico*. 1973, December. 38.4. P. 645–681.

² *Petracchi G.* “Il Colosso dai piedi d’argilla”: l’URSS nell’immagine del fascismo // *L’Italia e la politica di le potenze Europa (1938–1940)*. Milano, 1985. P. 149–170.

³ О деятельности Т. Наполитано в качестве разработчика содержательной стороны антисоветской пропаганды см.: *Maffei R.* : 1) *Crollo e fenomenologia del Terrore russo: L’Urss negli scritti e nelle corrispondenze di Tommaso Napolitano (1938–1942)* // *Nuova storia contemporanea*. 2009. 4 ; 2) *L’ultima crociata antibolscevica: Tommaso Napolitano e l’Ufficio Est* // *Ibid.*

2011. 1. P. 34–64 ; 3) «Caccia alle streghe» nell'Italia fascista: Il caso Napolitano: storia di una persecuzione // Ibid. 2014. 6. P. 15–52.
- ⁴ *Cannistraro Ph., Wynot E.D., Jr.* Op. cit. P. 656.
- ⁵ *Барберито М.* Ежедневные политические новости? 22.5.1938 // ИДА МИД. Ф. Минкульпоп. Д. 226.
- ⁶ *Пэйдже Дж.* Записка для Его Превосходительства Министра Минкульпоп // Там же. Д. 331.
- ⁷ Текст для радиопередачи «Итоги года», 29 декабря 1937 // Там же. Д. 138.
- ⁸ См., например: XII Отчет о последних направлениях советской радиопропаганды (с 6 по 16 декабря 1940) // ЦГА. Ф. Минкульпоп. Кабинет. Д. 27.
- ⁹ См., например: Телеграмма Россо от 17 марта 1937 // Там же; Телеграмма Черрути от 24 ноября 1928 // Там же. Присланная в Микульпоп информация касалась положения женщины в СССР, сведений о коммунистической партии, истории массонства в России и т.д.
- ¹⁰ Бюллетень Центра антикоммунистических исследований. Год I. № 2 // Там же. Д. 124.
- ¹¹ *Cannistraro Ph.* Op. cit. С. 270.
- ¹² Ibid.
- ¹³ Настоящее имя Лев Абрамович Нуссинбаум.
- ¹⁴ *Барберито М.* Москва вручает вознаграждения сторонникам большевиков, 21 сентября 1938 // ИДА МИД. Ф. Минкульпоп. Д. 21.
- ¹⁵ Диктор «Радио Москва» зачитал 14 июля 1938 г. перевод на русский язык статьи Ф. Бутенко «Рабство советского народа», опубликованной в *Gazzetta del popolo* (1938.14.7).
- ¹⁶ *Пэйдже Дж.* Записка для С. Лучано, 30 сентября 1938 // ЦГА. Ф. Минкульпоп. Кабинет. Д. 124.
- ¹⁷ О пребывании итальянских рабочих в советской России см.: *Venturi A.* Tra propaganda sovietica: e immaginario socialista: Le impressioni italiane del viaggio in Russia dell'estate 1920 // Movimento operaio e socialista. N.s. 1985. VIII, no. 3; *Graziosi A.* «Visitors from other times»: foreign workers in the prewar piatiletki // Cahiers du monde russe et soviétique. 1988, Avril – Juin. Vol. 29, no. 2. P. 161–180.
- ¹⁸ *Пэйдже Дж.* Записка для Его Превосходительства Министра Минкульпоп, 26 августа 1939 // ИДА МИД. Ф. Минкульпоп. Д. 331.
- ¹⁹ *Наполитано Т.* Позиция С.О. после советско-германского договора, 7 сентября 1939 // Там же.
- ²⁰ Письмо Пальяро к Телезио, 11 февраля 1940 // Там же. Д. 345.
- ²¹ *Барберито М.* Ценности капитализма в СССР, 15 декабря 1938 // Там же. Д. 323.
- ²² *Cannistraro Ph., Wynot E.D. Jr.* Op. cit. P. 667.
- ²³ *Барберито М.* «Свидетельства», 3 августа 1938 // ИДА МИД. Ф. Минкульпоп. Д. 323.
- ²⁴ *Его же.* Без названия, 1 января 1939 // Там же.
- ²⁵ Жестокая правда о России, 28 апреля 1938 // Там же. Д. 24.
- ²⁶ *Барберито М.* Ежедневные политические новости, 20 марта 1938 // Там же. Д. 323.

- ²⁷ *Его же.* Стронник большевизма рассказывает о России, 8 сентября 1938 // Там же.
- ²⁸ *Его же.* Еженедельные политические новости, 18 сентября 1938 // Там же. Д. 21.
- ²⁹ *Его же.* Трагедия русского народа, 6 февраля 1938 // Там же. Д. 323.
- ³⁰ *Его же.* Рим против большевизма, 24 июля 1938 // Там же. Д. 24.
- ³¹ *Пальяро.* Иллюзии и обман самокритики, 20 мая 1938 // Там же. Д. 226.

**«Выставляли сборные команды,
что снижало спортивный интерес к встрече»:
визит испанских рабочих спортсменов
в СССР осенью 1933 г.¹**

4 сентября 1933 г. в морской порт Одессы прибыл пароход «Зырянин». На его борту находилась испанская футбольная команда, состоявшая из местных рабочих. «Какое политическое значение мы и КСИ* придаем первому приезду испанской рабочей команды, вы себе ясно представляете... поэтому необходимо особенно тщательно и заблаговременно подготовиться к приему этой делегации», – говорилось в письме, посланном председателю местного областного Совета физкультуры из международного сектора Всесоюзного комитета по физической культуре и спорту (ВСФК)².

Так началась полуторамесячная поездка футболистов из Испании по Советскому Союзу, которая рассматривалась обеими сторонами не только как спортивное мероприятие. Для приезжих гостей это была возможность побывать в стране, которую испанский образованный слой считал «иконой модерности»³, оценить ее достижения. Принимающая сторона использовала спортивное состязание как шанс для политической работы с гостями, для пропаганды достижений первой социалистической страны.

Сам приезд команды Испании в Советский Союз стал возможен благодаря грандиозным политическим переменам на Пиренейском полуострове. 14 апреля 1931 г. монархия в Испании была свергнута в ходе почти бескровной революции, и была установлена республиканская форма правления⁴. Пришедшее к власти либеральное правительство было настроено на расширение контактов с Советским Союзом, поэтому уже с

---

* Красный спортивный интернационал. – Т.М.

1932 г. стали возможны массовые поездки испанцев на другой конец Европы. Тем не менее, путешествие в СССР оставалось делом, требовавшим некоторого мужества. Так, в неподписанном документе, отложившемся в архивном деле о поездке испанской спортивной делегации в СССР, появилось сообщение о представителе духовенства, который якобы обратился к родителям одного из потенциальных участников тура и «предложил им большую сумму денег, если они запретят своему сыну ехать в СССР»⁵.

Для Советского Союза любой приезд иностранных спортивных делегаций в межвоенный период был событием: страна не была членом никаких международных спортивных организаций. Более того, все 1920-е годы внутри страны продолжалась активная дискуссия о целесообразности развития спорта (в особенности зрелищного спорта). Группа «гигиенистов» боролась со зрелищным спортом (то есть с физическими активностями, которые совершаются для того, чтобы на них смотрели) как таковым, предлагая полностью заменить его массовой «физической культурой». К концу 1920-х годов, однако, они проиграли: в 1925 г. Центральный комитет ВКП (б) принял постановление, в котором «ставка делалась на высокие достижения и состязательность в спорте»⁶. В частности, это означало возможность проводить международные игры. Как правило, гостями советских футболистов становились «рабочие» команды из стран Центральной Европы: Австрии, Германии и т.д. Однако уровень последних невысок: футболисты Страны Советов частенько их крупно обыгрывали⁷.

Самым важным соперником в конце 1920-х – начале 1930-х годов для советских атлетов стала Турция⁸. Однако и эти игры были редки и обычно проходили в Москве, поэтому любой приезд иностранных спортсменов на периферию вызывал интерес.

Впрочем, необходимо иметь в виду, что приезд испанцев совпал по времени и с периодом идеологических изменений в самом СССР. По мнению целого ряда исследователей, в течение 1930-х годов многие ценности эпохи революции и Гражданской войны в Советском Союзе оказались отринуты и заме-

нены более традиционными⁹ (так, реабилитируется русская история, запрещаются аборты, возвращается классно-урочная система школьного образования). Д. Бранденбергер, описывая этот процесс, называет его «национал-большевизмом», и утверждает, что для прагматичного сталинского руководства это казалось более перспективным, чем на основании «международной пролетарской солидарности»¹⁰. М. Левин считает, что на мерах «из арсенала социального консерватизма» можно было стабилизировать общественный организм, взбудораженный колоссальными социальными изменениями конца 1920-х – начала 1930-х годов¹¹.

Спорт не стал исключением из общего правила: эта социальная практика все больше была призвана не только прививать советским гражданам вкус к здоровому образу жизни и обеспечивать их досуг, но и демонстрировать им успехи и достижения СССР.

Более того, визиты «рабочих команд» из-за рубежа становились частью большой работы по созданию положительного имиджа СССР за рубежом. То есть, можно говорить о них в контексте «культурной дипломатии», которую А.В. Голубев определяет как «использование для достижения политических ... целей существующих или специально установленных культурных, общественных и научных связей»¹². Эти цели – интернациональная работа и желание выиграть любой ценой – не всегда дополняли друг друга, более того, часто входили в противоречие.

Специалисты по истории спорта обычно связывают развитие идеи о том, что советские спортсмены должны выигрывать везде и всегда, с послевоенным периодом¹³. Однако, по моему мнению, есть основания считать, что эта идея проникла в руководство советским спортом еще в начале 1930-х годов – в период вышеуказанных идеологических изменений.

Прибывшая в СССР испанская команда провела в стране полтора месяца. За это время гости проехали девять городов: Москву, Ленинград¹⁴, Иваново, Ярославль, Ростов-на-Дону, Ейск, Сталино, Днепропетровск и Харьков. Программа испанцев включала в себя не только матчи и тренировки: гости по-

сещали крупные фабрики и заводы (в Москве они побывали на заводе им. Сталина, в Ростове-на-Дону – на «Ростсельмаше и т.д.), по вечерам они участвовали в «интернациональных встречах», организованных местными физкультурными активистами.

По итогам путешествия испанцев был составлен специальный отчет, обсужденный на заседании Секретариата ВСФК: его составитель Михальчук утверждал, что «вряд ли какая-либо другая делегация, побывавшая в Союзе, видела то, что видела эта делегация». Гостям показали самые разные объекты: помимо достопримечательностей (таких, как Кремль и Музей Революции в Москве), они побывали на крупных промышленных предприятиях, таких как Ростсельмаш, Харьковский тракторный завод, «национальный еврейский колхоз», а также в домах отдыха, Парке Культуры имени Горького и т.д.

Демонстрация достижений «страны социализма» стала частью «большой политической работы», на которой сделал акцент автор отчета: по итогам поездки семь спортсменов «сдали на значок ГТО», а также «делегация заключила договор о социалистическом соревновании с физкультурниками завода “Серп и Молот”»¹⁵. Более того, происходили и индивидуальные преобразования: в отчете приводятся сведения о том, что один из участников поездки «заявил о выходе из Соцмола и вступлении в комсомол», добавив, что «я вступил на новый путь, и никакие угрозы и препятствия не смогут повернуть меня с того пути, на который я вступил»¹⁶.

С чисто спортивной точки зрения турне испанских любителей не могло вызвать большого интереса. Уровень их игры был очень низким: в команде было всего 12 человек, которые были слабо подготовлены. Сопровождавший делегацию в поездке на Украину человек сообщал в Москву: приезжие игроки «имеют травматические повреждения, ушибы, растяжения, ссадины, у двоих – желудочные... Одним словом, гробы <...> Мне иногда приходится выступать в футбол в роли испанцев»¹⁷. Естественным следствием этого стали крупные поражения: в Иваново приезжие были разгромлены 0: 17, в Ленинграде – 0: 10.

Тем не менее, интерес к приезду испанцев был значительным: на местах собирались полные трибуны. Гостей зазывали и в другие города: так, в Егорьевске (Московская область) просили привезти команду в город, мотивируя это сразу двумя факторами. Во-первых, матч должен состояться в «момент 40-летия юбилея революционной стачки наших текстильщиков на Хлудовской ф[абри]ке», во-вторых – «в районный совет физической культуры изо дня в день поступают от крупнейших фабрик и заводов многочисленные запросы о присутствии в нашем городе иностранной футбольной команды»¹⁸. Впрочем, до подмосковного города испанцы так и не доехали.

В Москве же игра гостей прошла на главном стадионе страны – «Динамо» в Петровском парке, а отчет о ней был помещен в первом номере газеты «Красный спорт». Его автор отметил, что испанцы проиграли со счетом 0: 12, но сделал акцент не на спортивной составляющей встречи. «Трибуны с интересом наблюдали игры и определенно симпатизировали молодой испанской команде», – писал он. Более того, он подверг критике болельщика, который воспринимал происходящее с «узко спортивной точки зрения». По мнению корреспондента главной советской спортивной газеты, «громадное большинство зрителей с интересом и симпатией относятся к испанским футболистам именно потому, что они не Заморы¹⁹, а рабочие – спортсмены, всего два года назад организовавшие свои рабочие клубы, что большинство расценивает приезд в СССР испанских делегатов как большое событие, знаменующее укрепление интернациональной связи рабочих-спортсменов Испании с физкультурниками Советского Союза»²⁰.

Последнее суждение показательно: никому и в голову не приходило рассматривать игры испанцев в Стране Советов только как противостояние на футбольном поле. Власть придавала визиту откровенно слабой команды дополнительное значение: он рассматривался как часть советско-испанских культурных контактов, как демонстрация интернациональной солидарности между двумя странами.

Тем не менее, было бы неверно говорить о том, что советские спортивные организации выступали только лишь в роли

радушных хозяев. Местные физкультурные руководители, даже несмотря на удручающий уровень соперников, сделали всё для того, что советские спортсмены выиграли. Так, например, в принятом 2 января 1934 г. постановлении секретариата ВСФК, посвященному этому турне, отмечалось, что «руководит[ели] ф[из] к[ультурных] организаций ... не обеспечили должный состав команд, а выставляли сборные команды городов, области, края, что снижало спортивный интерес к встрече»²¹. Более того, в проекте постановления прямо говорилось, что «большинство игроков члены “Динамо”²² ... в то время как игроки заводских коллективов состояли в запасе»²³. Попросту говоря, руководители выставили сильнейшие (по сути, к тому моменту уже ставшие профессиональными или полупрофессиональными) команды против слабых любителей из Испании.

Примененная мной чуть выше характеристика требует пояснений. Формально советские спортсмены оставались любителями до конца Советской власти, то есть до 1991 г. Тем не менее, как отмечает Р. Эдельман, еще с середины 1930-х годов денежные вознаграждения футболистам не были секретом ни для информированных болельщиков, ни для прессы²⁴. Заметно более поздней иллюстрацией этого тезиса явилось знаменитое четверостишие В.С. Высоцкого о советских хоккеистах: «Профессионалам – по всяким каналам // То много, то мало – на банковский счет, // А наши ребята за *ту же зарплату* (курсив мой. – Т.М.) // уже пятикратно выходят вперед»²⁵.

Стоит, однако, заметить, что местные руководители могли выпускать сильнейших игроков в ущерб спортивной составляющей матчей не только из боязни проиграть. В том же проекте постановления упоминается, что «даже имели место тенденции рассматривать встречу как средство к сбору денежных средств»²⁶. То есть региональные физкультурные организации отнеслись к интернационально важным играм как к обычному «коммерческому» матчу, на котором можно было заработать²⁷.

Казалось бы, ситуация однозначна: высшее спортивное руководство осудило примененную на местах практику игры сильнейших команд против заезжих любителей. Тем не менее, даже в самом центральном аппарате принимались решения,

объяснить которые сложно, не держа в голове боязнь проиграть. Так, Высший совет физической культуры Беларуси (ВСФКБ) обратился в ВСФК с просьбой прислать команду испанцев в Минск. 25 августа 1933 г. из центра пришел ответ. В нем сообщалось, что «в утвержденном плане Белоруссия* не включена по тем соображениям, что испанцы приезжают к нам в начале сентября, когда северо-западный климат мало благоприятен для таких встреч». Белорусы попытались оспорить это решение: 29 августа заместитель председателя ВСФКБ Кузнецов в телеграмме в Москву отметил, что «это не сможет явиться существенной причиной присылке** испанских футболистов в нашу республику», и заявил, что его организация «категорически настаивает» на приезде гостей в Беларусь к 28 сентября 1933 г.²⁸ Тем не менее, испанцы в Минске не сыграли, как и в Егорьевске.

Аргумент ВСФК не выдерживает критики: в начале сентября температура на всей европейской части России еще приемлема для игры в футбол (в то время, когда футбольный сезон разыгрывался по схеме «весна – осень», то матчи стартовали в апреле – мае, а завершались игры в ноябре). Кроме того, в списке городов фигурирует Ленинград, расположенный севернее Минска. Поэтому апелляция к климату не выглядит успешной: то, что в Москве испугались, что даже слабая любительская команда может обыграть минчан, кажется более вероятным.

Таким образом, на примере этой поездки видно, как желание провести работу с испанской делегацией «в духе пролетарского интернационализма» столкнулось с боязнью проиграть на местном уровне. Несмотря на то, что желание подстраховаться, выпустив играть против любителей сильнейшие команды, было осуждено на уровне центрального аппарата ВСФК, похожие инициативы появлялись и там. За счет большой разницы в уровне игры и того, что советский зритель не был избалован зрелищами, осенью 1933 г. удалось выполнить обе зада-

---

* Видимо, в утвержденный план. – *Т.М.*

** Видимо, не сможет явиться существенной причиной неприсылки или не сможет явиться существенным препятствием присылке. – *Т.М.*

чи: испанская делегация оказалась в достаточной степени идеологически обработанной, а советские спортсмены убедительно выиграли. Однако почти через 4 года, летом 1937 г., когда в Советский Союз прибыла намного более сильная команда Страны Басков²⁹, без большого конфликта этих двух установок обойтись не удалось.

---

¹ Основой для данной статьи послужил доклад, сделанный на семинаре восточноевропейских исследований (EAST) при университете Амстердама 23 апреля 2014 г. Я благодарен Дине Файнберг и Саре Кромбах за представленную возможность и обсуждение, позволившее мне дополнить этот текст.

² Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 7576. Оп. 2. Д. 144. Л. 339.

³ *Graham H.* The Spanish Civil War: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 61.

⁴ Политическая история Испании 1930-х годов многократно описана в литературе. В данном списке я перечисляю наиболее общие работы. См., например: *Сориа Ж.* Война и революция в Испании: в 2 т. М.: Прогресс, 1987. 2 т.; *Шубин А.В.* Великая Испанская революция. М.: URSS, 2012; *Esenwein G., Shubert A.* Spain at War: the Spanish Civil War in Context, 1931–1939. London; New York: Longman, 1995; и мн. др. По оценке Х. Грэм, на 2005 г. общая историография Гражданской войны и революции в Испании превысила 15 тыс. книг, что сравнимо с числом изданий о Второй мировой войне. См.: *Graham H.* Op. cit. P. IX.

⁵ ГА РФ. Ф. 7576. Оп. 2. Д. 144. Л. 145.

⁶ *Эдельман Р.* Серьезная забава: история зрелищного спорта в СССР. М.: АИРО-XXI. 2008. С. 66–68. Дискуссия о физкультуре и спорте многократно описана в литературе, см., кроме Эдельмана: *Riordan J.* Sport in a Soviet Society: Development of Sport and Physical Education in Russia and the USSR. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. P. 82–119; *О'Махоуни М.* Спорт в СССР: физическая культура – визуальная культура. М.: Новое лит. обозрение, 2010. С. 20–25; и др.

⁷ *Бутов С.В.* Развитие советского футбола в 1920–1940-е годы: дисс. ... канд. ист. наук. Красноярск: СФУ, 2007. С. 99.

⁸ Руководство этой страны поддерживало добрососедские отношения. С. Хёрст показывает общие политические практики советского и турецкого руководства в описанный период, однако «футбольную дипломатию», когда в Москве и Стамбуле под разными вывесками играли, по сути, сильнейшие команды двух стран, он не обсуждает. См.: *Hirst S.* Anti-Westernism on the European Periphery: The Meaning of Soviet-Turkish Convergence in the 1930^s // *Slavic Review.* 2013. No. 71. P. 32–53.

- ⁹ Примером такого взгляда может служить диссертация В.З. Паперного (посвященная истории советской архитектуры), переизданная позже в виде монографии, в которой противопоставляются авангардная культура 1920-х годов (Культура Один) и традиционная культура 1930-х годов (Культура Два). См.: *Паперный В.З. Культура Два*. М.: Новое лит. обозрение, 2007.
- ¹⁰ *Бранденбергер Д.* Национал-большевизм: сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания, 1931–1956. СПб.: ДНК, 2009. С. 8–9.
- ¹¹ Цит. по: *Эдельман Р.* Указ. соч. С. 100.
- ¹² *Голубев А.В.* «...Взгляд на Землю Обетованную»: из истории советской культурной дипломатии 1920–1930-х годов. М.: ИРИ РАН, 2004. С. 5.
- ¹³ *Эдельман Р.* Указ. соч. С. 130–131; *Прозументчиков М.Ю.* Большой спорт и большая политика. М.: РОССПЭН, 2004. С. 75 и далее.
- ¹⁴ В данном тексте я буду использовать советские названия городов, а также сохраню орфографию, пунктуацию и синтаксис в цитатах, взятых из документов.
- ¹⁵ ГА РФ. Ф. 7576. Оп. 2. Д. 328. Л. 65, 65 об.
- ¹⁶ Там же. Л. 66 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 116.
- ¹⁸ Там же. Л. 275.
- ¹⁹ Рикардо Замора (Самора) (1901–1978) – испанский вратарь, выступавший в 1930-е годы. Был вратарем сборной Испании, выступавшей на чемпионате мира 1934 г. Считался одним из сильнейших вратарей мира. О его популярности свидетельствует тот факт, что советский журналист сравнил испанца-любителя с ним, не имея возможности ни увидеть игры Заморы, ни услышать о них радиорепортажи.
- ²⁰ О критике, бое быков, Николае Старостине и матче Москва – Испания // *Красный спорт*. 1933. 5 окт. (№ 1).
- ²¹ ГА РФ. Ф. 7576. Оп. 2. Д. 144. Л. 33.
- ²² «Динамо» – добровольное спортивное общество, созданное в апреле 1923 г. Находилось под патронажем Народного комиссариата внутренних дел (НКВД). С начала 1930-х годов и до конца Советской власти занимало одно из ведущих мест во многих видах спорта, поэтому создатель документа еще раз подчеркивает, что на поле вышли именно сильнейшие спортсмены, а не рабочие-любители.
- ²³ ГА РФ. Ф. 7576. Оп. 2. Д. 144. Л. 45.
- ²⁴ *Эдельман Р.* Указ. соч. С. 101.
- ²⁵ *Вайль П., Генис А.* 60-е: Мир советского человека. М.: Новое лит. обозрение, 2001. С. 213. Интересно, что само упомянутое стихотворение называется «Профессионалы» (1967).
- ²⁶ ГА РФ. Ф. 7576. Оп. 2. Д. 144. Л. 45.
- ²⁷ О существовавшей в Советском Союзе в это время практике «товарищеских» матчей, нацеленных на получение прибыли, см.: *Эдельман Р.* Указ. соч. С. 110.
- ²⁸ ГА РФ. Ф. 7576. Оп. 2. Д. 144. Л. 284, 299.

²⁹ Тогда в СССР с целью сбора средств для помощи гражданскому населению Страны Басков прибыла футбольная команда. В ее составе были игроки сборной Испании, бывшей одной из сильнейших в Европе. В ходе турне в июне – июле 1937 г. баски сыграли с самыми значительными советскими клубными командами СССР, одержав 7 побед при одной ничьей и одном поражении. Приезд спортсменов из Испании, охваченной тогда Гражданской войной, которая широко освещалась в СССР, должен был стать актом интернациональной солидарности с борющейся страной, однако после ряда поражений советские чиновники пошли на то, чтобы всеми способами добиваться побед советских спортсменов. Подробнее об этом см.: *Бутов С.В.* Указ. соч. С. 110–117; *Мухаматулин Т.А.* Приезд сборной Страны Басков в СССР в 1937 г.: из истории одного пропагандистского конфликта. Электронный ресурс // История: электронный науч.-образоват. журн. 2012. Вып. 7 (15): История России с древнейших времен до XXI века: проблемы. дискуссии. новые взгляды. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://mes.igh.ru/magazine/content/priezd-sbornoi-strani-baskov.html>; *Эдельман Р.* Указ. соч. С. 106–107.

**«Передовая общественность
всего мира на защиту СССР!»:
советская агитационная кампания
по процессу «Промпартии»
в Европе (1930 г.)**

25 ноября 1930 г. в Колонном зале Дома Союзов в Москве открылся процесс по делу контрреволюционной организации «Союза инженерных организаций» («Промышленная партия»)¹. На нем судили восемь человек, инженеров и профессоров, занимавших высокие должности в различных институтах, Госплане и ВСНХ². Им инкриминировались контрреволюционные действия, подпадающие под статью 58 (пп. 3, 4, 6 и 11) УК РСФСР, в частности, вредительство, шпионаж в пользу иностранных государств и подготовка иностранной интервенции.

Процесс «Промпартии» не исключителен в своем роде и вписывается в череду показательных политических процессов, которые стали неотъемлемой частью политической и социальной жизни СССР в межвоенный и более поздний периоды. Они находились в центре внимания современников как в самой стране, так и за ее пределами: рабочие, журналисты, представители интеллигенции и политики в разных странах комментировали происходившие в Москве процессы. В дискуссиях о процессах отношение к советскому правосудию определялось целым рядом факторов идеологического, экономического, дипломатического порядка.

Несмотря на то, что советские процессы широко обсуждались как в Европе, так и в США в межвоенный период³, предметом научного интереса они стали только после Второй мировой войны – как для историков, придерживавшихся тоталитарного подхода, так и для ревизионистов⁴. При этом особое

внимание уделялось роли Сталина в их постановке, выборе обвиняемых и анализу их признаний⁵.

В последние два десятилетия появилось много новых исследований на эту тему, что было связано с открытием советских архивов. Эти работы, безусловно, внесли большой вклад в понимание советских политических процессов в целом⁶. Так, прояснились многие аспекты принятия решений, организации и постановки процессов, участия различных структур (Политбюро, НКВД, Наркомюст, НКВД) и взаимоотношений между ними, участия широкой публики и т.д.⁷ Эти работы также контекстуализировали большие московские процессы 1936–1938 гг., на которых долгое время фокусировалось внимание исследователей, и показали разнообразие советских процессов в межвоенный период⁸.

Тем не менее, большинство историков вне зависимости от их теоретического подхода анализируют советские политические процессы с точки зрения внутренней политики. Это не случайно. Действительно, эти политические процессы, инсценированные советскими властями, в первую очередь преследовали определенные цели во внутренней политике. Среди прочего, они позволяли объяснить неудачи в экономической сфере вредительской деятельностью контрреволюционеров и мобилизовать население на решение задач индустриализации страны.

Однако нельзя упускать из виду, что советские процессы также имели и международные аспекты: советские власти пытались использовать их для достижения определенных целей в политических, экономических и финансовых отношениях с другими странами Европы. Кроме того, эти процессы воспринимались за границей как кризисные моменты для советского режима, и провоцировали оживленные дискуссии в разных европейских странах о советском правосудии и о коммунизме в целом. Широкая советская пропаганда, делавшая акцент на участии враждебных капиталистических кругов в деятельности раскрытых контрреволюционных организаций, аресты и присутствие иностранцев на скамье подсудимых, растиражированные обвинения против иностранных организаций и прави-

тельств, – все это подогревало интерес к советским показательным процессам за рубежом.

Тем не менее международным аспектам советских процессов в историографии уделяется меньше внимания⁹. В частности, остаются малоизученными механизмы и специфика использования московских процессов для мобилизации различных групп населения за пределами Советского Союза. В данной статье предпринимается попытка проанализировать этот вопрос на примере процесса «Промпартии», на основе прежде всего российских, но также французских и английских источников¹⁰.

Советские процессы, в том числе процесс «Промпартии», были призваны показать широкой аудитории существование враждебных Советскому Союзу организаций, деятельность которых, согласно обвинению, была направлена на замедление индустриализации страны путем вредительства, ослабление экономической мощи страны, подготовку иностранной интервенции и в конечном итоге смену власти. В ходе процесса прокуратура утверждала, что одноименная контрреволюционная организация во главе с профессором Л.К. Рамзиным занималась вредительством на разных промышленных объектах в СССР. При этом она состояла в связи с «Торгпромом», парижской эмигрантской организацией бывших владельцев предприятий в России, а также с представителями различных иностранных правительств и генштабов (прежде всего Франции и Польши). Согласно обвинительному заключению, советские контрреволюционеры получали от этих кругов инструкции и деньги для выполнения своей вредительской и шпионской работы¹¹.

Таким образом, в самом основании дискурса о процессах находится идея противостояния двух миров – капиталистического и социалистического. При этом подчеркивается враждебность капиталистических стран к Советскому Союзу. Разоблачение внешних врагов, действующих в сговоре с советскими вредителями-контрреволюционерами внутри страны, является неотъемлемой частью советских процессов межвоенного периода. Образ Советского Союза как «осажденной крепости»

выдвигается, таким образом, на первый план, из чего с неизбежностью следует призыв встать на защиту первого в мире социалистического государства. Это является центральным моментом в кампаниях мобилизации вокруг советских процессов, в том числе процесса Промпартии как внутри СССР, так и за его пределами.

Более того, возможность разоблачения враждебности капиталистических стран и их «интервенционистских планов» играет важную роль в самой постановке процессов, о чем свидетельствует письмо И.В. Сталина В.Р. Менжинскому: «Если показания Рамзина получают подтверждение и конкретизацию в показаниях других обвиняемых (Громан, Ларичев, Кондратьев и Ко¹² и т.д.), то это будет серьезным успехом ОГПУ, так как полученный таким образом материал мы сделаем, в той или иной форме, достоянием секций К[оммунистического] И[нтернационала] и рабочих всех стран, поведем широчайшую кампанию против интервенционистов и добьемся того, что парализуем, подорвем попытки интервенции на ближайшие 1–2 года, что для нас немаловажно. Понятно? Привет»¹³. Это письмо было написано еще до принятия решения о проведении показательного процесса. Сопоставление хронологии и содержания показаний обвиняемых показывает, что оно не осталось без последствий. Начиная с 11 октября того же года на протяжении нескольких дней содержащиеся под стражей одновременно дают подробные и схожие между собой показания об интервенции, подчеркивая при этом особую роль русских эмигрантов («Торгпрома») и иностранных государств.

По завершении следствия и публикации обвинительного заключения разворачивается обширная кампания мобилизации населения внутри страны и за рубежом. По сравнению с предыдущими процессами¹⁴ ее отличительной чертой является усиление централизации и вовлечение большего количества просоветских и прокоммунистических структур. Толчком к началу кампании, прежде всего в коммунистических структурах, послужили директивы Управления агитации и пропаганды ИККИ и постановление Политбюро от 22 ноября 1930 г. Оно предусматривало «широкое освещение хода процесса»¹⁵. В

дальнейшем ведение кампании за рубежом координировалось с одной стороны агитпропом Коминтерна, с другой стороны важную роль играл Народный комиссариат по иностранным делам и его отдел печати.

Традиционным участником кампании являлся Коминтерн и зарубежные компартии. Согласно инструкциям Политсекретариата ИККИ и его Западноевропейского бюро, компартии должны были широко освещать процесс в своей прессе, организовывать «широкие массовые митинги», демонстрации и производственные собрания, принимать «решения о солидарности с советской властью и об уничтожении контрреволюционеров». Кроме того, в странах, где коммунисты были представлены в парламенте, они должны были вынести вопрос интервенции на обсуждение и осудить правительства за подготовку интервенции против СССР. В этой своей работе они должны были действовать сообща с другими организациями, такими, например, как общества дружбы с СССР или Антиимпериалистическая Лига. Кампания была направлена на дискредитацию иностранных капиталистических правительств, разоблачения планов интервенции и, что немаловажно, борьбу с западной социал-демократией. Результатом же должна была явиться «широкая мобилизация масс» на защиту СССР¹⁶.

Действительно, печатные органы зарубежных компартий, как это было и во время Шахтинского процесса, распространяли информацию о процессе¹⁷. Она поступала к ним различными путями: через присутствовавших на судебных заседаниях иностранных коммунистов¹⁸, через Инпрекор¹⁹ и информационные бюллетени самих компартий²⁰. В некоторых странах информация о процессе появлялась и в провинциальной печати, в частности во Франции и в Германии²¹. В этом отношении, освещение процесса Промпартии через коммунистические структуры за рубежом было, вероятно, более обширным по сравнению с Шахтинским делом 1928 г., хотя для полной картины необходимо более подробное исследование европейской печати, а также тиража отдельных изданий.

Такое же утверждение можно сделать и относительно митингов и собраний, посвященных процессу за рубежом. Так,

имеется информация о собраниях и митингах рабочих, созданных КПФ, Унитарной всеобщей федерацией труда, французским комсомолом, Обществом друзей СССР в Германии²² и т.д. Несмотря на их относительно незначительное количество и частую критику их деятельности со стороны самих компартий, следует тем не менее подчеркнуть, что сам факт проведения подобных мероприятий в значительной степени отличает процесс Промпартии от гораздо более ограниченной кампании во-круг Шахтинского дела (1928 г.).

Кроме того, в парламенте Франции и Великобритании действительно были сделаны заявления о московском процессе. Несмотря на планы французских коммунистов «устроить скандал в палате, основываясь на официальных документах и точных фактах»²³, их заявления не привлекли к себе большого внимания, несмотря на довольно оживленное заседание 2 декабря 1930 г.²⁴ Однако в Великобритании ситуация сложилась иначе. Хотя эта страна была в гораздо меньшей степени затронута самим процессом²⁵, он послужил поводом для рассмотрения действий британского правительства со стороны самой британской оппозиции, что привело к многочисленным запросам в Палате Общин²⁶.

Кампания компартий и «примыкающих организаций» по привлечению внимания к процессу «Промпартии» имела несомненно гораздо больший масштаб, чем это было в 1928 г. во время Шахтинского дела. Главное ее отличие все же заключалось в привлечении большего количества структур, таких как, например, ВОКС (Всесоюзное общество культурной связи с заграницей) и НКВД.

В 1930 г. ВОКС разворачивает активную деятельность по продвижению процесса за границей, что происходит, по всей вероятности, по указанию Агитпропа. Формы этой «ударной» кампании не сильно отличаются от ее аналога в коммунистических структурах, хотя масштаб изначально запланированных мероприятий действительно амбициозен. Речь идет о публикации печатных материалов и воззваний на иностранных языках, обращений к представителям западной интеллигенции, организации собраний, сборе подписей и т.д. Согласно протоколам

совещаний работников Общества, планируются также беседы и интервью с проживающими в СССР иностранцами, организация «уголка интервенции» в здании ВОКСа, показ фильмов и проведение экскурсий в Москве²⁷.

Учитывая специализацию ВОКС как организации, его деятельность обращена в первую очередь на работников «интеллектуального труда». В связи с этим и конструируемый вокруг процесса дискурс имеет свои отличительные особенности. Больше внимание уделяется форме и стилю воксовских публикаций, которые должны «сохранить свое специфическое лицо»²⁸. Это проявляется, в частности, в стремлении «разнообразить» печатные материалы, «чтобы за границей не создало впечатление, что все выступления проходят шаблонно по какому-то указанию»²⁹. Здесь речь идет, конечно, о стремлении Общества в некоторой степени дистанцироваться от кампании, проводимой коммунистическими организациями. Данное стремление тем более понятно, что ВОКС позиционировал себя как независимую советскую организацию, причем специализирующуюся в культурной сфере. Участие же в широкомасштабной агитационной кампании вокруг политического показательного процесса, причем с заимствованием коммунистической риторики, могло показаться подозрительным, тем более при уже имевшихся за границей подозрениях о степени зависимости Общества от советских властей.

Участие ВОКСа в политической кампании легитимировалось в некоторой степени выдвигаемыми лозунгами. Говоря об опасности интервенции и новой войны, Общество в особенной степени подчеркивало их опасность для «новой культуры», которая создается в СССР³⁰. При этом упор делался на советские достижения в области культуры, понимаемой в широком смысле, от электрификации деревень до изобразительного искусства. Одновременно с этим на передний план выдвигались успехи в сфере «культурного строительства национальных областей»³¹, что должно было привлечь больше симпатий со стороны западной публики.

Кампания ВОКС, так же, как и других организаций и национальных компартий, курировалась агитпропом ИККИ. Тем не менее, ее также поддерживали советские полпредства за рубежом, хотя бы в силу того, что функцию представителей ВОКС за грани-

цей часто выполнял один из их сотрудников. Во время процесса «Промпартии» официальные представительства СССР действительно способствовали проведению агитационной кампании за границей, помогая разным организациям устраивать собрания и лекции или даже выделяя на них некоторые суммы, как это было в случае с собранием, устроенным Интернациональным юридическим объединением³². При этом участие полпредств в кампании должно было оставаться в тени³³.

Тем не менее, главным направлением деятельности полпредств СССР в связи с процессом была работа с местной прессой, которая принимала разнообразные формы. До начала процесса главной задачей был поиск лояльных иностранных корреспондентов для отправки на процесс³⁴. Задача была не из простых, учитывая достаточно отрицательное отношение к предстоящему процессу со стороны иностранной прессы в целом и многих ее представителей в Москве, а также более чем ограниченное время для нахождения подходящих кандидатов.

С началом судебных заседаний основной акцент был перенесен на работу с журналистами в различных европейских странах. Эта работа велась напрямую или через посредников. Целью ее было продвижение максимального количества печатных материалов, посвященных процессу, в местную прессу. При этом речь шла как о статьях, написанных иностранными журналистами, так и о собственно советских материалах (составленных в отделах печати дипломатами или советскими служащими или писателями в Москве).

Согласно полученным из НКВД инструкциям, советские представительства за рубежом должны были использовать «левопацифистические и леворадикальные» круги, в частности во Франции и Германии³⁵. Расчет был довольно прост: «даже если не захотят выступить за или против вредителей, но которые можно будет уговорить выступить против интервенции»³⁶. Интересно отметить, что многие социал-демократы принадлежали к этим «кругам», и это входило в противоречие с жесткой антисоциалистической риторикой компартий. Выпады против социал-демократии отходят на второй план за счет фокусирования внимания на общей опасности новой войны и на паци-

фистском характере политики Советского Союза. Преимуществом подобной линии являлось то, что она способствовала продвижению того образа, который советские власти старались создать в Лиге наций. Кроме того, она соотносилась с растущими опасениями немецких левых партий относительно усиления национализма в Германии и особенно растущей поддержки национал-социалистов.

В Германии кампания по процессу, проводимая советскими представительствами, не должна была ограничиваться левыми кругами. Планировалось обращаться к широкому спектру политических сил, от левых до националистов, не забывая также и промышленные круги, заинтересованные в торговых отношениях с Советским Союзом. Как писал и.о. заведующего отделом печати НКВД И. Арнс, «нам кажется возможным использование следующих кругов: 1. так как речь идет о войне – левопацифистических (так в документе. – *А.Ш.*) и леворадикальных 2. так как речь об интервенции против СССР – тех буржуазных кругов, которые за развитие политических и экономических отношений с нами 3. так как речь идет об интервенции со стороны Франции с ущемлением германских интересов – тех кругов, которые враждебны Франции и желают форсировать вопрос вооружения Германии»³⁷. Таким образом, предпринимались попытки адаптировать кампанию, в зависимости от целевой аудитории и от имеющихся в той или иной стране связей. Подобные инструкции показывают также желание использовать привлекательность советского рынка для немецких промышленников, а также усиление противоречий между Францией и Германией в связи с проблемой репараций и разоружения осенью 1930 г.

Помимо прямой работы с журналистами, советские дипломаты, как в Москве, так и в за рубежом, пытались влиять на иностранную прессу через представителей других государств в СССР или же министерства иностранных дел за границей. В частности, затрагивался вопрос в отношении публикации в зарубежной прессе неточной информации о ситуации в СССР и поведения некоторых иностранных корреспондентов в Москве и т.д.³⁸

В целом оценивая постановку агитационной зарубежной кампании вокруг процесса «Промпартии», можно говорить о попытке тотальной мобилизации сверху всех коммунистических и советских структур, которые по роду своей деятельности работали с заграницей. Это утверждение в той же степени верно и для заграничных просоветских и прокоммунистических организаций (Общества друзей, Унитарная федерация профсоюзов, Интернациональное юридическое объединение и т.д.). Вовлечению большего количества организаций в освещение процесса «Промпартии» заграницей сильно способствовало, конечно, выделение особого денежного фонда, а также и само развитие и укрепление зарубежной сети просоветских и прокоммунистических организаций в начале 1930-х.

Подобная всеобщая мобилизация должна была отвечать и масштабу угрозы, «выявленной» процессом «Промпартии», – противостоянию капиталистического и социалистического миров, вооруженной интервенции в Советский Союз и новой «империалистической войне». При этом надо отметить попытки адаптировать конструируемый вокруг процесса дискурс в зависимости от зарубежной целевой аудитории, как это было отмечено на примере Коминтерна, ВОКСа и НКИДа. В их основе лежит логика повышения эффективности агитационной кампании, направленной на организацию движения солидарности по отношению к Советскому Союзу.

Вопрос о том, насколько поставленные в связи с кампанией задачи были выполнены, требует отдельного детального изучения. Архивные документы свидетельствуют о довольно многочисленных трудностях, с которыми сталкивались различные организации при проведении кампании: недостаток времени и финансирования, некомпетентность отдельных чиновников, необходимость постоянного согласования с Москвой предпринимаемых шагов, что значительно замедляло весь процесс. Кроме того, большую роль играло состояние двусторонних отношений со странами, в которых проводилась кампания, а также степень интеграции советских чиновников и организаций за рубежом в местный социально-политический контекст. Сами участники проводимой кампании в своих отчетах неоднократно

но указывали на невозможность ее проведения в требуемых масштабах, на определенные неудачи и даже провалы в ее организации и в целом на довольно скромные результаты.

Однако в оценке итогов кампании следует учитывать и тот факт, что во время составления многих отчетов у различных организаций еще не было окончательных данных о помещении в печать тех или иных материалов, об организации митингов и т.д. Кроме того, сопоставление русских и иностранных источников показывает, что по крайней мере в некоторых случаях авторы отчетов не были осведомлены о всех проведенных мероприятиях в связи с кампанией, особенно если они имели место не в столицах. В частности, именно таким образом обстояло дело с компартией Франции, чье руководство, судя по отчетам в агитпроп, просто не знало о целом ряде местных собраний и петиций. Таким образом, необходимо отдельное исследование реального масштаба кампании в европейских странах и ее влияния на различные группы, которое было бы основано на сведениях воедино и систематическом сравнении русских и иностранных источников.

В этой связи возникает вопрос специфики агитационной кампании вокруг процесса «Промпартии», которую можно рассматривать как в национальном, так и международном контекстах. Во-первых, важную роль в проведении зарубежной кампании играли некоммунистические организации. Необходимо определить, является ли это специфической характеристикой данного процесса или же предстоит в целом переосмыслить роль коминтерновских структур в больших агитационных кампаниях. Для этого важно провести сравнительное исследование различных советских процессов межвоенного периода, которое также позволит выявить эволюцию механизмов проведения различных агитационных кампаний по процессам в целом. Во-вторых, речь идет о сравнении советских кампаний с информационными кампаниями других европейских стран по острым социально-политическим вопросам. Подобное исследование позволило бы установить специфику советских агитационных практик, в частности, в области работы с прессой.

-
- ¹ Процесс «Промпартии» (25 ноября – 7 декабря 1930 г.). Стенограмма судебного процесса и материалы, приобщенные к делу. М., 1931.
- ² Л.К. Рамзин, И.А. Калинин, В.А. Ларичев, Н.Ф. Чарновский, А.А. Федотов, С.В. Куприянов, В.И. Очкин и К.В. Ситнин (Там же. С. 7).
- ³ Например, были даже сформированы две международные комиссии для того, чтобы провести независимое расследование московских процессов конца 1930-х годов (комиссия Д. Дьюи в США и комиссия французской Лиги по правам человека).
- ⁴ Работа Р. Конквеста (тоталитарная школа) вышла в 1960 г. Советские процессы, так же, как и репрессивная политика в целом, изучались историками-ревизионистами (Ш. Фицпатрик, А. Гетти, Р. Маннинг и др.).
- ⁵ Блюм А. К изучению политических процессов в Советском Союзе и послевоенной коммунистической Европе // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы / отв. ред.: С.А. Красильников, А. Блюм. Новосибирск, 2010. С. 5.
- ⁶ Недавние исследования также поставили целый ряд новых вопросов. например. таких как массовые репрессии в сталинский период (см. работы A. Blum, J. Cassiday, W. Chase, P. Chinsky, M. Ferretti, J. Harris, D. Hoffman, P. Holquist, O. Khlevniuk, S. Krasilnikov, D. Priestland, E. Rees, G. Rittersporn, P. Solomon, D. Shearer, R. Thurston, N. Werth, E. Wood etc.).
- ⁷ См.: Vingtième Siècle. Revue d'histoire. 2010. No. 107.
- ⁸ Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы.
- ⁹ Дюллен С. Роль международного вопроса в политических процессах в СССР. Шахтинское дело и советская внешняя политика // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы. Новосибирск, 2010. С. 71. Эти вопросы затрагивались только частично в некоторых исследованиях. Например: *Pudal R. Pour une analyse comparée de l'engagement politique des intellectuels en France et aux États-Unis lors des procès de Moscou de 1936–1938 // Sociétés contemporaines. 2006. 4, no. 64. P. 95–113.*
- ¹⁰ Фонд ВОКСа в ГАРФе, фонд Коминтерна и Политбюро в РГАСПИ, дипломатические документы из АВП РФ, английская и французская дипломатическая переписка из *The National Archives* (Kew) и *Archives diplomatiques* (Курнев и Нант), архивы КПФ из *Archives départementales de Seine-Saint-Denis*, отчеты о заседаниях французского парламента (*Journal Officiel*), а также изданные сборники документов.
- ¹¹ Процесс «Промпартии» (25 ноября – 7 декабря 1930 г.). Стенограмма ... С. 15–26.
- ¹² На момент написания данного письма ОГПУ допрашивало большое количество обвиняемых, в том числе Л.К. Рамзина, В.Г. Громана, В.А. Ларичева, Н.Д. Кондратьева и других. На данной стадии еще не произошло окончательное выделение различных дел («Трудовой Крестьянской Партии», «Промпартии», «Союзного бюро ЦК меньшевиков»). Архивные источники позволяют говорить о том, что на разных этапах «следствия»

- предполагалось объявить разный состав упомянутых контрреволюционных организаций. В.А. Ларичева судили на процессе «Промпартии», В.Г. Громана – на процессе меньшевиков, а Н.Д. Кондратьев проходил по делу ТКП.
- ¹³ URL: <http://his95.narod.ru/doc22/44.htm> (дата обращения 14.03.2016).
- ¹⁴ Процессом эсеров 1922 г. и Шахтинским делом 1928 г.
- ¹⁵ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. С. 81.
- ¹⁶ Коминтерн и идея мировой революции: документы / отв. ред. Я.С. Драбкин. М., 1998. С. 729–731.
- ¹⁷ Например, *Humanité* и *Daily Worker*.
- ¹⁸ В частности, от КПФ на суде присутствовал Марсель Кашен, чьи корреспонденции с процесса, равно как и статьи регулярно печатались в *Humanité*.
- ¹⁹ См., например: The National Archives (Kew). FO 371/14864. С. 38–51. Ин-прекор – международные периодические издания, новостные и аналитические, издававшиеся в разное время Коминтерном и IV Интернационалом – *примеч. ред.*
- ²⁰ См., например: Archives départementales de Seine-Saint-Denis. 3MI6/58/395.
- ²¹ Так, заметки о процессе появились во французских газетах «Кри дю Пепль», «Семёр», «Эншене», «Травайер Альпин» и др.
- ²² Archives du ministère des Affaires étrangères. Correspondance politique et commerciale. Europe 1930–1940. URSS. 117 CPCOM. d. 1269.
- ²³ Стенограмма заседания Политбюро КПФ от 27 ноября 1930 г. // Archives départementales de Seine-Saint-Denis, 3MI6/57/384. Л. 184.
- ²⁴ См.: Journal Officiel de la République Française. Débats parlementaires. Chambre des députés. No. 113. С. 3689–3692.
- ²⁵ Так, на судебных заседаниях в основном говорилось о роли Франции и лимитрофов в «организации интервенции». В частности, упоминались официальные учреждения (французский Генштаб, встречались намеки и на посольство Франции в Москве) и представители действующего и бывшего правительств (А. Бриан, Р. Пуанкаре и т.д.). Что касается Великобритании, подобных упоминаний было значительно меньше, хотя в официальных документах были названы имена некоторых британских подданных.
- ²⁶ The National Archives (Kew). FO 371/14863. С. 216, 217–219; FO 371/14864. С. 25, 30–37, 52–65, 69, 95–106, 112, 168–172, 178; FO 371/14865. С. 3–13, 46–47, 122–130, 158–160.
- ²⁷ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5283. Оп. 1. Д. 139.
- ²⁸ Там же. Из Протокола № 1 совещания ответственных работников Вокса в связи с надвигающейся военной опасностью от 19.11.1930. Л. 1 об.
- ²⁹ Там же. Из Протокола № 5 заседания ударной комиссии от 26.11.1930. Л. 33.
- ³⁰ Там же. Из Протокола № 1 совещания ответственных работников ВОКС в связи с надвигающейся военной опасностью от 19.11.1930. Л. 2.
- ³¹ Там же.
- ³² Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 056. Оп. 16. П. 33. Д. 8. Л. 62 (Из письма Виноградова Крестинскому от 16.01.1931).
- ³³ Там же. Оп. 16. П. 34. Д. 14. Л. 5 (Из письма Аренса Баркову от 6.1.1931).

- ³⁴ Там же. Ф. 056. Оп. 15. П. 31. Д. 10. Л. 51–52 (Из дневника первого секретаря полпредства СССР в Италии Е. Левина).
- ³⁵ Там же. Д. 9. Л. 80 (Из письма Аренса Штерну от 2.12.1930).
- ³⁶ Там же. П. 32. Д. 12. Л. 12 (Из письма Аренса Баркову от 7.12.1930).
- ³⁷ Там же. П. 31. Д. 9. Л. 80 (Из письма Аренса Штерну от 2.12.1930).
- ³⁸ Там же. Л. 43–44 (Из дневника Бродовского от 13.11.1930), 71–73 (Из дневника Виноградова от 27.11.1930), 89 (Из письма Штерна Аренсу от 4.12.1930), 86 (Из письма Цехлина от 1.12.1930).

III РЕЛИГИЯ И ЦЕРКОВЬ

А.В. Толстиков

Религиозный аспект понимания политических границ в допетровской России (на примере российско-шведских отношений)

Задача настоящей статьи – попытаться в первом приближении определить некоторые характерные особенности восприятия политической границы в московский период российской истории на примере границы со Швецией. Подчеркну сразу, что, во-первых, меня здесь будет интересовать именно восприятие политической границы, точнее говоря, специфика использовавшегося для ее описания языка (в широком, семиотическом смысле), а не история формирования российско-шведской границы¹ и не практика трансграничных контактов или повседневная жизнь населения соответствующих приграничных областей². Во-вторых, хотя, как мне кажется, некоторые из представленных выводов вполне могут быть справедливыми не только для отношений России со Швецией и заслуживают рассмотрения в значительно более широком контексте – причем я чуть ниже сама постараюсь этот контекст обрисовать, – было бы, разумеется, в высшей степени опрометчиво автоматически переносить всё сказанное далее по поводу восприятия «свейского рубежа» на прочие российские границы и пограничья допетровского времени³.

Отправной точкой для анализа послужит в данном случае история самого понятия политической границы в русском язы-

ке. Эта проблема изучена пока явно недостаточно⁴, и, конечно, здесь нет возможности рассмотреть ее подробно. Но что касается концептуализации собственно российско-шведской границы, то вырисовывается следующая картина⁵. (Естественно, речь пойдет о ситуации на дипломатическом уровне, поскольку имеющиеся источники позволяют нам более или менее адекватно судить главным образом именно о ней.)

Примерно с конца XV – начала XVI в. как в Швеции, так и в России общая граница все чаще начинает именоваться по-новому, с использованием в первом случае заимствованного из нижненемецкого языка слова *gräns*⁶, а во втором – слова «рубеж», которое существовало, конечно, и ранее и, по-видимому, обозначало прежде всего, если так можно выразиться, границу более высокого статуса, в частности – между княжествами, в отличие, например, от границы между обычными земельными владениями. Последняя называлась по-разному, но одним из самых распространенных было слово «межа». Прежде оно, кстати, как мы знаем из берестяной грамоты № 286, датированной 1360–1380 гг.⁷, применялось и для указания – в общем смысле – на границу между Швецией и Новгородом по Ореховецкому миру. Однако насколько я могу судить, с XVI в. «межа», по меньшей мере в контексте российско-шведских отношений, означала лишь саму размеченную линию границы, которая, естественно, менялась (Тявзинский договор 1595 г., затем Столбовский 1617 г.), все более и более уточнялась и в первой половине XVII в. оказалась окончательно «удостоверенной» благодаря нанесению на карту⁸. Граница же в более абстрактном, институциональном смысле, как структурный элемент системы управления государством, определялась почти исключительно словом «рубеж»⁹. Интересно, что, по всей видимости, именно вместе с ним связано и понимание границы в российско-шведском контексте как зоны, или пограничья, которое, конечно, включает в себя и линию демаркации, но все же одновременно является чем-то бóльшим. Характерно, что в документах, касающихся отношений России со Швеции, по меньшей мере с XVI в. прилагательное «порубежный» («порубежные города», «порубежные воеводы» и т.д.) – но не «меже-

вой» («межевые судьи», «межевой розвод») – было вполне взаимозаменяемо с прилагательным «украинный» (в значении «окраинный, периферийный») ¹⁰.

Приблизительно то же самое, что и с «межей», произошло в XVI в. с близким по значению шведским словом *rå*. Его семантика оказалась суженной до указания на собственно линию границы, размеченную на местности, а граница в более абстрактном смысле стала именоваться, как было сказано, заимствованным словом *gräns* (для которого тоже характерна «коннотация зональности»).

Указанные изменения в словоупотреблении я склонен рассматривать как симптом складывания нового понятия политической границы, что, в свою очередь, следует, по всей видимости, связывать с формированием территориального государства – как в России, так и в Швеции важная фаза этого процесса приходится как раз на первую половину XVI столетия. Неслучайно, между прочим, что именно тогда оформляется и граница России с Великим княжеством Литовским ¹¹.

Таким образом, можно полагать, что с начала раннего Нового времени российско-шведская граница понималась по обе ее стороны приблизительно одинаково – в тех ее чертах, которые были существенными с точки зрения дипломатических отношений между двумя государствами. Собственно, здесь нет ничего удивительного – такая взаимная переводимость дипломатических языков, хотя бы минимальная, является предпосылкой политической договороспособности, а как мы знаем, несмотря на все трудности и кризисы, Россия и Швеция в основном умели достигать соглашений, в том числе и по поводу границы, о чем свидетельствуют, к примеру, упомянутые выше Тязвинский и Столбовский договоры. Конечно, нередко случалось, что отдельные пункты по-разному толковались каждой из сторон, но принципиальное согласие в отношении базовых понятий, в число которых в ходе процесса территориализации должно было так или иначе войти и понятие границы, являлось необходимым условием.

Однако возникает вопрос: существовали ли какие-то различия иного рода в понимании политической границы в России и

в Швеции при указанном сходстве на понятийном уровне? Как мне представляется, ряд свидетельств заставляет подозревать как минимум одно такое важное различие, которое относилось к сфере религии. Несмотря на разнородность и немногочисленность таких свидетельств, они, на мой взгляд, заслуживают внимания и позволяют вписать проблему политической границы в значительно более широкий контекст.

Как известно, на пограничных знаках со шведской стороны обычно изображались одна или три короны (герб Швеции), а с российской – крест (заметим – не двуглавый орел, например). И благодаря документу, на который недавно обратил внимание известный исследователь истории Карелии А.Ю. Жуков, мы точно знаем, что понимание этой символики в сугубо религиозном контексте было как минимум возможно в XVII в. В 1646 г. оштинский воевода И.И. Нашекин сообщил в Посольский приказ о повреждении на «немецком рубеже» межевого знака на дереве (в Сямозерской волости, на Кангасозерской заставе). Воевода передавал рассказ побывавшего на месте происшествия стрельца Тимофея Лукина, по словам которого со шведской стороны «немецкой болван высечен» (поврежден, стесан), а с российской – «крест Господен цел»¹². Судя по всему, перед нами пример прочтения шведского государственного символа как языческого идола, противопоставляемого символу христианскому, кресту, который, однако, в практическом смысле указывал лишь на российскую территорию.

Конечно, сложно сказать, насколько типичной была такая интерпретация. Но на то, что граница России со Швецией в некотором смысле воспринималась как граница распространения православия и даже христианства вообще, указывает отношение к прибывавшим из-за «свейского рубежа» православным, оказавшимся под властью шведской короны после изменения границы по Столбовскому договору. На посольском съезде в 1618 г. шведам пришлось ходатайствовать перед российскими представителями за своих новых подданных, подвергавшихся оскорблениям и унижениям. Как сказано в проекте ответа российских послов (где, в соответствии с существовавшей дипломатической практикой, вначале излагается суть

конфликта), «да добре жалуютца дети боярские и торговые люди и иные русские люди, которые под его королевскою державою, о том: как их королевского величества горододержавцы в Новгород и во Псков к воеводам посылают з грамоты, и торговые люди, которые приезжают для торговли своей, и его царского величества подданные называют и лают их еретиками и отметчики и неверными слугами и иными многими позорными и неподобными речми. <...>

Также жалуютца некоторые попы, которые около Ивангорода и Ямы и Копорья живут: как они в Новгород приезжают к митрополиту благословятца по их вере, чину и обычаю, и митрополит их прокликает и называет отметчики и говорит: толко деи они оттуда поехали на его царского величества сторону и землю, и на них бы де смотря и крестьяня перешли, а коли деи они там остались, и на них деи смотря и крестьяня там же остались»¹³.

Позднее, в 1629 г., новгородским воеводам было велено выяснять, насколько тверды в вере приезжающие в Новгород со шведской стороны православные богомольцы. «Твердых» дозволялось пускать в посадские церкви, но не в Софийский собор. «Нетвердым» же и лютеранам посещать церкви вообще запрещалось, «дабы нашей Православной вере поруганья не было»¹⁴.

Похоже, что в данном случае именно пребывание за границей России делало даже православного подозрительным с точки зрения религиозной принадлежности. Одновременно можно констатировать, что по меньшей мере духовные власти в лице новгородского митрополита считали естественным только такое положение, при котором все православные проживали ли бы в пределах территории, подвластной царю (и, следовательно, оставались его подданными). О непризнании установленной границы речи не шло, о рутинном окормлении единоверцев за границей, как видим, тоже. На мой взгляд, из приведенных примеров становится очевидным, во-первых, что процесс территориализации в Российском государстве к началу XVII в. зашел достаточно далеко и граница, несмотря на всю легкость ее пересечения, вполне четко обозначала пределы политиче-

ской общности; а во-вторых, что эта территориально ограниченная общность одновременно понималась и как религиозная. То есть, привычного для нас разделения на сферу политики и сферу религии не было, и в результате политическая граница оказывалась и религиозной тоже, даже если она проходила по территории, на которой проживало моноконфессиональное население.

Едва ли граница могла пониматься таким образом всеми представителями российского общества на разных его «этажах». Нюансирование этой картины – дело будущего. Однако значимость указанного аспекта мне представляется неоспоримой. Сказанное хорошо коррелирует с мнением исследователей о том, каково было содержание понятия «русский» в России XVII в. Как пишет Т.А. Опарина, «“русские” – это те, кто входил в диоцез Московской патриархии (конфессионализм), был полноправным подданным московского государя (политоним), родился или хотя бы крестился на Святой Руси (топоним)»¹⁵.

Пространственный компонент, наряду с религиозным и политическим, был важной частью идентичности, причем иногда он мог даже оказаться решающим. Т.А. Опарина приводит в этой связи слова архимандрита Хутынского монастыря Киприана – кстати, как раз на российско-шведских переговорах, завершившихся Столбовским миром, – в адрес перешедшего на шведскую службу Анца Бракилева (Hans Brackel), который, хотя и родился в Немецкой слободе, никогда православным не был: «Забыл ты свою природу, где родился, да где твои родители – все в Кукуе лежат закопаны, и хлеб и соль московскую ты забыл... А ты-таки прямой наш русак»¹⁶. А.И. Чепель справедливо указал на сходную риторику в царской грамоте новгородцам от 25 декабря 1616 г. (по случаю заключения соглашения со шведами). В ней новгородское духовенство призывалось воздействовать на тех, кто помогал шведам во время Смуты и выступал против «русских людей» или же сохранил на уступаемых теперь Швеции территориях свои поместья и вотчины либо получил землю уже от новых властей: «и вы б и тех уговаривали и нашим царским жалованьем их обнадеживали, чтоб они попомнили нашу истинную православную хрестьян-

скую веру, и нас великого природного хрестьянского государя, и родителей своих гробы, и свою природу, к иноверцом к неметцким людям не приставали, были на нашу царскую милость надежны и своей бы братьи православных хрестьян не смущали, того б греха на свои души не имали, к немцом никого не перезывали и сами из Новагорода в Колывань и в иные руские города, которые оставаются за свейским, жити не ходили...»¹⁷ Здесь также объединяются вероисповедание, подданство и проживание на определенной земле – той, где родился и где похоронены родители.

Таким образом, как мне представляется, вопрос о восприятии политических границ в допетровской России необходимо рассматривать в контексте специфики российских представлений о пространстве в целом. С точки зрения семиотики эту проблему поставили в свое время Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский, отметившие прежде всего важность религиозно-нравственных категорий, через призму которых описывалось пространство, разделявшееся в результате на «чистое» и «нечистое» или «праведное» и «грешное» и т.п.¹⁸ Приведенные свидетельства хорошо интерпретируются в рамках предложенного исследователями подхода. Так, упомянутые ограничения в отношении православных, прибывавших в Новгород из-за шведского рубежа, можно сопоставить с практикой отправки на время в монастырь, «под начал», тех, кто возвращался в Россию после долгого пребывания в иноверных землях и должен был таким образом «очиститься». Например, подобный «карантин» в Кирилло-Белозерском монастыре пришлось по возвращении пройти в конце 1666 – начале 1667 г. известному беглецу Воину Афанасьевичу Нащокину¹⁹. Длительное нахождение за пределами «чистого» пространства как бы пятнало православного и требовало либо его тщательной проверки и ограничений на контакт со святынями, либо «очищения» (которое, заметим, тоже предполагало перемещение на отмеченную особой святостью территорию).

Но мне здесь хочется обратить внимание на другой, политико-идеологический, аспект понимания пространства в России XVII в., для чего, правда, придется несколько выйти за

рамки истории российско-шведских отношений. Этот аспект очень ярко проявился в оформлении знаменитого издания Библии, подготовленного в 1663 г. Московским печатным двором по указу Алексея Михайловича²⁰. Несмотря на уникальность памятника, представленные в нем «пространственные интерпретации» государственной символики кажутся мне показательными. В первую очередь потому, что они помещены в явно религиозный контекст и некоторые из них имеют параллели за пределами книжности. К тому же использованный в данном случае язык образов (в основном восходящих к украинской книжной традиции), был, как подчеркнул С. Франклин, вполне понятен таким современникам, как, например, патриарх Никон²¹.

Прежде всего отмечу два текста на оборотной стороне титульного листа, в которых толкуются символы российского государства. Первый текст объясняет смысл трех венцов над головами орла:

...Московия тривенечное имать,
Яко есть Троицы теплая служебница, яко воздержавствует.
С Иропою, Асиєю, землею тричастных Ливии.
Яко трех благодатей родителница, яко хранит
Златая Есперид...

Ю.Э. Шустова справедливо указывает, что здесь сводятся воедино «духовный», «пространственно-политический» и «морально-этический» аспекты (ср. со сказанным мной выше), и обращает внимание на вышедший в 1667 г. указ «О титуле царском и о государственной печати», в котором «пространственно-политическое толкование геральдической символики усугубится и получит опять же трехкратное повторение. Во-первых, три короны над главами орла будут знаменовать Казанское, Астраханское и Сибирское царства, во-вторых, на правой стороне орла “три грады суть” будут символизировать Великую, Малую и Белую России, в-третьих, на левой стороне – “три грады... образуют Восточных и Западных и Северных”»²². Можно добавить, что в наказе от 4 июня 1667 г. пере-

водчику В. Боушу, который направлялся к бранденбургскому курфюрсту и курляндскому герцогу, предписывалось объяснять символику орла под тремя коронами на царской печати точно так же, как в упомянутом указе²³.

Ниже на обороте титульного листа Библии 1663 г. напечатаны «стихи на герб», в которых также важная роль отводится пространственно-географическому измерению царской власти:

Орла сугубоглавство, образ сугубодержавства,
Алексиа ц(а)р(я), над многими странами началства.
В десней скиптр, знамение ц(а)рствия,
В шуйей же, держава его самодержствия.
Выспрь глав, трегубии венцы,
Тройцы содержащая земли концы.

Наконец, в центральной нижней части фронтисписа, под двуглавым орлом, помещен план Москвы – вообще первое, как считается, картографическое изображение, напечатанное в России. Влияние западноевропейской картографии на его автора, Зосиму, в данном случае весьма вероятно, хотя последний и сориентировал план на восток (что было не чуждо российской традиции)²⁴. Надпись в картуше содержит библейскую цитату: о «Град царя великаго. Бог в тяжестех его знаем есть. Псалом 46» (на самом деле – Пс. 47: 3, 4). Другая же часть надписи в том же картуше дана в зеркальном изображении (очевидно, из-за ошибки гравера)²⁵: «Востани, востани Иерусалиме и облещися в крепость мышцы твоя» (Ис. 51: 9).

Собственно, любопытен здесь, конечно, не факт уподобления Москвы Иерусалиму²⁶, но то, что город в этой своей одновременно сакральной и политической ипостаси представлен именно картографическим изображением. По-видимому, такое использование карты в качестве знака предполагает достаточно глубокое понимание картографического способа отображения реальности, то есть вполне современное географическое изображение. Мне кажется уместной в данном случае параллель с картой-логотипом, как ее описывает в своей знаменитой книге Б. Андерсон²⁷. Разумеется, аналогия не полная (например, по-

тому, что наш план Москвы не сведен к одним контурам города – хотя они обозначены очень ясно, и на нем видна сравнительно подробная сетка улиц и другие детали), но, по-моему, некоторое важное сходство с точки зрения семиотической функции имеется. Не символично ли, что первое в России печатное картографическое изображение было создано не с практической целью, а с целью презентации «царского града» в контексте сколь религиозном, столь и политическом?

Здесь мы вплотную приближаемся к вопросу об особенностях развития российской картографии в допетровское время и, шире – в соответствии с историографической тенденцией последних десятилетий²⁸, – о специфике пространственного изображения в Московии в контексте развития современного государства. Заслуга в постановке этой проблемы применительно к России XVII в. принадлежит, конечно, В. Кивельсон, и с ней безусловно следует согласиться в том, «что пространственный анализ дает нам чрезвычайно продуктивные способы сравнения монархий раннего Нового времени и выявления тех факторов, которые на самом деле определяли различия в направлении исторического развития»²⁹.

Многое из сказанного мной выше, кажется, неплохо согласуется с выводами В. Кивельсон (например, относительно тесной связи пространственного и религиозного измерений в культуре Московии³⁰), хотя я и исходил из несколько иной исследовательской перспективы. Очевидно, для обнаружения и корректного описания существенных особенностей допетровской России в общеевропейском контексте не обойтись без изучения «языков пространства». И граница является при этом одним из важных «ключей».

Правда, до сих пор я почти не затрагивал сравнительный аспект, о котором тоже следует сказать несколько слов. К сожалению, в данном случае нет возможности специально рассмотреть эту сторону дела, и я вынужден ограничиться лишь очень краткими, сугубо предварительными соображениями, которые в будущем подлежат проверке.

Как мне уже приходилось отмечать, несмотря на безусловную важность лютеранства как одного из столпов, на которых

покоилась идентичность подданных шведской короны, с начала XVII в. всё большее значение придавалось языку и определяемой прежде всего по нему принадлежности этнической, или «национальной» (слово *nation* употреблялось довольно часто, источники упоминают и «шведскую», и «финскую», и «немецкую», и «ижорскую», и «русскую», и другие «нации»). При указании на религиозную принадлежность использовались именно «этнические/национальные» прилагательные, так что когда речь шла о православных подданных шведской короны, насколько я могу судить, православные обычно определялись как «русские»³¹. При этом в пропагандистской риторике шведских властей в XVII в. заметная роль отводилась такому концепту, как «отечество» (*fädernesland*). Хотя по мнению ряда историков, он оставался преимущественно элитарным и едва ли был важен для представителей прочих социальных слоев, Й. Лербум, изучавший шведско-датское пограничье в первой половине XVII в., обнаружил, что рядовое население все же ссылалось на него время от времени. Исследователь также подчеркивает значимость правового аспекта в отношении местных жителей к границе Швеции с Данией³².

Всё это, на мой взгляд, заставляет подозревать бóльшую актуальность для Швеции XVII в. культурных, а не узко религиозных категорий для различения «своих» и «чужих» в мирном политическом контексте³³. И у меня сложилось впечатление, что именно такой подход был характерен для отношения к политическим границам. Иными словами, рискну предположить, что если в Швеции в рассматриваемое время границе с Россией приписывали какие-либо смыслы кроме практических, то они касались прежде всего отличий с точки зрения принадлежности к некой культурной общности (в наших терминах, конечно), то есть отличий по языку, «нации», внешнему виду, обычаям и т.д. Религиозные различия при этом не исключались, но не были приоритетными.

Конечно, это лишь гипотеза, которую предстоит проверять. Причем единственный яркий пример, который я могу здесь привести для иллюстрации, относится к гораздо более раннему периоду, к 1539 г., и характеризует взгляд образованной элиты.

Но возможно, тем он как раз показательнее, поскольку демонстрирует, что при описании политических границ культурные различия могли быть приоритетными по сравнению с узко религиозными даже в эпоху, когда шведы постоянно называли «москвитов» «язычниками». И даже у тех самых авторов, которые исключали восточных соседей шведов из числа христианских народов. Ведь речь в данном случае идет об изображении российско-шведской границы на знаменитой «Морской карте» Олауса Магнуса³⁴.

Сама граница (напомню, что карта была создана задолго до Тявзинского договора 1595 г., определившего новую пограничную линию) обозначается на «Морской карте» преимущественно двойным рядом деревьев³⁵. Вдоль этого ряда в нескольких местах со шведской стороны представлены геральдические щиты с тремя коронами (ср. шведские межевые знаки). Кстати, имеются и гербы соседей Швеции, в том числе и фантастический герб (всадник с луком) великого князя московского, которого можно увидеть тут же, сидящим на троне. Но шведских гербов заметно больше – их четыре вдоль линии восточной границы, которую они явно маркируют. Однако еще интереснее фигуры людей по обе ее стороны – шведы и «москвиты», различающиеся внешним видом: арбалеты против луков, латы против кафтанов, плоские шапки против островерхих русских. Перед нами набор «русских атрибутов», исследованных Л. Тенгстрёмом³⁶. То есть граница Швеции с Россией представлена на «Морской карте» прежде всего как граница культурная (в указанном смысле), или даже, если угодно, «этнографическая», но едва ли религиозная³⁷. Я склонен – исходя из приведенных выше наблюдений относительно роли конфессионального фактора в идентичности шведских подданных – предполагать, что ситуация оставалась такой же и в следующем столетии.

Таким образом, можно, как мне кажется, допустить, что в целом для русских граница со Швецией была в XVII столетии в большей степени религиозной, тогда как для шведов же – культурной. Если мои догадки обоснованны, то указанное различие могло бы помочь по-новому взглянуть на известную

проблему православных перебежчиков. Ряд специалистов (прежде всего из числа хорошо знакомых с источниками со шведской стороны) уверен, что вопреки не раз высказывавшемуся в литературе мнению бегство православных подданных из Швеции через границу в Россию нельзя объяснить притеснениями со стороны лютеранских властей (хотя давление на православных, конечно, оказывалось)³⁸. В то же время в российских источниках религиозный мотив подчеркивается очень часто (хотя он не единственный). Не есть ли это следствие указанной асимметрии в понимании границы и даже, может быть, результат использования ситуации самими беглецами, знавшими, что ссылки на религиозные притеснения будут сочувственно восприняты российскими пограничными властями?³⁹

Конечно, вопрос о соотношении видения ситуации в столицах и на местах очень непрост. В частности, Ю. Корпела прямо утверждает, что актуальные для государственной пропаганды темы, вроде религиозного или идеологического единения перед лицом «чужих», не воспринимались жителями российско-шведского пограничья вплоть до конца XIX – начала XX в.⁴⁰ Не исключено, что он прав, однако, на мой взгляд, если иметь в виду готовность местного населения ссылаться (хотя бы в ходе общения с властями) на подобного рода идеологические конструкции (а значит, и понимать их), то едва ли можно оценивать положение дел столь однозначно. Мне кажется, что, к примеру, процитированные выше слова простого стрельца о повреждении «немецкого болвана» и упомянутые наблюдения Й. Лербума об отношении жителей датско-шведского пограничья к концепту отечества, свидетельствуют, что картина была более сложной и что необходимо продолжать поиски способов определения и описания таких различий в понимании границы, в том числе, и на местном уровне.

---

¹ Кстати, довольно запутанная на первом, средневековом, этапе и вызвавшая ожесточенные споры среди исследователей, особенно финляндских. Об истории споров относительно характера границы в соответствии с Ореховецким договором 1323 г. см.: *Gallén J., Lind J. Nöteborgsfreden och*

Finlands medeltida östgräns. Helsingfors, 1968. S. 1–38; *Idem*. Nöteborgsfreden och Finlands medeltida östgräns. Helsingfors, 1991. 2. S. 250–282, 366–412; *Julku K.* Vielä kerran Pähkinasaaren rauhasta ja rajasta // *Fara-vid*. 2005. Vol. 29. S. 19–32; *Katajala K.* : 1) The Origin of the Border // *Vid gränsen: integration och identitet i det förnationella Norden* / Red. H. Gustafsson, H. Sanders. Göteborg; Stockholm, 2006. S. 92–93 ; 2) Drawing Borders or Dividing Lands? // *Scandinavian Journal of History*. 2012. Vol. 37, N 1. P. 37–39. В несколько иной перспективе эта дискуссия проанализирована И. Лииканеном: *Liikanen I.* Origins of the Eastern Border as the Grand Controversy of Finnish National History Writing // *Disputed Territories and Shared Pasts: Overlapping National Histories in Modern Europe* / Ed. by T. Frank, F. Hadler. L., 2011. P. 177–199.

² См. об этом, например: *Чепель А.И.* Проблемы шведско-русского приграничья и пограничная политика Швеции в 1617–1661 гг.: (по материалам рос. архивов): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. СПб., 2011; *Katajala K.* Suurgvallan rajalla: Ihmisiä Ruotsin ajan Karjalassa. Helsinki, 2005; *Kokkonen J.* Rajaseutu liikkeessä: Kainuun ja Pielisen Karjalan asukkaiden kontaktit Venäjän Karjalaan kreivin ajasta sarkasotaan (1650–1712). Helsinki, 2002. (См.: также статьи названных авторов). Стоит упомянуть и начатый недавно Центром исторических исследований НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге проект «Русско-шведская граница в Ингрии XVII века: историко-географическое исследование» под руководством другого известного специалиста по истории российско-шведского приграничья А.А. Селина (URL: <http://sh.spb.hse.ru/history/news/148086611.html>). Кроме того, отдельной проблемой (почти постоянно затрагиваемой, в том числе, и в общих работах по истории регионов по обе стороны границы России со Швецией) является трансграничная миграция православного населения, оказавшегося под властью шведской короны после 1617 г. См. подробнее: *Толстиков А.В.* Проблема идентичности православных подданных Швеции и их миграция в Россию в XVII в. // *Миграции в Средневековье: культурологические подходы*. М. (В печати).

³ О специфике других границ и пограничных зон России конца XV – XVII в. см., в частности: *Selart A.* : 1) The Formation of Estonian Eastern Border during the Middle Ages // *The Dividing Line: Borders and National Peripheries* / Ed. by L.-F. Landgren, M. Häyrynen. Helsinki, 1997. P. 27–41 ; 2) *Zur Sozialgeschichte des Ostgrenze Estlands im Mittelalter* // *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung*. 1998. Bd. 47, Hf. 4. S. 520–543 (автор рассматривает ситуацию с XIII до XVI в.); *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой: пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2010; *Темушев В.Н.* : 1) Гомельская земля в конце XV – первой половине XVI в.: территориальные трансформации в пограничном регионе. М., 2009 ; 2) Первая Московско-литовская пограничная война, 1486–1494. М., 2013 (особенно глава 2: с. 95–220); *Khodarkovsky M.* Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington; Indianapolis, 2002; *Агеев А.Д.* Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М., 2005; *Резун Д.Я., Шиловский М.В.* Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контек-

- сте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005; *Хромых А.С.* Сибирский фронт: встреча цивилизаций от Урала до Енисея (последняя треть XVI – первая четверть XVII века). Красноярск, 2012.
- 4 Опуская ссылки на известные этимологические и исторические словари, из работ лингвистов отмечу: *Kochman S.* *Polsko-rosyjskie stosunki językowe od XVI do XVIII w.* Opole, 1975. S. 62–70 (также: *Золтан А.* *Interslavica: исследования по межславянским языковым и культурным контактам.* М., 2014. С. 86–87); *Сергеев Ф.П.* Формирование русского дипломатического языка, [XI–XVII вв.]. Львов, 1978. С. 113–120; *Макарова И.Е.* Лексика межжевания в памятниках официально-деловой письменности XV–XVII вв.: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Тверь, 1995 (особенно глава 2: с. 47–112). Из работ историков см. прежде всего: *Алексеев Л.В.* : 1) Полоцкая земля: очерки истории Северной Белоруссии в IX–XIII вв.). М., 1966. С. 77–80; 2) О распространении топонимов «межа» и «рубезж» в Восточной Европе // *Славяне и Русь* / отв. ред. Е.И. Крупнов. М., 1968. С. 245–250; *Khodarkovsky M.* *From Frontier to Empire: The Concept of the Frontier in Russia. Sixteenth–Eighteenth Centuries* // *Russian History.* 1992. Vol. 19, N 1–4. P. 115–117 (см. также: *Idem.* *Russia's Steppe Frontier.* P. 47–51).
- 5 В следующих нескольких абзацах я кратко резюмирую выводы своей статьи “From *Mezha* and *Rån* to *Rubezh* and *Gränsen*: Conceptualizing the Russo-Swedish Border in the Late Middle Ages and Early Modern Period” (*Revue d’Histoire Nordique = Nordic Historical Review.* 2014. 19. P. 31–55).
- 6 В немецком (изначально в средневерхненемецком) *Grenze*, собственно, тоже заимствование из старопольского или померанского языка (*granica*).
- 7 «Миро взеле на (с)[т]арои меже юрие кнезе...» (см. полный текст и комментарии в базе данных «Древнерусские берестяные грамоты»: URL: <http://gramoty.ru/>).
- 8 *Katajala K.* *Maps, Borders, and State-Building // Physical and Cultural Space in Pre-Industrial Europe: Methodological Approaches to Spatiality* / Ed. by M. Lamberg, M. Nakanen, and J. Haikari. Lund, 2011. P. 78–83.
- 9 Хотя слово «граница» (являющееся, кстати, и в русском языке западнославянским заимствованием XIV в. – см.: *Kochman S.* *Op. cit.* S. 62–70) тоже было хорошо известно и употреблялось параллельно и практически в том же самом значении, что и «рубезж», в контексте российско-шведских отношений оно явно уступало последнему в популярности, по крайней мере, до конца XVII в.
- 10 Вообще, слово «украина» («украина») часто использовавшееся для указания на степное пограничье России, можно, по-моему, считать наиболее точным в России раннего Нового времени эквивалентом знаменитого «фронтiera» в его американском, восходящем к Ф.Дж. Тернеру смысле (*frontier* в отличие от *border*). См.: *Khodarkovsky M.* *From Frontier to Empire.* P. 115, 117.
- 11 См.: *Gustafsson H.* *Gamla riken, nya stater: Statsbildning, politisk kultur och identiteter under Kalmарunionens upplösningsskede 1512–1541.* Stockholm, 2000; *Krom M.* *Changing Allegiances in the Age of State-Building: The Border between the Grand Duchy of Lithuania and the Grand Principality of Moscow* //

- Imagined. Negotiated. Remembered: Constructing European Borders and Borderlands / Ed. by K. Katajala, M. Lähteenmäki. Berlin etc., 2012. P. 15–30.
- ¹² Жуков А.Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород, 2003. С. 130.
- ¹³ Якубов К.И. Россия и Швеция в первой половине XVII века: сборник материалов, извлеч. из Моск. гл. архива М-ва иностранных дел и Шведск. гос. архива и касающихся истории взаимных отношений России и Швеции в 1616–1651 г. М., 1897. С. 82–83. По первому пункту российские послы ответили, что «государь о том велел учинити заказ, чтоб того вперед не было, а хто учнет делать мимо государева указа, и тем будет вперед наказанье», но по второму заявили: «То дело духовное, положено на святителех, и попы и всякие церковные люди ведают они, и у кого просить благословенья, от того по правилом терпети и запрещенье; и отняти того суда у митрополита немочно, потому что то будет мимо церковных правил...» (Там же).
- ¹⁴ Цветаев Д.В. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890. С. 594.
- ¹⁵ Опарина Т.А. Предписанная идентичность православных иностранцев в России первой половины XVII века // Диалог со временем. М., 2008. Вып. 22. С. 174.
- ¹⁶ Там же. С. 168.
- ¹⁷ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 3: 1613–1645. С. 450 (№ 284). Ср.: Чепель А.И. Указ. соч. С. 181.
- ¹⁸ Лотман Ю.М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. С. 407–412; Успенский Б.А. Дуалистический характер русской средневековой культуры: (на материале «Хожения за три моря» Афанасия Никитина) // Успенский Б.А. Избранные труды. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1996. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 381–432. О значении исследования В. Кивельсон см. ниже.
- ¹⁹ Флоря Б.Н. Путешествия Воина Нашокина // Средние века. М., 2010. Вып. 71, 1–2. С. 318–319.
- ²⁰ Библия, сиречь книги ветхаго и новаго завета по языку славенску ... М., 1663.
- ²¹ См. о символике и значении этого издания: Шустова Ю.Э. Образ царской власти в поэтико-геральдических композициях печатной книги Московского государства второй половины XVII в. // Русская антропологическая школа: Труды. М., 2008. Вып. 5. С. 457–462; Franklin S. Printing Moscow: Significances of the Frontispiece to the 1663 Bible // Slavonic and East European Review. 2010. Vol. 88, N 1–2. P. 73–95 (то же: Personality and Place in Russian Culture: Essays in Memory of Lindsey Hughes / Ed. by S. Dixon. L., 2010. P. 73–95).
- ²² Шустова Ю.Э. Указ. соч. С. 460–461. (Ссылка не совсем точна, указ не датирован и напечатан в первом томе «Полного собрания законов» на с. 734–738).

- ²³ Россия и Пруссия в середине XVII века / сост. П.И. Прудовский. М., 2013. Т. 1: Посольская книга по связям России с Бранденбургско-Прусским государством 1649–1671 гг. С. 239–240.
- ²⁴ См.: *Franklin S.* Op. cit. P. 86–87.
- ²⁵ *Шустова Ю.Э.* Указ. соч. С. 459.
- ²⁶ Это, разумеется, хорошо известная и весьма распространенная в христианском мире тема. См., например: Новые Иерусалимы: иеротопия и иконография сакральных пространств / ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2009. О значении в российском контексте мотива Нового Израиля см., в частности: *Rowland D.* Moscow – The Third Rome or the New Israel? // *Russian Review.* 1996. Vol. 55, N. 4. P. 591–614; *Кононов А.Б.* «Богоизбранный новый Израиль»: к вопросу о формировании средневековых представлений о Русском государстве как о царстве «Нового Израиля» // *Евреи и христиане в православных обществах Восточной Европы* / под ред. М.В. Дмитриева. М., 2011. С. 125–145.
- ²⁷ *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В.Г. Николаева. М., 2001. С. 193–196.
- ²⁸ См., например, большой (и еще продолжающийся) проект, начатый в конце 1980-х годов под руководством одного из вдохновителей этой новой истории картографии Дж.Б. Харли: *The History of Cartography.* Chicago, 1987. Vol. 1: *Cartography in Prehistoric, Ancient, and Medieval Europe and the Mediterranean* / Ed. by J.B. Harley; 1992. Vol. 2. Book 1. *Cartography in the Traditional Islamic and South Asian Societies* / Ed. by J.B. Harley; 1995; Vol. 2, Book 2: *Cartography in the Traditional East and Southeast Asian Societies* / Ed. by J.B. Harley; Vol. 2, Book 3: *Cartography in the Traditional African, American, Arctic, Australian, and Pacific Societies* / Ed. by D. Woodward; 2007. Vol. 3: *Cartography in the European Renaissance* / Ed. by D. Woodward; 2015. Vol. 6: *Cartography in the Twentieth Century* / Ed. by M. Monmonier. Первые три тома свободно доступны на сайте издательства: URL: <http://www.press.uchicago.edu/books/HOC/index.html>. В последнее время число исследований, выполненных в русле культурной истории картографии, продолжает расти.
- ²⁹ *Кивельсон В.* Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века / пер. с англ. Н. Мишаковой. М., 2012. С. 284. (Оригинальное издание вышло в 2006 г.).
- ³⁰ Ср. в особенности главы 4–6: Там же. С. 139–228.
- ³¹ См. подробнее: *Толстиков А.В.* Проблема идентичности православных подданных Швеции и их миграция в Россию в XVII в.
- ³² *Lerbom J.* The Spaces and Boundaries of the Realm: Sweden in the Early Modern Popular Mind // *Imagined. Negotiated. Remembered: Constructing European Borders and Borderlands* / Ed. by K. Katajala, M. Lähteenmäki. Berlin etc., 2013. P. 35–41.
- ³³ Здесь нельзя, конечно, не вспомнить о риторике защиты Густавом II Адольфом протестантов в годы Тридцатилетней войны. Что же касается русских, то в Средневековье и в XVI в. противостояние с ними обычно изображалось в шведских источниках именно как борьба христиан с

- язычниками, нехристиами: *Толстиков А.В.* Русское православие в политике и политической риторике Швеции (первая половина XVII в.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. М., 2002. С. 35–38; *Sjtjeglov A.* Bilden av Ryssland och gysnar i svenska källor fram till 1500-talet // Tankar om ursprung: Fortiden och medeltiden i nordisk historieanvändning / Red. S. Edquist, L. Hermansson, S. Johansson. Stockholm. 2009. S. 67–79 (см. тот же текст также на шв. яз.: *Scheglov A.* Fran «Master Adam» till «Master Olof»: Studier i svensk ideologi och historieskrivning fram till 1500-talet = *Щеглов А.Д.* От «Местера Адама» к «Местеру Улофу»: исследования шведской идеологии и историографии вплоть до XVI века. М., 2013. С. 5–18). Некоторая трансформация, как заметил К. Таркиайнен, произошла примерно в 1610-х годах, когда для негативной характеристики русских стали чаще использовать слово «варварь», а не «язычники», что, по мнению исследователя, было связано с утверждением новых представлений об обществе, в рамках которых религии отводилось более скромное место, чем раньше: *Tarkiainen K.* De ryska “nationalegenskaperna” enligt svensk uppfattning i början av 1600-talet // Historiska och litteraturhistoriska studier. Helsingfors, 1973. Bd. 48. S. 50.
- ³⁴ О взглядах ревностного католика О. Магнуса на «москвитов» см.: *Щеглов А.Д.* Олаус Магнус о России и русских: (к вопросу об интерпретации образа) // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 2001. 1999 г.: Восточная и Северная Европа в средневековье / отв. ред. Г.В. Глазырина; отв. секретарь С.Л. Никольский; [отв. ред. сер. Е.А. Мельникова]. С. 230–238.
- ³⁵ О том, как российско-шведская граница постепенно все более четко очерчивалась на картах, см.: *Katajala K.* Maps, Borders, and State-Building // Physical and Cultural Space in Pre-Industrial Europe: Methodological Approaches to Spatiality / Ed. by M. Lamberg, M. Hakanen, and J. Haikari. Lund, 2011. P. 69–71 (специально о «Морской карте»), 74–83.
- ³⁶ *Tengström L.* «Muschoviten... Turcken icke olijk»: Ryssattribut, och deras motbilder, i svensk heraldik från Gustav Vasa till freden i Stolbova. Jväskylä, 1997. D. 2. S. 137–164, 194–202 (о перечисленных атрибутах, в том числе на «Морской карте»), 480, 482, 488–489 (соответствующие фрагменты «Морской карты»). См. также о символике кривой восточной (=русской) сабли, противопоставлявшейся в геральдике Швеции прямому мечу, в частности – на известном шведском гербе Карелии 1560 г.: *Ibid.* S. 16–37. На «Морской карте» саблю можно разглядеть у нескольких фигур «москвитов», но противопоставление выражено прежде всего с помощью указанных выше атрибутов.
- ³⁷ Хотя рядом с фигурой великого князя и помещена цитата из первого послания к коринфянам, намекающая на вред религиозных разногласий: «Non sint in vobis scismata» (1 Кор. 1: 10: «...чтобы все вы говорили одно, и не было между вами разделений...»).
- ³⁸ Применительно к ситуации в Кексгольмском лене см.: *Laasonen P.* Novgorodin imu: Miksi ortodoksit muuttivat Käkisalmen läänistä Venäjälle 1600-luvulla? Helsinki, 2005 (особенно: с. 94–103).
- ³⁹ См. подробнее о самой проблеме перебежчиков и о необходимости переформулировать некоторые связанные с ней исследовательские вопросы:

Толстиков А.В. Проблема идентичности православных подданных Швеции и их миграция в Россию в XVII в.

- ⁴⁰ *Korpela J.* : 1) Finland's Eastern Border after the Treaty of Nöteborg: An Ecclesiastical, Political or Cultural Border? // *Journal of Baltic Studies*. 2002. Vol. XXXIII, N 4. P. 391–393 ; 2) Die Schwedische Ostgrenze von Nöteborg bis Kardis 1323–1660: Kirchengrenze, politische Grenze oder Kulturgrenze? // *Nordosteuropa als Geschichtsregion* / Hrsg. von J. Hackmann, R. Schweitzer. Helsinki; Lübeck, 2006. S. 284–285.

Православные приходы Швеции через призму русской церковной реформы XVII в.

В настоящей статье будут рассмотрены вопросы, касающиеся влияния на конфессиональную ситуацию в Швеции проводившейся в России церковной реформы. Каких взглядов на реформу придерживались православные священники в Швеции? Чем православная среда (храмы, приходы, население) за шведской границей была для жителей России? Как проникал реформированный обряд на шведскую территорию? Какую роль в этом сыграло то обстоятельство, что православные приходы находились на земле другого государства и были отделены границей от своего церковного начальства?

Православные приходы Копорского, Ямского, Ивангородского, Ореховского и Корельского уездов, отошедших к Швеции в результате Столбовского мирного договора, в церковном отношении подчинялись новгородским митрополитам. Формально это подчинение было нарушено в 1617 г., но общение православных прихожан, ставших шведскими подданными, со священниками из России продолжалось неофициально, невзирая на границу¹. Церковное устройство и администрация в новых шведских провинциях отвечали требованиям законов Шведского государства и Шведской лютеранской церкви. Население Ингерманландии и Кексгольмского лена (Корельского уезда), независимо от вероисповедания, в церковном отношении подчинялось нарвскому (ругодивскому) суперинтенданту. Ингерманландия по уставу губернатора Оксеншерны от 28 июня 1639 г. была разделена на 2 пробства: 1) Ниенское, в которое вошли Ореховская и Ниенская области и баронство Дудергоф; 2) Ивангородское, объединившее Ивангородскую, Ямбургскую (Ямскую) и Копорскую области. В Ниенском пробстве насчитывалось 10 погостов, а в Ивангородском – 13². Кексгольмский

лен разделялся на северную и южную половины, которые в свою очередь делились на приходы, управлявшиеся выборными старостами, и соответствовавшие бывшим 14 погостам Корельского уезда. Пробсты* контролировали деятельность священников и доносили суперинтенданту о состоянии дел. Православные наравне с лютеранами вынуждены были платить сборы на содержание лютеранского духовенства и сверх того за совершение православных обрядов³. Официальная политика шведского правительства в отношении православного меньшинства была сдержанной, неблагоприятной и, по большому счету, игнорировала интересы этого меньшинства. В 80-е годы XVII в. политика лютеранизации и притеснения православия достигла своего апогея. На эти годы приходится деятельность нарвского суперинтенданта (с 1681 г.) епископа Гецелиуса младшего⁴, который наряду с генерал-губернатором Ингерманландии и Кексгольмской области Йераном Сперлингом явился ревностным исполнителем королевских распоряжений относительно религиозного просвещения православных финнов⁵.

Правительственные действия, направленные на лютеранизацию края, наталкивались на ответную негативную реакцию со стороны православного населения, которое направляло жалобы как шведскому королю, так и русскому царю⁶. Несмотря на обсуждение на дипломатическом уровне в мае 1684 г. бедственного положения православных в Кольвани, Ижорской и Корельской землях, ситуация не изменилась. Это побудило русское правительство весной 1685 г. послать в Швецию тайного агента с целью выяснить на месте истинное положение православных приходов в бывших русских Ижорской и Карельской землях⁷. В качестве правительственного тайного агента выступил гость Иван Семенов, который, по справедливому предположению В.А. Варенцова, был сыном новгородского гостя Семена Гаврилова и имел прозвище Маленький⁸. В указанное время в Новгороде не было другого гостя с именем Иван Семенов⁹. Несмотря на сравнительно молодой возраст (не

---

* Пробст – старший лютеранский пастор, наблюдавший за несколькими приходами. Некто вроде православного протопопа или поповского старосты.

больше 20 лет)¹⁰ для выполнения такого сложного задания, выбор Ивана Семенова был удачным – грамотный, предприимчивый человек, неоднократно бывал в Швеции по торговым делам отца. В 1683 г. был привлечен к следственному делу о новгородских староверах. Испугавшись пытки, Иван Семенов не только выдал всех, кого знал, но активно сотрудничал со следствием. По его указаниям были разгромлены староверческие пустыни в окрестностях болота Невьи мхи¹¹, арестованы и казнены лидеры староверов Иван Дементьев, старец Варлаам и др.¹² Отцу Ивана гостю Семену Гаврилову пришлось использовать все свои связи при дворе и приложить немало усилий, чтобы избавить сына от пытки и от наказания. Иван стремился реабилитировать себя в глазах правительства, и он блестяще выполнил порученное задание, представив подробный отчет о состоянии православия в Швеции.

Иван Семенов начал инспекцию православных приходов Швеции с Ореховской области¹³ и двигался оттуда на запад до Копорья. От Копорского уезда он повернул на восток к погосту Куйваси (Куйваши), завершив, таким образом, описание Ижорской земли. В Ивангородский и Ямбургский уезды он не поехал, вероятно, полагая, что там не было церквей и священников, а только «не во многих местех часовни». В Ореховском, Канецком и Копорском уездах, в которых ему удалось побывать, он обнаружил только трех священников. В Орешке шведы из церкви устроили конюшню, а в Канцах на месте разрушенной Преображенской церкви стояла часовня, и служил там поп Сидор, владевший русским, шведским и финским языками. В 1680 г. он был подвергнут обряду посвящения в священники ругодивским суперинтендантом, которому помогали два шведских и два русских священника. Русские священники Петр и Семен – беглецы из России, служили в Благовещенской церкви в Ивангороде¹⁴. Как отметил Андреев, поп Сидор (надо думать, и другие русские священники) не придавал особого значения этому посвящению, потому что священнодействовал задолго до него. По сведениям Андреева, почерпнутым из шведских источников, Сидор был поставлен в попы в Новгороде, но в каком году, неизвестно¹⁵. В Канецком приходе попа Сидора

Иван Семенов отметил около 500 дворов, а на большие праздники в часовню собиралось свыше 300 человек¹⁶. В 50-ти верстах от Канец в селе Куйваши вместо разоренной Ивановской церкви была построена часовня, служил в ней поп Фома, бежавший со всей семьей из России. Он имел старое поставление от митрополита Макария и до бегства в Швецию служил в Георгиевской церкви села Оломно Солецкого погоста Новгородского уезда¹⁷. В Копорском уезде в селе Горы в Никольской церкви служил также бежавший из России поп Андрей. Его приход насчитывал боле 200 дворов. В других местах (в Ивангородском и Ямбургском уездах), по замечанию Ивана Семенова, вместо церквей стояли часовни, священников в них не было, а ключи держали у себя крестьяне. В Корельском уезде Иван Семенов обследовал в первую очередь приладожские погосты, а затем углубился на север до Иломантского погоста. Почти в каждом из 14 осмотренных погостов Иван Семенов обнаружил церковь или часовню. Везде он отмечал большое количество православного населения. В семи погостах священников не было, а в семи были беглые из России. Эти погосты находились в приграничном районе Северного Приладожья, граничившим с русским Олонецким уездом. Один из бежавших в Швецию священников назван Михаилом Федоровым из Олонца¹⁸. Надо полагать, что и прочие были из ближайших к шведской границе мест.

Из отчета Ивана Семенова следует, что большинство православных священников в Швеции были беглецами из России. Причины бегства не указаны. По нашему предположению, наиболее вероятной причиной массового оставления своих приходов на родине и ухода за границу было несогласие священников с проводившейся в России церковной реформой. В пользу данного предположения свидетельствуют материалы допроса крестьянина Новгородского уезда Тигоцкого Ильинского погоста деревни Хоченья Семена Яковлева, произведенного в Синоде в 1725 г. Старовер Семен Яковлев подал в Синод «доношение» с просьбой принять его обратно в лоно господствующей церкви. На допросе он рассказал о своей жизни в Швеции в конце XVII в. Бежав из Новгорода в Нарву, он разы-

скал священника Иосифа (так же, как и он, беглеца из России), который служил по старому обряду. Семен Яковлев два года прожил в Нарве, женился на Ксении, дочери выходца из России старовера Терентия. Обряд венчания совершил о. Иосиф, по словам Семена, в избе. По всей видимости, так в его показаниях названа часовня. Священник Иосиф пропал без вести в самом начале Северной войны, вероятно, после взятия Нарвы русскими войсками в 1704 г.¹⁹

Как отмечали многие исследователи, в Швеции православное богослужение долго сохраняло свое дореформенное состояние, то есть было по сути староверческим²⁰. Церковная реформа не смогла преодолеть преграду государственной границы. Это обстоятельство притягивало в Швецию многих беглецов из России. Во время розыска несогласных с церковными нововведениями в Новгородской области в 1680-х годах за шведский рубеж бежали многие убежденные староверы. В 1683 г. в Ругодив (Нарву) сбежал торговый служащий гостя Семена Гаврилова Абрам Федоров. Его арестовали в деревне Заслуховье, где он остановился с товаром, следуя в Швецию. При нем были обнаружены тетради с рисунками и выписками из различных книг антиреформенного содержания. Будучи отдан на поруки, Абрам Федоров решил не испытывать судьбу и бежал за границу вместе с тремя поручителями. Один из бежавших поручителей был митрополичьим крестьянином, а два других – новгородцы посадские люди Гаврила Игнатъев и Федор Тарасьев Лялин. За ними в Ругодив был послан подьячий и митрополичий стряпчий, но поиски не увенчались успехом²¹.

В 1685 г. за границу бежал некий Тимофей, который перекрещивал крестьян и учил их не ходить в новообрядные церкви. Вместе с ним ушли около 50 человек его учеников. Из отписки митрополита Корнилия следует, что в 1684 и 1685 гг. из новгородских волостей и погостов бежали в Швецию многие помещицы крестьяне и бобыли²². П.С. Смирнов отождествляет указанного Тимофея с известным деятелем староверческого движения Тимофеем Иевлевым (Иовлевым)²³. В показаниях вышеупомянутого крестьянина Семена Яковлева (на них также ссылается Смирнов) говорилось, что его и многих его родст-

венников перекрестил новгородец Тимофей Иевлев, проживавший у своего брата подьячего, тоже Тимофея: «В прошлых давних годах явился в Новеграде самозаконник, любоначальный самочинник, мужик Тимофей Иевлев и крестил второе множество народа и отлучил соборныя апостолския церкви тогда и мои сродники прельстишася и меня крестиша второе седми лет»²⁴.

Старообрядческие сочинения содержат сведения о существовании староверческих общин в Ингерманландии, а именно в Копорском уезде и под Нарвой. О семье Иевлевых рассказывает Иван Филиппов в специальной главе «Истории Выговской пустыни». Тимофей, Симон и еще один Тимофей были сыновьями новгородского священника. Братья вместе с матерью некоторое время жили в Нижегородских пустынях, но после ее смерти вернулись в Новгород. Здесь они скрывались у «христоролюбцев» и часто беседовали со своим отцом, который в результате этих бесед оставил священство. Из новгородского следственного дела 1683 г. известен лукинский священник поповский староста Иов Иванов²⁵, которого можно отождествить с отцом братьев Иевлевых. По сведениям Филиппова, старший Тимофей действовал в Новгороде и Старой Руссе, проповедавая старую веру, и умер в новгородских пределах. Смирнов, обнаружив у Филиппова указание на то, что братья Иевлевы уезжали в нижегородские пустыни, выдвинул предположение, что Тимофей в 1685 г. бежал не в Швецию, а вместе с братьями в Поволжье²⁶. Но согласиться с этим утверждением нельзя. Во-первых, в повествовании Филиппова сказано, что Иевлевы уехали в Поволжье в молодом возрасте «из млада» вместе с матерью. Во-вторых, младший Тимофей (у которого укрывался старший Тимофей во время его проповеднической деятельности) мог стать подьячим только после возвращения братьев в Новгород. В-третьих, Филиппов ясно выразился, что непосредственно после возвращения из «нижегородских пустынь ... большей брат нача скитатися, храня древлецерковное благочестие, тайно крыясь в Новеграде»²⁷. Если верно предположение Смирнова, что упомянутый в грамоте новгородского митрополита Корнилия старовер Тимофей – это Тимофей Иевлев,

то в 1685 г. он бежал именно в Швецию, как о том сказано в грамоте, а не в Поволжье. О его нахождении в Швеции свидетельствует Житие Феодосия Васильева, в котором Тимофей Иевлев упоминается в числе «духовных людей» копорской общины²⁸. Его брат Симон тоже уехал из Новгорода (не исключено, что братья уехали вместе) за шведскую границу «в Копорщину» и там принял участие в создании общины староверов. Симон, как человек грамотный, сын священника, хорошо знающий церковную службу, стал наставником в общине. Эта община просуществовала более 20 лет и распалась из-за внутренних разногласий во время Северной войны²⁹. О неурядицах, происходивших в копорской общине задолго до ее распада, сообщается в Житии Феодосия Васильева следующим образом: «но житие зазорное имаху противно канонам. Держаху убо при себе девиц, и жен, и сродниц, но весма чужих сущих. И с ними овии в пустынях, инии во градах и селех пребываху, но наедине. Откуду в таковых и явные зазоры породишася, от иных же лживая провещания, аки бы от святых явления показашася»³⁰. Из Новгорода в Копорский уезд был послан Феодосий Васильев, который настаивал на раздельном проживании мужчин и женщин. Ему удалось убедить копорских общажителей «отложить зазорное житие». В Житии Феодосия Васильева помимо Иевлевых перечисляются первенствующие люди общины, духовные учителя: Григорий Федоров Ондворский, Дмитрий Игнатъев Пяткин, Селивестр, Митрофан Трофимов, Ипатий Филатов³¹. Почти все они (за исключением Селивестра) были упомянуты в соборном приговоре 1692 г., осудившем взгляды другого известного деятеля раннего старообрядчества Ивана Коломенского³². В то же время их имен нет среди отцов, подписавших соборное уложение 1694 г. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что проблемы, возникшие в жизни копорской общины, совпадают с теми вопросами, которые были вынесены на обсуждение Собора 1694 г. в Новгороде, и которые нашли отражение в соборном уложении³³. Логика подсказывает, что между этими событиями существует связь. Уместно предположить, что Собор 1694 г. явился откликом на копорские события и состоялся непосредственно после

возвращения Феодосия в Новгород из длительной заграничной поездки. Евстрат Федосеев, автор Жития Феодосия Васильева, не случайно поместил в своем сочинении рассказ о действиях Феодосия в Копорье после сообщения о его поездке на Черную мызу, которая была, как известно, в 1692 г.³⁴

Разыскиваемый в России Иван Коломенский бежал в Швецию, поселился недалеко от Нарвы (5–6 верст) на Черной (Солдиной) мызе на Черной речке и там, вероятно, возглавил староверческую общину³⁵. Точное время переселения Ивана Коломенского в Швецию неизвестно. Указание Смирнова, что это должно было произойти не позднее 1684 г., так как, по его словам, «в этом году велено было уже разыскивать его», не основательно³⁶. Грамоты о розыске Ивана Коломенского и других староверов рассылались по епархиям и в 1683 г. и в 1686 г.³⁷ Однозначно можно утверждать, что в 1692 г. Иван Коломенский уже жил в Швеции, потому что в этом году против него был собран Собор на Черной (Солдиной) мызе³⁸. Протоиерей А.И. Журавлев и вслед за ним Г.В. Есипов предполагали, что Иван происходил из Центральной России из г. Коломны, так как считали, что его прозвание указывает на место рождения³⁹. Но, во-первых, в Новгородском уезде существовало несколько погостов, имевших название Коломенский⁴⁰. Во-вторых, под таким именем (Иван Коломский) известен новгородец торговый человек, родственник гостей Стояновых, который вместе с ними торговал мясом, салом и собольими мехами в Швеции⁴¹. По всей видимости, этот новгородец и был, как считал Смирнов, учеником старца Варлаама и Ивана Дементьева. Окончательно обосновавшись в Швеции, Иван Коломенский разошелся во взглядах на церковное устройство с новгородскими староверами, которые совместно с копорскими единоверцами созывали собор против него в 1692 г.⁴² Собор 1692 г. проходил, как уже говорилось, в Швеции на Черной (Солдиной) мызе под Нарвой, куда в качестве представителя новгородской общины приехал Феодосий Васильев с товарищами⁴³. В опубликованных Журавлевым отрывках грамоты о соборном приговоре 1692 г. перечисляются единомышленники Ивана Коломенского, вероятно, также проживавшие в Швеции: Григорий Бе-

лонский (по другим сведениям Белохин), Прохор Псковитин, Венедикт Шелоиц (Шелонец?), Иван Москвитин, Гаврила Никифоров, Анисим Савельев, Мелетий Автономов Рушакин, Кирил Емельянов, Родион Марков, Дмитрий Павлов, Михаил Пименов. Биограф Феодосия его сын Евстрат прибавляет к этому перечню еще два имени: Евсевий Кондратьев и Марк⁴⁴. Последний фигурировал в митрополичьих грамотах о розыске Ивана Коломенского как его крестьянин Евсевий Кондратьев Спячего⁴⁵. В соборном приговоре 1692 г. упоминается другая группа шведских староверов, которая выступила с критикой взглядов Ивана Коломенского и явилась инициатором созыва против него Собора на Черной мызе: Илья Яковлев, Евсей Григорьев, Спиридон Максимов, Захарий Ларионов Бедринский, Михаил Филимонов, Роман Федосеев⁴⁶.

Шведская граница была для русских староверов спасительным рубежом, за которым можно было укрыться от преследований русских властей. Со шведами, заинтересованными в увеличении населения, староверы умели договариваться. Об этом сообщает Филиппов, описывая жизнь копорской общины Симона Иевлева в Швеции: «Сперва за шветскими живяше, избегши с русской земли для гонительства Никоновых новолюбителей, и беседоваша с их властями и бискупами о вере, и о не их охраняху, токмо им платежи оброки платяху, а о вере их не истязаху. А их земли мызы пахажу и торговаху всяк на себя, и кормяхуся живуще несколько времени за ними»⁴⁷. Местное население, сохраняющее старое православие, охотно принимало и разделяло идеи вышедших из России староверов.

Однако начиная с 1685 г. реформированный обряд все же получает распространение в Швеции. По сведениям некоторых исследователей, неподтвержденным ссылками на источники, в 1685 г. между русским и шведским правительствами была достигнута договоренность о возобновлении Корельской и Ладожской епархии со статусом викариатства. Первым викарным епископом сюда был назначен бывший тамбовский епископ Леонтий⁴⁸. О деятельности Леонтия в качестве епископа Корельского и Ладожского никаких сведений не выявлено. П.М. Строев и И.М. Покровский на этом основании не призна-

вали существования в 1685–1690 гг. Корельского викариатства⁴⁹. Следует признать, что вопрос остается нерешенным до настоящего времени. Но, пожалуй, не случайно в 1686 г. в грамоте патриарха Иоакима к новгородскому митрополиту Корнилию говорилось об обращении православных жителей «свейского государства градов» к русским иерархам с просьбой разрешить построить храмы на месте разрушенных и поставить им новых священников⁵⁰. Можно допустить, что новгородский митрополит в то время уже имел оговоренное со шведскими властями право поставлять священников в приходы, находившиеся за шведской границей. Это предположение подтверждает свидетельство архиепископа Холмогорского и Важенского Афанасия. В сочинении «Описание трех путей из России в Швецию»⁵¹, работу над которым автор завершил незадолго до своей смерти в 1702 г., Афанасий упомянул, что священники ивангородской церкви «хиротонию емлют от новгородского архиерея». Также из Новгорода, как отметил Афанасий, присылался священник в часовню, находившуюся в гостином дворе в Стокгольме⁵². Представляется, что после 1685 г. церковные власти России получили официально разрешенный доступ на шведскую территорию и, столкнувшись с сохранением староверия шведским православным населением, приступили к планомерной работе по распространению нового обряда в Швеции. Специальные меры предусматривали проверку на благонадежность старых и поставление новых священников, снабженных новыми Требниками и Службниками и особыми инструкциями «как им в приходех своих приходцких людей надсматривать и хранить, чтоб жити во христианской вере греческаго закона, и противности и расколу святей церкви в них не было б»⁵³. Для контроля над внедрением и укоренением реформы в православных приходах Швеции на шведской территории действовали тайные русские эмиссары. В патриаршей грамоте от 30 августа 1689 г. новгородскому митрополиту Корнилию предписывалось, чтобы «за свейской рубеж» тайно был послан священник, знающий карельский язык, для выяснения «а как те новопоставленные священники и которые в тех местех старые священники церковную службу действуют, и

коим архиереем посвящены, и ставленные грамоты у них есть ли, и приходских своих людей управляют во христианском ли законе, и нет ли от них кого раскольников»⁵⁴.

О деятельности староверческих общин в Шведской Карелии, о том, как православное население Карелии реагировало на притеснения шведских властей и на распространение нового обряда русскими церковными властями, содержат информацию материалы финских архивов, введенные в научный оборот финскими историками. В отечественной историографии, затрагивающей ранний период истории старообрядчества, этот район обойден вниманием. Встречаются лишь отдельные упоминания о противодействии церковной реформе, в основном в связи с самосожжениями в трудно локализуемых местах⁵⁵. Между тем, ввиду привлечения новых источников, появляется возможность установить подробности биографии деятелей карельского сопротивления церковной реформе, локализовать места основанных ими поселений и даты их гибели. Финский исследователь Киммо Катаяла на основе протоколов заседаний уездных судов в Йоукио, Укуниемеи, Яаккимма, Кякисалми, Куркийоки (Кирьяж), Рясяля (Мельниково), Тиурула, Рауту, Саккола, Пюхярви (Плодовое) Кексгольмского лена за 1675–1688 гг., хранящихся в Национальном архиве Финляндии, воссоздал события, связанные с историей русского староверия XVII в.⁵⁶ Шведский Кексгольмский лен, соответствовавший бывшему Корельскому уезду, просуществовал до 1710 г., когда еще до завершения Северной войны его земли были снова возвращены России и включены в состав новообразованной Санкт-Петербургской губернии. Население Кексгольмского лена к 80-м годам XVII в. почти полностью сменилось. Коренные жители – карелы, будучи православными, всякий раз после занятия территории шведами (в 1580–1597, 1609–1617 и 1656–1658 гг.) предпочитали оставлять родные места и бежать в единоверную Россию. На место карел переселялись финны и шведы лютеранского вероисповедания.

В 1686 г. недалеко от деревни Ойнаанваара (Боранова гора) прихода Яаккима Кексгольмского лена представителями местной власти было обнаружено староверческое поселение, кото-

рое существовало некоторое время тайно. Возникновение этого поселения связано с жителями деревни Ойнаанваара и в первую очередь с представителями семейства Ляпери. Старший сын старого Хейкки Ляпери Пекка долгое время прожил в России. Вернувшись в Швецию, он стал проповедовать родственникам и соседям дореформенную православную веру. Он имел тесные контакты со староверами в России и часто переходил границу для общения с ними⁵⁷. Первоначально осенью 1685 г. в лесу у деревни Ойнаанваара построили большую келью братья Пекка, Антти, Самуэль и Тирикка (Дирих) Ляпери, которые пришли в родные места после недолгого пребывания в России. Но вскоре дом обнаружил их отец старый Хейкки Ляпери и разобрал его. Братьям, по всей вероятности, пришлось опять уйти в Россию, где младший Тирикка Ляпери был арестован и заключен в олонецкую тюрьму. По слухам, зафиксированным в протоколах судебных заседаний, в тюрьме его пытали раскаленными клещами, принуждая отказаться от веры. Весной 1686 г. Пекка Ляпери и его сын Хейкки (при перекрещивании получивший имя Мартин) вернулись в деревню Ойнаанваара и вместе с соседом Антти Саволайненом снова построили келью в лесу Хевонселкя на берегу реки Сювянаройоки. Но, как следует из протоколов дела, «дом оказался слишком близко к дороге, поэтому, боясь разоблачения, они бросили этот дом и построили новый на болоте Лемписенсуо». О староверческом поселении стало известно настоятелю церковного прихода в Яаккима пастору Амноринусу, который донес пробсту Хенрику Бойсману, а тот через коменданта Кексгольмской крепости полковника Рудольфа Хорна сообщил генерал-губернатору Йерану Сперлингу. По приказанию генерал-губернатора в деревню был отправлен отряд солдат под командой капрала и фельдфебеля. Солдаты, прибыв к тайной келье в конце июля 1686 г., в лесу никого не нашли. Староверов предупредил сосед по деревне Хейкки Саволайнен, и они успели скрыться. В деревне были арестованы старый Хейкки Ляпери, его жена и одна из невесток. Женщин увезли в крепость, а старика отпустили⁵⁸. Приблизительно через месяц староверы снова собрались в келью на болоте и были обнаружены крестьянами, от которых о

староверческом убежище стало известно ленсманам* прихода Яаккима и Пялгозерского погоста. При попытке взломать дверь ночью 3 сентября 1686 г., староверы зажгли в доме порох и дрова, приготовленные для такого случая. В огне погибли 5 человек, остальные сумели выбраться из дома и в темноте в начавшейся суматохе убежали. Беглецы летом 1687 г. снова построили келью в лесу между деревнями Меря и Яаккима. В документах судебного разбирательства не сохранилось описания этого строения. Новое убежище староверов просуществовало недолго. Его случайно увидела пастушка Анни и рассказала о нем ленсману прихода Яаккима. Ленсман с всадником Херманом Сондерхусеном и крестьянами окружили лесную келью и потребовали, чтобы запершиеся староверы сдались, угрожая всех перестрелять. Староверы высказали сомнение, что угроза будет исполнена. Тогда Сондерхусен выстрелил из карабина в отверстие в стене и убил двух человек в келье. После этого староверы подожгли порох внутри дома. В этом пожаре погибли все 11 человек, находившиеся в келье, никто не спасся⁵⁹.

Помимо сведений о староверческих поселениях в приходе Яаккима в судебных материалах оказалось возможным обнаружить подробности биографии некоторых участников событий. Брат старого Хейкки Ляпери, Анти сын Лаури Ляпери, уроженец Руголахты, переехал в деревню Ойнаанваара в 1642 г.⁶⁰ Население деревни было поголовно православным, по всей видимости карельским. Такое положение сохранялось до войны 1656–1658 гг., когда православные карелы вынуждены были покинуть Швецию и искать убежища в России⁶¹. Указание на место рождения Анти Ляпери (Руголахта), находившееся в XVII в. на шведской территории, является аргументом в пользу финского происхождения Ляпери. Видимо, поэтому после войны семья Ляпери осталась в деревне, а не бежала, как поступали православные карелы, в Россию. Глава семьи старший Хейкки сын Лаури Ляпери был судебным заседателем в Куркийоки в 1678 г.⁶² Представляется сомнительным, чтобы в

---

* Ленсман – полицейский в сельской местности в Швеции.

шведские суды в качестве заседателей были допущены православные. Однако конфессиональная и этническая принадлежность семьи Ляпери остается не совсем ясной. Катаяла склонен считать, что Ляпери были финнами и протестантами. Пекка Ляпери, по мнению финского ученого, прожив в России долгое время, приобщился к другой, как он считал, «истинной и самой старой вере»⁶³. Вслед за Катаялой Е.В. Романова считает Пекку Ляпери финном, крестившимся в старую веру в России⁶⁴. По-иному видится ситуация, если посмотреть на события с другой стороны. По сведениям, выявленным И.В. и М.И. Петровыми, Пекка и его жена были приговорены к тюремному заключению в Кексгольмской крепости за то, что крестили сына в России (так обычно поступали православные карелы)⁶⁵. Пекка Ляпери рассказывал, что прожил 12 лет в русском монастыре, в котором перекрестили его сына Хейкки (Мартин). О каком монастыре идет речь? Можно предположить, что Пекка Ляпери называл монастырем тайное поселение (о нем речь пойдет ниже), находившееся недалеко от шведской границы, где под руководством карела Илариона Пуллоева собралось большое количество противников церковных нововведений. В этом тайном поселении Пекка мог приобрести столь твердые убеждения в правоте старой веры. Прожив в России приблизительно с 1664 по 1676 г., Пекка Ляпери вернулся в Швецию, вероятно, для того, чтобы заниматься проповеднической деятельностью среди соседей. Он сохранил связи с единоверцами в ближайших пограничных селениях на русской стороне. Пекка часто бывал в России, легко переходя русско-шведскую границу. В 1684 г. с ним ушли его братья Антти и Самуэль. В 1685 г. Пекка привел в Россию крестника своей матери 14-летнего Юхани Халонена и его 11-летнего брата Хейкки. Сначала они жили в селе Горка у крестьянина Лаури Пулли, который перекрестил мальчиков в православие, дав им имена Климо и Ходар⁶⁶. Знакомство и тесное сотрудничество Пекки Ляпери с Лаури Пулли, проживавшем на русской территории, следовательно, православным, более того – старовером, примечательно во многих отношениях. Во-первых, это позволяет поставить вопрос о возможности проповедования старой православной веры на шведской терри-

тории среди инославных финнов. Во-вторых, можно утверждать, что руководство проповеднической деятельностью в шведской Карелии осуществлялось староверами из-за границы. В-третьих, если допустить, что Ляпери и Халонены – финны, это указывает на существование староверия как у карельского, так и у финского населения. С другой стороны, связи Ляпери со староверами-карелами дают основание усомниться в утверждении Катаялы о финском происхождении Ляпери и предположить, что он тоже был карелом (отсюда его частые поездки в Россию для общения с единоверцами и единоплеменниками).

Осенью 1686 г. Лаури поселил новокрещенных братьев Халоненов в староверческой келье, находившейся, как указал Юхани Халонен, у самой границы на расстоянии 1 версты⁶⁷. Это поселение представляло собой большой двухэтажный дом, куда могло собраться, по словам Халонена, более 600 человек. В келье жил монах, учивший вновь прибывавших молиться. Руководил поселением крестьянин Лаури Пулли. Из кельи через 8 дней мальчики убежали обратно в Швецию, так как у староверов им было очень голодно. Кроме того, им было страшно от разговоров староверов, что всех их собираются арестовать, и что они скорее сгорят, чем откажутся от своей веры. Несовершеннолетние Халонены без труда понимали язык обитателей кельи – карелов. На третий день после побега, то есть 19 сентября, когда братья Халонены уже находились на шведской территории и шли в сторону Салми, они заметили дым на том месте, где стояла староверческая келья⁶⁸. Рассказ Юхани Халонена зафиксирован в финских судебных документах.

Некоторые подробности обстоятельств гибели того же староверческого поселения содержатся в протоколах зимней сессии Сортавальского уездного суда за 1689 г. На заседание суда из Кексгольмской крепости был доставлен 75-летний краситель юфтевых кож уроженец селения Горка под Олонцом Неффо Пуллонен. Он подозревался «в подстрекательстве к обращению в новую русскую секту и самосожжению» в районах Суоярви и Салми. В суде Неффо рассказал, что его сын Ларион вместе со своей семьей и 1040 человек сгорели в большой келье, стоявшей на берегу озера Канаброзеро в 7 верстах от

шведской границы. Произошло это событие осенью 1686 г. при попытке стрельцов захватить староверов. Катаяла выдвигает вполне обоснованное предположение, что речь идет о том же событии, о котором рассказал Халонен⁶⁹. Более того, представленные Катаялой сведения позволяют отождествить Нефпо Пуллонена с Федором Пуллоевым, а его сына Лаури-Лариона с Иларионом Пуллоевым. Федор Пуллоев упомянут в отписке олонецкого воеводы Василия Долгорукова в Новгородский приказ в 1687 г. об обнаружении староверческого поселения в Березовом наволоке Шуезерского погоста. Как сказано в отписке, «в их Падонском погосте и в ыных местех учинился мятеж великий, многие люди по наученью олончанина Федки Пуллуева розбрелись и, собрався, построили пристанище от Падонского погоста за 100 за 50 верст в Шуезерском погосте в Березовом наволоке»⁷⁰. Иларион Пуллоев также известен как ревностный защитник старой веры и активный проповедник. Его беседа заставила основателя Троицкого Виданского монастыря на реке Суне Кирилла задуматься о происшедших переменах в церковной жизни и о духовном вреде новой идеологии⁷¹. В староверческих произведениях Иларион Пуллоев называется олонецким посадником⁷². Под этим термином, на наш взгляд, следует понимать искаженное «посадский». Олонец, как известно, заселялся окрестными крестьянами. Так, уроженцы сельской местности Пуллоевы стали посадскими жителями, сохранив за собой свой деревенский участок в селе Горка. Благодаря новым источникам, определяется приблизительный год рождения Федора Пуллоева – 1614 г. и родственная связь (отец и сын) между Федором и Иларионом Пуллоевыми. Устанавливается точная дата гибели Илариона Пуллоева в поселении у Канаброзера – 19 сентября 1686 г.

Интересна фигура проповедника Нефпо Пуллонена (Федора Пуллоева). Допустимо ли, чтобы он проповедовал среди иноверцев? О нем Катаяла пишет как о старовере, не называя национальности, но он без сомнения карел. Воспринять его идеи могли в первую очередь православные карелы. Нефпо Пуллонен или Федор Пуллоев – карел, который проповедовал на шведской территории, по всей вероятности, был человеком,

повлиявшим на мировоззрение Ляпери. Если согласиться с Катаялой, что представители семьи Ляпери были финнами, то следует задаться вопросом, что заставило Пекку Ляпери, финна-лютеранина, уехать в православную Россию, где и начальство и население крайне подозрительно относились к иностранцам и иноверцам? Чтобы уехать в Россию и жить 12 лет в монастыре, нужно иметь сильное желание принять православие или быть православным. У Ляпери перед отъездом в Россию, несомненно, был контакт с проповедником из России. Получается, что проповедь велась среди иноверцев. Для истории раннего староверческого движения это случай уникальный. Ведь противники церковного реформирования в основном проповедовали среди православных, чтобы они не отступали от веры предков.

Обращают на себя внимание тесные контакты между староверами, разделенными русско-шведской границей. Выходцы из Шведской Карелии Пекка Ляпери, его братья Антти, Самуэль и Тирикка, скрываясь на территории России от преследований шведских властей, обращались за помощью, по всей видимости, к Илариону Пуллоеву. Они находили убежище в основанном Пуллоевым поселении на берегу Канаброзера, вблизи от шведской границы. Тирикке Ляпери удалось бежать из олонецкой тюрьмы, вероятно, не без помощи местных староверов. В 1688 г. он скрывался в родных местах в окрестностях деревни Ойнаанваара, возможно, вместе с двумя старшими сыновьями Пекки Ляпери. Сыновья одного из жителей той же деревни Юрье Саволайнена построили себе убежище в районе деревень Ладвасюря и Оникиев наволоок. Ни одно поселение, как явствует из протоколов судебных заседаний, больше не было обнаружено и не сгорело. Эти факты свидетельствуют о сохранении симпатий к старой вере жителями приграничных районов Шведской Карелии. Без поддержки населения староверческие поселения не могли долго существовать. Их находили и уничтожали. Документы, использованные Катаялой, показывают, что поселения основывались для того, чтобы в них жить, а не гореть. Самосожжения происходили только в случае обнаружения властями поселений и при попытке арестовать

староверов. Это противоречит его собственным выводам о намеренном предании себя смерти староверами в связи с ожидаемым ими концом света. Следующие наблюдения также подтверждают эту мысль. Из привлеченных Катаялой источников следует, что тайные поселения стали возникать на шведской территории в 1685 г. Именно в этом году при помощи дипломатии новгородский митрополит легализовал свое право посылать священников в православные приходы Швеции и началось распространение на шведской территории русских церковных нововведений. Как справедливо отметил Катаяла, карельское православное население в Швеции долгое время оставалось староверческим⁷³. Одновременно с русским церковноначалием усилили нажим на православных карелов представители шведских церковных властей. Как ответ на эти действия, на территории Швеции, так же, как и в России, стали появляться тайные староверческие поселения.

На основании вышеизложенного, можно заключить, что за период от Столбовского мира до второй половины 80-х годов XVII в. находившиеся на территории Шведского государства православные приходы в большинстве своем не восприняли происшедшие в России церковные изменения. В Швецию из России бежали многие миряне и священники, несогласные с русской церковной реформой, и находили здесь вполне приемлемые условия для сохранения старой веры. Притеснения православия в Швеции не шли ни в какое сравнение с жестокими мерами русского правительства по искоренению староверия в России. Как правило, беглецы были выходцами из ближайших к шведской границе районов Новгородского и Олонецкого уездов. Проникновение в конце 1680-х годов нового обряда в Швецию шло медленно и осторожно. Новгородский митрополит к началу 1690-х годов не владел информацией о подлинном состоянии дел в православных приходах Швеции, а его агенты были вынуждены действовать на иностранной территории тайно. Православное население Швеции (русские, ингрики, ватиалайсы, карелы), познакомившись с церковными переменами, происшедшими в России, восприняли их негативно, и автоматически оказались в лагере приверженцев старой веры.

Среди финского лютеранского населения находились люди, тесно общавшиеся с православными соседями и в силу этого оказавшиеся восприимчивыми к проповеди правоты старой веры. Они заняли активную позицию у себя на родине, но не нашли откликов в финско-лютеранской среде. Их поддержали только ближайшие родственники. В целом финны с недоверием относились и к русским, и к православным карелам.

-
- ¹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. 3. С. 147–148 (№ 108), 180 (№ 127).
- ² *Гиппинг А.И.* Нева и Ниеншанц / сост. А.И. Гиппинг. СПб., 1909. Ч. 2. С. 224, 230–231.
- ³ Там же. С. 232, 236.
- ⁴ Там же. С. 185.
- ⁵ *Öhlander C.* Om den svenska Kyrkoreformationen uti Ingermanland: Ett Bidrag till svenska Kyrkans Historia ären 1617–1704. Uppsala, 1900. S. 121–169; *Андреев А.И.* Грамота 1685 г. царей Иоанна и Петра Алексеевичей шведскому королю Карлу XI // *Летопись занятий Археологической комиссии за 1923–1925 годы.* Ленинград, 1926. Вып. 33. С. 333–362, 351–353.
- ⁶ *Андреев А.И.* Указ. соч. С. 353–354.
- ⁷ Там же. С. 347, 355.
- ⁸ *Варенцов В.А.* Привилегированное купечество Новгорода XVI–XVII вв. Вологда, 1989. С. 81–82.
- ⁹ *Голоикова Н.Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. М., 1998. Т. 1. С. 151–153.
- ¹⁰ В переписи 1678 г. был указан возраст Ивана Семенова – 13 лет (Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 1. Д. 8569. Л. 2).
- ¹¹ Там же. Ф. 159 (Приказные дела новой разборки). Оп. 1. Д. 1395. Л. 349, 376.
- ¹² *Румянцева В.С.* Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М., 1986. С. 189, 195; *Варенцов В.А.* Указ. соч. С. 81.
- ¹³ Через Орешек новгородцы обычно ездили в Швецию в зимнее время. Летом путь шел до Тесовской заставы, а оттуда рекой Лугой до Нарвы (см.: *Варенцов В.А.* Указ. соч. С. 52–53).
- ¹⁴ РГАДА. Ф. 96 (Сношения России со Швецией). 1685 год. Февр. – окт. 27. Д. 3. Л. 6, 8.
- ¹⁵ *Андреев А.И.* Указ. соч. С. 356.
- ¹⁶ РГАДА. Ф. 96 (Сношения России со Швецией). 1685 год. Февр. – окт. 27. Д. 3. Л. 6–8.
- ¹⁷ Там же. Л. 8; Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 1. Д. 984. Л. 408 об.
- ¹⁸ Там же. Ф. 96 (Сношения России со Швецией). 1685 год. Февр. – окт. 27. Д. 3. Л. 8, 10, 12.

- ¹⁹ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1881. Т. 5: 28 января 1725 – 5 мая 1727. С. 135–136; Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода. СПб., 1897. Т. 5: 1725 г. С. 356.
- ²⁰ *Öhlander C.* Op. cit. S. 164; *Катаяла К.* Дымом в Царствие Небесное: самосожжения староверов в Шведской Карелии в конце XVII в. // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России. СПб., 1994. С. 35; *Селин А.А.* Порубежное духовенство в 1-й пол. XVII в. // Староладожский сборник. СПб., 2000. Вып. 3. С. 36.
- ²¹ РГАДА. Ф. 159 (Приказные дела новой разборки). Оп. 1. Д. 1395. Л. 160–162, 216–223.
- ²² Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1842. Т. 5. С. 220 (№ 127).
- ²³ *Смирнов П.С.* Внутренние вопросы в расколе в XVII веке: исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб., 1898. С. XVII–XVIII. Разд. паг.
- ²⁴ Полное собрание постановлений и распоряжений ... Т. 5. С. 135.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 159 (Приказные дела новой разборки). Оп. 1. Д. 1395. Л. 213.
- ²⁶ *Смирнов П.С.* Указ. соч. С. XVIII. Раз. паг.
- ²⁷ *Филиппов И.* История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862. С. 340–341.
- ²⁸ Житие Феодосия Васильева, основателя феодосиевского согласия, написанное сыном его, Евстратом, в 7250-м году // ЧОИДР. М., 1869. Кн. 2, апр. – июнь. С. 77 (разд. V: Смесь).
- ²⁹ *Филиппов И.* Указ. соч. С. 340–342.
- ³⁰ Житие Феодосия Васильева ... С. 77.
- ³¹ Там же.
- ³² *Журавлев А.И., прот.* Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках, так называемых старообрядцах, собранное из потаенных старообрядческих преданий, записок и писем, Церкви Сошествия Святаго Духа, что на Большой Охте, протоиереем Андреем Иоанновым. Изд. 5-е. В 4 ч. СПб., 1855. Ч. 1. С. 69.
- ³³ *Смирнов П.С.* Указ. соч. С. 041–045. Разд. паг.
- ³⁴ Житие Феодосия Васильева ... С. 76–77.
- ³⁵ *Журавлев А.И., прот.* Указ. соч. С. 68; *Макарий (Булгаков), еп. Винницкий.* История русского раскола, известного под именем старообрядчества. СПб., 1855. С. 266; *Смирнов П.С.* Указ. соч. С. XIX. Разд. паг.
- ³⁶ *Смирнов П.С.* Указ. соч. С. XIX. Разд. паг.
- ³⁷ Архив Санкт-Петербургского института истории. Ф. 69 (Клименецкий монастырь). Оп. 1. Д. 58. Л. 1; Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. СПб., 1872. Т. 12. С. 310 (№ 35).
- ³⁸ По мнению Смирнова, собор против Ивана Коломенского состоялся в Новгороде. о чем свидетельствует изданный Журавлевым соборный приговор от 1 июля 1692 г. (*Журавлев А.И.* Указ. соч. С. 69–70). На наш взгляд, Журавлев издал постановление новгородцев, состоявшее уже

- после собора в Швеции, о котором идет речь в этом постановлении. Вероятно, следует признать следующую последовательность событий 1692 г.: сначала состоялся собор на Черной мызе, где собрались с одной стороны представители копорской общины и посланные от новгородских старостеров увещеватели во главе с Феодосием Васильевым, а с другой – представители нарвской общины, последователи Ивана Коломенского. Позднее в Новгороде был созван еще один собор, состоявший из одних новгородцев, на котором и было принято вышеупомянутое постановление.
- ³⁹ Журавлев А.И. Указ. соч. С. 68; Есинов Г.В. Раскольничьи дела XVIII столетия. Извлеч. из дел Преображенск. приказа и Тайной розыскных дел канцелярии Г. Есиповым. СПб., 1861. [Т. 1]. С. 87.
- ⁴⁰ Неволин К.А. [О пятинах и погостах новгородских в XVI веке, с приложением карты]. СПб.; 1853. С. 121, 144, 159, 188.
- ⁴¹ Варенцов В.А. Указ. соч. С. 51; Голикова Н.Б. Указ. соч. Т. 1. С. 89.
- ⁴² Журавлев А.И. Указ. соч. С. 68–73; Смирнов П.С. Указ. соч. С. LXXXVIII. Разд. паг.
- ⁴³ Анализируя опубликованные Журавлевым документы, Смирнов объясняет наличие в копии соборного приговора двух дат тем, что начало копии Журавлев взял из одного документа, а конец – из другого. В доказательство существования Собора 1692 г. он цитирует приписку к приговору Собора 1694 г.: «прочее все нам творити по уставу, положенному и написанному на первом братском соборе, егда были мы вси духовные люди за свинским рубезом в прошлом в 7200 году». Здесь ясно указывается, что Собор 1692 г. состоялся в Швеции, а не в Новгороде. Тем не менее, Смирнов не рассматривает события 1692 г. на Черной мызе как собор, и поясняет, что собор был в Новгороде «по поводу посольства за шведский рубез» (Смирнов П.С. Указ. соч. С. LXXXVIII–LXXXIX, 151–152. Разд. паг.).
- ⁴⁴ Житие Феодосия Васильева ... С. 76.
- ⁴⁵ Дополнения к актам историческим ... Т. 12. С. 310 (№ 35).
- ⁴⁶ Журавлев А.И. Указ. соч. С. 69–70.
- ⁴⁷ Филиппов И. Указ. соч. С. 341.
- ⁴⁸ Амвросий (Орнатский). История российской иерархии, собранная Новгородской семинарии префектом, философии учителем, соборным иеромонахом Амвросием. М., 1807. Ч. 1. С. 85; Чистович И.А. История православной церкви в Финляндии и Эстляндии, принадлежащих к Санктпетербургской епархии. СПб., 1856. С. 72–73; Дмитриев А.П. История Корельской (Кексгольмской) епархии // Вуокса: Приозер. краевед. альманах. СПб., 2001. Вып. 2, т. 1. С. 163.
- ⁴⁹ Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российския церкви / составил из достоверн. источников П. Строев ... СПб., 1877. Стб. 38; Покровский И.М. Русские епархии в XVI–XIX вв.: их открытие, состав и пределы: опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. Казань, 1913. Т. 2: XVIII–й век. С. 73–74.
- ⁵⁰ Акты исторические ... Т. 5. С. 243–244 (№ 142).
- ⁵¹ Панич Т.В. Литературное творчество Афанасия Холмогорского: «естественнонаучные» сочинения. Новосибирск, 1996. С. 108.
- ⁵² Там же. С. 177, 181.

- ⁵³ Акты исторические ... Т. 5. С. 325 (№ 188).
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ *Смирнов П.С.* Указ. соч. С. XII, СПб. Разд. паг.; *Фишман О.М.* Жизнь по вере: тихвинские карелы-старообрядцы. М., 2003. С. 34–35; *Ружинская И.Н.* Фактор «граница» в истории староверия Карелии // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада. СПб., 2011. С. 86; *Чернякова И.А.* Карелия на переломе эпох: очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998. С. 238.
- ⁵⁶ *Катаяла К.* Указ. соч.
- ⁵⁷ Там же. С. 25, 29, 33.
- ⁵⁸ Там же. С. 38–39.
- ⁵⁹ *Катаяла К.* Указ. соч. С. 26, 39.
- ⁶⁰ *Saloheimo Veija.* Itäsuomalaista liikkuvuutta 1600-livilla: Savosta ja Viipurin-Karjalasta poismuuttaneita. [Helsinki], 1993. С. 87. (Suomen sukututkimusseuran julkaisuja; 46).
- ⁶¹ *Петрова М.И., Петров И.В.* Православные карелы Кирьяжского погоста // Православие в Карелии. Петрозаводск, 2003. С. 130.
- ⁶² *Катаяла К.* Указ. соч. С. 37.
- ⁶³ Там же. С. 30. Пекка с энергией неопита стал проповедовать новые идеи своим землякам, за что подвергался преследованиям со стороны шведских властей (Там же. С. 29–32).
- ⁶⁴ *Романова Е.В.* Массовые самосожжения старообрядцев в России в XVII–XIX веках. СПб., 2012. С. 131.
- ⁶⁵ *Петрова М.И., Петров И.В.* Указ. соч. С. 129.
- ⁶⁶ Так имена звучат в финской транскрипции. Возможно, это Климентий и Федор.
- ⁶⁷ В Швеции в описываемое время, как известно, в качестве меры длины употреблялась миля, а не верста. В данном случае Катаяла модернизирует перевод шведского документа.
- ⁶⁸ *Катаяла К.* Указ. соч. С. 33.
- ⁶⁹ Там же. С. 34.
- ⁷⁰ Карелия в XVII веке: сб. документов. Петрозаводск, 1948. С. 308.
- ⁷¹ Российская государственная библиотека. Ф. 98 (Собрание Егорова). № 1137. Л. 330–331.
- ⁷² *Филиппов И.* Указ. соч. С. 60.
- ⁷³ *Катаяла К.* Указ. соч. С. 35, 39.

**«Сказание о двух старцах»:
европейский памфлет и русское
старообрядчество в XVIII столетии**

«Сказание о двух старцах» относится к числу памфлетов, которые неоднократно (в разных редакциях) издавались в Европе на протяжении XVII и XVIII столетий. Только в XVII в. его не менее шести раз переводили на русский язык в Посольском приказе¹. Особенность данного памфлета состояла в том, что на первый взгляд он представлялся неискушенному читателю обычным информационным сообщением. В сочинении рассказывалось, что в некоем городе появились два удивительных пророка, которые резко отличались от обычных людей небывалой одеждой и разговаривали на непонятном языке. Эти старцы вели исключительно праведную жизнь, проповедовали по Святому Писанию и призывали к покаянию людей, забывших о слове Божию. Данное сообщение легко вписывалось в информационное пространство Европы раннего Нового времени, заполненное новостями о святых, чудесах, провидцах и предсказателях. Особенностью памфлета было то, что пророки предсказывали наступление конца света, причем не в далеком будущем, а в ближайшие годы. В тексте даже помещался список предсказаний на десять лет. Все это позволяло знакомому с Библией читателю понять, что речь идет о пророках Илие и Енохе, которых Бог взял живыми на небо для того, чтобы они могли перед концом света прийти на землю и обличить антихриста. Поскольку гонителями старцев (а, следовательно, пособниками антихриста) выступали иезуиты и Папа, можно предположить, что мы имеем дело с протестантским сочинением. Близость конца света заставляла читателя, поверившего в подлинность происходящих событий, сосредоточиться на спасении своей души перед лицом Апокалипсиса.

Любопытно, что в некоторых случаях исследователи принимали этот перевод за памятник старообрядческой литературы. Именно так оценил сочинение А.Ф. Бычков, обнаруживший его в 1882 г.² Аналогичных взглядов придерживался и П.С. Смирнов³. Дело в том, что текст, выявленный Бычковым, в 1665 г. распространял в виде подметных писем житель Коломны Исидор Крючков. В рукописи «Сказание о двух старцах» было сопровождено «обличением» священника Иоанна, который представил его как старообрядческое⁴. В ходе работы над «Словарем книжников и книжности Древней Руси» М.Д. Каган систематизировала накопившиеся к началу 90-х годов XX в. сведения о памятнике и пришла к выводу, что текст нельзя отнести к старообрядческим, поскольку он «больше напоминает светскую легенду», а «его представления о предшествующих концу света знамениях в деталях отличаются от старообрядческих сочинений»⁵.

Таким образом, рисуется интересная картина: анализ «буквы» сочинения заставлял читателей усомниться в его связи со старообрядчеством, но сам дух памятника казался исследователям скорее старообрядческим. Изучению вопросов о том, почему и как европейское сочинение оказалось востребовано старообрядческой культурой, и посвящена данная статья.

Первое, на чем необходимо остановиться, – хронологические границы бытования памятника в старообрядческой среде. В настоящее время существуют списки памятника в редакциях 1620 г., 1660-х годов, 1678, 1680 гг. Ни один из этих списков нельзя с уверенностью связать со старообрядческой средой. Совершенно иначе обстоит дело с редакциями 1694 г. и 1695 г. До сих пор сложно сказать, были ли они самостоятельными переводами иностранных памфлетов, или же редакция 1695 г. сложилась уже в России. В любом случае, обе этих редакции были распространены среди приверженцев «старой веры» и даже могли попадать в одни и те же сборники.

Понять, как текст «Сказание о двух старцах» оценивался старообрядцами, можно при анализе его конвоя в старообрядческих сборниках. Наиболее ранний из них – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государствен-

ной библиотеки (НИОР РГБ), ф. 732, Нижегородское собр. № 99 (начало XVIII в.). Он содержит текст в редакции 1694 г. (л. 265–269). Большая часть сборника включает материалы, не имеющие прямого отношения к идеологии старообрядчества. Все они могут входить в состав разнообразных «Цветников» (сборник непостоянного содержания) с учительными и аскетическими текстами, которые могли быть интересны как старообрядцам, так и их оппонентам. Среди них многочисленные «Слова» и поучения Иоанна Златоуста и Василия Великого, выписки из Патериков, статьи из Учительного Евангелия, где затрагиваются такие темы, как телесное воздержание, благочестие и стойкость в вере, воспитание чад, милостыня и широкий круг иных. Только в нескольких местах ближе к концу рукописи встречаются статьи, которые, без сомнения, следует определять как старообрядческие. Они сравнительно малы по объему, носят преимущественно эсхатологический характер и, собственно, могут объяснить присутствие в той же завершающей части сборника «Сказания» о старцах-пророках, созвучного теме конца времен.

Группа этих текстов начинается с л. 154, где находится «Извещение от ангела Божия преподобному отцу нашему Макария египтянину о тайнах Божьих неизведомых». Это известное «Видение Макария Египетского», которое получило самое широкое распространение в старообрядческих сборниках начиная с XVII в. Далее с л. 202 начинаются канонические выписки из Требников, Большого Катехизиса и прочих источников о необщении и немолении с еретиками, запрете вкушать и собираться с ними, а также о неподчинении неправедному духовенству. Присутствуют толкования «числа зверя», выписки о знамениях, которые будут пред пришествием Христовым: трясение земли, появление лжепророков, оскудение веры и прочие признаки, известные по Писанию (л. 234, 235). На л. 242 находим «Слово» Ефрема Сирина об антихристовой печати, а затем и эсхатологические выписки из «Книги о вере». «Сказание» о старцах-пророках следует за «Словом» Иоанна Златоуста об «играх и плясании», а почти сразу после него обнаруживается список так называемого пророчества патриарха Геннадия Схо-

лария (в изложении митрополита Гавриила Назаретского) о русском народе, которому суждено победить «измаильтян».

Рукопись НИОР РГБ, ф. 98, собр. Е.Е. Егорова, № 374 (первая половина XVIII в.)⁶ также включает сочинение в редакции 1694 г. (л. 268 об.–271). Она является ярким образцом старообрядческого «Цветника». Сборник открывается выпиской «От слова Иоанна, митрополита Никейскаго»: «От клятвы благословение не бывает и от смрада благоухание не исходит ... а где будет начертание зверино, тамо диавол выну пребывает» (л. 1); «Книга о вере единой истинной», нач.: «Господи, утверди нас во святых заповедех твоих...» – выписка из «Книги о вере» (л. 1–2 об.); выписки из толкового Евангелия от Иоанна, в конце на поле киноварью: «не по писанию верующии вси еретики. Лист 125, Иоан., зач. 27» (л. 3–6 об.); выписка из Катихизиса большого, нач.: «Какова убо знамения будут пред пришествием Христовым...» (л. 7–8); выписка из Катихизиса малого, нач.: «Много ли есть церковных заповедей? Ответ. Аще их есть и не мало...» (л. 8–10 об.); «Синоксарь, в неделю мясопустную, еже о Втором Пришествии Христове», нач.: «В той же день Второго и Страшнаго Пришествия Христова память творим, еже божествении отцы по предварших двоих притчах положиша...» – выписка из печатной Триоди постной, «лист 51 на об.» (л. 11–14); «Девятое послание Мелетия», нач.: «Доиде к нам глас плачевный и толико скорбный, яко истинным боголюбом...» – выписка из «Кирилловой книги» (МПД, 1644) (л. 14–15); «Поморские ответы выговских пустынножителей на вопросы иеромонаха Неофита», без заглавия, нач.: «В лето от создания мира 7216 месяца декабря в 8 день прииде некий человек, имея с собою книги...» – подготовительные материалы «Поморских ответов» 1715/16 г. (см. ниже писцовую запись), 22 (из 106) вопроса и ответа (л. 15 об.–147); выписки из печатных книг: Кормчей, Катихизиса, Книги о вере, «Бесед» Иоанна Златоуста на Деяния апостолов (л. 147 об.–157 об.); «Никон патриарх царствующего града Москвы рекше Третияго Рима и бысть начальник ереси писано во Откровении Иоанна Богослова, еже о нем 666, Титин – еже есть преисподнии бес. Книга Жезл, печатана в лето 7174 месяца мая в 7 день. Об-

личение Никиты священника» – выписки слов суздальского соборного попа Никиты Добрынина и попа Лазаря из книги Симеона Полоцкого «Жезл правления» (л. 158–172); эсхатологические выписки из Соборника о 72 главах, Лествицы, Книги о вере (л. 172 об.–207); выписки из Пролога (л. 207 об.–219 об.); выписки из Псалтыри (л. 219 об.–222); выписки из Кормчей (л. 222–225 об.); выписка из книги «Месяц Правдивый», «Вильнюсская печати белорусскаго наречия, пророчество 18, лист 133» (л. 225 об.–226 об.); «Летописец Московский»: «Лета 7206-го месяца сентября в 30 день казнили стрелцов многое число. Лета 7153 году преставися на Москве благочестивый царь Михаил Феодорович. Того же числа наречен на царство сын его Алексей Михайлович, на царстве бысть 30 лет ... Лета 7162-го бысть по всей Росииской земле мор велик и многия грады и села запустели. Лета 7202-го году месяца марта 29 день во 2-м часу дни преставися благоверный государь царь и великий князь Иоанн Алексеевич всея Росии, царство его было 13 лет 29 месяц. Того же году октября против 21-го числа в ночи был гром и молния и дождь велик, и по кораулом приставныя люди не могли от страха того стерпети, в дома своя разбегашася» (л. 227–227 об.); выписки из Кормчей (л. 228–229 об.); выписка «О лжепророках» из книги Иоанна Златоуста «Маргарит» (л. 230–267 об.); выписка из книги «Златой бисер» (л. 267 об.–268); «Книга Библия толковая, глава 12», нач.: «Видение раба божия Даниила вкратце. Два убо есть. Един Осию страну реки Римское падение, а об ону страну антихрист, а река число 1666 лет...» – эсхатологические толкования на отдельные библейские и евангельские сюжеты (л. 271–271 об., 273–273 об.); выписки из Пролога (л. 272–273); богослужебные выписки из Служебника, Каноника и Устава церковного «Острожская печати» (л. 274–275); «Сия челобитная послана к великому государю к Москве ис Соловецкаго монастыря о старом пенни в 7000 во 176-м году месяца сентября в 22 день с соборным старцем Кирилом», нач.: «Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу бьют челом нищие твои богомольцы Соловецкаго монастыря келарь Азарей, козначей

Геронтей и священники и диякони и соборныя черьнцы и вся рядовая и больничная братия и слушки и трудники все. По преданию, Государь, Никона бывшего патриарха и по новоизложенным его книгам проповедают нам ныне его Никоновы ученицы новую незнаемую веру...» – 5-я Соловецкая челобитная 1668 г. (л. 276–308 об.); «Таже не по мнозе времени вышеписанной челобитной Соловецкия, во 8-м лете спустя в лето 7184-е великий государь царь Алексей Михайлович и новья учителя патриарха Никона Божиим попусщением велели Соловецкий монастырь вырубить, и за ребра перевешати, и на морозе переморозити, и о сем свидетельствует челобитна стрелецкая, писана в 7190-м году месяца мая в 15 день по смерти государя царя Феодора Алексеевича» – послесловие к Соловецкой челобитной со ссылкой на 3-ю Стрелецкую челобитную, поданную 29 мая (по новому стилю) 1682 г. (л. 308 об.–309); «Константин, Божию милостию князь Острожьский, воевода Киевский, маршалок земли Волынские, староста Владимирский» – эсхатологические выписки из «Кирилловой книги» и толкований Иоанна Златоуста на Евангелие и Апостол (л. 309–354 об.); выписки из Кормчей о необщении с еретиками (л. 354 об.–355 об.); «Сей устав писан с древния Псалтыри письменныя, глава 1, а писана лета 7065 (1557/58 гг. – *авторы*)» – выписки из вводных статей Псалтыри (л. 356–357 об.); «Надписание малыя сея книжицы» – писцовое послесловие, см. ниже (л. 358–359 об.); «О отвержении мира, поучение 1-е аввы Дорофей, лист 14» – выписка из «Цветника» аввы Дорофея (л. 360–361 об.); «Ефрем Сирин. Слово 105, лист 296 на об.», нач.: «Кто убо имат такову душу несотрену, яко претерпит мужески вся соблазны ...» (л. 361 об.–362 об.); «Выписано из сборника Досифея, ученика преподобнаго Зосимы, от правил Иоанна Никейскаго и Афанасия Александрскаго», нач.: «Аще кая душа примет от еретик крещение или покаяние или молитвы...».

На л. 358–359 об. писцовая запись:

«Слава иже в Троице славимому Богу нашему ... Вам же, о богодухновенная и богособранная чета православия, отцы и бра-

тия, елика от священных, и елика от инок, паче же и простию, я грубыи и неразумныи пачеже грешныи человек Григории Феодоров, ростовец родом, видел у неких христиан малую сию книжицу Цветник, малыя и краткия собраны повести от Божественнаго писания о догматах церковных, таже и о пришествии последняго антихриста, зблезновах душою, и сокруших свое сердце, и смирих свою совесть. Испросил малую сию книжицу, начаша ея переписовати малыя сия повести, и елика убо аще вникнувшу, обрящете в ней не украшение в словесех, или погрешение в речех, или неудобрение в деле, то по совету соборныа апостольския церкви духовных и искушенных мужей да исправите и милостивы будите ... Писаны же вопросы сия в лето от создания мира 7216 октября месяца (1715 г. – *авторы*). Приде некто из московскаго государства Сеноду старец именем Неофит, имея с собою книги, от Никонова патриаршества вновь изложенныа, Скрыжаль, и Жезл, и Увет нарицаемыа, и еще две, едину в тетратех изложение Иова митрополита Новгородскаго, писаную о знамениях пришествия антихристова, а другую о том же напечатану изложение Стефана, митрополита Резанскаго, ради вопросов от прежних книг, иже печатаны и писаны быша до лета 7163 году о церковных догматах, таже и о пришествии последняго антихриста. Прииде он Неофит старец в поморския страны Олонския пределы Данила Вишатина обитель вопрошавати о догматах от прежних книг укаряя их и обличая от новых книг, простаками и неукими нарицаая их. Тии же жители Даниловы обители помощию Божию и молитвами пречистыа Богородицы собравше от Святаго писания от коеа книги что выписано главы и листы ради достовернаго свидетельства подписовали и ответы против вопросов предкладывали. Зри же сам всяк православныи читателю и порядку сея малыа книжицы что главы и листы на полях и в строках свидетельство написано всяк по свидетельству в тех самых книгах да узрит подлинно. Начал же я Григории Феодоров малую сию книжицу Цветник переписовати в лето 7248-го месяца февраля в 15 день на память святаго апостола Анисима, дописал сию книгу Цветник того же лета 7248-го месяца апреля в 22 день на память преподобнаго отца нашего Феодора Секеота, а списывал я сию книгу, Григории Феодоров в Рыжанских пределех в лето от сотворения мира 7248-е, а от Рождества Христова в лето 1748-е месяца апреля в 22 день ... Богу нашему слава ныне и присно и во веки веком аминь».

В состав сборника НИОР РГБ, ф. 214, № 413, л. 496–498 (первая половина XVIII в.), содержащего «Сказание» в редакции 1695 г. (л. 496–498), входят такие статьи, как «еже православным христианом брад не брители» (этому посвящено большое внимание и много выписок из разных источников, включая Стоглав), выписки о «звере» из толкового Апокалипсиса Андрея Кесарийского, обширные выписки из «Кирилловой книги» о знамениях антихристовых и из «Книги о вере» о скончании мира. Большую часть сборника составляет список «Дьяконовых ответов». Далее находятся каноническая статья «О различии приходящих к вере» Тимофея пресвитера, статья «о платье» (подобающие православным правила одежды) и снова выписки о брадобритии. В завершающей части сборника помещено «Сказание» о старцах-пророках и следующая за ней статья-толкование о Симоне волхве. Рукопись оканчивается обширными выписками из Максима Грека, Барония и Мефодия Патарского (об антихристе).

В сборнике НИОР РГБ, ф. 178, Музейное собр., № 3345 (середина – вторая половина XVIII в.) со «Сказанием» в редакции 1694 г. (л. 693) видим «Сказание на осмый век» Кирилла Иерусалимского, Житие Василия Нового и ряд других небольших выписок, присущих старообрядческим «Цветникам», наиболее характерная из которых – о запрещении употребления табака. Сборник имеет, судя по всему, нижегородское происхождение, где книга бытовала уже в середине XVIII в.

Вне всякого сомнения, в старообрядческой среде бытовала и рукопись Отдела рукописей Государственного Исторического музея (ОР ГИМ), собр. Уварова, № 1949 (627) (474) (конец XVIII в.), включившая три списка редакций 1694 г. и 1695 г. (л. 331–336, 351 об.–357). Рукопись содержит тексты, посвященные прениям о вере, сочинения о Ф.П. Морозовой и других деятелях старообрядчества, произведения протопопа Аввакума и др. Интересующие нас документы помещены между текстами, посвященными различным знамениям (звери и птицы, комета)⁷.

Началом XIX в. датируется сборник, обнаруженный в ходе комплексной археографической экспедиции исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, в Молдову в русском ста-

рообрядческом селе Кунича. В составе сборника находятся большие группы выписок и ряд цельных текстов, среди которых выдержки из Никона Черногорца, Афанасия Александрийского, канонических источников о возможности собираться на молитву без епископа или пресвитера в случае их недостойного жития и уклонения в ереси, основаниях для извержения из духовного сана; тексты, посвященные нормам иноческой жизни, правилам поведения в храме на службе, многочисленные выписки из Зеркала Великого, Патериков. Кроме того, здесь обнаруживаются Чудеса св. Варвары, Повесть о чудотворной Грузинской иконе Богоматери, память празднования Донской иконы (19 августа), «Слово» о Феодоре купце. Завершается сборник весьма характерными для старообрядческих «Цветников» эсхатологическими текстами и выписками – Видением Макария Египетского и «Словом» Палладия мниха в неделю мясопустную. В этой же части рукописи находится и исследуемый нами текст в редакции 1694 г.⁸

Последний из выявленных текстов, которые можно связать со старообрядческой книжностью, входит в состав рукописи Российской национальной библиотеки (РНБ), О.1.427, XVIII в.⁹ В него включены выписки из Кормчей (глава «О Хиротонии, сиречь о рукоположении святительском»); «От послания святого Василиана к Григорию пресвитеру, яко же отлучится ему от живущия у него жены»; характерные для старообрядческих сборников выписки, посвященные брадобритию, прическам, использованию благовоний, «глумищам» и «позорищам». В сборник также входят минейные чтения, «Слово Иоанна Златоустаго о гордыни», «Словеса избранная изо Пчелы», «Измарагд», «Слово Василия Великого» и др. В конце рукописи на свободных листах (275 об.–276 об.) более поздним почерком вписан текст с заголовком «Список с лиска, присланаго от кавалеров острова Полтаскаго. Нынешнем 203-м году», характерным для редакция 1695 г. Однако далее текст полностью переработан. Он посвящен проповеди Евангелия во всем мире.

Распространение данного текста российские власти рассматривали как преступление. Об этом мы узнаем из дела 1737 г., расследовавшегося Тайной канцелярией. Первоначаль-

но расследование не было связано со «Сказанием». Началось оно с доноса олонецкого крестьянина Фомы Панкратьева о «богомерских еретиках и чародеях и волшебство имеют грех ради наших» о Сергее Михайлове из Шунского погоста Олонецкого уезда. В ходе следствия Панкратьев дал показания на крестьянина-старообрядца Семена Макарьева:

«А до оных Самоила Фадеева и Семена Макарьева имеет он дело такое, что оные де Фадеев и Макарьев расколники, а записные или потасенные того он не знает. И в бытность ево Понкратьева в означенном Шунском погосте у оного Семена в доме для шитья платья он Семен читывал незнамо какую скорописную тетрадь и ему Понкратьеву давал читать, которые де он и читал и в той де тетраде написано что будто в некоем Мальтиском граде ходили два некия белыя старики а называлися пророками Ильею и Енохом и будто сказывали о кончине века исчисляли время и о протчем, а о чем имянно сказать не упомнить, а крое того другога ни какова дела за оным Семеном он не знает».

Макарьев в чтении тетрадки про конец света, а также Илию и Еноха сознался, сказав, что ему эту тетрадку дал Шунгского погоста церкви Пресвятыя Богородицы поп Марка Трофимов, умерший три года назад, тетрадь хранится и ныне у него дома в сосновом ящике вместе с другими. Тайная канцелярия направила в Олонецкую воеводскую канцелярию указ о необходимости провести розыск на местах. Требовалось обыскать дом Макарьева и найденные книги прислать в Тайную канцелярию. Служащие Олонецкой канцелярии изъяли книги и тетради Макарьева, а также библиотеку попа Марка Трофимова. Тетради об Илие и Енохе при этом не нашли.

Следователи допрашивали Макарьева о том, почему он не донес на давшего ему эту тетрадь попа, почему давал ее читать другим людям, кому давал, оставил ли ее дома при отъезде в Петербург или кому-то отдал, а если отдал, то кому. Макарьев отвечал, что тетрадь он никому не отдавал, она осталась дома. Не донес на попа «простою своею и от незнания», поскольку «важности ни какой не признал». То, что тетрадь не нашли при обыске, он объяснял случайной пропажей. Тем не

менее, хранение тетради со «Сказанием» было вменено Макарьеву в вину и по указу от 24 апреля 1738 г. его было велено бить кнутом¹⁰.

Следующей по хронологии после редакции 1695 г. стала редакция 1731 г. Списки этой редакции впервые выделил Н.Н. Покровский. Текст в виде печатной польской «авизии» попал на территорию России через Украину. Пророчество в качестве развлекательного чтения обращалось среди офицеров и нижних чинов расквартированных здесь войск – во Владимирском драгунском полку, Новотроицком полку, а позднее попало и в центральные районы России – в Воронежский ландмилицкий полк и отсюда стало распространяться среди жителей воронежского посада¹¹. Отсюда текст начал свое движение в другие регионы Российской империи.

В старообрядческой среде это сочинение начало распространяться не позднее 1733 г. Об этом мы узнаем благодаря сохранившемуся в архиве Тайной канцелярии «делу» старообрядца Акинфия Сычова (он же Сысоев). По своему социальному положению Сычов был дворцовым крестьянином. Его взяли под стражу в Москве при подаче милостыни колодникам раскольникам 11 августа 1733 г. Внимание караульных привлекло то, что Сычов убеждал их сидельцев мужаться и укрепляться в вере. При аресте была обнаружена небольшая тетрадка, сохранившаяся в следственных материалах.

О том, что делать с арестованным, Московская контора Тайной канцелярии отправила запрос в столицу. Из Петербурга пришло указание разыскать у родственников арестанта книги и тетради, а их самих взять под караул. Конфискованное было приказано привезти в Москву и проверить, нет ли в них чего «приличного к злодейству».

У самого Сычова надлежало спросить, умеет ли писать уставом и полууставом, а потом взять пробу почерка и вместе с конфискованной тетрадкой прислать в Тайную канцелярию «немедленно, хотя с нарочным посланным», а по присылке оные письма и «тетратишку» представить «в кабинете ее Императорского величества присутствующим господам министрам не покажетца ль с имеющими некоторыми известными до-

ношениями сходства»... «и для общего разсуждения об оном Тайной канцелярии определении доложить в кабинет ея императорского величества присутствующим господам министрам тайным действительным советником и кавалером графу Андрею Ивановичю Остерману, князю Алексею Михайловичу Черкасскому».

Как видим, дело обычного крестьянина рассматривалось на самом высоком государственном уровне. Злополучную тетрадь отправили в Петербург. Вместе с ней хотели отправить и образец почерка, однако Сычов заявил, что писать не умеет. Вызвавшая столь пристальный интерес следственных органов тетрадка имела формат в восьмую долю. В ней скопировано «Сказание», далее идут выписки из Евангелия и короткая молитва «Боже очисти мя грешнаго...». Поскольку вряд ли можно предположить, что глава Тайной канцелярии А.И. Ушаков нашел нечто предосудительное в словах апостола Матфея, приходится сделать вывод, что виднейшие сановники России были озабочены «Сказанием».

В Москве следователи взялись за Сычова всерьез. О себе он рассказал, что родился в Переславском уезде (имеется в виду Переяславль-Рязанский, сегодня Рязань) в Любичах, в крестьянской семье, рано осиротел и кормился работой, переходя между крестьянами. В Переславском уезде в селе Ловцах женился, но три года спустя овдовел. После этого он ходил на стругах работником в Москву. Однако проведенный на месте розыск показал, что в том же уезде в селе Белоомут живут его брат, сестра и жена. Внимание дознавателей привлек крестьянин Печикин, которому Сычов пытался доказать правильность принятого у старообрядцев сложения перстов, зачитывая печатную Псалтырь, изданную при царе Михаиле Федоровиче.

Сычова стали расспрашивать, зачем он скрыл информацию о родне. На это он ответил, что преступлений за ними не знает, а лишь не хотел, чтобы их взяли в Тайную канцелярию. Про тетрадку он сказал, что списывал ее сам в Тамбовском уезде в селе Морше на торгу у мужика, а «какова чину и где сыскать не знает», «пашквильные письма» он никому не давал. Колодникам милостыню он давал «для того, присмотрел, что они

крестятся двуперстным сложением, понеже, де, и он Акинфей крестится таким же сложением ... и впредь в той своей противности быть хочет до кончины своей». Подобное упорство следователей не устраивало. Они направили через Синод прошение найти священника, который мог бы обратить Сычова из раскола. С этой целью священноначалие прислало священника Георгия из церкви Харитона Исповедника, что в Огородниках. Сычов отказывался с ним разговаривать. Таким образом, мы видим, что подследственный упорно пытался доказать следователям, что действовал в одиночестве и не допустить, чтобы по его делу привлекали других людей.

С помощью пытки следователям удалось все же узнать о взглядах заключенного. Сычов утверждал, что по Апокалипсису рождение первого зверя это рождение императора Петра Первого, что в 13 главе Апокалипсиса напечатано «виде из моря зверь исходящ имущ глав седмь и рогов десять и на розех его венец десять, а на главе ево имяна хулна». Эти семь глав – цари Иван Васильевич, Федор Иванович, Михаил Федорович, Алесей Михайлович, Иоанн Алексеевич, шестой Петр Первый, а седьмой Петр Второй, «а на рогах венец десять, то есть десять царей же, которые по кончине второго императора хотели царствовать и присяга им была и царства не приняли, а кто именно, того он не знает». Далее подследственный, толкуя слова про «имяна хулна», перечислял богослужебные реформы второй половины XVII в., приписывая их Петру Первому, а также то, что «насилии платье немецкое и бороды и усы брили и носили же парики других волос, а другие свои ж волосы ростили большие по-женски»; так стало при Петре Первом и продолжилось при Петре Втором, продолжается и ныне. Власть императоров, начиная с Петра, он объясняет силой дьявола, императрицу он обвиняет в любодениях и пьянстве. Кроме того, Сычов утверждал, что по приказу императрицы за веру замучены святые «и начале ее написано имя тайно Вавилон велики мати любодейцам и мерзостем земским показывает». За свои дела «она, государыня, будет убиенна и сожжена от вышешепомянутых десяти царей, и гроб Перта Первого ис Питер-бурха принесен будет в Москву». Петербург – это Вавилон,

который погибнет, когда исполнятся сроки по Апокалипсису. Года, когда это событие произойдет, Сычов назвать не смог. Высказав все, что думает, своим мучителям, Сычов замолчал, хотя после этого допроса его еще трижды пытали и жгли огнем. 8 июля 1734 г. он умер, отказавшись исповедоваться у священника. Родственникам Сычова было запрещено упоминать о нем¹².

Хронологически наиболее поздняя из известных на сегодняшний день редакций «Сказания» относится к 1761 г. Перевод данного текста находим в проанализированном выше молдавском сборнике из с. Кунича, в котором имеется также и текст в редакции 1694 г. Оно имеет заголовок «Перевод из берлинской газеты под артикулом “Из Келна от 21 апреля 1761-го”». Здесь старцы названы пророками из Сирии, которые долгое время, обманывали народ, а «ныне окованные в Рим сосланы»¹³. Хотя в этом тексте пророки и названы обманщиками, однако в контексте эсхатологических сочинений и предыдущей редакции памфлета пристрастный читатель не мог не прийти к выводу, что информация о появлении старцев все же подлинная.

Таким образом, мы видим, что если на протяжении большей части XVII в. памфлет оставался вне поля зрения старообрядцев, то начиная с редакции 1694 г. все известные на сегодняшний момент редакции, так или иначе, находили дорогу в старообрядческую книжность. Как конвой памятника в рукописных сборниках, так и материалы следственных дел из Тайной канцелярии однозначно свидетельствуют, что для старообрядцев это было не развлекательное чтение, а грозное свидетельство надвигающегося конца света.

Безусловно, популярности памятника способствовали преследования со стороны правительства. Столь пристальное внимание Тайной канцелярии, очевидно, придавало «Сказанию» дополнительный авторитет. Однако главную на наш взгляд роль играла все же потребность в подобном тексте внутри старообрядческой культуры. Преследования со стороны правительства делали жизнь старообрядцев тяжелой и опасной. Для сохранения веры требовалось мужество. Текст, свидетельст-

вующий о том, что до судного дня осталось совсем немного, поддерживал таких людей, как Акинфий Сычов, в их борьбе.

-
- ¹ *Шамин С.М.* «Сказание о двух старцах»: к вопросу о бытовании европейского эсхатологического пророчества в России // Вестник церковной истории. 2008. № 2. С. 221–248.
  - ² *Бычков А.Ф.* Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников Императорской Публичной библиотеки. СПб., 1882. Ч. 1. С. 209–210.
  - ³ *Смирнов П.С.* Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898. С. СХХ, 18–20, 25, 35, 37, 40, 41, 45, 46 (примеч. 22, 48, 28, 76–77).
  - ⁴ *Бычков А.Ф.* Указ. соч. Ч. 1. С. 209–210.
  - ⁵ *Каган М.Д.* Крючков Исидор // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3, ч. 2. С. 201–203.
  - ⁶ Водяные знаки : 1) Герб Ярославской губернии (*Клепиков С.А.* Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959. Тип 2 – 1734–1748 гг.) ; 2) «РФ» в фигурной рамке (подобие: *Uchastkina Z.V.* History of Russian paper mills and their Watermarks. Hilversum (Holland), 1962. № 526 – 1733 г., № 521 – 1744 г.) ; 3) «РФ» в прямоугольнике и фигурной рамке (подобие: *Ibid.* № 520 – 1744 г.).
  - ⁷ *Леонид (Кавелин), архим.* Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А.С. Уварова. М., 1894. Т. 4. С. 334–335.
  - ⁸ *Белянкин Ю.С., Шамин С.М.* «Сказание о двух старцах» в редакциях 1694 и 1695 гг.: предсказания пророков с острова Мальты в старообрядческой книжной традиции // Каптеревские чтения-13: сб. ст. / отв. ред Н.П. Чеснокова. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 161–162.
  - ⁹ Филигрань «герб Амстердама» близка к: *Дианова Т.В.* Филигранные XVII–XVIII вв. Герб Амстердама. М., 1998. № 297–334 (1702–1730 гг.).
  - ¹⁰ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф 7. Оп. 1. Ед. хр. 561 (1737 г.). Дело о раскольнике Сергее Михайлове и других осужденных за принадлежность к расколу.
  - ¹¹ *Покровский Н.Н.* Народная эсхатологическая газета 1731 г. // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 290–297.
  - ¹² РГАДА. Ф 7. Оп. 1. Ед. хр. 359 (1733 г.).
  - ¹³ *Белянкин Ю.С., Шамин С.М.* Указ. соч. С. 175–176.

Образ СССР в рефлексии польской католической интеллигенции (1945–1948 гг.)

Феномен католической интеллигенции стал одной из важных особенностей польской политической и культурной жизни в послевоенный период. Коллективы католических печатных изданий, молодежные организации, клубы интеллектуалов станут теми сообществами, из которых выйдут первый премьер-министр¹ и многие видные политические деятели посткоммунистической Польши. При этом ряды католической интеллигенции совсем не отличались единообразием. На фоне формировавшейся социалистической системы, интеллектуалы пытались осознать свое место в новой политической реальности. Некоторые организации католических интеллектуалов ждали закрытие и репрессии в отношении их членов («Тыгодник Варшавский»), другие изначально избрали позицию «бегства в культуру» («Тыгодник Повшехны»), а третьи приняли решение при любых обстоятельствах и на любых условиях сохранять позиции на политической арене («Дзищ и Ютро»).

Тем не менее, в первые послевоенные годы (1945–1948 гг.) католическая интеллигенция, на тот момент поддерживавшая активные контакты с церковной иерархией, обнаруживала удивительное «стратегическое» единство. Католических интеллектуалов не устраивала пассивная роль в строительстве новой Польши, они стремились *сформировать* в польском народе *мотивацию* к активному участию в судьбе своей страны. При этом оппозиционеры режима «санаций» Ю. Пилсудского «едиными устами» твердили о необходимости строительства Польского государства на принципиально новых основах². На протяжении первой половины XX в. Советская Россия воспринималась обществом межвоенной Польши, как одна из главных

угроз польской государственности. Присоединение в 1939 г. к СССР восточных земель Польши только укрепила это представление. Новый мировой порядок, установленный под руководством великих держав, изменил расстановку сил в послевоенной Восточной Европе: Советский Союз, с одной стороны, способствовал присоединению к Польше западных земель и готов был гарантировать территориальную целостность строящегося государства, с другой, был заинтересован в полной лояльности польских властей. Новые условия требовали от Польши пересмотра отношения к восточному соседу.

Немалую роль для формирования идеологических ориентиров католических интеллектуалов сыграло наследие Романа Дмовского³, главного идейного оппонента Пилсудского, руководителя народного лагеря, а главное, сторонника внешнеполитической ориентации на Россию. Конструируя в своих печатных изданиях образ СССР, католическая интеллигенция столкнулась с проблемой изначальной предвзятости потенциального читателя в отношении Советской России, что требовало поиска особых аргументов для обоснования собственной позиции⁴. Между тем, к Советскому государству большинство католических организаций относилось предельно осторожно, а потому упоминания о нем немногочисленны и аккуратны. В условиях ожесточенной идеологической борьбы необходимо было отвечать за каждое напечатанное слово, а значит, материалы, опубликованные на страницах журналов, предварительно тщательно обсуждались в редакции, что позволяет нам рассматривать их как взвешенную позицию того или иного католического коллектива. Все это необходимо учитывать, приступая к анализу созданного на страницах печатных изданий польской католической интеллигенции образа Советского Союза.

В условиях ежедневно меняющейся политической ситуации (помимо нарастающего мирового кризиса, противостояние власти и вооруженного подполья принимало масштабы гражданской войны) автором четко сформулированной программы стал Болеслав Пясецкий⁵, по выражению польского историка,

предводитель коллектива, выпускавшего журнал «Дзись и Ютро»⁶. Получивший от друзей юности прозвище «философствующий маньяк»⁷, известный своей активной деятельностью в различных организациях национального лагеря, Пясецкий вскоре снискал славу советского агента. Тем не менее, программа, предложенная им во время своего заключения генералу И.А. Серову, консультировавшему тогда молодые польские спецслужбы, а через него советскому руководству, показывает незаурядный талант и самостоятельное политическое мышление автора⁸.

В своей написанной после выхода на свободу «программной декларации» Пясецкий убеждает поляков оказать «должное доверие» СССР, чтобы Советский Союз «примирил» государственные интересы Польши и собственную международную политику. Для этого, по словам Пясецкого, необходимо принципиальное изменение отношения польского народа к «Советам». То, что стоит между народами, – это историческая традиция. При этом Пясецкий недвусмысленно намекает на потребность в создании принципиально нового образа России в глазах поляков: нужно «дать понять (народу. – А.Л.) материальные и культурные ценности *послереволюционной* (выделено мной. – А.Л.) России». Конечно, преодоление всех преград на пути к взаимной дружбе не может обойтись без проблем, но следует стремиться к уничтожению любых «трений», спровоцированных «утвердившейся дурной традицией»⁹. Позже, в одной из статей в своем еженедельнике, Пясецкий напишет о намерении «решительно порвать с манерой польской публицистики в отношении Советского Союза»¹⁰.

Можно сказать, что концепция Пясецкого была вполне созвучна позиции большинства католической интеллигенции: в отношении Советского Союза мы найдем в основном положительные или, по крайней мере, осторожные суждения. Не раз подчеркивается роль СССР в победе над Германией, воспеваются «великий дух» Советской армии и «крепость» русского народа. Журнал «Тыгодник Повшехны», позиционировавший себя как общественно-культурное издание, с усердием принял

ся за рассмотрение феномена русской культуры. Так, например, Артур Горский в своей статье «Об обновлении культуры» обращается к наследию А. Мицкевича с его идеей панславянского единства. По словам автора, в огромной славянской общности народов можно с полной уверенностью выделить две «великие и плодотворные культуры: польскую и российскую». Основная особенность этих культурных явлений, по мысли автора, заключается в том, что они «дают возможность разбудить в людях стремление к высшей жизни». Именно это стремление к духовным, а не материальным ценностям и должно, по мнению автора, стать основой будущего единения народов. При этом Горский отмечает важность поиска тех людей, которые «и с той, и с другой стороны» смогут вести диалог «на одном языке»¹¹.

Другой автор, С. Остерва, в рассуждениях на тему будущего польского искусства, также не обходится без обращения к культуре Советского Союза. Рассуждая о важности и значении драматургии для культурной жизни новой Польши, автор не упускает возможность восхититься величием культурной традиции Советской России, в которой, по словам публициста, театр достиг «наивысшей силы». Для нас важно отметить и то, как автор видит причины мировой славы советского сценического искусства. По словам Остервы, именно отношение советского государства к культуре позволило богатому на таланты русскому театральному мастерству войти в анналы мировой культуры: «случилось это не потому, что вдруг появились творцы, которых не было, но потому, что благодаря новым условиям театр смог широко расправить крылья». Тут стоит обратить внимание и на тактический прием, который не раз еще будет применяться католическими интеллектуалами в своих печатных изданиях: попытка с помощью идеального образа СССР влиять на актуальную политическую действительность. Остерва утверждает: и у Польши «может наступить, и наступит, такой период», но для этого польским властям необходимо брать пример с советского государства, искать диалог с творческой общественностью и совместно с ней начать работу

над «собственным преображением», и только в этом случае возможно будет приблизиться к «высоте советских коллективов»¹².

Говоря о конструировании на страницах католической печати образа Советского государства, стоит обратить внимание на важную роль в этом процессе восприятия русской революции 1917 г. Именно крушение империи, в представлении католической интеллигенции, явилось тем ключевым событием, которое принципиально изменило российское государство. В уже упомянутой программной декларации Б. Пясецкий неспроста упоминает, что польскому обществу необходим пересмотр отношения к культуре именно послереволюционной России. При этом образ русской революции не ограничивается 1917 г. Советский Союз, по Пясецкому, является «выразителем современной революции» и ее «инструментом», то есть силой, которая своим авторитетом способствует проведению «общественных и экономических реформ» на тех территориях, на которые распространяет свое влияние. Важно отметить, что автор недвусмысленно говорит о бесполезности сопротивления этому процессу, то есть считает его объективным и закономерным¹³.

Известный историк, профессор Краковского Ягелонского университета Станислав Кутшеба пишет на страницах «Тыгодника Повсехного»: «С недоверием смотрели мы на борьбу, ведущуюся Советами против Германии, особенно когда первые месяцы войны принесли катастрофу русской армии». При этом, по словам историка, польский народ знал об огромных человеческих ресурсах и о хорошем вооружении советских войск, но не представлял себе «духа советской армии». Кутшеба также рассматривает Россию до революции и после как принципиально разные государства. Характеризуя советскую армию, профессор отмечает: «мы по аналогии думали, что это прошлый царский солдат, слушающий приказ, но не знающий, за что воюет». События же, связанные с российской революцией, которая, к слову, представляет собой некий синкретичный образ, не требующий разделения на февральские и октябрьские события, историк характеризует как «психологический переворот». Именно эти изменения, по словам профессора, были недооценены польским обществом¹⁴.

Особое внимание привлекает статья главного редактора «Тыгодника Варшавского» ксендза Я. Качинского, приуроченная к тридцатилетию Октябрьской революции в России. Сама по себе тематика для религиозного еженедельника кажется необычной, тем не менее, содержание статьи принципиально важно для понимания стратегии польской интеллигенции. Описывая свою бытность в царской России, автор вспоминал: уже к началу Первой мировой польской интеллигенции было ясно, что «царизм не переживет этой войны». Так и случилось, а единственной силой, способной преодолеть начавшийся в России хаос, оказались, по словам священника, Ленин и его товарищи после их возвращения на родину. Именно большевикам удалось, по мнению Качинского, снискать большинство в среде рабочих и солдат.

Автор вспоминал и о своих встречах с Лениным: лидер большевиков, по словам тогда молодого доцента Духовной академии, обладал удивительной харизмой: «хотя он (Ленин. — *А.Л.*) не имел врожденного ораторского дара, он имел огромный дар популяризации социалистических идей». На фоне столь уверенного стремления к справедливости и выраженных организаторских способностей большевиков, Керенский стал символом слабости и нерешительности. При этом священник представляет русскую революцию катализатором культурного развития «полоний» в Петрограде и Москве, до того сдерживаемых царской цензурой.

В статье именно большевики предстают инициаторами решения «польского вопроса»: «русская революция поставила на повестку дня полную независимость Польши и других народов, ограбленных царским империализмом». В уста Ленина вкладывается сигнальная фраза: на вопрос о дальнейшей судьбе римско-католической Духовной академии Петрограда Ленин отвечает: «католическая церковь получила полную свободу и теперь не имеет никаких препятствий для продолжения обучения»¹⁵. Даже в том случае, если разговор не вымышлен, завершение статьи именно этими строками свидетельствует о стремлении автора показать особую значимость этих слов ли-

дера большевиков, использовать их как некую отсылку к высшему авторитету для защиты своих позиций.

Проблему западных или, как нередко называли их в публицистике того периода, «возвращенных» земель можно смело отнести к большим вопросам польской истории второй половины XX столетия. Обвинения в прогерманской внешнеполитической ориентации Ю. Пилсудского и принципиальная оппозиционность в этом вопросе лагеря Дмовского добавляли значимости немецкой проблеме для выражавшей симпатии последнему католической интеллигенции. Тем более, история середины XX в., казалось, очередной раз свидетельствовала в их пользу. Из-за фальсификации результатов референдума 1946 г.¹⁶ трудно назвать точный процент обывателей, высказавшихся за включение в состав государства новых территорий. Между тем, очевидно, что получение новых промышленно развитых земель радовало большинство поляков¹⁷. При этом сложно было оспорить роль СССР в приобретении Польшей западных территорий, что, в свою очередь, давало новый аргумент апологетам ориентации на Советский Союз.

Болеслав Пясецкий не скрывал своей антинемецкой позиции: рассматривая стратегические выгоды партнерства с СССР, он пишет, что Советы и Польша вынуждены стремиться к улучшению отношений, потому как имеют общего врага – Германию. Именно создание «антинемецкой плотины» на Одре* является общей целью СССР и Польши, которые должны не допустить возрождения немецкой экспансии¹⁸. Пясецкий наиболее последовательно выражает мнение, которого в той или иной мере придерживались и другие организации католических интеллектуалов: СССР – гарант территориальной целостности новой Польши.

На страницах «Тыгодника Повшехного» возвращение западных земель называется историческим событием. Благодаря мужеству победоносных советских войск немцы вынуждены покидать свои объекты на территориях «до правого берега», – торжествующе сообщали интеллектуалы. Советские войска

---

* Одра – р. Одер в польской транскрипции.

здесь предстают символом освобождения и возвращения некогда незаконно утраченных территорий. При этом характерно противопоставление западных держав, которые долгое время не верили в опасность Германии, Советскому Союзу, выступившему справедливым судьей в этом споре о территориях. Теперь, когда все народы Европы столкнулись лицом к лицу с немецким империализмом, по убеждению публицистов, западные страны «наверняка... будут лучше нас понимать»¹⁹.

Главный редактор «Тыгодника Повшехны», впоследствии один из самых влиятельных общественных деятелей Польши Е. Турович, в своей статье «Новые земли» рассуждал об «историческом праве» поляков вернуться на западные территории. При этом редактор не упускает возможность упомянуть и о роли Советского государства в этих исторических переменах. По словам Туровича, западные земли были взяты именно благодаря «мощным ударам Красной Армии», впрочем, она была поддержана «молодым Войском Польским»²⁰.

За многозначительным заголовком опубликованной в «Тыгоднике Варшавском» статьи С. Маевского «Кто мы?» кроются глубокие рассуждения о месте Польши в послевоенной Европе. Автор уверен в полном крушении «мифов санации о великой державе»²¹, в то время как действительность призывала поляков к «скромности и умеренности». Маевский призывал признать, что Польша находится между двумя «громадами» – СССР и Германией, следовательно, вынуждена определяться с ориентацией. Маевский констатировал потерю Польшей больших территорий на Востоке, впрочем, не упоминая о роли СССР. Автор призывал читателя взглянуть на проблему по-новому: проживавшие на утраченных землях белорусы и украинцы «были постоянным источником хлопот для государства... хотя теперь мы имеем меньше земли, зато на возвращенных землях выше экономическая культура». По словам Маевского, присоединение промышленно богатых западных земель к Польше «приблизило нас не только географически, но и экономически к Западной Европе»²².

Особое внимание польских интеллектуалов вызывала политическая система советского государства. Профессор С. Кутре-

ба в своей статье противопоставлял друг другу два основных типа демократий: США и СССР. При этом две страны, по словам профессора, стремятся «достичь справедливого мира» разными путями: американский вариант демократии предлагает «ценить каждый труд, открывать всем возможность заработка, в соответствии с их трудом и способностями», в то время как другая система, которая наиболее ярко представлена социальной политикой СССР, направлена на достижение равных возможностей для всех граждан. Советское правительство, по словам Кутребы, действует по схеме: «если хочешь работать – учись», при этом счастливицы не должны пользоваться преимуществами привилегий, полученных от родителей. Уделив заметно больше внимания советскому типу демократии, историк заключает абзац многозначительным вопросом к читателю: «Какая из систем лучше?»²³

Историк и писатель П. Ясеница в ходе длительного рассуждения о судьбах польской государственности сокрушался: «достаточно слабо, к сожалению, ориентируемся мы в национальной политике на Советский Союз», в то время, как ее следовало бы «изучить получше». Автор, по установившейся традиции, противопоставлял царское время, когда Россия была раздираема национальным вопросом, и послереволюционное. Тогда, по словам автора, все эти противоречия были разрешены, благодаря признанию за каждым народом права жить и развиваться в рамках Союза Советских Республик, сохраняя собственный суверенитет. При этом автор спешит оговориться, что такое существование в рамках единого государства возможно только в условиях однозначного культурного лидерства России и отсутствия у народов СССР «самостоятельной от московской» культурной традиции. Тем самым автор наглядно подчеркивает неприменимость к Польше такого формата «сожительства» с Советским государством²⁴.

Образ СССР мог использоваться и в дискуссиях по внутриполитическим вопросам. Например, рассуждая накануне референдума о будущем польской парламентской системы, Я. Корольчик настаивал на необходимости сохранения двухпалатного парламента (то есть выступал против уничтожения Сена-

та)²⁵. В качестве ответа на позицию пропагандистов, характеризовавших Сенат, как пережиток прошлого, приводится пример государственного устройства Советской России, в которой есть Совет союзов и Совет национальностей, «что это, если не система двух палат?», – вопрошал автор. Снова советская система выступает в роли авторитета, ссылка на который заметно усиливает позицию полемиста.

При этом католические интеллектуалы были безусловными сторонниками суверенитета польского государства. Пясецкий выражал это в формуле «независимостью реализуется цель существования народа»²⁶ и настаивал на мысли, что Польша должна не разделять Европу, а объединять ее, а значит, сотрудничать со всеми европейскими государствами. Именно в этом Пясецкий видел историческую роль Польши²⁷. Лидеру коллектива «Дзищ и Ютро» отношения с Советским Союзом представлялись, прежде всего, как партнерские. Пясецкий не смущался выразить надежду на то, что в знак дружбы СССР предпримет меры по репатриации всех поляков, оказавшихся на Советской территории, в том числе и интернированных по политическим мотивам, а также заявить претензии на диалог и «лояльную идеологическую борьбу» с господствующей в СССР материалистической парадигмой²⁸. Так Пясецкий пытался выступить перед читателем в роли защитника интересов польского народа и католического мировоззрения перед лицом советского друга.

А. Грабовский, рассуждая на страницах «Тыгодника Варшавского» об экономической эволюции мира, выразил мнение, что экономическое сотрудничество народов оказывается «сильнее, здоровее, намного прогрессивнее, чем национальные амбиции и эгоизм». При этом особую ответственность за недопущение кризисов такого рода лежит на великих державах. По словам Грабовского, огосударствление всей экономики может кончиться «несчастливым разочарованием». При этом главным аргументом, приводимым в защиту полной национализации, является пример Советского Союза, который, по мнению публициста, «мог бы стать убедительным, если бы можно было бы сравнить экономический организм наш (то есть польский. –

А.Л.) и советский». По мнению Грабовского, даже СССР, обладавший «герметично закрытой экономикой», вынужден под влиянием современных тенденций приоткрываться. Польша же – самостоятельное политико-экономическое образование и потому должно поддерживать экономические и политические отношения не только с СССР, но и с другими государствами²⁹.

Так, в случаях необходимости подчеркнуть неприменимость советских экономических принципов в польских условиях, католические интеллектуалы обращали внимание читателя на коренные отличия СССР от Польши.

* * *

Сконструированный католическими интеллектуалами образ СССР был важным показателем самоопределения польской католической интеллигенции в новых политических условиях. Католики, симпатизировавшие справедливому социальным реформам, обращались к нему очень осторожно и осмотрительно. Всячески подчеркивалось принципиальное отличие Советской России от рухнувшего царизма; СССР стал символом государственной заботы о культуре, справедливого социального порядка и эффективной национальной политики, великого духа русского народа и доблести Советской армии. В то же время Советы выступали надежным гарантом безопасности новой западной границы польского государства. Между тем, апеллируя к принципиальным отличиям Польши от СССР, католическая интеллигенция стремилась отстаивать суверенитет польского государства, право на католическое мировоззрение и возможность культурных, экономических и политических контактов с западными странами. Помимо прочего, обращаясь к рефлексии католической интеллигенции 1945–1948 гг., мы наблюдаем очередной пример того, как политическая обстановка вынуждает интеллектуалов искать пути интеллектуального преодоления негативной исторической традиции в отношениях двух народов.

-
- ¹ Тадеуш Мазовецкий (1927–2013) – польский политический деятель, первый некоммунистический премьер-министр Польши после Второй мировой войны.
- ² *Piasecki B.* Kierunki, 1945–1960. Warszawa, 1981. S. 7–10. Далее: *Piasecki, 1981*; *Piwowarczyk J.* Ku katolickiej Polsce // Tygodnik Powszechny. 1945. No. 1. S. 1; *Turowski K.* Ruch ludowy w Polsce a katolicyzm // Tygodnik Warszawski. 1946. No. 1 (8). S. 2; и др.
- ³ Роман Дмовский (1864–1939) – польский политический деятель. Один из основателей Национально-демократической партии Польши. Предводитель «польского коло» II и III Государственной думы. Политический оппонент Ю. Пилсудского. На страницах католических журналов нередко появлялись материалы, посвященные Р. Дмовскому и осмыслению его наследия. См. например: *Szczepkowski B.* To i owo o R. Dmowskim // Tygodnik Warszawski. 1945. No. 7. S. 3; *Kolowski W.* Reymont i Dmowski // Ibid. 1946. No. 10. S. 4; и т.д. Многие из коллектива «Дзишь и Ютро» были выходцами из «Национального лагеря», возглавляемого Р. Дмовским (см.: *Dudek A., Pytel G.* Bolesław Piasecki: Pryba biografii politycznej. Londyn, 1990).
- ⁴ Образ «большевика» и «коммуниста» в частности и Советского Союза («жидокоммуны») в целом подробно рассмотрен в монографии польского историка Заремы, посвященной историческим стереотипам поляков (см.: *Zaremba M.* Wielka trwoga: Polska, 1944–1947: ludowa reakcja na kryzys. Kraków, 2012. S. 71–85). Б. Пясецкий во вступлении к одной из своих статей говорит о необходимости опровергнуть стереотип о «советской экспансии» и будущем «подчиненном» положении Польши, в случае сотрудничества с СССР. (См.: *Piasecki B.* Zagadnienia istotne // Dziś i jutro. 1945. No. 1; *Piasecki, 1981*. S. 11–15).
- ⁵ Болеслав Богдан Пясецкий (1915–1979) – польский политик и писатель. До Второй мировой войны стоял на праворадикальных позициях, после войны активно сотрудничал с коммунистическим режимом.
- ⁶ О положении Пясецкого в коллективе «Dziś i jutro» см.: *Friszke A.* Między wojną a więzieniem, 1945–1953: Młoda inteligencja katolicka. Warszawa, 2015. S. 243–244.
- ⁷ *Dudek A., Pytel G.* Op. cit. S. 12.
- ⁸ Содержание его политической программы рассмотрено в исследовании российского историка Н.В. Петрова, посвященной личности И. Серова (*Петров Н.В.* Первый председатель КГБ Иван Серов. М., 2005). На польском языке вышла более пространная версия его работы. О программе, предложенной Б. Пясецким Серову, см.: *Pietrow N.* Staliniowski kat Polski Iwan Sierow. Warszawa, 2013. S. 50–54.
- ⁹ *Piasecki B.* Ogólne zasady światopoglądowe (deklaracja programowa, lipiec 1945 r.) // *Piasecki B.* Kierunki, 1945–1960. Warszawa, 1981. S. 9.
- ¹⁰ *Piasecki B.* Kierunki // Dziś i jutro. 1946. No. 5 (11); *Piasecki, 1981*. S. 24.
- ¹¹ *Gorski A.* O odnowe w kulturze // Tygodnik Powszechny. 1945. No. 1. S. 2.
- ¹² *Osterwa J.* I ja tak widzę przyszłą w Polsce sztukę... // Ibid. S. 4.

- ¹³ *Piasecki B. Kierunki // Dziś i jutro. 1946. No. 5 (11); Piasecki, 1981. S. 26–27.*
- ¹⁴ *Kutrzeba S. Siły dziejów // Tygodnik Powszechny. 1945. No. 1. S. 1–2.*
- ¹⁵ *Kaczyński Z., ks. Rewolucja Październikowa // Tygodnik Warszawski. 1947. No. 46. S. 3.*
- ¹⁶ На июньском референдуме 1946 г. полякам было предложено ответить на вопросы: 1-й: Согласны ли Вы с ликвидацией сената? 2-й: Желаете ли Вы закрепления будущей Конституцией хозяйственного строя, введенного земельной реформой и национализацией основных отраслей народного хозяйства, с сохранением уставных прав частной инициативы? 3-й: Согласны ли Вы с закреплением западных границ Польского государства на Балтике, Одере и Нейсе и Лужицкой?
- ¹⁷ По подсчетам историков, на основе сохранившихся документов можно сделать вывод, что 66,9% поляков положительно ответили на третий вопрос референдума. См.: *Referendum z 30 czerwca 1946 r. Przebieg i wyniki / oprac. A. Paczkowski. Warszawa, 1993. S. 193.* То, как результаты референдума оценивало советское посольство см. в донесении советского посла В. Лебедева: *Советский фактор в Восточной Европе, 1944–1953 гг.: документы: в 2 т. М., 1999. Т. 1: 1944–1948 г. С. 327.* Об обстоятельствах самого референдума см.: *Osekowski C. Referendum 30 czerwca 1946 roku w Polsce. Warszawa, 2000.*
- ¹⁸ *Piasecki B. Kierunki // Dziś i jutro. 1946. No. 3 (9); Piasecki, 1981. S. 21.*
- ¹⁹ *Piawski K. Wiedza polska-dla ziem zachodnich // Tygodnik Powszechny. 1945. No. 3. S. 3.* Можно добавить, что антинемецкая тема совсем не ограничивается темой западных земель. Например, в уже приводившейся статье кс. Качинского, посвященной Октябрьской революции, одной из главных причин крушения империи предстает германофильство императрицы и засилье немцев в русском правительстве, а Ленин и большевики, соответственно, той «светлой» силой, которая сломала эту порочную систему (см.: *Kaczyński Z., ks. Rewolucja Październikowa. S. 3).*
- ²⁰ *Turowicz J. Nowe zieme // Tygodnik Powszechny. 1945. No. 6. S. 1–2.*
- ²¹ Речь идет о стремлении Ю. Пилсудского любимыми средствами возродить былую славу Речи Посполитой «от моря до моря».
- ²² *Majewski S. Czym jesteśmy // Tygodnik Warszawski. 1946. No. 7 (14). S. 5–6.* Необходимость дружбы и сотрудничества с европейскими странами, а не только с СССР, отмечал и Пясецкий, который позиционировал Польшу как связующее звено между Западом и Востоком (см.: *Piasecki B. Ogyłne zasady światopoglądowe ... S. 9).*
- ²³ *Kutrzeba S. Cztery demokracje // Tygodnik Powszechny. 1945. No. 4. S. 1.*
- ²⁴ *Jasienica P. Z prądem historii // Ibid. 1946. No. 18 (59). S. 2.*
- ²⁵ Один из вопросов референдума 1946 г. касался возможного уничтожения Сената. Польская рабочая партия (ППР) призывала граждан на этот вопрос ответить утвердительно.
- ²⁶ *Piasecki B. Kierunki // Dziś i jutro. 1946. No. 3 (9); Piasecki, 1981. S. 21.*
- ²⁷ *Ibid. S. 24.*
- ²⁸ *Ibid. S. 27.*
- ²⁹ *Grabowski A. Ewolucje gospodarcze świata // Tygodnik Warszawski. 1946. No. 2 (9). S. 4.* Католическая интеллигенция, в то время тесно сотрудни-

чавшая с епископатом, не могла игнорировать и социальное учение католической церкви (см. энциклики *Regum Novarum* и *Quadragesimo Anno*), поддерживающую право человека на частную собственность. Так, явно симпатизирующие социализму интеллектуалы, тем не менее, на страницах своих печатных изданий активно противостоят тенденциям полного «огосударствления» экономики (см., например: *Piowarczyk J., ks. Dlaczego własność prywatna? // Tygodnik Powszechny. 1945. No. 10. S. 1; Piasecki B. Ogyłne zasady światopoglądowe ... S. 7–8; Kisielewski S. Inicjatywa prywatna // Tygodnik Warszawski. 1946. No. 9 (16). S. 1.*

IV ЧЕРЕЗ ПРИЦЕЛ: ВЗАИМОВОСПРИЯТИЕ В УСЛОВИЯХ ВОЙН И КОНФЛИКТОВ

Д.В. Лисейцев

«В чужом пиру похмелье»: польские участники свадьбы Лжедмитрия I и русское общество XVII в.

Смутное время Московского государства начала XVII столетия, представлявшее собой крайне тяжелый политический и социально-экономический кризис, переросший в кровавую гражданскую войну, было осложнено интервенцией сопредельных государств и, более всего, Речи Посполитой. И хотя главные причины Смуты, вне всякого сомнения, имели эндогенный характер, усилиями государственной пропаганды в сознании подданных Московской державы культивировался взгляд на события как на результат враждебных действий западного соседа. В Посольском приказе, выполнявшем роль основного рупора официальной идеологии, утверждали, что «смута и рознь» на Руси разгорелись «по злему умыслу польского Жигимонта короля», желавшего «истинную нашу православную крестьянскую веру порушители»¹. В условиях военно-политического противостояния идеологи Речи Посполитой, в свою очередь, указывали на дикость восточных соседей, не способных ценить свободу и находящих выгоду в своем рабском состоянии². Тиражирование подобных штампов отнюдь

не способствовало сближению и взаимопониманию между подданными русских царей и польских королей.

Между тем, именно война между Московским государством и Речью Посполитой парадоксальным образом способствовала усилению контактов между народами. Одним из каналов, по которому происходил социокультурный обмен между странами, были военнопленные. За полтора десятилетия конфликта и в России, и в Польско-Литовском государстве оказалось немало пленных (не считая более или менее добровольных эмигрантов). К концу Смуты, во время осады Москвы войсками польского королевича Владислава в 1618 г., в одних только московских тюрьмах содержалось более 2 тысяч «сидельцев» (среди них, правда, помимо подданных Речи Посполитой, было немало русских сторонников королевича)³. Судьба последних была понятна – их, в массе, ожидала ссылка в Поволжье и Сибирь. Что же касается выходцев из польских и литовских земель, то им по условиям завершившего войну договора предоставлялась возможность вернуться на родину.

Подготовка размена пленных началась уже через неделю после заключения Деулинского перемирия. 8 декабря 1618 г., когда к северу от Москвы, под Костромой, еще продолжались боевые действия, Казенный приказ в столице уже выделил на приобретение одежды подданным Речи Посполитой, которых предстояло отправить на размену, 100 рублей 82 копейки (сумма по тем временам значительная – суточный корм тюремного сидельца обходился тогда в 1 копейку). Обмену подлежали 85 шляхтичей, которым были куплены сапоги и лисьи шапки на куницах. Вместе с ними на родину предполагали отправить 228 человек более скромного социального статуса – «пахолков» (слуг), для которых и одежда была куплена, соответственно, подешевле (овчинные шапки и поршни)⁴. Обмен пленных, однако, затянулся до лета 1619 г., когда в Россию были отпущены наиболее знатные из русских пленных (в том числе отец царя Михаила митрополит Филарет Никитич и боярин Михаил Борисович Шеин). Положение пленных, дожидавшихся в Москве размена, комфортным не было: надзиравший над ними пристав Василий Шарапов в июне 1619 г. даже обращал-

ся в Посольский приказ, указывая на тяжелые условия их содержания: «Поставлены де литовские полоненики на монастырском подворье, и на том де дворе одна изба, и та худа, и литовским де людям нужна и теснота великая, и от духу многие заболели». Российские власти отреагировали на сигнал оперативно, распорядившись «про литовских полонеников, которые ныне на Москве, и которые вперед из городов в привозе будут, изготовить в Китае-городе двор доброй и пространной, на котором бы было избы три и четыре, как бы мочно литовским полонеником изместитца безо всякие нужи, чтоб от тесноты им нужи не было»⁵.

Пока шла подготовка к размену пленными, некоторые из них успели сделать выбор, отказавшись покинуть пределы Московского государства. Один из них – польский шляхтич Станислав Сандецкий, приехавший в Москву ребенком в составе свиты Марины Мнишек в 1606 г. Биография Сандецкого, с этого времени и до принятия российского подданства и православной веры в 1620 г., описана в его собственных челобитных, недавно опубликованных Т.А. Опаринной.

Водоворот событий русской Смуты увлек за собой и юную московскую царицу, и людей из ее окружения (в их числе оказались Сандецкий и еще два героя нашего очерка). В 1612 г., когда Заруцкий, бежав из-под Москвы, забрал Марину Мнишек из Коломны и двинулся на юг, пути Станислава Сандецкого и его покровительницы навсегда разошлись. Молодой шляхтич был взят в плен во время столкновения отрядов Заруцкого с ратью русского воеводы Михаила Бутурлина, у которого он и прожил следующие семь лет. Любопытно, что в первой своей челобитной Сандецкий отзывается о воеводе довольно тепло: «Только б не Михайло Матвеевич, и аз бы, волочась, голодную смертию умер». Годом позже семь лет жизни в услужении у Бутурлина шляхтич описал уже другой формулировкой: «живот свой мучил». Впрочем, такой оборот был стандартным для русской деловой письменности при обозначении периода пребывания в плену; его употребление польским шляхтичем указывает на то, что тот постепенно усваивал характерную для русских челобитных терминологию.

В июне 1619 г. Сандецкому предстояло вернуться в Речь Посполитую в обществе самого знатного из польских пленных, бывшего командира польско-литовского гарнизона Кремля полковника Николая Штрауса (Струся). Однако возвратиться на родину шляхтич отказался, предпочтя принять российское подданство. На службе царю Михаилу Сандецкий получил довольно высокие поместный и денежный оклады – 550 четей и 35 рублей. Спустя полгода, в декабре 1619 г., он перешел в православную веру (получив при крещении новое имя – Петр). Смена веры окончательно закрыла ему дорогу в Польшу⁶.

Сохранившиеся документы (как опубликованные, так и вновь обнаруженные, публикуемые в приложении) позволяют в общих чертах проследить дальнейшую судьбу Петра Сандецкого, который сумел неплохо адаптироваться к становившейся для него привычной социальной среде и влиться в ряды российского служилого люда. Около 1622 г. он вместе с несколькими другими иноземцами, перешедшими на российскую службу, был причислен к московским дворянам («служу я, холоп твой, тебе, государю, по московскому списку»). К 1626 г. он уже успел обзавестись семьей (в челобитной он пишет о себе: «з женишком и з детишками волочюсь здесь на Москве по чужим дворам»), а также поместьем (114 четвертей) в Суздальском уезде. Именно стремление попасть в поместье побудило его подать прошение о временном отпуске из Москвы (каковое и было удовлетворено 25 августа 1626 г.). Год спустя Сандецкий вновь просится в суздальскую деревню, чтобы проконтролировать посев озимых («для пашнишка и для своеи нужи»), и вновь получает разрешение покинуть столицу приблизительно на три недели, до 1 сентября 1627 г. Однако, едва успев вернуться оттуда, Петр Сандецкий подал новую челобитную, из которой мы узнаем, что за прошедший год бывший шляхтич, а ныне московский дворянин, успел обзавестись земельной собственностью в другой части Московского государства – Мещовском уезде (причем ему тут принадлежало не только поместье, но и вотчина). Земля была выделена Петру Сандецкому на пару с князем Гавриилом Гундоровым, и наш герой просил об отпуске «для розделу земли и пашнишка».

В чине московского дворянина Петр Сандецкий служил до конца своих дней. В этом качестве мы обнаруживаем его в боярских списках 1626–1633 гг., а также в боярских книгах 1627 и 1639 гг. В последней из них, правда, напротив его имени проставлена помета «умре», что, однако, не дает нам возможности точно определить год его кончины: боярская книга 1639 г., как указал М.П. Лукичев, продолжала использоваться в Разрядном приказе и пополняться пометами более 10-ти лет, вплоть до 1649–1650 гг. Во всяком случае, мы можем быть уверены, что в 1643/44 г. он был еще жив, а значит, прожил в России не менее 38-ми лет⁷. Его сын Матвей начинал службу в чине жильца, а в 1649 г. его пожаловали в стольники⁸.

В нашем распоряжении имеются документы, освещающие обстоятельства жизни в России еще двух молодых поляков, прибывших на свадьбу Лжедмитрия I и Марины Мнишек и, подобно Сандецкому, оставшихся на чужбине надолго. Остафий Тарновский и Стефан Бартошевский приехали в Москву в мае 1606 г. в составе свиты будущей московской царицы Марины. Надо полагать, что сначала их судьбы развивались по той же схеме, что и у Станислава Сандецкого: пленение в ночь на 17 мая 1606 г., ссылка под стражу с Мариной Мнишек в Ярославль, пребывание в Тушинском, а затем в Калужском лагере Лжедмитрия II, переезд в Коломну, где вдова двух самозванцев до 1612 г. лелеяла планы возведения на российский трон своего сына Ивана Дмитриевича («Воренка»). Переломный в истории Смуты 1612 г. развел молодых членов царицной свиты в разные стороны: Сандецкий, как мы знаем, последовал за Заруцким и Мариной Мнишек и был пленен воеводой Бутурлиным на Рязанщине. Тарновский же с Бартошевским, если верить их челобитной, с Заруцким идти «не похотели», «не пристовали ни к какому воровству», за что и были сосланы атаманом в подконтрольный ему Арзамас. Согласно челобитной, произошло это в момент бегства Заруцкого и Марины Мнишек из-под Москвы в связи с известием о приближении к столице войск II Ополчения. Известно, что 21 июня 1612 г. администрация Арзамасского уезда еще действовала от имени царя Димитрия Ивановича (Лжедмитрия III или Псковского

вора, которому присягнули отряды I Ополчения)⁹. Бегство Заруцкого из-под Москвы датируется 28 июля 1612 г.¹⁰ Следовательно, ссылка Тарновского и Барташаевского в Арзамас произошла, надо полагать, в конце июля – начале августа 1612 г., когда администрация этого города еще держала сторону I Ополчения. Вскоре, однако, ситуация изменилась: 22 августа 1612 г. Арзамас уже совершенно определенно выполнял распоряжения, присылаемые от руководителя II Ополчения кн. Д.М. Пожарского.

Надо полагать, что тогда присланные Заруцким польские шляхтичи были под стражей доставлены в Нижний Новгород, а оттуда на Унжу под присмотр воеводы Кузьмы Малышева. Челобитная Тарновского и Бартошевского, кстати, содержит уникальное известие о воеводе Унжи. О Кузьме Гавриловиче Малышеве мы знаем, что в начале XVII в. он входил в состав верхушки можайского дворянства – «служил по выбору» с высоким поместным окладом в 600 четей; позднее, в 1615/16 г. он имел чин московского дворянина¹¹. На Унже Тарновского и Бартошевского застало воцарение Михаила Федоровича, которому они, по их собственным словам, «своею волею» целовали крест (то есть добровольно принесли присягу и приняли российское подданство). Это, однако, не изменило их положения: на Унже они продолжали «голодную смертью помирать» и «животы свои мучить» семь или восемь лет, до 1618/19 г. Вероятно, о пленных поляках вспомнили из-за готовившегося размена пленных. Впрочем, Тарновский и Бартошевский целовали крест русскому царю еще в 1613 г., и потому претендовать на возвращение на родину права вроде бы не имели.

Так или иначе, но весной 1619 г. Остафий Тарновский и Стефан Бартошевский уже находились в Москве и подали на имя государя челобитную, прося поверстать себя поместным и денежным окладами. При этом они ссылались на свое нежелание возвращаться в Речь Посполитую («хотим служить тебе, государю, забыть в своей земле род, и племя, и вотчины, и в Польшу ехать не хотим»). При этом на родине они могли бы претендовать на высокое положение в обществе: дядя одного из них, Ян Тарновский, был в 1603–1605 гг. примасом Польши

(архиепископом Гнезненским) и подканцлером коронным, другой дядя – каштеляном Сандомирским. Родня Стефана Бартошевского входила в окружение королевича Владислава и сопровождала его в недавнем походе на Москву. Решение по челобитной «честных шляхтичей» было вынесено боярами 20 апреля 1619 г.: обоим были назначены высокие оклады – по 600 четей поместья, по 50 рублей годового денежного жалования, помимо которого им было постановлено выплачивать «поденный корм» – по 25 копеек с день (что составляло дополнительно более 90 рублей в год на человека).

Чрезвычайно интересно, насколько быстро освоились польские шляхтичи в не слишком привычной им стихии московских приказов, которые в нашей историографии нередко преподносят некими «циклопическими сооружениями», в коих «не мог разобраться и сам московский дьяк»¹². Едва успев добиться назначения себе жалования, Тарновский и Бартошевский сообразили, что можно бить челом и о выдаче поденного корма их собственным слугам (которых у них было шесть человек). И снова прошение было удовлетворено – людям Тарновского и Бартошевского было велено выдавать по алтыну в день на человека (что составляло около 11 рублей в год).

Решение по этой челобитной не датировано, зато датировано решение по следующему прошению Тарновского и Бартошевского. Шляхтичи очень быстро обнаружили, что в ведомстве, откуда им предстояло получать поденный корм (приказе Большого прихода), денег в наличии нет. Это вызвало новую их челобитную, результатом которой стало вынесение боярами нового приговора – кормовые деньги полякам велено было выдавать из Разрядного приказа. Особо отмечу дату принятия этого решения – 22 апреля 1619 г., то есть через два дня после назначения шляхтичам жалования. Таким образом, за два дня они успели добиться назначения поденного корма своим слугам, а также смены кассы, из которой им предстояло получать кормовые деньги. Кажется, даже при очень сильном желании упрекнуть административную машину Московского государства в медлительности Тарновский и Бартошевский не смогли бы.

Параллельно решению вопроса о постоянном жаловании, выездные поляки добились пожалования и из Казенного приказа, который специализировался на выплате разовых наград за особые заслуги. В случае наших героев это было, вероятно, жалование за принятие российского подданства (выплачено 5 мая 1619 г.)¹³.

В отличие от большинства соотечественников, они не попали в ведение Панского приказа, оказавшись под юрисдикцией Разряда. Именно поэтому в конце июля 1619 г. по запросу из Панского приказа разрядным дьякам пришлось сделать выписку о размерах назначенного Тарновскому и Бартошевскому денежного и поместного оклада. В сентябре 1619 г. – феврале 1620 г. они ежемесячно аккуратно получали в Разрядном приказе поденный корм в установленном ранее размере – по 25 копеек на человека и по 3 копейки в день на каждого из их шестерых слуг (интересно, что в получении денег оба шляхтича собственноручно расписывались по-русски). Около Рождества 1619 г. Стефан Бартошевский перешел в православие – в записи приходо-расходной книги от 15 декабря он еще именуется поляком, тогда как 13 января фигурирует уже как новокрещен и с новым именем – Григорий. 2 февраля 1620 г. Тарновскому и Бартошевскому выдали кормовые деньги на два месяца вперед – «чем им поднятца ехать в свои помесья»¹⁴. Следовательно, они, как и Сандецкий, были пожалованы в Московском государстве поместьями. Удалось ли с помощью этой меры прочно привязать поляков к их новому отечеству, остается неизвестным – сведениями об их дальнейшей судьбе мы не располагаем.

Судьбы поляков, оставшихся по завершении Смутного времени на службе в Московском государстве (равно как и судьбы русских людей, сделавших своей новой родиной Речь Посполитую)¹⁵, ярко демонстрируют отсутствие непреодолимых религиозных, социокультурных, ментальных барьеров между подданными двух восточноевропейских государств. Ни многолетнее политическое соперничество, переросшее в начале XVII в. в очередной военный конфликт, ни усилия российской и польско-литовской пропаганды создать в умах соотечест-

венников стойкий «образ врага» («московита – кровавого деспота» или «ляха – искони вечного врага православия») не смогли опустить «железный занавес» между Московским государством и Речью Посполитой. Несмотря на усилия власти и церкви двух стран, он оставался проницаемым как для поляков, так и для русских.

-
- ¹ Посольская книга по связям России с Англией, 1614–1617 гг. М., 2006. С. 95; Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 79. (Сношения России с Польшей). Оп. 1. Кн. 26. Л. 62 об.–63.
  - ² *Маскевич*. Дневник Маскевича, 1594–1612 гг. // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. СПб., 1859. Т. 1. С. 57.
  - ³ РГАДА. Ф. 210. (Разрядный приказ). Оп. 9 (Столбцы Московского стола). Д. 8. Л. 31.
  - ⁴ Там же. Ф. 396. (Архив Оружейной палаты). Оп. 2. Кн. 71 (1618/19 г.). Л. 32 об., 33 об.–34 об.
  - ⁵ Там же. Ф. 141 (Приказные дела старых лет). Оп. 1. Д. 5 (1619 г.). Л. 22.
  - ⁶ *Опарина Т.А.* Судьба рядового участника свадебных торжеств Марины Мнишек и Лжедмитрия I: (челобитья Станислава Сандецкого царю Михаилу Романову) // Средние века. 2011. Вып. 72 (3–4). С. 223–231.
  - ⁷ «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов.: сб. документов. М., 2015. С. 59, 146, 223, 306, 392, 443, 506, 528; Боярская книга 1627 г. М., 1986. С. 112; Боярская книга 1639 года. М., 1999. С. 208; *Лукичев М.П.* Боярская книга 1639 года как исторический источник // Боярская книга 1639 года. М., 1999. С. 9; *Жаринов Г.В.* Боярский «подлинный» список 7152 г. // Архив русской истории. М., 2007. Вып. 8. С. 450.
  - ⁸ *Белоусов М.Р.* Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник. Казань, 2009. Т. 2. С. 350; Боярская книга 1658 года. М., 2004. С. 50.
  - ⁹ Арзамасские поместные акты (1578–1618 гг.). М., 1915. С. 406.
  - ¹⁰ *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: казачество на переломе истории. М., 1990. С. 50.
  - ¹¹ Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608 гг.: сб. документов. М., 2003. С. 155 (№ 39); Акты Московского государства. М., 1890. Т. 1. С. 145 (№ 108).
  - ¹² *Сыромятников Б.И.* : 1) Происхождение и развитие министерского начала в России до общего учреждения министерств // Научное слово. 1903. № 8. С. 60–61 ; 2) История русского государственного права: лекции приват-доцента Б.И. Сыромятникова, читанные в Московском коммерческом институте в 1908/09 академическом году. М., 1909. С. 514.
  - ¹³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 204. Л. 606.
  - ¹⁴ Приходо-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. М., 1983. С. 191, 202, 207, 210, 215–216.

- ¹⁵ Судьбы россиян, оказавшихся после Смуты подданными Речи Посполитой, еще ждут своего исследователя. Прекрасным примером исследований на эту тему (для более раннего хронологического периода) являются статьи К.Ю. Ерусалимского, И.В. Зайцева. М.М. Крома (*Кром М.М. Судьба авантюриста: князь Семен Федорович Бельский // Очерки феодальной России. 2000. Вып. 4. С. 98–115; Зайцев И.В. «Позабыв бога, и наше жалование, и свою душу...»: (приключения князя Семена Федоровича Бельского) // У источника = Ad fontem: сб. ст. в честь С.М. Каштанова. М., 2005. С. 298–317; Ерусалимский К.Ю. Московский боярич, литовский староста. королевский слуга: европейская карьера В.С. Заболоцкого // Российская история. 2011. № 4. С. 88–102).*

ПРИЛОЖЕНИЕ

Документ 1. 20 апреля 1619 г. Дело по челобитной иноземцев Остафия Тарновского и Стефана Бартошевского о назначении им поместного и денежного окладов и кормового содержания

«Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси быют челом холопи твои бедные иноземцы Осташко Торновский да Степанко Бортошетцки. Сосланы мы, холопи твои, во 120-м году с Коломны в Орзамас от Ивашка Заруцкого за то, что мы с ним не пристовали ни к какому воровству, и мучили живот свой не по вине по многим городам в темницах, голодную смертью помирали восемь лет. А нонеча по твоему государеву указу велено нам быти к Москве, и ныне мы, холопи твои, волочимся здесь на Москве. А как ты, государь, на Росийское государство воцарился, и мы, холопи твои, на Унже своею волею тебе, государю, крест целовали перет твоим государевым воеводою перед Кузьмою Малышевым. И ныне, помня мы свое крестное целованье, хотим служить тебе, государю, забыть в своей земле род, и племя, и вотчины, и в Польшю ехать не хотим. Милосердый государь царь и великий князь Михаила Федорович всеа Руси, пожалуй нас, холопей своих, вели, государь, в нашу в бедность возрить, и вели, государь, нас поверстать помесным акладом, и денежным жалованьем, и кормом с Москвы с иноземцы с Михаилом Желиборским, да с Андреем Голубовским, да с Васильем

Руцким, а мы, холопи твои, атечеством их не хуже, им то ведома, как тебе, государь, об нас бог известит, чоб мы, холопи твои, волочась меж двор, голодною смертию не померли. Царь, государь, смилуйся, пожалуй» (85). //

«В челобитной иноземцов Остафья Торновского да Степана Бортошетцкого написано: в прошлом во 120-м году сослал их ис-под Москвы в Арзамас в тюрьму Ивашко Зарутцкой за то, что они с ним не похотели итти ис-под Москвы и к нему не пристали. А как боярин князь Дмитрий Михайлович Пожарской збирался в Нижнем, и их из Орзамаса прислали в Нижней, и из Нижнево сосланы на Унжу, и были на Унже семь лет. А с Унжи взяты к Москве по государеве^{1*} грамоте в нынешнем во 127-м году.

И бьют челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии Остафей Торновский да Степан Бор (91) // тошетцкой, чтоб их государь пожаловал, велел поверстать помесным окладом и деньгами, как государю бог известит.

А у выписи Остафей Торновской и Степан Барташовской сказали: пришли они к Москве при Ростриге с Маринкою, и с тех мест и по ся места были Московского государства в городех, а в Польше не бывали, взяты ис Польши к Москве с Маринкою молоди, а в Полше жили по своим именьем. А родства де их: ево, Остафья Торновского, дядя родной, как он в Польше жил, был при короле каштеляном сандо (92) // мирским; дядя ж ево был в те ж поры Тарновский арцыбискуп Гнездинский. А ево, Степана Барташовского, брат родной меньшой Хриштоп Барташовской, ныне был при королевиче под Москвою коморник; да при королевиче ж был дядя ево, Степанов, двоюродной Калачковский, с королевичем же под Москвою ксонц-канслер. А что им выписаны на пример ротмистры и шляхтичи, и они сказали, что их родом не хуж. А с кем их велит государь сверстать, в том ево государева воля.

И выписаны иноземцы на пример, которые верстаны наперед сево помесным окладом и денгами (93). //

Ротмистр Василей Рышкеев. Помесной оклад учинен 700 чети, денег из чети 70 рублей, а корму ему давано на месяц по 12 рублей по 13 алтын по 2 деньги на день.

Порутчик Павел Голубовской. Учинен помесной оклад 600 чети, денег из чети 60 рублей, а корму ему давано против Рышкеева по 12 ж рублей на месяц.

---

^{1*} Слово государеве приписано над строкой.

Поляк Миколай Мировитцкой. Учинен помесной оклад 600 чети, денег из чети 50 рублей, а корму ему давано 2 гривны на день, по 6 чарок вина, по полуведра пива, по 2 кружки меду, да людем ево 2 пахолком по 6 денег (95). //

Михайло Жилиборской. Учинен помесной оклад 600 чети, денег из чети 40 рублей, а корму ему давано против Рышкеева ж по 12 ж рублей на месяц.

Ротмистр Станислав Раевский. Помесной оклад учинен 600 чети, денег из чети 40 рублей, а корму давано с пахолком на день по 5 алтын, по 3 чарки вина, по 2 кружки меду, пива то ж (96). //

Поляку Хриштопу Мневскому дано государева жалованья за выезд в приказ 45 рублей, 40 соболей в 20 рублей, ковш пол-2 гривенки, камка добрая да тафта добрая ж, сукно доброе; корму по 5-ти алтын на день, да з Дворца по 4 чарки вина, по 2 крушки меду, пива то ж. А месным^{2*} окладом и деньгами не верстан (100). //

Ротмистр Сава Бахмат. Помесной оклад учинен 500 чети, денег из чети 30 рублей.

А Павел Голубовской про Остафья Торновского и про Степана Бортошетцкого в роспросе сказал, что Остафей и Степан в Польше люди чесные, родства их при короле во всех чинех много, и домы у них и именья в Польше были великие^{3*}, а отчеством ныне на Москве в нововыезжих иноземцах, опричь Мневского, в их пору таких нет (97). //

А Михайло Желеборской сказал, что Остафей Торновской и Степан Бартошетцкой в Польше люди чесные, и домы у них и именья в Польше были великие. И Остафьев брат Торновского Мартыгратус Торновский был в Польше чесной человек, и против турского стаивал полков (98) // ником. А Степанов брат Барташевского был при короле чесной же человек, а отчеством ныне в нововыезжих иноземцах, опричь ево, Михаила Желюборского да Мневского, в их пору таких нет» (99).

РГАДА. Ф. 210. Оп. 13 (Столбцы Приказного стола). Д. 1. Л. 85, 91–93, 95, 96–100, 97, 98, 99). На сставах дела имеется помета: «127-го апреля в 20 день // бояря приговорили // учинити им // помесные // оклады // по 600 чети. // денег по 50 рублей. // да корму [...] давати // по полуполтине человеку на день».

---

^{2*} Так в тексте, должно быть помесным.

^{3*} Слова и домы у них и именья в Польше были великие вписаны между строк.

Документ 2. 20–22 апреля 1619 г. Челобитная иноземцев Остафия Тарновского и Стефана Бартошевского о назначении поденного корма их людям

«Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьют челом холопи твои иноземцы Осташка Торновской да Степанко Бартошевской. Пожаловал ты, государь, нас, холопей своих, велел нам дать своего царского жалованья корму по полуполтины на день человеку. А людишкам, государь, нашим шти человеком твоего царского жалованья корму не указана. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй нас, холопей своих, вели, государь, людишкам нашим дати свое царское жалованье корм, как тебе, государю, бог известит. Царь, государь, смилуйся, пожалуй».

РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 1. Л. 89. На обороте помета: «Давать людям по алтыну».

Документ 3. 22 апреля 1619 г. Челобитная иноземцев Остафия Тарновского и Стефана Бартошевского о выплате им поденного корма из Разрядного приказа.

«Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьют челом холопи твои иноземцы Осташка Торновский да Степанко Бартошевской. Пожаловал ты, государь, нас, холопей своих, велел нам давать свое царское жалованье корм из Большово приходу, и людишкам нашим. И в Большом, государь, приходе сказывают: денег нет. И мы, холопи твои, умираем з голоду, наги и боси. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй нас, холопей своих, вели, государь, нам о том своем царском жалованье о корму свой царской указ учинить, чтоб нам, холопом твоим, голодную смертью не помереть. Царь, государь, смилуйся, пожалуй».

РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 1. Л. 90. На обороте помета: «127-го апреля в 22 день бояре приговорили корм давати из Розряду».

Документ 4. 30 июля 1619 г. Память из Панского приказа в Разрядный приказ с запросом о размере поместного и денежного окладов иноземцев Остафия Тарновского, Стефана Бартошевского и Станислава Сондецкого

«Лета 7127-го июля в 30 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу память дьяком думному Томилу Луговскому да Марку Поздееву, да Михаилу Данилову. Велети им отписати в Панской приказ к боярину ко князю Офонасью Васильевичю Лобанову-Ростовскому да ко дьяку к Василью Ларионову: поляком, которые на розмене остались на государево имя, Остафью Торновскому, Степану Бартьшевскому, Станиславу Сондецкому что помесные и денежные оклады для примеру верстанья. Дьяк Василей Ларионов» (94).

РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 1. Л. 94. Внизу листа помета: «Послать память».

Документ 5. 31 июля 1619 г. Ответная память из Разрядного приказа в Панский приказ со сведениями о размере поместного и денежного окладов иноземцев Остафия Тарновского и Стефана Бартошевского

«Лета 7127-го июля в 31 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу память боярину князю Офонасью Васильевичю Лобанову-Ростовскому да дьяку Василью Ларионову. В памяти^{4*} за твоею Васильевою приписью^{5*} написано: велети отписати^{6*} в Панской приказ^{7*} к тебе, боярину ко князю Офонасью Васильевичю Лобанову-Ростовскому, да к дьяку к Василью Ларионову: поляком^{8*} Остафью Тарновскому да Степану Барташевскому^{9*} что помесные и денежные оклады. И в нынешнем во 127-м

---

^{4*} *Далее над строкой приписано и зачеркнуто: в Розряд.*

^{5*} *Слово приписью написано над строкой вместо вычеркнутого рукою.*

^{6*} *Далее зачеркнуто: к вам.*

^{7*} *Слова к тебе, боярину ко князю Офонасью Васильевичю Лобанову-Ростовскому, да к дьяку к Василью Ларионову написаны между строк.*

^{8*} *Далее зачеркнуто: которые на розмене остались на государево имя.*

^{9*} *Далее зачеркнуто: Станиславу Сондецкому.*

году поляком^{10*} Остафью Тарновскому да Степану Барташевскому учинены^{11*} помесные оклады по штисот чети^{12*}, а денег по пятидесяти рублей человеку».

РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 1 (1618 г.). Л. 87.

Документ 6. Около 25 августа 1626 г. Челобитная московского дворянина Петра Сандецкого о разрешении временно покинуть столицу для посещения суздальского поместья

«Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом холоп твой Петрушка Сандецкий. Служу я, холоп твой, тебе, государю, по московскому списку. А твое царское жалованье поместейцо у меня, холопа твоего, в Суздальском уезде сто четырнатцать чети, а инде за мною, холопом твоим, поместейца нет нигде ни одной чети, а я, холоп твой, з женишком и з детишками волочюсь здесь на Москве по чужим дворам, погибаю со всякие нужи. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, меня отпустить в деревнишко на время. Царь, государь, смилуйся».

РГАДА. Ф. 210. (Разрядный приказ). Оп. 9. (Столбцы Московского стола). Д. 56. Л. 59. На обороте пометы: «Государь пожаловал, велел отпустить в деревню на время, 134-го августа в 25 день».

Документ 7. Начало августа 1627 г.^{13*} Челобитная Петра Сандецкого о разрешении посетить суздальское поместье

«Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом холоп твой Петрушка Сандецкой. Милосердый го-

---

^{10*} Слова И в нынешнем во 127-м году поляком написаны между строк вместо вычеркнутого в строке: И.

^{11*} Слово учинены написано над строкой; далее зачеркнуто: денежные оклады по пятидесяти рублей.

^{12*} Далее зачеркнуто: человеку.

^{13*} Датируется по соседним челобитным в столбце (л. 203 об., 206 об.).

сударь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Руси, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, меня отпустить в суздальскую деревнишко для пашнишка и для своей нужи. Царь, государь, смилуйся, пожалуй».

РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 56. Л. 205. На обороте помета: «Государь пожаловал, велел отпустить в суздальскую деревню до Семеня дни 136-го году».

Документ 8. Первая половина сентября 1627 г.^{14*} Челобитная Петра Сандецкого о разрешении поездки в Мещовский уезд для раздела поместья с кн. Гавриилом Гундоровым

«Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси бьет челом холоп твой Петрушка Сандецкий. Дано мне, холопу твоему, твое царское жалованье в Мещеском уезде вотчинка и помещтейцо внове со князь Гаврилом Гундоровым. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Руси, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, меня отпустить в ту деревнишку для розделу земли и пашнишка со князь Гаврилом Гундоровым. Царь, государь, смилуйся, пожалуй».

РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 56. Л. 328.

---

^{14*} *Датируется по соседним челобитным в столбце (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 56. Л. 327 об., 329 об.).*

**«Мучительная шабая»:
японский плен в записках
А.И. Хлебникова**

В истории русско-японских контактов значимое место занимает «инцидент Головнина» – события, связанные с пребыванием в японском плену семерых россиян, матросов и офицеров российского шлюпа «Диана» во главе с капитаном В.М. Головниным. Благополучное разрешение этого инцидента, ставшее возможным благодаря дипломатичности и такту его участников (как с русской, так и с японской стороны), знаменовало преодоление кризиса в отношениях между двумя странами и заложило некоторые основы для дальнейшего взаимодействия.

Вкратце сам инцидент заключался в следующем. В июле 1811 г. российский шлюп «Диана», производивший опись Курильских островов, встал на якорь у острова Кунашир для пополнения запасов дров и провизии. Японцы же, подозревавшие россиян в агрессивных намерениях¹, обманом захватили в плен самого капитана, штурмана А.И. Хлебникова, мичмана Ф.Ф. Мура, четверых матросов (Д. Симанова, М. Шкаева, С. Макарова, Г. Васильева) и одного переводчика, курильца (айна) А.М. Четина (Ченина). Пленники были отправлены вглубь острова, затем – на остров Мацумаэ (совр. Хоккайдо). Подробные допросы и выяснения всех обстоятельств дела продолжались несколько месяцев. Ввиду особой важности происшествия пленников допрашивал сам губернатор и все более или менее важные решения принимались в столице, что сильно затягивало ход дела. Весной 1812 г., потеряв надежду на благополучный исход затянувшегося разбирательства, россияне бежали, но уже через несколько дней были пойманы и возвращены обратно. Заключение и допросы продолжались в более тяжелых условиях. Однако в результате усилий П.И. Рикорда,

взявшего на себя командование «Дианой», и японского купца Такэды Кахэя², выступившего посредником между российской и японской стороной, в октябре 1813 г. россияне были освобождены и отпущены на родину.

Подробное описание всех событий более чем двухлетнего плена было опубликовано В.М. Головниным через два года после его возвращения в Петербург, в 1816 г., в знаменитых трехтомных «Записках ...»³. Живой слог, обилие деталей, нетривиальность сюжета и, самое главное, обширные сведения о малознакомой и почти недоступной тогда Японии определили популярность этого сочинения, ставшего своеобразной энциклопедией японской культуры в России начала XIX столетия. От многих других описаний путешествий записки отличались не только литературными достоинствами, но и отношением к японцам – сложным, неоднозначным, но не пренебрежительным, и в целом неожиданно доброжелательным для бывшего пленника. Переведенные на многие европейские языки, неоднократно переизданные и пересказанные в XIX–XX вв., «Записки ...» В.М. Головнина по сей день остаются неисчерпаемым источником не только по истории самого инцидента, но и по японской обыденной культуре и быту того времени, а также – по истории межкультурных контактов и взаимовосприятия.

* * *

Вероятно из-за того, что в отечественной литературе «Записки ...» В.М. Головнина имеют репутацию уникальных в своем роде, они чаще всего оказываются единственным источником, по которому излагается вся история японского плена россиян в 1811–1813 гг. При описании освобождения пленников исследователи прибегают еще к запискам П.И. Рикорда⁴. Между тем, даже если не брать в расчет труднодоступные для отечественного исследователя японские материалы, упомянутые сочинения не исчерпывают имеющийся комплекс источников по данной теме; помимо опубликованных текстов существуют еще архивные документы, практически не востребованные. Например, письма В.М. Головнина П.И. Рикорду, написанные

в 1813 г. незадолго до освобождения, и другие материалы, в которых кратко излагаются основные события, происшедшие с пленниками, дается характеристика японским военным силам и рекомендации относительно дипломатических и военных действий в отношении Японии⁵. Эти документы содержат новые данные, и в них несколько иначе описываются известные по «Запискам ...» события и персонажи. Помимо этого, наряду с воспоминаниями В.М. Головнина сохранились также записки другого пленника, штурмана «Дианы» Андрея Ильича Хлебникова, неопубликованные, а потому практически не востребовавшиеся⁶. О них и пойдет речь далее.

О самом А.И. Хлебникове известно, что он происходил из санкт-петербургских дворян, родился в 1778 (1777) г., в 1795–1802 гг. учился в штурманском училище. С 1795 по 1804 г. служил на Каспийском, а в 1805–1806 гг. – на Балтийском море. В 1807 г. назначен на шлюп «Диана», на котором под командой В.М. Головнина совершил переход до Камчатки, побывав в Англии, Бразилии, на мысе Доброй Надежды, островах Вануату. В 1809–1810 гг. участвовал в плавании на «Диане» в Русскую Америку, а в 1811 г. – к Курильским островам, где и попал в плен. После возвращения из Японии оставался в Петропавловске до июня 1814 г., затем перебрался в Охотск, а к 1815 г. вернулся в Петербург, где занялся составлением карт и приведением в порядок астрономических наблюдений, сделанных во время плавания на «Диане». Затем до 1823 г. А.И. Хлебников служил на разных судах в Балтийском и Немецком (Северном) морях, в 1821 г. «за отличные подвиги по службе» был награжден орденом Св. Владимира IV степени. В 1823 г. был переведен на службу в Хозяйственную экспедицию Адмиралтейств-коллегии, где исполнял разные должности в чине чиновника 7 класса. О дальнейшей службе А.И. Хлебникова сведений нет, но известно, что он прожил до 90 лет, умер в 1868 г. и был похоронен на Смоленском кладбище в Твери. Он был женат на Татьяне Тertiевне (ур. Борноволокковой), имел двух дочерей и последние годы жил в своем имении Захарьино Тверской губернии⁷.

На настоящий момент известно две авторские рукописи, представляющие две разные редакции записок А.И. Хлебникова. Первая⁸ представляет собой текст на 29 разрозненных листах, общим объемом около 3 а. л., адресованный П.И. Рикорду, и озаглавленный «Спасшему нас от Смерти из Японии Петру Ивановичу. Описание последней ужасной шабаи». Судя по всему⁹, этот текст был написан А.И. Хлебниковым в октябре – ноябре 1813 г. на борту «Дианы» на обратном пути из Японии в Камчатку. Повествование охватывает период с марта по октябрь 1813 г., то есть последние восемь месяцев пребывания россиян в плену. Текст носит характер предварительных, черновых заметок, сделанных «на скорую руку» и «по свежей памяти», содержит несогласованные фрагменты, описки, повторы, незаконченные предложения и т.п.

Вторая рукопись¹⁰ гораздо объемнее, более 11 а. л., текст на 64 листах, переплетенных в альбом, озаглавлен «Японской Плен 7ми Россиян в 1811^м, 12^м и 13^м годах, описанный одним из участвовавших в оном, Андреем Хлебниковым». Написанный, вероятно всего, в феврале – марте 1814 г., данный текст включает в себя в переработанном виде первую редакцию, однако не содержит никаких формальных признаков эпистолярного жанра, а представляет собой повествование мемуарного характера. По сравнению с первой редакцией, данный текст более выверенный, «обстоятельный» и последовательный. Не исключено, что записки готовились автором к публикации, по крайней мере, он не раз к ним возвращался: в рукописи есть следы двух правок, преимущественно стилистических, выполненных в разное время, но одной рукой, той же, что и основной текст.

Повествование охватывает период с июля 1811 г. по октябрь 1813 г., то есть от пленения россиян на Кунашире до их освобождения. События, за некоторыми исключениями, излагаются в хронологическом порядке, единый текст делится на несколько разных по объему частей: «Поход на шлюпе Дияне к Курильским островам и нещастие с нами случившееся в 1811 году», «Дело Курильцев с острова Рашуа», «Продолжение нашего суда в Матмае», «Побег наш из Матсмая», «Возвраще-

ние нас в Матсмай и новый суд над нами за побег», «Извлечение из показания Г. Мура, названное им последнею исповедью Российскаго офицера», «Житье наше в оянсю в 1812м году», «Продолжение житья нашего в том же месте в оянсю 1813го года». Последовательный рассказ о пребывании в плену сопровождается сведениями этнографического, историко-культурного, лингвистического характера, помещаемыми как в основном тексте, так и в примечаниях. Подробно описывается сам процесс общения с японцами, вследствие чего текст содержит много диалогов, переводов японской речи, изобилует японскими словами, переданными в русской транскрипции.

В этом внимании к коммуникации, а также к быту и культуре японцев проявляется сходство записок А.И. Хлебникова и В.М. Головнина. Кроме того, оба текста представляют собой характерные образцы этнографического письма – подробного и насыщенного деталями. В отличие от статистических обзоров, предлагающих взгляд «сверху» и «издалека», или записок путешественников, основанных на кратковременных впечатлениях, у В.М. Головнина и А.И. Хлебникова читатель находит описания «вблизи» и «в подробностях», основанные на продолжительном и непосредственном, максимально близком, контакте с представителями иного народа.

В то же время при всем сходстве двух текстов разница между ними хорошо заметна и весьма существенна. Они различаются по объему, структуре, характеру сообщаемых сведений, по стилю, степени грамотности и литературности и другим параметрам, но, пожалуй, наиболее важным и определяющим является различие в позиции авторов относительно описываемой действительности – как участников и рассказчиков. Понятно, что оба мемуариста вовлечены в описываемые события, однако если В.М. Головнин стремится к непредвзятому, отстраненному и объективистскому взгляду (насколько это возможно в экстремальных условиях плена), то А.И. Хлебников гораздо более субъективен как в описаниях, так и в оценках, больше сосредоточен на собственных переживаниях и восприятии происходящего. Поэтому в его записках описания чувств и непосредственных реакций заметно преобладают над методи-

ческими этнографическими зарисовками, более характерными для В.М. Головнина и занимающими в его записках гораздо больше места, нежели у А.И. Хлебникова. По той же причине текст А.И. Хлебникова в целом более эмоционален, экспрессивен, патетичен, насыщен метафорами, сравнениями, эпитетами, подчас довольно резкими. Особенно активно они используются по отношению к японцам, однозначно изображаемым автором как хитрые, коварные и безжалостные варвары. Другой объект негативных характеристик – мичман Ф.Ф. Мур, противопоставивший себя остальным россиянам и всячески препятствовавший их освобождению; если В.М. Головнин говорит о нем изредка и довольно лаконично, то у А.И. Хлебникова поведение Ф.Ф. Мура – одна из основных тем, особенно во второй части записок.

Сопоставление рассматриваемых текстов позволяет зафиксировать еще одно характерное различие между ними. У В.М. Головнина на протяжении всего повествования информация излагается примерно с одинаковой степенью подробности. У А.И. Хлебникова иначе: в первой половине текста, описывающей события до марта 1813 г., он заметно более лаконичен, чем В.М. Головнин, а во второй части, начинающейся с раздела «Продолжение житья нашего в том же месте в оянсю», повествование приобретает совсем иной характер: оно «замедляется» за счет большего количества деталей, становится существенно более подробным по сравнению не только с первой частью, но и с текстом В.М. Головнина, меняется масштаб «картинки».

Эта смена «оптики» наблюдателя и «темпа» рассказчика, очевидно, неслучайны: они знаменуют переход к наиболее важной части текста. Именно с этого момента начинается рассказ о шабае – принятой в японской тюрьме практике морального истощения заключенного, которая, по словам автора, подразумевает «беспрерывные мучительные обманы пред смертью ли или пред освобождением над тюремными затворниками производимые, посредством коих страждущего приводят они в неописанное мучение» (л. 32 об.). По убеждению А.И. Хлебникова, он стал жертвой такой шабаи, о чем и поведал в своих

записках, подробнейшим образом описав ее ход на протяжении последних восьми месяцев заключения.

Обстоятельность и эмоциональность этого рассказа, а также тот факт, что первая редакция целиком была посвящена шабае, а само это слово вынесено в заглавие, указывает на то, что именно шабая является основной темой записок. Это наиболее ценная информация, главное, что автор считает нужным сообщить, то уникальное знание, которым обладает только он и которым он делится с читателем. Если для В.М. Головнина рассказ о плене зачастую становится неким фоном (или поводом) для разговора о Японии, то у А.И. Хлебникова наоборот: Япония и японцы со своими диковинными обычаями служат вспомогательным фоном для главного рассказа – об ужасах японского плена. Оба автора строят свое повествование в рамках дискурса о «варварском плене», чужом и экстремальном¹¹, но один делает больший акцент на инаковости, а другой – на экстремальности.

* * *

В изложении А.И. Хлебникова события шабаи разворачивались следующим образом. Все началось с того, что однажды в марте 1813 г. он случайно оказался свидетелем ночного разговора стражников, из которого следовало, что пленных россиян собираются казнить. Это известие стало причиной глубокого стресса штурмана: он искал способов убить себя и перестал есть. Голодание, продолжавшееся сорок восемь дней, привело к сильному истощению пленника, что препятствовало исполнению приговора. Поэтому японцы стремились привести его в должное физическое состояние (в котором бы он мог вынести все назначенные ему пытки). Они всеми правдами и неправдами старались заставить его принимать пищу (например, подкладывая в питьевую воду лекарство, усиливающее голод), а он, как мог, сопротивлялся (избегая пить питьевую воду и употребляя ту, что предназначалась для умывания). Наконец, не выдержав столь длительного воздержания, А.И. Хлебников соблазнился гречневыми оладьями, и под воздействием поло-

женного в них лекарства стал есть все подряд, с ужасом наблюдая, как быстро он поправляется и тем самым приближает час собственной казни.

Между тем, к телесным мучениям добавлялись душевные, поскольку ожидаемая казнь стала постоянной темой разговоров стражников: они методично перечисляли разные виды пыток, говорили о том, какие истязания предстоит вынести каждому из россиян, припоминали другие похожие случаи и описывали все в мельчайших подробностях. Причем конкретные темы разговоров на каждый день сообщались стражникам в специальном письме, присылаемом из суда, следовательно, по мысли А.И. Хлебникова, это была не просто жестокая забава стражников, а продуманная система, направленная на моральное истощение жертвы. «Разсказывали они, кому за кем должно по определению вступать в муки, сколько времени над каждым оныя продолжаться будут, как будет считать особый начальник удары и другия огненные мучения, и даже как кричать и стонать будем, показывая примерно собственным голосом... От сего душа моя приходила в такое состояние, котораго описать никак не можно» (л. 37 об.).

Изможденный пленник пытался избежать этих речей – сначала затыкая себе уши ватой, а затем выпивая перед сном изрядную дозу саги, но это не помогало. И хотя обещанная казнь все никак не осуществлялась, стражники всегда находили этому объяснение, «ссылаясь в отсрочке сего дела или на худую погоду, или на ветер, или на время луны, или на какой-нибудь праздник, или что я не пришел еще в настоящую силу, чтоб мог вытерпеть все мучения, или что в календаре стоит день тот худой, что по закону к сожжению приступить не можно» (л. 41 об.). Иногда разговоры перемежались чтением книг: «Подробно описано в них, каким образом приуготовляют у них людей к мукам, как их обманывают до последнего смертного часа, приводя безпрестанно от надежды в отчаяние и обратно, некоторыми послаблениями и утешениями вселяют луч надежды к прощению или к перемене его участи, приводят от болезни в непомерное здравие лекарствами; что невзирая на слабость существа человеческого, несчастный непременно должен

будет понести точно все те мучения до смерти, которыми его от Государя умучить повелено, не щадя ни иждивения, ни время, ни трудов, на то употребляемых» (л. 42).

Таким образом, даже осознавая, что над ним играют шабаю, догадываясь, что его обманывают, замечая, что события развиваются иначе, чем предсказывали стражники, а казнь то и дело откладывается, пленник все равно продолжает сомневаться и ожидать смерти – даже тогда, когда все очевидно идет к положительной развязке. Зная об «азиатской хитрости и коварстве», помня слова одного из переводчиков о том, что японцы – «великие искусники мешать сахар с камнями», А.И. Хлебников подозревает, что все приготовления к освобождению делаются лишь для того, чтобы заманить в плен еще и тех россиян, которые теперь приплыли за своими соотечественниками. Лишь оказавшись уже на шлюпе, он чувствует себя в безопасности, и только тогда шабая для него заканчивается.

Поскольку А.И. Хлебников не посвящал своих товарищей во все детали происходящего, они могли лишь догадываться о причинах его поступков, казавшихся странными и нелогичными. В.М. Головин в разных текстах по-разному объясняет поведение штурмана. В опубликованных записках речь идет о болезни, психическом расстройстве: «Марта 11 господин Хлебников впал в чрезвычайную задумчивость и сделался болен; несколько дней сряду он не пил и не ел, да и сон его оставил. Расстроенное воображение представляло ему непонятные ужасы. В продолжение времени, при разных обстоятельствах, здоровье его хотя и поправилось, но не прежде совсем избавился он от болезни, как по приезде уже на шлюпу»¹².

В письме к П.И. Рикорду от 20 августа 1813 г. поступки А.И. Хлебникова трактуются совсем иначе – как «гнусная хитрость и ложь»: «Марта 11 или 12 Гн Хлебников начал играть весьма непонятную и удивительную ролю, которой настоящей притчины я понять и по сие время (нрзб.) не могу, а только догадываюсь: он не стал ни пить, ни есть, ни с постели вставать; говорил японцам, что болен, но лекарств принимать не хотел <...> стал вставать по ночам и молился с отчаянием и на середине тюрьмы, как казалось, с намерением, чтоб мы все отчаяние

его видели. Матрозам он сказал, что ему давно участь наша известна, которая будет самая ужасная <...> и потому он им советовал между собою не ссориться и не употреблять бранных слов, молиться богу и помышлять о спасении душ своих»¹³. Сбивчивые рассказы штурмана не убедили В.М. Головнина: «По словам Гна Хлебникова я заключил, что он притворяется и хитрит с каким-нибудь неблагородным и безчестным намерением. А более уверила меня в этом притворная его набожность, ибо при малейшем нескромном слове матрозов он тотчас напоминал им о смерти и муках, к досаде моей и их, а это случалось раз по пяти в день»¹⁴. Страхи и странное поведение А.И. Хлебникова приводило в отчаяние матросов, и капитану приходилось разубеждать и подбадривать их, обличая штурмана в ханжестве и лицемерии.

Трудно сказать, что заставило В.М. Головнина при публикации записок представить поведение А.И. Хлебникова иначе, чем за два года до этого в письме П.И. Рикорду, – сделал ли он это по цензурным, корпоративным, личным соображениям или в самом деле поменял точку зрения. Но вне зависимости от того, к какой версии он склонялся, опасения и аргументы А.И. Хлебникова казались ему – искренним или намеренным, но – заблуждением. Главным основанием для недоверия была твердая убежденность В.М. Головнина в том, что А.И. Хлебников не знал японский настолько хорошо, чтобы понимать разговоры стражников между собой: «знавши слов ста два или три, и то без правильного выговора, и не имея ни малешаго понятия о грамматике языка, невозможно разуместь, что природные люди на нем говорят»¹⁵. Между тем, сам А.И. Хлебников пишет, что научился довольно хорошо понимать японскую речь, прислушиваясь к разговорам стражников, «великих неохотников сидеть в молчании»: «...от безпрестаннаго обращения со сторожами <...> и с работниками нечувствительно приобретал я некоторое познание слов в их языке, так что иногда и безошибочно мог понимать их разговоры» (л. 29 об.).

В этом «споре» трудно однозначно признать, кто прав. С одной стороны, нет оснований не доверять А.И. Хлебникову. С другой стороны, следует учитывать физическое и моральное

истощение пленных, их длительное пребывание в экстремальных условиях в инокультурной среде, балансирование между страхом и надеждой, непрерывное состояние неопределенности и тревожности – все это вполне могло сказаться на их психике, в том числе, на восприятии и интерпретации происходящего. С одной стороны, аргументы В.М. Головнина кажутся вполне убедительными, да и трудно предположить, чтобы он мог сильно ошибаться в языковой компетентности своего соседа «по камере». С другой стороны, тот же В.М. Головнин рассказывает, что Ф.Ф. Мур выучил японский язык настолько хорошо, что мог свободно общаться с японцами – следовательно, такая возможность была и у А.И. Хлебникова. Кроме того, рассказ о шабае слишком экзотичен, чтобы быть вымыслом, и слишком логичен и последователен, чтобы свидетельствовать о расстройстве мышления автора. Все это позволяет с большой вероятностью говорить о достоверности записок А.И. Хлебникова, хотя окончательное решение этого вопроса, все же, по-видимому, требует дополнительных данных.

Как бы то ни было, очевидно, что записки А.И. Хлебникова являются весьма ценным источником по самым разным темам – как собственно по истории «инцидента Головнина», так и по японской обыденной культуре, и по истории японского языка, русско-японских контактов, взаимовосприятия и межкультурной коммуникации, а также – поведению человека в экстремальных условиях японского плена. До тех же пор, пока достоверность записок не опровергнута, следует считать их также уникальным для российской традиции описанием экзотической практики шабаи, принятой в японской тюрьме в описываемый период.

В Приложении публикуется фрагмент записок А.И. Хлебникова, содержащий описание начала шабаи в марте 1813 г.

---

¹ Основанием для этих подозрений стали разбойные нападения на японские селения судов Российско-Американской компании под командованием офицеров Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова в 1806–1807 гг., после которых японцы полагали, что Россия находится в войне с Японией.

- ² В источниках и литературе это имя пишется по-разному: Такатай Кахи, Тагадай Кахи, Такадая Кахэй и др.
- ³ *Головнин В.М.* Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев. В 1811, 1812 и 1813 годах. С приобщением Замечаний его о Японском государстве и народе. СПб., 1816. Ч. 1–3.
- ⁴ *Рикорд П.И.* Записки флота капитана Рикорда о плавании его к Японским берегам в 1812 и 1813 годах и о сношениях с японцами. СПб., 1816.
- ⁵ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 1000 (Собрание отдельных поступлений). Оп. 2. Ед. хр. 1654.
- ⁶ Нельзя сказать, что сочинение А.И. Хлебникова вовсе не известно исследователям – оно, например, упоминается в книге Ю.В. Давыдова о В.М. Головнине (*Давыдов Ю.В.* Головнин. М.: Мол. гвардия, 1968. С. 147), однако оно не введено в научный оборот и никак не используется в работах, посвященных «инциденту Головнина».
- ⁷ Общий морской список. [СПб.], 1806. С. 107; Общий морской список. [СПб.], 1807. С. 22; Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Ф. 406. Оп. 2. Ед. хр. 196. Л. 191–194 (послужной список); *Шереметевский В.В.* Российский провинциальный некрополь. М., 1914. Т. 1. С. 913.
- ⁸ РГАВМФ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 14.
- ⁹ Из-за ограниченного объема статьи обоснование датировки, археографическая характеристика, текстологический анализ, сопоставление рукописей опускается.
- ¹⁰ ОР РНБ. Ф. 1000 (Собрание отдельных поступлений). Оп. 2. № 1487.
- ¹¹ *Куприянов П.С.* В чужом плену: европейцы за пределами Европы: (по материалам рубежа XVIII–XIX вв.) // Социальная история, 2007. М., 2007. С. 303–335.
- ¹² *Головнин В.М.* Указ. соч. Ч. 2. С. 101.
- ¹³ ОР РНБ. Ф. 1000 (Собрание отдельных поступлений). Оп. 2. Ед. хр. 1654. Л. 23–23 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 23 об.
- ¹⁵ Там же.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Японской Плен 7ми Россиян в 1811м, 12м и 13м годах, описанный одним из участвовавших в оном, Андреем Хлебниковым

[фрагмент]

Текст приводится в соответствии с современными правилами пунктуации, делится на абзацы по смыслу, с учетом авторского деления. Авторские подчеркивания японских слов сохраняются. Сохраняются немногочисленные авторские сокращения и орфография, за исключением следующих моментов: а) буквы, вышедшие из употребления заменяются современными, обозначающими те же звуки; б) «ъ» в конце слов не пишется; в) слитное и раздельное написание слов, а также написание неопределенных местоимений через дефис приводится в соответствии с современными нормами; г) прописная буква пишется в начале предложения, сохраняется в именах собственных, названиях должностей, званий, в религиозных терминах, этнонимах и их производных, не сохраняется для остальных слов. Авторские примечания (в рукописи вынесенные в конец страницы) приводятся в тексте с отступом от левого поля. Зачеркивания оговариваются в примечаниях. Японские слова отделяются косой чертой «/», если они не выделены автором иначе.

(30) 15го Марта нам сказали, что Губернатор Хатторо-бингоно-ками прибыл в Миммай – гавань напротив Матсмая в Сингарском княжестве¹ лежащую, и что завтра или послезавтра придет он в Матсмай. Будучи уже в высшей степени предуготовлен по вышеприведенным причинам услышать что-либо важное для нас, и, конечно, уже не милость, я вслушивался в сию ночь по обыкновению в разговоры караульных Досинов,

а) Заметить должно о сих Доосинах, что оне хотя уже последние из военного звания или из ихнего чиноположения имеющего право носить по две сабли, т.е. в сравнении по нашему простые солдаты, но совсем не то, что солдаты прочих го-

сударств. В сие звание допускаются у них только те люди, которые имеют приличное к тому воспитание, а сверх того на вступление в оное имеют законное право; а иначе надобно иметь немалое покровительство, чтоб быть написану в число их — совершенно противно тому, как обыкновенно бывает при рекрутских наборах в Европе. В ответственность такового заведения Доосины пользуются несравненно большим уважением от прочих состояний, нежели простые солдаты в других государствах; богатые купцы и другие состояния оказывают им такое почтение, как в других местах начальникам, начальники обходятся с ними ласково и учтиво; и не могут быть за вины наказываемы на теле прежде, нежели исключены будут из сего сословия. От правительства по дешевизне во всем в их государстве производится им достаточное содержание, жалованья выдают им в год от 15 до 20 золотых их манет ценою в российской империи каждая, да от 20-ти до 25-ти мешков 3-х пудового весу сорочинских круп. Соответственно сим уважению и содержанию и должности их, как в военном, так и в гражданском звании, обширны и многозначущи, и за малейшее упущение оных подлежат строгой ответственности^{1*}. Они всегдашние органы и орудия начальнических повелений, соблюдая в точности всегдашнюю дисциплину и повиновение даже до самых мелких случаев,

сидя у огня, когда прочия товарищи покоились сном. Один из сторожей рассказывает другому за новость, что скоро прибудет сюда Губернатор, что Анайшто^{2*}

в) сие же имя дают они и всем Европейцам; означает на их языке красных людей, которое название, без сомнения, по цвету волос они им придали.

(так они русских называют) хаягу (скоро) корогу (казнят).

Душа моя вострепетала^{3*} от сих ужасных слов, холодный пот оросил все мое тело. Тут начался их длинный, никогда уже впослед-

---

^{1*} Далее зачеркнуто по их законам.

^{2*} Чтение предположительное, возможно: «Акайшто».

^{3*} Далее зачеркнуто душа моя.

ствии из памяти моей не выходящий убийственный разговор. Наперед предостерегали они один другаго, чтобы я не услышал их разговора, а то вить будет самим им весьма худо /вари, вари ханаханда вари/. Потом рассказывали друг другу, за что нас хотят убить, излагая по порядку вины наши, японскими законами осуждаемая: первое – за то, что мы бежали из их земли /Ниньгеру/, чрез сие подвергли бывшего губернатора, других начальников и караульных Досоинов немалой беде по строгости их законов; что в показаниях своих неправду сказали, что в России войны нет², и тем вовлекли в ошибку их Государя; что в прочих объявлениях своих были также несправедливы, но один только доброй Мур правду сказал; что для поимания их^{4*} из побегу изтрачено казенных денег до 4000 золотых, что сие по законам их земли судится все (30 об.) равно как бы они их похитили.

Тогда другой начинал говорить с сожалением:

– Ах, жалко их, жалко бедных, они иностранцы, не знают наших обыкновений, больно им будет, больно /ханаханда итай!/ Ну да что делать, в тюрьме долго сидеть вить и того хуже, лучше один конец.

Тогда пришла другая смена сторожей, спрашивают у сменяемых ими Доосоинов:

– Все ли спят несчастныя люди?

– /Нан-чин/, – получа в ответ, что – все, продолжали сии новыя Доосоины, – ах, бедныя, они спят, ничего незнают, что с ними будет, близка, близка кончина их, теперь они последнюю чашу земной пищи едят (выражая сие ихним фразом /икван-миси/), послезавтра придет Генерал³, и они увидят, что будет.

После сего продолжали^{5*} один другому рассказывать о мучениях, какими повелено нас умертвить от ихняго Государя: над Капитаном, говорили они, велено сожечь 75 листов масляной бумаги, над мною 50, и столько же раз поливать кипящею соею, лишать обоих естества.

– А ежели вытерпят сие и живы будут, – спросил один у другаго, – то что будет после?

На сие отвечал другой:

– Ето Гимияга сампе⁴ только один знает.

Тогда вопрошающий восклицал:

– Ах! худо, худо! Ну да вить вот им большия руския пушки, у коих ядры больше наших голов, о коих они нам так часто рассказывали. Японский Государь – Бог

---

^{4*} Так в тексте, имеется в виду «нас».

^{5*} Далее зачеркнуто они.

а) Одного слова, выражающего всевышнее существо на Японском языке, сколько мы могли по разпросам нашим узнать, нет; а называют они его /Тенто-сама/ Господин неба. Сие мы узнали из переводимых ими наших бумаг, в которых случающемуся сему слову они, приискивая равнозначущее, (нрзб.), выражали помянутыми двумя словами Тенто-сама. Прочия подчиненныя Божества и святыя называются у них Ками

все равно, шутить не любит.

Тут по имени называли они палача Кидзиски, у коего мы прежде содержались в тюрьме; хвалили его, как он искусен в своем деле, и упоминали о другом, котораго новой Губернатор везет из Сендая (княжество в соседстве с сингарским, чрез которое лежит дорога из Эдо в Матмай). Рассказывали, что голова у него обрита так, как у ихняго попа, что для окончания уже все приуготовлено.

Тогда другой спросил:

– Ето с начальниками так, но что с матрозами их будет?

На что прежний отвечал:

– Им хорошо, только по 300 ударов веревкою, а потом и головы проч, и выставят их на улицы.

Другой подхватил:

– Ето редкость, у матроза Симанова нос очень большой; однако участь их хороша, что они как свечки згорят, но начальникам очень, очень худо: станут на огне жарить как рыбу.

Проговоря сии слова, со вздохом и сожалением примолвил:

– Руские и японские люди все равны.

– А Мур и Алексей как будут? – спрашивал один другаго.

– Им Тески⁵ изходатайствовал милость, и старался было спасти и вех, но не мог. Мур здесь женится и будет в Нангасаки толмачем».

Слушая сей убийственный разговор, остывала кровь в моих жилах, я начинал считать жизнь свою минута по минуте. Сон не мог закрыть глаз моих, я пал на землю почти без чувства, прося помощи Божией.

Приметя сторожа, что я не сплю и молюсь (32)^{6*} Богу, сказали между собою:

– Ах! Да видно он разумеет, что завтра или послезавтре ему кончина будет.

---

^{6*} Основной текст после л. 30 об. продолжается на л. 32. Л. 31–31 об. представляет собой узкую полоску бумаги, вклеенную между л. 30 об. и л. 32. На ней размещено примечание к тексту на л. 32 (см. ниже).

Не нужно мне здесь сказывать, что я тогда чувствовал. Вскинув глаза свои на покоящихся сном товарищей своих, ничего не знающих, как полагал я, о приближении ужасной своей кончины, сердце мое облилось кровию сожаления. Но тогда же услышал я чрез стену, что Гн Мур и Алексей против обыкновения своего сию ночь не спали и громко и радостно между собою разговаривали и притворно громко кашляли, желая тем дать знать нам, что они не спят. Мне нетрудно было догадаться о их непомерной радости, производившей от объявления им строжами (sic) или приставниками о нашей злой участи, равно и в ихнем прощении и милости. Давали знать о своем бодрствовании разговорами и кашлянием, для той причины, что если, паче чаяния, и мы также узнали о^{7*} своем бедствии, то, слыша о их бодрствовании, не могли покуситься уйти или в отчаянии чего другого сделать^{8*}.

Сие прибавило мне мучений^{9*}, а лютая смерть на которую, как^{10*} я полагал, варварством сего народа неизбежно осужденным, приводила^{11*} меня к такому отчаянному сумасшествию, что свет в глазах моих померкал и все предметы мира сего представлялись мне в ином ужаснейшем виде. Я искал способа лишить себя жизни, и исполнил бы то непременно, если бы бдительный глаз сторожей не помешал мне то сделать. Я провел в страшном сем отчаянии целья сутки, безпрестанно искав способа умертвить себя, написал к варварским начальникам и несчастным моим товарищам письма о своем состоянии и о решимости не оставаться долее в злодейских руках (в первом просил удовольствовать лютость свою над одним мною а в последнем прощался с сострадальцами своими). Но по прошествии суток безчувственного моего отчаяния милосердый Бог возвратил мне некое упование на помощь его, я снова повергся пред создателем своим, прося крепости сердцу своему, устыдился и сожалел об отчаянном предприятии своем, обратя мысль свою к вечному житию.

В сем разположении духа дожидался я нетерпеливо утра приближающегося дня, которое полагал последним в жизни своей. Рано утром, когда товарищи мои покоились еще сном, я разбудил одного из матроз наших, Симанова, и просил его быть свидетелем моего показания по долгу Христианскому пред Богом, что он исполнил, не знал

---

^{7*} Далее зачеркнуто одно слово (нрзб.).

^{8*} Далее зачеркнут большой фрагмент текста от слов Сие прибавило до слов к вечному житию (следующий абзац).

^{9*} Далее зачеркнуто позор и поругание.

^{10*} Которую как исправлено из которыя.

^{11*} Исправлено из приводили.

что подумать о мне, ибо слова, слышанные мною, не касались их слуху, рассказывать же им об оном значило бы тоже приводить их к тому же мучительному состоянию, в котором я и сам тогда находился, а средства избавиться от онаго никакого уже не было, кроме одного терпения. Но из глаз моих приметил он состояние души моей, и потому спросил меня:

– Что вам зделалось, разве что вы слышали худое?

– Так, друг мой, – сказал я, – слышил худо, очень худо. Но ты^{12*} не должен^{13*} печалиться о том, равно печалить и прочих, мне, может быть, недолго остается быть в живых.

Он, поговорив еще и несколько со мною, по-прежнему опять лег в постелю.

(31 об.)^{14*} NB) Поутру приходит к нам в тюрьму работник Ески с чайником в руках и кричит со смехом сторожам: «/Анайшто^{15*} рамбо што/ руские разбойники, я буду их подчивать в последние чаем, очень доброй у меня чай, скоро они узнают Японцев! Сторожа повторили сие с сильным смехом

Но Губернатор сего дня еще в Матсмай не приехал; а сторожа и работники безпрестанно только о том и твердили, как будет наша кончина, называя ее /Карагара гатсо/.

а) – значит на Японском языке Китайское подчивание. Тогда не понимал я, что это значит, и почему такое дано имя, но в последствии времени из разговоров же Досинов узнал, что сие непонятное искусство мучить людей, подвергающихся наказанию, из чиновнаго состояния, прежде времени смерти душевными мучениями, заняли они от Китайцев и распространили^{16*} глубоким познанием человеческого сердца до невоображаемого совершенства. Составлена у них из того наука, которую знать неотменно нужно начальникам и Доосинам, и множество книг о сем предмете написано^{17*}

---

^{12*} *Исправлено из вы.*

^{13*} *Исправлено из должны.*

^{14*} *Текст примечания помещен на вклейке между л. 30 об. и л. 32.*

^{15*} *См. примеч. 2*.*

^{16*} *Далее зачеркнуто одно слово (нрзб.).*

^{17*} *Все примечание перечеркнуто двумя косыми вертикальными чертами.*

По вечеру того дня я простился с Капитаном и другими товарищами, говоря, что, может, (32 об.) мне недолго еще остается жить, и что, может быть, участь наша решена. Капитан и прочие утешали меня, но сердце мое уже не способно было принимать в себя утешение, уверясь вконец о слышанном мною.

Позыв на пищу вовсе оставил меня, я положил твердое намерение не есть ее из мучительских рук, чтоб уменьшить удовольствие злобе человеческой чрез безсилie, готовящейся, как я полагал, насладиться мучениями моими. Донесено было о моем состоянии начальникам, посему и прислан был кривой лекарь Кадзи осмотреть меня. Он, осматривая пульс в руках, сердце и ногах, находит его слабым, как и сам я чувствовал, говорит сторожам, что я опасен и покончить меня не можно, однако что будет завтра, как Губернатор придет.

Тогда же осмотрел он пульс и у всех моих товарищей, хотя они и не сказывались больными, сказал сторожам, что все хороши кроме меня, а Капитан к созжению особенно имеет хороший пульс, однако, примолвил он, и меня скоро приведет в желаемое состояние лекарствами. А после сего стал мне предлагать пить лекарство, но как я делать того не хотел, то он с досадою побежал вон из тюрьмы, сказав:

– Опасно, опасно /Комато, Комато./ чтоб сия птица

а) У японцев нет в Языке особенного слова называть человеческую душу, но как ее, так и дух животного называют они птицею Гори, и потому смертный час человека, когда разстается душа с телом, они изъясняют фразою «птица вылетает» /Гори иги маст/

не улетела из рук наших.

Сие было началом той страшной комедии по ихнему Шабая

б) Слово «шабая» означает у них три различные вещи: 1е – театр, 2е – комедию и всякое театральное представление, до коих Японцы величайшие охотники, и, наконец, 3е – смысл заключает в себе непрерывные мучительные обманы пред смертию ли или пред освобождением, над тюремными затворниками производимыя, посредством коих страждущего приводят они в неопишанное мучение

называемой, которая до последней минуты отбытия нашего из их земли продолжалась.

ОР РНБ. Ф. 1000 (Собрание отдельных поступлений). Оп. 2. № 1487. Л. 30–32 об.

---

¹ Сингарское (Цыгарское) княжество – княжество Цугару (или Хиросаки) на севере острова Хонсю, отделенного от острова Мацумаэ Сангарским (Сингарским, Цыгарским) проливом.

² Пленники убеждали японцев, что Россия не ведет войну с Японией.

³ Губернатор.

⁴ Речь идет о Такахаси Сампее, чиновнике в чине *гиммияку* – старшего помощника губернатора.

⁵ Речь идет об одном из переводчиков, тесно общавшихся с пленными, – Мураками Тэйсукэ.

Англо-германское военно-морское соперничество в начале XX в. глазами русских военных

Главной причиной Первой мировой войны были противоречия между Германией и Великобританией, морское соперничество, которое началось за полтора десятилетия до начала мировой войны. Цель данной статьи заключается в том, чтобы изучить представления русских военных в 1906–1914 гг. об англо-германском соперничестве по материалам официального органа Морского министерства России – журнала «Морской сборник», а также проанализировать сделанные на страницах этого журнала прогнозы будущей англо-германской войны.

В эти годы на страницах «Морского сборника» многократно подчеркивалось, что Германия совершила колоссальный экономический рывок, ее население намного возросло, и что ее военно-морской флот становится грозной силой, способной угрожать «владычице морей» Великобритании.

Летом 1908 г. «Морской сборник» опубликовал брошюру французского автора «Англия и Германия на морях», в которой говорилось: «Бюджет германского флота, который равнялся 85 миллионам марок в 1895–1896 гг., достиг в 1907–1908 гг. до 280 миллионов марок и можно ожидать в 1911–12 гг. увеличения его до 460 миллионов. Таким образом, в 16 лет бюджет увеличился на 545%. Такое чрезвычайное напряжение вызывает во всех морских нациях чрезвычайный интерес.

При всем том, я должен предъявить очень важное возражение на германскую программу. Когда нация хочет сделать огромное усилие, чтобы стать во главе морских держав, ей необходимо сейчас же стать во главе морских изобретений. Но этого то и не делают германские инженеры: “Берн” создан для борьбы с “Дредноутом”, а между тем он не имеет над ним подавляющего превосходства. То же можно сказать и относи-

тельно крейсеров Е и F сравнительно с английским типом “Индемитебл”. Эти суда подобны – вот и все. Таким образом, германский флот следует по пути, открытому англичанами. Плохое средство, чтобы обогнать кого-то – тащиться позади него¹. И далее: «Против кого делаются грозные морские вооружения Германии? Против Франции? Очевидно, нет. Между двумя нациями, имеющими сухопутную границу, вопрос был бы решен на сухом пути. Франция господствовала на море в 1870 г., и это не помешало ей быть побежденной, потерять две провинции и заплатить 5 миллиардов контрибуции.

То же самое положение было бы в случае возможного столкновения с Россией: там борьба также произошла бы на сухом пути.

Значит, германское вооружение имеет целью исключительно могущественные морские державы, с которыми у Германии нет сухопутных границ. Какие же это нации? Их легко перечислить: Англия, Соединенные Штаты и Япония. У Германии нет никакой морской базы для войны с Соединенными Штатами. У нее есть только Киао-Чао, база очень ненадежная в случае войны с Японией.

Наконец, замечая, что германские броненосцы довольствуются значительно меньшим радиусом действия, чем английские и французские броненосцы (5500 миль вместо 8000 миль), я заключаю, что германский флот предусматривает борьбу, ограниченную европейскими морями, то есть, борьбу с Англией².

Весной 1910 г. была опубликована работа немецкого автора «Военно-морская политика Германии», переведенная генералом Гуляевым. Там говорилось: «Вспоминая печальное состояние германского флота еще так недавно, в 70-х или 80-х годах, невольно поражаешься чрезвычайно быстрым возрождением нового флота в Германии»³; «Германский флот в 1920 г. будет состоять из 38 броненосцев, построенных не более как 20 лет назад, 20 больших броненосных крейсеров, 38 крейсеров меньшей величины и 144 истребителей миноносцев, построенных не более как 12 лет назад. Миноносцы не включаются в судостроительную программу»⁴; «Германия заняла теперь место действительно первоклассного военно-

морского государства и сооружает для своего флота суда самой большой величины, способные ходить куда угодно и выполнять всякое назначение»⁵.

В начале 1913 г. «Морской сборник» писал, что весной 1912 г. германское правительство внесло в рейхстаг проект нового морского закона, в котором предусмотрено «необычайное усиление действующих сил, постоянно мобилизованных, находящихся в плавании и в полной боевой готовности все двенадцать месяцев в году. <...> Четыре пятых немецкого флота будут находиться вечно в плавании с полным комплектом команд. Понятно, какое изумительное увеличение силы и боевой готовности германских эскадр достигается таким путем»⁶.

В публикациях «Морского сборника» неоднократно подчеркивалось, что господство английского флота уже далеко не так безраздельно, каким оно было в XIX в., однако пока он остается сильнейшим военным флотом мира, по-прежнему имеет подавляющее превосходство над германским флотом, и выгоды островного положения Великобритании сохраняются в полной мере.

В уже цитированной французской брошюре говорится, что еще совсем недавно английский флот господствовал во всех морях одновременно: «Могущественная броненосная эскадра в китайских водах превосходила зарождающийся японский флот. В Атлантическом океане отряды северный и южный, к которым могла быстро присоединиться еще эскадра Канала, значительно превосходили флоты Соединенных Штатов и южноамериканские. Наконец в Европе с Мальтийской эскадрой и эскадрой Гибралтара Англия господствовала в Средиземном море; при этом флота, оставшегося в Англии, было достаточно, чтобы уничтожить северную французскую эскадру и флоты Северной Европы. Начало XX столетия положило конец этому могуществу без соперников»⁷; «Англия не может уже владычествовать во всех морях, и следующий ряд фактов доказывает это. Она отозвала в 1905 г. 5 броненосцев, которые были в Китайском море, предоставляя, таким образом, Тихий океан американцам и японцам. В 1906 г. Англия вызвала несколько броненосцев из Мальты и Гибралтара, чтобы составить значитель-

ную эскадру Канала. Англия построила 48 подводных лодок, значит, теперь она думает о защите. <...> Но это не должно вводить в заблуждение: она более похожа на зверя, который подбирается, прежде чем сделать скачок и схватить добычу»⁸; «Англия видимо готовится ко всяким случайностям. Меры, которые я перечислил выше, дают ей в омывающих ее морях могущество, какого она еще никогда не имела. Никогда еще ее эскадры не были лучше обучены, ее комендоры более опытны; никогда со времен Нельсона командный состав английского флота не имел лучшей репутации и не внушал к себе большего доверия, как со стороны нации, так и со стороны судовых экипажей»⁹.

Об этом же говорилось и в итальянской статье 1911 г.: «Вплоть до конца XIX века главные силы английского флота, значительно превосходящие тулонскую эскадру, расположены были в Средиземном море, где они, опираясь на Мальту и Гибралтар, господствовали над главнейшими путями сообщения Франции с ее колониями. А против западных и северо-западных берегов Франции сосредоточен был “флот Канала”. “Сильнее Франции и России вместе и в полной готовности к стратегическому наступлению на Францию” – такова была задача английской морской политики. Выступление Германии, Соединенных Штатов и Японии в качестве великих морских держав заставляет английскую политику переменить направление. <...> Охватывающая Европу цепь английских броненосцев стянулась еще туже, но вместе с тем центр тяжести этого грозного кольца из Средиземного моря переместился на север»¹⁰.

За несколько месяцев до начала мировой войны, в начале 1914 г., на страницах «Морского сборника» вновь говорилось: «В пользу Англии продолжает действовать один могучий фактор, который в прошлом всегда способствовал ее окончательным победам над соперниками (Испанией, Голландией, Францией). Этот фактор – ее островное положение. Он требует господства ее флота на окружающих эти острова морях и, в то же время, позволяет сосредоточить максимум усилий на одном этом элементе силы, в то время как ее противники должны раз-

делять усилия между флотом армией. Сосредоточение же усилий именно на флоте выгодно еще и в том отношении, что требует жертв только деньгами, не отрывая множество рук в лучший период жизни человека от производительного труда. В то время как самый сильный флот мира – английский – довольствуется в мирное время 130 000 человек, величайшая армия мира – русская – имеет в мирное время около 1 200 000 человек, а в военное до 5 миллионов человек»¹¹.

В той же статье говорилось: «Географическое положение Англии по отношению к своему противнику – Германии – крайне благоприятно как для нападения, так и для обороны. Для нападения оно благоприятно потому, что слабейшие морские силы противника <...> должны действовать, опираясь на столь узкий фронт, что его можно считать стратегически за точку. Англия же против него имеет широкий фронт с целым рядом баз»¹².

Вместе с тем, на страницах русской военно-морской печати неоднократно указывалось, что у Великобритании есть ахиллесова пята – зависимость от безопасности судоходства в Атлантическом океане.

Так, летом 1909 г. «Морской сборник» опубликовал речь депутата палаты общин английского парламента Ренвика, сказавшего: «Англия получает свои съестные припасы из Черного моря, из Бомбея и Карачи, из Австралии, Новой Зеландии, Аргентины, Канады и Соединенных Штатов, и при этом каждый из путей должен быть защищен во время войны. Бывали случаи, что при малейшем неприязненном отношении к какому-нибудь из государств цены на фрахт сразу поднимались, а это значительно отзывалось на цене хлеба внутри страны»¹³. Весной 1910 г. в журнале была опубликована речь первого лорда английского адмиралтейства Маккены, сказавшего что «Англия существует хлебом, привозимым морем, так же как и все ее рабочее население получает для переработки весь сырой материал из-за моря. Германия может лишиться всего своего флота и всей своей морской торговли, и, несмотря на это, все население страны будет сыто и будет кормиться собственными произведениями земли; оно будет получать сырье для обработки

через свои сухопутные границы. Границы Англии – морские границы, и английские дороги – морские пути. Самое слабое место в Англии для защиты – это ее торговые пути. Никогда эти пути не были так слабы как теперь»¹⁴.

У русских военных налицо было понимание того, что противоречия Англии и Германии непримиримы и неизбежно приведут к войне. Весной 1912 г. «Морской сборник» писал: «Вполне признавая за Англией и Германией их дружественные по отношению друг к другу и к остальным державам Европы чувства; нисколько не преувеличивая воинственности этих держав и вполне признавая за ними разумность и серьезность – не нужно упускать из виду, что обе эти державы могут почувствовать себя в безвыходном положении: им может показаться, что они поневоле должны взяться за оружие»¹⁵.

В конце того же 1912 года в журнале вновь говорилось: «Трудно представить себе что-либо более необоснованное, легкомысленное и что-либо менее политически продуманное и серьезное, чем тот оптимизм во взглядах на англо-германские отношения, который высказывается в некоторых квазиосведомленных кругах русского общества. Отношения между обеими империями Северного моря были, есть и долго еще будут основаны на <...> противоположности главных политических интересов, выражаемых со стороны Германии – стремлением к Африке и к Ближнему Востоку (“Drang nach Afrika” и “Drang nach Osten”), а со стороны Соединенного Королевства – абсолютной невозможностью согласиться на движение немецкой расы по этим двум “дрангам”, из которых каждый непосредственно и реально угрожает Великобритании»¹⁶.

В следующем, 1913-м г. «Морской сборник» писал: «Часты и многообразны были попытки повлиять на прекращение военно-морского соревнования Англии и Германии. Соглашение несогласимых интересов этих стран имело целый легион добровольных печальников, и в числе их наиболее энергичными и настойчивыми оказывались те государственные деятели, которые самым главным делом правительства полагают сокращение военно-морских расходов. Соревнование флотов стоит дорого. Целые сотни миллионов ежегодно превращаются в сталь

плавающих кораблей вместо того, чтобы оставаться в кармане плательщика налогов или же быть употребленными на так называемые “продуктивные и культурные” потребности страны. К этим профессиональным сокращателям морского бюджета тесно примыкают те господа, которые верно считают, что соревнование прямо и непосредственно ведет к войне, и которые неверно осуждают всякую войну между “цивилизованными народами”. Целые ряды умных, влиятельных людей употребили безумные усилия, а англо-германские интересы остались непримиримыми, и дело о сокращении военно-морского соревнования не продвинулось вперед на йоту»¹⁷.

Русские военные констатировали, что Великобритания вышла из «блистательной изоляции», в которой пребывала предыдущие десятилетия, и взяла курс на сближение со своими старыми врагами, Россией и Францией.

В начале 1914 г. в «Морском сборнике» в очередной раз говорилось: «Пока другие государства обладал сравнительно слабыми флотами, и только Франция, да периодами Россия имели сильные флоты, Англия могла абсолютно господствовать на морях, придерживаясь “двухдержавного стандарта”. Но когда Германия, Соединенные Штаты, Япония, Италия и Австро-Венгрия решительно пошли по пути создания внушительных морских сил, Англии оставалось только одно – понять невозможность дальнейшего абсолютного господства на морях, на чем базировалась ее система “блистательной изоляции” и примкнуть к тем державам или группам держав, союз с которыми был более естествен и обоюдовыгоден»¹⁸.

Русская военная пресса неоднократно публиковала прогнозы будущей англо-германской войны. Уже летом 1906 г. в «Морском сборнике» был опубликован отчет о маневрах английского флота: «Между сильнейшей морской державой (“красной”) возникла война с другим, хотя более слабым, но могучим морским государством (“синим”). При подобных обстоятельствах очевидно, что командующий “красным” флотом будет стремиться настигнуть и уничтожить “синий” флот; также очевидно, что командующий “синим” флотом будет избегать генерального сражения, стараясь бить “красный” флот по

частям, пользуясь различными благоприятными обстоятельствами. Из всех стратегических приемов, которые он применит для желательного ему раздробления “красного” флота, наиболее действительным явится нападение на морскую торговлю “красной” державы. Выбирая этот прием, командующий “синим” флотом не будет рассчитывать только на тот вред, который он сможет причинить “красной” торговле: он, главным образом, примет во внимание ту панику, которую вызовут его действия в “красной” державе, ибо последняя целиком зависит от своей морской торговли. Общественное мнение заставит командующего “красным” флотом разделить свои силы вопреки стратегическим принципам». Задачей маневров было «расследование действительных размеров опасности для морской торговли при данных обстоятельствах и выработка вернейших способов ее защиты при непрременном, однако, условии не упускать из виду главной цели, т.е. настижение “синего” флота»¹⁹. «Красной» территорией была объявлена Англия, «синей» – Шотландия и Ирландия. Учения показали безуспешность усилий «синих»: их крейсера были уничтожены.

Но уже в 1908 г., в уже цитированной французской брошюре «Англия и Германия на морях» пророчески говорилось: «Ключ к будущей германской тактике дан кредитами, ассигнованными на подводные лодки: 5 миллионов марок в 1907 г., 7 миллионов в 1908 г., 10 миллионов в 1909 г. и 15 миллионов ежегодно, начиная с 1910 г. Германский флот может иметь их 60 готовыми к действию в 1915 г. (в действительности к началу войны Германия имела лишь 20 субмарин. – А. Ч.). Их роль будет, конечно, состоять в том, чтобы выйти из германских гаваней, как только война будет объявлена и атаковать неприятельские броненосцы на английском побережье. Несколько удачных попаданий минами установили бы равновесие, и германские броненосцы могли бы тогда идти оспаривать у английской эскадры владычество на море»²⁰. По мнению французского автора, «Англия не будет ждать, чтобы Германия закончила свое вооружение. Немного раньше, немного позже, но она перейдет в грозное наступление и сделает это неожиданно, без объявления войны»²¹.

В цитированной выше германской брошюре «Военно-морская политика Германии», напротив, говорилось: «Естественно, что Англия могла бы легко закрыть Канал и часть моря между Шотландией и Норвегией и, таким образом, остановить морскую торговлю Германии блокадой Северного моря. Денежная потеря Германии от этого была бы громадна; но нужды ее населения могли бы очень долгое время обслуживаться и удовлетворяться внутренним рынком и континентальными водными путями. Берега же наши могли бы быть сделаны недоступными установкой множества мин в помощь надводным и подводным миноносцам. Благодаря такой защите наш мореходный флот сохранился бы в целости в ожидании более благоприятного для него случая. Такая война была бы очень продолжительной»²².

Летом 1911 г. в «Морском сборнике» была опубликована статья датского офицера «Морская стратегия в войне между Англией и Германией». Характеризуя предполагаемый театр военных действий, датский автор писал: «Рассматривая сначала условия Северного моря, находим, что германские берега образуют там прямой угол, вершина которого находится в Гельголандской бухте»²³; «Крейсера, которым будет удаваться проскальзывать незамеченными мимо блокирующих судов, хотя бы в темные ночи <...> будут открыты и достигнуты неприятелем прежде, чем попадут в океан и, следовательно, прежде, чем будут в состоянии нанести какой-либо вред английской торговле. Выходы германской броненосной эскадры будут замечены раньше, чем она успеет далеко уйти в Северное море»²⁴; «Переходя теперь к Балтийскому морю, находим в западной его части очень важный порт Киль, а в восточной Данцигское адмиралтейство. Из Килия в Северное море, а затем в океан можно попадать не только через канал императора Вильгельма, но и через датские проливы. <...> Пока Дания будет оставаться нейтральной, этими водами легко может владеть германский флот»²⁵; «Как только Скагеррак будет пройден, до океана остается сравнительно небольшое уже расстояние, и плавание значительно упрощается. Скагеррак может называться воротами в океан, и плавание здесь более прямое и менее

опасное, чем плавание по Гельголандской бухте. По той же причине Скагеррак более, чем Гельголандская бухта доступен для прорывов блокады и набегов в Северное море»²⁶.

Датский автор писал: «Начнем войну с конца 1914 года»²⁷. По его мнению, на тот момент соотношение сил английского и германского флотов будет 2: 1, а соотношение по численности дредноутов будет 3: 1 (в действительности к началу войны Англия имела 20 дредноутов, Германия – 14). Автор анализирует три возможных варианта будущей войны.

В первом варианте война между Англией и Германией происходит без участия других держав. «Война, в сущности, обратится в блокаду германских портов со стороны англичан. Целью блокады были бы следующие задачи: 1) стеречь и доносить обо всех движениях германского флота и стараться довести его до боя; 2) препятствовать истребителям коммерческих судов выходить в море; 3) закрыть всякие торговые сношения между иностранными и германскими портами»²⁸. По мнению автора, «невероятно, чтобы немцы решились в начале войны вступать в решительный бой по причине подавляющего превосходства сил англичан»²⁹. Действительно, германское командование решилось на генеральное морское сражение лишь в конце второго года войны, в мае 1916 г.

Что же касается действий германского флота на морских коммуникациях, то «германские крейсера будут через Скагеррак с успехом попадать в океан и делать захваты на английских торговых путях, хотя следует не забывать, что в наше время, когда существует беспроволочное телеграфирование, такие суда как не имеющие базы за пределами Германии будут всегда находиться в очень опасном положении»³⁰; «Подводные лодки могли бы, пожалуй, во всякое время прорывать блокадные линии, но будут иметь мало шансов на успех в открытом море против английских судов, которые будут все время двигаться с большой, безопасной для себя скоростью. Плавание лодок к английским берегам будет, конечно, часто претерпевать неудачу»³¹.

Несостоятельность такого прогноза очевидна: крейсерская война Германии уже к 1915 г. окончилась полным фиаско, в то

время как германские подводные лодки с самого начала войны весьма успешно действовали и против боевых кораблей английского флота, и против торгового судоходства в Атлантике. Маленькие подводные лодки потопили во много раз больше торговых кораблей, чем грозные крейсера!

По мнению автора прогноза, прорывы блокады приведут к тому, что Англия попытается овладеть базой в датских водах, нарушив нейтралитет Дании. Датская армия слаба, оборона затрудняется тем, что территория страны делится проливами на части. Сопротивление Дании невелико для великой державы, взятие Копенгагена будет вопросом времени. В ответ германская армия займет Ютландию. Англичане в результате станут обладателями Северного и Балтийского морей и поведут блокаду всего германского побережья.

Этот прогноз также оказался ошибочным: Дания оставалась нейтральной на всем протяжении Первой мировой войны.

«Если война не будет приведена к раннему окончанию давлением других государств или какими-либо внутренними или колониальными затруднениями, то весьма возможно, что она продлится довольно долго. <...> Финал войны будет, поэтому зависеть от того, которое из двух государств раньше истощится экономически»³².

Во втором варианте Англия будет воевать в союзе с Францией. «Положение в Северном мире и в Балтике в данном случае изменится только в том смысле, что относительная слабость Германии будет выглядеть более рельефно. Главный исход войны закончился бы на континенте. <...> Если Германия окажется победительницей, то она завладеет французскими портами Английского канала, но пока союзники владели бы морем, Германия была бы не в состоянии вторгнуться в Англию, как и Наполеон»³³.

Как нетрудно заметить, данный прогноз адекватен не Первой, а начальному этапу Второй мировой войны (1939–1941 гг.).

Третий вариант – большая европейская война: «Новый Тройственный союз – Англия, Франция и Россия – будет в войне с двумя государствами старого, Германией и Австрией, в то

время как Италия находилась бы в выжидательном положении. Исход войны был бы также решен не иначе, как на берегу»³⁴.

Летом 1913 г., когда в Англии активно обсуждалась идея Черчилля о превосходстве над германским флотом на 60%, «Морской сборник» опубликовал следующие аргументы критиков Черчилля: «В будущей сухопутной войне на западе Европы громадную роль должна играть так называемая интервенция британского десанта для противодействия северному движению германских войск, наступающих на французскую территорию со стороны Бельгии»³⁵; «Англия может посадить на транспорты свои дивизии и перебросить через канал не иначе, как предварительно обеспечив движение своих войск по морю от нападения германского флота. Безопасность военных транспортов может быть достигнута или уничтожением Флота Открытого моря, или же парализованием его блокадой непосредственно самого побережья. Внезапное нападение английского флота на немецкий среди мира, разумеется, вполне возможно и вероятно. Здесь нет, вероятно, такого наивного ума, который сомневался бы в том, что европейская война начнется именно с вероломного нападения одного флота на другой. Ждать объявления войны, конечно, никто не станет. <...> Невозможно только предвидеть обстановку и величину результатов такого нападения. Что касается блокады британским флотом немецкого побережья, то непосредственная она вряд ли осуществима. Дальняя блокада, то есть блокада в канале и на водном пространстве между Шотландией и Норвегией, конечно, возможна и будет осуществлена, но она оставляет за немецким флотом некоторую свободу действий и не обеспечивает перевозки британского десанта на континент»³⁶.

Такой прогноз, несомненно, был порожден русско-японской войной 1904–1905 гг., которая началась внезапным нападением японского флота на русский. Он, однако, оказался ошибочным – в начале Первой мировой войны не было никаких внезапных атак военно-морских баз. Прогноз оказался ошибочным и в другом отношении – в августе 1914 г. английский экспедиционный корпус переправился во Францию, не встретив никакого противодействия со стороны германского флота.

-
- ¹ Морской сборник. 1908. № 6. С. 87.
  - ² Там же. С. 90.
  - ³ Там же. 1910. № 5. С. 125.
  - ⁴ Там же. С. 127–128.
  - ⁵ Там же. С. 129.
  - ⁶ Там же. 1913. № 3. С. 251.
  - ⁷ Там же. 1908. № 6. С. 82.
  - ⁸ Там же. С. 83–84.
  - ⁹ Там же. С. 96.
  - ¹⁰ Там же. 1912. № 5. С. 43.
  - ¹¹ Там же. 1914. № 1. С. 133.
  - ¹² Там же. С. 150.
  - ¹³ Там же. 1909. № 7. С. 48.
  - ¹⁴ Там же. 1910. № 4. С. 122.
  - ¹⁵ Там же. 1912. № 5. С. 35.
  - ¹⁶ Там же. № 12. С. 112–113.
  - ¹⁷ Там же. 1913. № 4. С. 218–219.
  - ¹⁸ Там же. 1914. № 1. С. 131–132.
  - ¹⁹ Там же. 1906. № 7. С. 51–52.
  - ²⁰ Там же. 1908. № 6. С. 91–92.
  - ²¹ Там же. С. 96.
  - ²² Там же. 1910. № 4. С. 152.
  - ²³ Там же. 1911. № 7. С. 75.
  - ²⁴ Там же. С. 79.
  - ²⁵ Там же. С. 80.
  - ²⁶ Там же. С. 81.
  - ²⁷ Там же. № 8. С. 21.
  - ²⁸ Там же. С. 21–22.
  - ²⁹ Там же. С. 23.
  - ³⁰ Там же. С. 25.
  - ³¹ Там же. С. 23.
  - ³² Там же. С. 32–33.
  - ³³ Там же. С. 38.
  - ³⁴ Там же. С. 38–39.
  - ³⁵ Там же. 1913. № 6. С. 153–154.
  - ³⁶ Там же. С. 155–156.

**О Франции из Франции
(образ союзника в годы Первой мировой
войны глазами М. Волошина)**

Франция занимала особое место в жизни художественной интеллигенции Серебряного века. Именно эта страна стала в начале XX в. культурной Меккой для художников, литераторов, актеров, а Париж был своеобразным мостом в диалоге русской и западноевропейской культур. Здесь традиционно существовала большая русская колония деятелей литературы и искусства. Первая мировая война ограничила возможности традиционных поездок в Европу, поэтому жившие там писатели и художники оказались источником информации о европейских делах. Некоторые из них в годы войны начали сотрудничать с российскими периодическими изданиями. В этот период в Париже жили К. Бальмонт, М. Волошин, И. Эренбург, О. Цадкин, Д. Стеллецкий, Н. Гончарова, М. Ларионов, В. Аргутинский, Б. Савинков и др.

Максимилиан Волошин приехал в Париж в январе 1915 г. и пробыл там с временными отъездами до мая 1916 г. Он прибыл во Францию из Швейцарии, где участвовал в строительстве антропософского храма в Дорнахе. Позднее в статье «Адские войны» (1915 г.) он отмечал разницу восприятия войны в нейтральной стране и в воюющей: «Те, кого война настигла не на земле одной из воюющих держав, а в областях смежных, куда приходили осведомления одновременно с обеих сторон; те, кто не были брошены сразу ни на одну чашу весов, а стояли на самом коромысле, где ходит и вздрагивает указующая стрелка, — те не могли не быть поражены однообразием взаимных обвинений и самооправданий, выдвигающихся с обеих сторон... Выбор был делом личного пристрастия, так как сообщаемые факты были те же и подставлялись только иные имена... Когда из Швейцарии приехал в Париж — с коромысла весов упал на

одну из чашек, тогда все стало сразу бесспорно и ясно... И враги и друзья стали конкретными величинами»¹.

Свою позицию по отношению к войне он характеризовал в стихотворении «Пролог» (1915 г.) так: «Один среди враждебных ратей / Не их, не ваш, ни свой, ничей – / Я голос внутренних ключей, / Я семя будущих зачатий»². Позицию поэта можно назвать личным пацифизмом. Он не был против этой войны, но возражал против своего участия в ней: «Когда происходит битва на земле, надо, чтобы кто-то стоял в келье на коленях и молился за всех враждующих: и за врагов, и за братьев. В эпохи всеобщего ожесточения и вражды надо, чтобы оставались те, кто может противиться чувству мести и ненависти и заклинать благословением обезумевшую действительность»³. Следуя христианским принципам общежития, М.А. Волошин отказался от военной службы. В письме к военному министру В.А. Сухомлинову (до конца не ясно, было ли оно отправлено) он писал: «Я отказываюсь быть солдатом, как европеец, как художник, как поэт: как европеец, несущий в себе сознание единства и неразделимости христианской культуры, я не могу принять участие в братоубийственной войне, каковы бы ни были ее причины. Ответственен не тот, кто начинает, а тот, кто продолжает. Наивным же формулам, что это война за уничтожение войны, я не верю. Как художник, работа которого есть созидание форм, я не могу принять участие в деле разрушения форм – и, в том числе, самой совершенной – храма человеческого тела. Как поэт, я не имею права поднимать меч, раз мне дано Слово, и принимать участие в раздоре, раз мой долг – понимание. Тот, кто убежден, что лучше быть убитым, чем убивать, и что лучше быть побежденным, чем победителем, так как поражение на физическом плане есть победа на духовном, – не может быть солдатом»⁴.

Первую мировую войну он оценивал как данность и рассматривал ее, как и большинство деятелей литературы и искусства, через призму столкновения культур. Главную причину войны М. Волошин видел в подчинении власти машинной культуры. По его мнению, «корень всего этого лежит в сознании своего культурного превосходства и в том моральном оди-

чании, которое ведут за собой современная промышленность (как можно больше дешевых товаров), торговля (завоевание рынков – покупай или убью!) и политика (право сильного, институт компенсаций)»⁵. Уже в начале войны он не сомневался, что Германия будет побеждена, но в отличие от «патриотов» считал, что от поражения она только выиграет, так как начнется ее огромное моральное оздоровление. Современную войну не оценивал ни как национальную, ни как освободительную. Он считал, что надо не судить, кто прав, кто виноват, а понять, исчислить, анатомировать, расчленить те силы, которые составляют войну, надо одолеть не противника, а саму войну. В этом М. Волошин главную роль отводил славянству: «И Англия, и Франция со своим государственным строем не могут пойти против демонов. Одно славянство несет в себе силы, которые смогут перебороть соблазн машинной и технической культуры. Центром славян, объединяющих их в мировую силу, должен стать Константинополь. Единственное желание, которое у меня есть в этой войне, – это то, чтобы Константинополь стал русским... В Константинополе я вижу, прежде всего, религиозный центр для России – именно таким вижу моральное кипение, из которого выплывет нравственный лик славянства»⁶.

По приезду в Париж М. Волошин поселился у Бальмонтов, много работал в Национальной библиотеке, в Академии Коларосси⁷. В этот период он сблизился с четой Цетлиных, в доме которых бывали Д. Ривера, П. Пикассо, Ж. Брак, Н. Гончарова, М. Ларионов, А. Бурдель, Э. Верхарн, Р. Рильке, И. Эренбург, Б. Савинков и др.

С мая 1915 г. благодаря протекции А. Чеботаревской Максимилиан Волошин получил предложение писать в газету «Биржевые ведомости». Основную задачу своих публикаций для российской прессы поэт видел в освещении событий и проблем воюющей Франции. 15 мая появились первые корреспонденции цикла «Париж и война»: «Поколение 1914 г.» (15 мая), «Литература в 1915 г.» (18 июня), «Жертвы» (26 июня). Все они были проникнуты болью за гибнущих на фронте французских литераторов. В июле того же года поэт переехал в Биарриц на виллу Цетлиных, но уже в ноябре вернулся в Па-

риж. В статьях «Reprise des affaires» («Оживление в делах»), «Последний смотр», «Цеппелины над Парижем» и «Русский балет во время войны» автор дал очерк Парижа на второй год войны, когда она стала принимать характер бытового явления. Уже в России 5 мая 1916 г. он опубликовал в «Биржевых ведомостях» статью «Франция и война», в «Речи» – статью о Шарле Пеги. 7 октября в «Речи» была опубликована статья «Илья Эренбург – поэт».

Взгляд М. Волошина на Францию и на Париж – это взгляд сугубо гражданского человека, он не был на фронте, но находился в непосредственной близости – немецкие траншеи проходили в 80 километрах от Парижа. Составляющими образа Франции для него были: военный Париж, французы, их менталитет, французское государство и общество, литература и искусство.

Цикл публикаций назывался «Париж и война», поэтому Парижу отводилось в них ведущее место. М. Волошин любил этот город и много писал о нем. В письме к матери он объяснял отказ уехать: «Мне не хотелось бы покидать Париж до конца войны. Здесь мое... Здесь то, что могло – и еще может погибнуть от немцев безвозвратно... Хочу остаться здесь долго, что бы то ни было»⁸. В стихотворении «Парижу» (1915 г.) он писал: «Но никогда сквозь жизни перемены / Такой пронзенной не любил тоской / Я каждый камень вещей мостовой / И каждый дом на набережной Сены»⁹.

Его впечатления о военном Париже были противоречивыми. С одной стороны, он отмечал происшедшие внешние изменения. «Почти все музеи и многие театры закрыты; нередко магазины с аншлагом: “персонал мобилизован”. Уже в 9 часов вечера прекращается трамвайное движение, гасятся уличные фонари, плотно закрываются – в ожидании немецких цеппелинов – ставни... Однако Париж не только траурен, но и праздничен. На всех домах висят флаги – полинялые, обтрепанные, имеющие вид трофеев. По улицам ходят группы артистов закрытых театров и кафешантенгов – и пьют на перекрестках, собирая деньги в пользу разных касс...»¹⁰. С другой стороны, по его мнению, особенностью этого города является неизмен-

ность: «в самые сложные периоды своей истории Париж всегда оставался самим собой: в то время как в узких переулках строились баррикады, рядом на бульварах в кафе люди, как всегда, читали газеты и спорили о политике... Ни при каких обстоятельствах не отрекался он от своих неотъемлемых привилегий: скептической иронии, свободы остроумия, блеска чувства и ума»¹¹. В стихотворении «Париж в январе 1915 г.» (1915 г.) он писал: «Все тот же он во дни войны, / В часы тревог, в минуты боли...»¹².

М. Волошин писал не только о внешних изменениях, но и о внутренних. В статье «Адские войны» (1915 г.) он заметил, что «Париж перестал быть Парижем, все росло, чувствовалось, что Париж вобрал в себя не только огни, улыбки, радость, оживление, остроумие, привычный скептицизм, все пьянящее и возбуждающее: от него ушло нечто еще более важное. Он перестал быть солнечным сплетением Франции, срединным чувствилищем Европы. И важно, что произошло это не вынужденно, не в силу непреодолимых обстоятельств, а сознательно, добровольным самоотречением от своих исторических прерогатив на время этой войны... Париж положил на себя две дисциплины: доверие и терпение, противостоящее всему его складу. Чтобы дать армии всю полноту и свободу действий, он отказался от права мыслить, критиковать, жить. Поэтому он весь сжат в себе, как рука, сжатая от боли. В другой области организма происходит страшная нестерпимо мучительная операция. Чтобы сдержать подступающий крик и судорогу, пальцы руки сжаты, впились друг в друга ногтями, побелели от напряжения, но неподвижны»¹³.

По статьям Максимилиана Александровича можно проследить динамику адаптации Парижа к войне. Из его наблюдений: «после нескольких судорожных движений в августе, после произвольного жеста ужаса в сентябре, когда он неожиданно увидел Вильгельма у ворот, он быстро овладел собой, принял определенное решение и с тех пор не переменялся ни в чем»¹⁴, и «он пропустил сквозь себя несколько потоков беженцев, несколько сот тысяч солдат перед марнскими боями, не ложился спать несколько ночей, ожидая услышать топот немецкой ка-

валерии, затем стих и привык к мысли, что немцы в 80 километрах»¹⁵ – можно предположить, что на первую стадию адаптации – «осознание войны как свершившегося факта» – понадобилось примерно два месяца.

Адаптация осени – зимы 1915 г. – это «подстраивание под войну», признаками которого были замечаемые поэтом пустота, тишина, провинциальность, притушенность света, поредевшая толпа¹⁶.

Следующей стадией стало «привыкание». Весной 1915 г. он обратил внимание на изменение в настроении города: улицы стали намноголюднее, лица оживленнее, костюмы пестрее, театры постепенно открывались¹⁷. Это было естественное стремление жителей города вернуться к привычной жизни даже в этих тяжелых условиях.

Можно выделить еще одну стадию – «вытеснение войны». Она характеризовалась усталостью и желанием отвлечения от суровой действительности. Судя по наблюдениям автора публикаций, эта стадия наступила в 1916 г. Именно в статьях 1916 г. М. Волошин констатировал, что люди привыкли настолько, что перестали бояться. В статье «Цеппелины над Парижем» (1916 г.) он сравнивал реакцию горожан на налеты в 1915 г. и в 1916 г.: «Прошлой весной их ожидание вызывало еще некоторое беспокойство... На этот раз никто не хотел уходить в подвалы... а все кинулись на балконы, на крыши, на улицы: смотреть... Их появление не произвело особенной тревоги... Полнозвездная ночь весеннего равноденствия, созвездия, служившие фоном для воздушной битвы, разрывы осветительных бомб – все это давало скорее впечатление фейерверка, ночного празднества, нежели опасности и ужаса»¹⁸.

В статье «Русский балет во время войны» (1916 г.) Максимилиан Александрович рассуждал о феномене национального траура, который имеет пределы: «Когда война тянется годы, когда фабрика войны превращает смерть в ходовой рыночный товар, замедленный жест отчаяния превращается в застывшую театральную позу... Увы, народный траур, который длится слишком долго, становится лицемерием»¹⁹. За полтора года войны глаз изголодался по краскам, по картинам, по музеям, по

декорациям, по пышности и полноте жизни. Ему опостытели все эти нейтральные и защитные тона, от буро-песочного хаки до пепельного серо-голубого²⁰. Поэтому парижане пошли на спектакль С. Дягилева, оправдывая себя тем, что спектакль был объявлен в пользу Красного Креста. Автор называл такое поведение лавированием между национальным трауром и неискоренимой радостью жизни²¹.

Другой составляющей «французской темы» стали французы. Особенно большое внимание М. Волошин уделял молодому поколению, юношам 21–30 лет. Его потрясли цифры убитых и раненых поэтов и писателей, публиковавшиеся в периодическом издании «Bulletin descrivains». «В майском списке их было 95, в июньском – 105, кроме того 240 убитых учеников Ecole Normale, Ecole des Beaux Arts, Ecole des Chartes et Ecole Polytechnique. Из университетских кругов убито 1800»²². Любая война сопряжена с людскими потерями, но Максимилиан Александрович видел в этих цифрах символический смысл. Смерть молодых людей – это истощение физических и духовных сил Франции. Когда он начал анализировать это молодое поколение французов, то обнаружил, что многие современники еще до войны неоднократно указывали на его уникальность: «Около 12–13 года Агатон находил, что в молодежи совершается что-то новое, “мужественность и энергия тех, кто вступает теперь в жизнь, поражает их старших”, “молодое поколение поражает оптимизмом, жизнеспособностью, вкусом к действию”... Бергсон отмечал серьезность, с которой юноши теперь относятся к жизни, отсутствие пессимизма, мужественность, осознание своих поступков, своей ответственности за них»²³. Учителями этого поколения М. Волошин считал М. Барреса, Ш. Пегу, А. Сюареса, Р. Ролана. В мировоззрении молодых людей он видел уклон к католичеству, консервативные и монархические традиции²⁴. Среди них не было разговоров об отыгрыше, не было желания войны: была молчаливая решимость и готовность. «Франция, как бы бессознательно готовясь к удару, выплавилась поколение, проникнутое до глубины волевыми импульсами и культом исторических устоев Франции, сочетавшее католичество с любовью к спорту, роялизм со вку-

сом и деловой практичностью»²⁵. «История теперь показала, что Франции было необходимо это поколение... для того, чтобы, застигнутая врасплох, благодаря недалёковидности правящих, разбитая наголову при Шарлеруа, стоящая уже, казалось, на краю окончательной гибели, Франция судорожным движением спинного хребта вывернулась, как кошка, и стала сразу на все четыре лапы»²⁶. Это было будущее Франции, которое погибло в первые месяцы войны.

Наблюдения за Францией и французами во время войны привели М. Волошина к общим оценкам французского государства и общества. Он указывал на консерватизм политической и социальной организации Франции. «Это страна порядка и все в ней приносится в жертву букве закона. В смысле бюрократического педантизма ни одна страна не может сравниться с Францией»²⁷.

Это обстоятельство повлияло, по его мнению, на менталитет французов. «Раз установленный закон блюдетсЯ до полной потери смысла, пока не приходит революция и не вышвыривает его за борт вместе с блюстителями. Потому что революция, как и традиция, является нормальным выявлением французского духа. Они не исправляют друг друга. Они сосуществуют»²⁸. Важную роль в формировании национального характера он отводил католичеству. «В духовной жизни Франции католичество – это живая преемственность исторических традиций нации, это прекрасная дисциплина ума. Оно шлифует, дает гибкость, выявляет именно французские достоинства: ясность, верность, четкость формулировки»²⁹. Эти общие замечания были необходимы М. Волошину для понимания настроений французов во время войны.

Чтобы сделать их более понятными российскому читателю, он использовал прием сравнения Франции и России. В статье «Франция и война» (1916 г.), он отметил принципиально разное внутреннее восприятие войны в этих странах. Для Франции (и Запада в целом) вопрос шел о жизни и смерти народов, о существовании и конечном исчезновении государств, в России – как об одном эпизоде военной истории, который даже при самом неблагоприятном исходе не грозил государственно-

му существованию; для Запада война – страшный суд надо всей европейской культурой в целом, в России война – тема для апокалиптических умонастроений, но на суде она не будет осуждена³⁰. Он считал, что русское общественное мнение гораздо более терпимо к индивидуальным взглядам на войну, в нем нет желания «поголовного истребления всей германской расы»³¹. Русская военная цензура менее жесткая, чем французская, которая не только ограничивала, но устанавливала тон и меру того, как следует мыслить³². Пространственно Париж находился в непосредственной близости к театру военных действий, противники сражались оружием равным, мерилom которого являлась скорость³³, в России война была не так близко, «сила же России в том, что напряженным скоростям Германии противопоставляются стихийные силы инертности: будь то пространства, распутицы, болота, бездорожье, беспечность»³⁴.

Хотя М. Волошин не указывал на сходство в восприятии войны российским и французским обществом, в приводимых примерах можно его увидеть. Так, он обратил внимание на консолидацию французского общества под влиянием войны: «Война против войны – стало общим лозунгом Франции...»³⁵. Более того, он отмечал единение общества и государства. Например, он указывал, что официальная цензура, исходившая от государства, поддерживалась добровольческой, исходившей от общества. Последнюю он видел в «эпидемии доносов»: «в каждое депо, в каждый комиссариат поступает ежедневно не менее пятисот доносов»³⁶. Консолидация общества и его единение с властью имели место и в России в 1914 г., правда, к 1916 г., когда была опубликована статья «Франция и война», этого уже не было.

Если французское общество было симпатично М. Волошину, то французское государство подвергалось им резкой критике. Он обвинял его в бессмысленной трате духовных сил: «в первые же дни войны она (Франция. – *И.К.*) кинула в плавильный горн все свои духовные и интеллектуальные силы, она положила на полях сражений весь цвет молодого поколения»³⁷. В России, отмечал он, такие явления невозможны. Приводимый в качестве доказательства факт о том, как начальствующий от-

правил прибывшего на театр военных действий оперного певца в тыл, потому что в траншее он простудит себе горло, неубедителен и, если и имел место быть, то, как исключение, а не как правило. Подобные рассуждения, видимо, были связаны, в первую очередь, с соображениями цензуры. В вопросах мобилизации Россия и Франция были во многом схожи.

Сходство можно увидеть и в указании на проявление особенностей национального характера французов в годы войны. Например, М. Волошин указывал на инициативность французов, отмечая, что до войны им принадлежали все первые идеи новых военных изобретений. «Но, страна опытов, она предоставила другим разработку и практическое применение ее мыслей»³⁸. Умение рисковать, разрешать задачу неразрешимую, где нужно мастерство, доведенное до совершенства³⁹, также можно считать общей чертой. «И вот, в то время, когда немцы находятся всего в нескольких верстах от Парижа, Франция делает такой неожиданный вольт, что все течение войны и даже способы ее ведения сразу меняются. Один из секретов марнской победы в том, что Жоффри в течение трех дней израсходовал все артиллерийские запасы, заготовленные за много лет в предвидении Великой Европейской войны. После Марны французы оказались в таком же положении как русские на Карпатах: у них не оставалось ни одного снаряда. Но немцы были разбиты»⁴⁰.

Еще одной составляющей «французской темы» был анализ современного положения французской литературы и искусства. Важно помнить, что М. Волошин был художником и поэтом, поэтому был лично знаком со многими французскими художниками, скульпторами и литераторами. Этот факт придавал убедительности его оценкам, а также вызывал у читателей большее доверие. Максимилиан Александрович проанализировал как общее положение дел в художественной сфере, так и судьбы отдельных ее представителей. К сожалению, как правило, поводом для статей служили известия о смерти последних.

Как уже указывалось выше, статьи «Поколение 1914 г.», «Литература 1915 г.», «Маленькие недосмотры», «Последний смотр» были посвящены гибели писателей и художников на

полях сражений. Автор делал неутешительный вывод, что Париж отказался от литературы: «Правда есть газеты. С января даже выходят многие журналы. Но ни в тех, ни в других литературы нет... Несколько известных писателей, как Баррес, Поль Адан, Рони – старший, приняли на себя литературно неблагоприятную задачу поддерживать бодрое гражданское расположение духа и делают это в передовых статьях, проникнутых обязательным оптимизмом. Но это не литература»⁴¹. Все же, что пока пишется о войне в прозе и стихах, по его мнению, – это еще не настоящая поэзия, не художественная литература⁴².

Но больше М. Волошина пугало не настоящее, а будущее французской литературы, так как на его глазах гибло то поколение, которое достигло бы своей литературной зрелости и известности лишь к 30-м годам XX в.

Трагизм положения состоял и в том, что уходило (в прямом смысле) и прошлое французской литературы. В статье «Последний смотр» (1916 г.) Максимилиан Александрович рассказал о своих впечатлениях о фильме Саши Гитри «Ceux de chez nous» («Те из нас»). Режиссер объехал известных французских художников и писателей и снял их в домашней обстановке и за работой. Свое впечатление М. Волошин назвал потрясением от увиденного. А. Франс, О. Мирбо, К. Моне, О. Роден, П. Ренуар, Э. Дега, Э. Ростан и С. Бернар – представители века искусства, предшествовавшего Великой войне. Все герои фильма уже были в преклонном возрасте. «Трагизм этого последнего смотра был в том, что они уже не современники, что они уже прошлое»⁴³. «В то время, как смерть косит молодое поколение ее на фронте, старики не могут пережить духовной пустоты, созданной войной... С начала войны умерли: Жюль Леметр, граф де Мен, Поль Эрвье, Реми де Гурмон, “Гомер насекомых” – Фабр и поэт Стюарт Мерилль. Они умерли не на войне, но из-за войны. Благодаря войне». Таким образом, М. Волошин показал безнадежное положение французской литературы: в настоящем ее нет, представители ее славного прошлого уходили из жизни, а будущего – погибали на фронте. Он с болью говорил о странном зрелище умирающей Франции⁴⁴. Этот же тра-

гизм сквозил и в статьях, посвященных отдельным художникам и писателям: «Шарль Пеги», «Шармуа», «Одилон Редон», «Верхарн».

Рассмотрев образ Франции в годы Первой мировой войны глазами поэта и художника М. Волошина, можно сделать некоторые выводы. Целью публикаций этого цикла было ознакомление соотечественников с жизнью военной Франции. Статьи были ориентированы на образованных читателей, в основном, на художественную интеллигенцию, знавшую упоминаемые имена и разбирающуюся в современной литературе и в искусстве. Для автора этот цикл стал возможностью публично высказаться по злободневным вопросам, изложить свою позицию (даже в рамках цензурных ограничений). По замечаниям и наблюдениям, высказанным М. Волошиным в статьях, можно реконструировать жизнь Франции и французов в годы войны.

Представленный образ Франции вызывает интерес по нескольким причинам. Во-первых, его автор был очевидцем, а иногда и участником событий. О настроениях во французском обществе, разговорах в интеллектуальной среде он знал из первых уст. Во-вторых, находясь во Франции, М. Волошин не испытывал того воздействия официальной пропаганды, как находившиеся в России журналисты. И хотя он должен был следовать цензурным правилам, тем не менее, его положение давало ему возможность большей беспристрастности в освещении событий. В-третьих, автор был сам поэтом и художником, поэтому предлагаемый им образ Франции высоко художественен. Все это позволяет рассматривать публикации М. Волошина как ценный источник для изучения проблемы восприятия Франции представителями российской художественной интеллигенции в годы Первой мировой войны.

---

¹ *Волошин М.* Адские войны // *Волошин М.* «Парижа я люблю осенний, строгий плен...». М., 2008. С. 512.

² *Его же.* Пролог // Там же. С. 112.

³ Цит. по: *Кутченко В.* Странствие Максимилиана Волошина. СПб., 1997. С. 212.

⁴ Там же. С. 225.

⁵ Там же. С. 200.

⁶ Там же. С. 206.

- ⁷ *Волошин М.* Мое последнее пребывание в Париже (1915–1916) // *Волошин М.* «Парижа я люблю осенний, строгий плен...». М., 2008. С. 429.
- ⁸ Цит. по: *Купченко В.* Указ. соч. С. 205.
- ⁹ *Волошин М.* Парижу // *Волошин М.* «Парижа я люблю осенний, строгий плен...». М., 2008. С. 123.
- ¹⁰ Цит. по: *Купченко В.* Указ. соч. С. 199.
- ¹¹ *Волошин М.* Литература 1915 г. // *Волошин М.* «Парижа я люблю осенний, строгий плен...». М., 2008. С. 496.
- ¹² *Его же.* Париж в январе // Там же. С. 118.
- ¹³ *Его же.* Литература 1915 г. // Там же. С. 497.
- ¹⁴ Там же. С. 496.
- ¹⁵ Там же. С. 496–497.
- ¹⁶ Там же. С. 497.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ *Волошин М.* Цепелины над Парижем // *Волошин М.* «Парижа я люблю осенний, строгий плен...». М., 2008. С. 520.
- ¹⁹ *Его же.* Русский балет во время войны // Там же. С. 523.
- ²⁰ Там же. С. 524.
- ²¹ *Волошин М.* Последний смотр // *Волошин М.* «Парижа я люблю осенний, строгий плен...». М., 2008. С. 562.
- ²² *Его же.* Жертвы войны // Там же. С. 502.
- ²³ *Его же.* Поколение 1914 г. // Там же. С. 492.
- ²⁴ Там же. С. 492–493.
- ²⁵ *Волошин М.* Шарль Пегу // *Волошин М.* «Парижа я люблю осенний, строгий плен...». М., 2008. С. 527.
- ²⁶ *Его же.* Поколение 1914 г. // Там же. С. 495.
- ²⁷ *Его же.* Франция и война // Там же. С. 569.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ *Волошин М.* Поколение 1914 г. // *Волошин М.* «Парижа я люблю осенний, строгий плен...». М., 2008. С. 494.
- ³⁰ *Его же.* Франция и война. С. 566.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же.
- ³³ Там же. С. 567.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ *Волошин М.* Адские войны. С. 513.
- ³⁶ *Его же.* Франция и война. С. 566.
- ³⁷ Там же. С. 568.
- ³⁸ Там же. С. 571.
- ³⁹ Там же. С. 572.
- ⁴⁰ Там же. С. 572.
- ⁴¹ *Волошин М.* Литература 1915 г. С. 498.
- ⁴² *Его же.* Жертвы войны. С. 502.
- ⁴³ *Его же.* Последний смотр. С. 563.
- ⁴⁴ Там же. С. 565.

**«...Мы рисуем себе страхи
нашего технического отставания»:
оценки зарубежного танкостроения
руководством РККА в конце
1920-х – 1930-е годы**

«Зачастую из разного рода
непроверенных данных мы рисуем себе
страхи нашего технического отставания...».
*Из доклада начальника Военно-технического
управления РККА И.А. Халепского о поездке
в Северо-Американские Соединенные Штаты,
8 апреля 1929 г.*

В конце 1920-х годов военно-политическое руководство страны столкнулось с проблемой несоответствия уровня развития советской промышленности поставленным задачам технического перевооружения РККА. С этого времени восприятие достижений иностранных армий в строительстве танковых войск становится постоянным фактором развития бронетанковых вооружений РККА в 1930-е годы.

В 1926 г. была принята программа танкостроения, которая в документах часто обозначалась как программа «танкизации Красной армии». Планировалось в очень короткий срок создать многочисленные танковые войска. К концу 1933 г. Красная армия должна была получить 3385 танков и танкеток¹. Более того, развернувшееся к тому времени в стране движение по пересмотру в сторону увеличения планов первой пятилетки в полной мере затронуло и военных. В ноябре 1929 г. президиум ВСНХ поставил перед промышленностью задачу произвести к концу 1934 г. 5611 танков и танкеток².

Масштабность задачи создания современных танковых вооружений потребовала соответствующей перестройки управления. 3 ноября 1929 г. на заседании РВС было принято решение о формировании в составе центрального аппарата НКВМ самостоятельного Управления по механизации и моторизации (УММ) РККА, которое провело ревизию результатов работы и 25 ноября 1929 г. подготовило справку для СТО, сообщавшую о реальной «угрозе срыва организации механизированных войсковых соединений» Красной армии³.

Требовались кардинальные и неотложные меры по устранению этой угрозы. Специально созданная решением СТО комиссия по танко-тракторостроению под председательством наркома тяжпрома Г.К. Орджоникидзе предложила «немедленно изыскать способы закупки за границей последних образцов танков, причем, если невозможно произвести закупку целых танков, приобрести отдельные наиболее важные детали. Кроме того, установить постоянное изучение этих работ в буржуазных странах, закупая чертежи и снабжая последними техническими новостями наши конструкторские бюро. Привлечь, во что бы то ни стало, в КБ иностранных специалистов по танкостроению»⁴. Комиссия по танкостроению таким образом впервые тесно связала процесс создания бронетанковых вооружений в СССР с изучением оценкой и достижений в этой области за рубежом.

Среди самых срочных мер по преодолению кризиса советского танкостроения комиссия Орджоникидзе, а затем и Политбюро ВКП (б) постановили «командировать не позже 20 декабря 1929 г. за границу авторитетную комиссию из представителей ВСНХ и наркомата по военным и морским делам. На комиссию возложить задачи: а) выбор и закупку типов и образцов танков, в особенности, образцов среднего и большого танков; б) выяснение возможностей получения технической помощи и конструкторов. Комиссии закончить работу не позже 1 апреля 1930 г.»⁵.

В июне 1930 г. председатель комиссии И.А. Халепский представил отчет о результатах командировки, в котором оценил ее итоги весьма высоко, считая план покупки образцов выполненным⁶. На самом деле из 23 объектов удалось приобрести

лишь 11, из которых только три обеспечивались технической помощью. Самой большой закупкой стало приобретение в Англии 20 танкеток Карден-Ллойд, 15 танков «Виккерс 6 тонн» и 15 танков «Виккерс 12 тонн» и двух танков конструкции Дж.У. Кристи в США. Кроме того, был заимствован целый ряд конструкторских идей и решений, включая целые проекты. Большое влияние оказали результаты деятельности советско-германской школы в Казани («Кама») и специальной технической комиссии «ТЕКО» по обмену научно-технической информацией по танкостроению.

Но в действительности результаты этих технических заимствований во многом определили развитие советского танкостроения 1930-х годов. За весь предвоенный период это была самая массовая закупка иностранной техники. Более того, по ее итогам была отработана модель оценки и заимствования иностранного опыта, суть которой сводилась к сугубому и продуктивному утилитаризму, избегавшему слепого копирования.

Сам И.А. Халепский характеризовал это заимствование также прагматично.

«Собственные образцы при самых благоприятных условиях будут готовы только в ноябре [1930 г.]... не приостанавливая окончания образца отечественной танкетки, мы можем сейчас же поставить производство танкетки Викакса-Карден-Ллойд... Танк малый 6 тонн Викакса. В настоящее время наша промышленность... оканчивает проект рабочих чертежей малого танка Т-19... Для того, чтобы не провалиться в сроках изготовления, так и в самой конструкции отечественного танка, необходимо перестраховать себя имеющимся заграничным образцом, купленным у Викакса... При проектировании предусмотреть, чтобы та или другая система этого танка могла быть принята безболезненно к производству.

Если танк отечественного производства на деле оправдывает свою конструкцию и будет соответствовать системе вооружения, тогда малый танк Викакса... отпадает в точной его копировке, и мы используем отдельные агрегаты в усовершенствовании Т-19. Но если у нас с конструкцией отечественного производства обстановка будет неблагоприятная, то мы механически начнем ко-

пировать танк Виккерса, усовершенствуя его в процессе дальнейшего производства.

Танк «Мидиум» 12-тонный Виккерса. В настоящее время со средним танком с точки зрения отечественного производства, положение обстоит наиболее катастрофически. До сих пор опытный образец не закончен и не испытан. ХПЗ* пока не подготовлен с точки зрения оборудования и проработки технологического процесса для того, чтобы выполнить намеченную программу 1930–1931 гг. в 300 шт. В связи с этим необходимо себя перестраховать танком Виккерса»⁷.

Проблема заключалась в том, что английский танк не соответствовал принятой в РККА системе вооружений «по причинам несоответствия [более тонкой] брони и недостаточного перекрытия рвов (не достает 0,7 м)». Основанием закупки целой партии в 15 машин стал тот факт, что «в английской армии 12-тонный танк системы Виккерса являлся ударным средством механизированных соединений» и, следовательно, являл собой образец самых современных технологий английского танкостроения. Как и в случае с легким танком «Виккерс 6 тонн», И.А. Халепский предложил: «если наш тип [среднего танка] Т-12/Т-24 будет забракован, мы вынуждены будем строить тип Виккерса ибо больше ничего другого нет»⁸.

«Виккерс 12 тонн» в серию не пошел, его место занял танк Кристи, который, правда, также не соответствовал принятой системе танковых вооружений РККА. Но у «американца» было несколько важных преимуществ. Решающим из них оказалось использование авиационного двигателя «Либерти», который уже производился в СССР, а также обещание полной технической помощи конструктора. Кроме этого, И.А. Халепский подчеркивал, что «танк Кристи перекрывает [по скорости] все танки в мире, что его собираются строить поляки, что если поляки раньше нас наладят производство танка Кристи, то мы можем попасть в очень невыгодное соотношение с точки зрения тактического применения танковых частей»⁹.

Танк Кристи имел и еще одно важное преимущество – он оказался единственной колесно-гусеничной машиной, закуп-

---

* ХПЗ – Харьковский паровозостроительный завод.

ленной комиссией Халепского. Между тем, при составлении плана закупок особое внимание уделялось приобретению именно колесно-гусеничных танков, с которыми связывалось будущее танковых войск РККА¹⁰.

Танк Дж. Уолтера Кристи, вне сомнений, очаровал советских специалистов. В аналитической записке «Моторизация в американской армии», подготовленной в УММ РККА в июне 1930 г., отмечалось:

«Конструкция этого танка открывает новые области в моторизации, т.к. этот тип может быть применен не только как танк, но и как транспортная повозка для перевозки пехоты, пулеметов, снарядов, артиллерии и т.п., а также как бронеевтомобиль для моторизации конницы... Характерно, что во всех работах... американцы стремятся создать унитарный тип машины, которую легко было бы превратить или в танк или в бронеевтомобиль, или транспортную повозку для военных и коммерческих целей... Это в громадной степени облегчает производство машин и, что особенно важно, снабжение их в мирное и, особенно, военное время запасными частями. Кроме того, в значительной степени облегчается подготовка в мирное время кадров шоферов и механиков мотористов для армии военного времени»¹¹.

Далее отмечалось, что машина Кристи «может быть использована и приспособлена под противоздушную артиллерию и пулеметы, и прожектора. Полевая артиллерия может также быть поставлена на шасси Кристи, что вполне разрешает задачу моторизации артиллерии... Техвойска, связь, химвойска также могут использовать машину Кристи... Созданием этой машины американцы далеко шагнули по сравнению с Англией вперед в танковом строительстве. Машине Кристи, безусловно, принадлежит большое будущее»¹².

Увлечение американской новинкой было столь велико, что даже скептический отзыв германских специалистов ничего не изменил. 13 ноября 1930 г. начальник IV Управления (разведки) Штаба РККА Я.К. Берзин сообщил, что немецкие инженеры, «изучив данные танка Кристи... и сличив их с данными конструируемого ими танка, пришли к весьма неблагоприятным выводам по отношению к конструкции Кристи». Отмечалось, что «Кристи имеет мотор в 400–420 л.с. и дает скорость

по дороге в 100 км/ч, германский образец с мотором в 150 л.с. дает скорость в 80 км/ч.; при пяти осях тяга у Кристи сосредоточена лишь на одной оси... Недостатком Кристи немцы считают и необходимость снятия и одевания цепей (гусеничного хода). Это занимает минимум 30 мин., что в боевой обстановке может сыграть нехорошую роль; вес всей системы Кристи (с броней, очевидно, 12 тонн) немцы считают чрезмерным». Германские специалисты были, безусловно, правы, но никакого впечатления на руководство УММ РККА это не произвело. И.А. Халепский оставил на сообщении разведуправления лаконичную резолюцию: «Мы это знаем и без “друзей”»¹³.

В итоге закупленные в Англии танкетки Карден-Ллойда, легкий танк «Виккерс 6 тонн» и танк Кристи стали прототипами самых массовых типов советских боевых машин 1930-х годов – танкетки Т-27 и танков Т-26, а также семейства танков БТ. Именно эти машины составили основу парка бронетанковых войск РККА накануне Великой Отечественной войны.

Обращение руководства Красной армии к опыту Германии в области танкостроения носило специфический характер. Одна из его особенностей заключалась в том, что советские специалисты получили возможность непосредственного изучения германского опыта в рамках работы специальной советско-германской танковой школы в Казани («КАМА»), действовавшей в 1927–1933 гг. За этот период в Казань было доставлено 10 т.н. «тракторов», представлявших собой образцы построенных в Германии танков¹⁴. Знакомство с этими машинами дало советским специалистам возможность составить представление об уровне германского танкостроения. Летом 1930 г. сотрудники УММ РККА посетили танковую школу в Казани, где подробно изучили один из легких танков фирмы «Рейнметалл». В июне 1930 г. начальник УММ РККА И.А. Халепский представил замнаркома И.П. Уборевичу справку по итогам изучения немецкого танка, где отмечалось:

«данный тип обладает большими конструкторскими достижениями в части, касающейся передачи (трансмиссии. – А.К.), вооружения, оборудования танка средствами наблюдения, радиосвязи, газовой защиты. Все эти достижения дают танку высокие

маневренные качества (поворотливость, удобство вождения и ведения огня, легкость ориентировки из танка)». Но специалисты УММ отметили и целый ряд недостатков: «перегрев мотора как результат недостаточного охлаждения... Неудачное расположение баков с горючим, подверженных нагреву от мотора, вызывая большой расход горючего... Не дающая достаточного сцепления резиново-металлическая гусеница... Не совсем удачная общая компоновка (переднее расположение мотора закрывает наблюдение за преодолеваемыми препятствиями)... Недостаточное бронирование – 14 мм, недостаточный перекрываемый пролет – 1,6 м, недостаточный максимальный подъем – 31°... низкий клиренс – 300 мм».

Впрочем, окончательный вывод был скорее в пользу танка «Рейнметалл»: «При условии устранения имеющихся недостатков... он может превратиться в исключительную по своим боевым качествам машину». Но И.П. Уборевич решил иначе: «Учитывая переговоры с Виккерсом малый немецкий танк для нас интереса не представляет...»¹⁵

Гораздо больше интереса советского руководства вызвал «танк-истребитель» фирмы Круппа. О нем в Москву 9 ноября 1930 г. сообщил военный атташе в Берлине В.К. Путьна, подчеркнув удобство его тактического использования¹⁶. Специалисты УММ выразили большие сомнения в возможности реализовать заявленные характеристики в указанных габаритах¹⁷. Но начальник УММ И.А. Халепский горячо поддержал идею закупки двух образцов «танка-истребителя (Tankjäger)»:

«В настоящее время мы не имеем абсолютно никакого конструкторского опыта в постройке такого типа машин... Принимая во внимание, что в настоящее время польская армия приступает к перевооружению своих танковых частей на типы танка французского образца НС-27 и 2С, которые отличаются своим мощным бронированием и скоростью хода (до 18 км/ч НС-27), перед нами встает задача иметь соответствующее противотанковое средство на вооружении в виде танка-истребителя. Последний, отличаясь соответствующей скоростью (примерно перекрывая скорость противника вдвое), будучи вооружен противотанковым оружием с большой начальной скоростью, может быть своевременно выброшен на участки фронта, подверженные танковой атаке...

При заключении договора с немцами необходимо будет оговорить самым твердым образом, что конструкция осуществляется при непосредственном нашем участии, т.е. с командированием наших инженеров 2–3 человек конструкторов и производственников, и что мы получаем не только два образца, но и производственные чертежи со всеми допусками и полной спецификацией материалов»¹⁸.

Осознав большую заинтересованность советских партнеров, немецкая сторона запросила 200 тыс. марок за один экземпляр вместо 300 тыс. за два, и тогда В.К. Путьна, чтобы сбить цену Круппа, предложил заказать еще один экземпляр по проекту фирмы Рейнметалл. В письме начальнику УММ И.А. Халепскому советский военный атташе, по сути, изложил общую позицию РККА в вопросе восприятия и заимствования зарубежного опыта: «заказать следовало бы ту и другую систему. Ведь чем больше чужого опыта мы проглотим, тем совершеннее окажется наша собственная система, которая должна еще родиться. На заказы образцов опытных денег не следует жалеть, ведь самые хитрые армии теперь вообще мобилизационных запасов не создают, а строят и пробуют лишь образцы конструкций. Нам следует подвергывающиеся возможности использовать, ибо на данном уровне нашего собственного достижения эти извлечения опыта Круппа и Рейнметалла, во всяком случае, окупятся...»¹⁹

Но многообещающего заимствования германского опыта и на этот раз не состоялось. Виною тому оказался... все тот же танк Кристи. 28 апреля 1931 г. замнаркома И.П. Уборевич лаконично сообщил начальнику УММ «об отмене заказа Круппу на танк истребитель в связи с качествами Кристи»²⁰. Неудача заимствования германского опыта имела простое объяснение – ограниченность и несовершенство самого опыта. Это открыто признавала и сама немецкая сторона. 4 декабря 1931 г. в ходе встречи М.Н. Тухачевского и Я.К. Берзина с германскими представителями по вопросу о технической помощи РККА один из них прямо признал этот факт: «В области танкостроения другие страны обогнали нас на 10 лет... Немецкая промышленность, которая примерно три года назад занялась тан-

ками, надеется через известное время другие государства догнать. Вместе с тем не следует сомневаться в том, что самое новое и лучшее, что мы в этой области будем иметь, вы сможете получить»²¹.

Успехи «танкизации» РККА в ходе первой пятилетки позволили советскому военному руководству более сдержанно оценивать уровень зарубежного танкостроения. 14 июня 1933 г. начальник штаба РККА А.И. Егоров направил замнаркомвоенмора М.Н. Тухачевскому доклад «О развитии механизации и моторизации РККА на вторую пятилетку», где крайне высоко оценивались достигнутые результаты:

«Первая пятилетка превратила РККА из армии в отношении механизации отсталой в армию передовую, во всяком случае, по числу и качеству боевых машин, не уступающую любой самой сильной капиталистической армии. Конструкции танков, состоящие в данный момент на вооружении РККА, могут быть сравнимы в отношении их боевых качеств только с лучшими аналогичными образцами заграничной техники, т.к. они не только не уступают по отдельным своим элементам, но даже по некоторым категориям машин превосходят лучшие заграничные образцы».

Оптимизм внушали и количественные показатели. К началу мая 1933 г. в РККА насчитывалось 5640 танков, в том числе вполне современных – 4800, в то время как шесть главнейших капиталистических стран вместе имели только 3000–4000 современных танков²².

Достигнутые успехи не могли не повлиять на оценки уровня зарубежного танкостроения и, как следствие, внимание к его достижениям. В этом отношении чрезвычайно показательна история с изучением материалов, полученных разведкой Красной армии в интересах развития танкостроения в СССР. В январе – мае 1933 г. разгорелся скандал между IV Управлением Штаба РККА и УММ РККА по поводу недостаточного использования полученных разведданных. В январе 1933 г. начальник УММ И.А. Халепский своим приказом назначил комиссию по проверке использования материалов. Она установила, что из всей массы поступивших в УММ материалов, в пе-

риод март 1931 – декабрь 1932 г. было использовано надлежащим образом только 10% (11 документов из полученных 108), что система использования материалов IV Управления совершенно отсутствовала, включая систему ознакомления руководителей с секретной литературой (техническими сводками, бюллетенями и т.п.); труд переводчиков использовался нерационально, секретность не соблюдалась²³. Впрочем, абсолютно те же самые недостатки были обнаружены в ходе проверки других управлений РККА: ВВС, ВМС, ГАУ*, ВИУ**, ВХУ***, Управления связи²⁴.

Результатом работы комиссии стал порядок предоставления IV Управлению данных о результатах использования полученных материалов. Так, 23 января 1934 г. УММ отчиталось за использование материалов в 1933 г. (см. ниже таблицу).

Впрочем, из приведенной таблицы видно, что оценка зарубежного танкостроения теперь носила иной характер. Основное внимание было сосредоточено на отдельных узлах, механизмах, производственных процессах, возможностях применения.

Эта особенность проявилась и в ходе очередного этапа заимствования опыта зарубежного танкостроения. 5 июня 1934 г. начальник УММ РККА И.А. Халепский обратился к наркомвоенмору и председателю РВС К.Е. Ворошилову с предложением направить в очередную командировку в Англию группу работников НКТП и УММ:

«Этот вопрос ставится мною в связи с тем, что в течение последних двух лет за границей появился ряд новых танковых конструкций, которые целесообразно было бы использовать для усовершенствования наших существующих серийных машин и опытных образцов... Я считаю крайне необходимым командирование указанных товарищей, так как я опасаясь, что мы, не опираясь на иностранный опыт, можем отстать в области развития новых танковых конструкций... Использование иностранного опыта в период организации танкового производства в Советском Союзе в 1931 г. дало возможность быстро поставить на ноги на-

---

* ГАУ – Главное артиллерийское управление.

** ВИУ – Военно-инженерное управление.

*** ВХУ – Военно-хозяйственное управление.

ше танкостроение... Командировка этих товарищей... может дать нам большие результаты, так как поможет нам выяснить дальнейшее направление в развитии заграничных танковых конструкций с тем, чтобы перенести этот опыт в наше танкостроение»²⁵.

В конце лета 1934 г. «с целью знакомства с танко-тракторо-автомобильной промышленностью и закупки образцов» в заграничную командировку отправилась новая закупочная комиссия. На этот раз и ее состав (всего два человека – директор завода им. Ворошилова В.В. Фокин и начальник III управления УММ И.А. Лебедев), и результаты поездки оказались намного скромнее, нежели комиссии Халепского в 1930 г. Комиссия посетила только заводы Англии с целью «закупить за границей для НКТП: два танка “Виккерс” последнего выпуска, два грузовых автопоезда (один в составе тягача и трех прицепов, второй в составе тягача с прицепной тележкой) и одного дизель-мотора, с отпуском 100 тыс. руб. валюты из резервного фонда СНК СССР... закупить за границей один дизель “Перкинс” 50 сил для установки на плавающий танк Т-37, с отпуском 1500 руб. валюты из резервного фонда СНК СССР»²⁶. В ходе переговоров давний партнер фирма Викарс предложила продать партию (20 шт.) сверхлегких (4,5 т) танков, но комиссия ограничилась приобретением двух танков конструкции инженера Н. Штрауслера.

К тому времени советское руководство предпочитало приобретать конструкции, представлявшие наиболее перспективными и оригинальными. Танк Штрауслера, имевший колесно-гусеничный ход и оригинальную независимую подвеску, представлялся именно таким образом. Было и еще одно преимущество. По мнению членов комиссии, заказы танков Штрауслера обеспечивали «постоянные технические взаимоотношения, которые дадут возможность значительно повысить наш багаж в области танковой культуры, т.к. Штрауслер является чрезвычайно прогрессивным конструктором танков и других боевых машин»²⁷.

**Использование поступивших в Управление
по механизации и моторизации РККА материалов в 1933 г.***

Наименование материала	Результаты использования
Материал по танку Т-3 (США)	Пересняты диаграммы и отосланы для использования ХПЗ
Испытания легкого танка Т1Е4 (США)	Использован как материал для работ
Испытания магнитного компаса на танке Кристи	Материал для дальнейшей углубленной проработки и выполнения опытных образцов
Дополнительные данные о новых конструкциях Кристи	Чертежи разосланы в КБ ОГПУ и завода. Детали конструкции частично отражены в наших образцах
Рабочие чертежи деталей танка Круппа	Копии чертежей были разосланы заводу, которым учтены элементы конструкции при наших разработках
Производство нового танка Т3Е2 в США	Копии чертежей отосланы заводу ТСМ для использования. Спецификация и стоимость производства использованы для наших работ
Ремонт итальянских танков в полевых условиях	Использованы методы полевого ремонта. Идея ремонтных кранов взята для проектирования у нас ремонтного танка
Танк и бронеавтомобиль Штрауслера	Использован как материал при разработках
Материал по гидромеханической трансмиссии	Представляет интерес и будет использован для проработки аналогичных конструкций на наших машинах
Бронированный транспортер для людей и лошадей, испытываемый в армии США	Материал принят к сведению

* *Источник:* РГВА. Ф. 31811. Оп. 3. Д. 255. Л. 26–27.

По мере развития промышленной и научно-технической базы советского танкостроения потребность в заимствовании зарубежного опыта снижалась. Новый всплеск интереса стал следствием боевого опыта, полученного советскими танкистами в ходе гражданской войны в Испании, 1936–1939 гг., и локальных конфликтов 1938–1940 гг. Особенностью этого периода стала возможность изучения образцов трофейной зарубежной техники и анализа опыта боевого применения танковых войск иностранных армий.

---

¹ Общее состояние танковых частей РККА были отражено в справке «О количестве танков в РККА и о ходе танкостроения», представленной начальником Управления снабжений (УС) РККА И.С. Уншлихтом нарком по военным и морским делам К.В. Ворошилову 12 декабря 1928 г. К этому времени в их составе находилось 44 тяжелых танка, 11 средних танков типа «Тэйлора» и 28 малых – «Рено». Из них в ремонте 5–10%. Программа танкостроения на 1927–1928 г. включала 25 танков типа МС-1, но к концу 1928 г. лишь 7 из них были приняты Артиллерийским управлением Управления снабжений (АУ УС) РККА. Но согласно пятилетнему плану к концу 1933 г. РККА должна иметь уже 1535 танков МС-1, 210 танков маневренного типа и 1640 танков «Лилипут». См.: Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33988. Оп. 1. Д. 622. Л. 191–192.

² Там же. Ф. 31811. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

³ Там же. Л. 12.

⁴ Там же. Л. 47.

⁵ Там же. Л. 52. В состав комиссии предлагалось включить представителей ВСНХ и УММ РККА: Д.Ф. Будняка, С.В. Топилова, В.М. Бегунова, во главе комиссии поставить начальника УММ РККА И.А. Халепского. Нарком обороны К.Е. Ворошилов утвердил эти предложения 14 декабря (Там же. Д. 38. Л. 3).

⁶ См.: Там же. Д. 7. Л. 43.

⁷ Там же. Л. 44–45

⁸ Там же. Д. 1. Л. 109.

⁹ Там же. Д. 7. Л. 43–47.

¹⁰ Там же. Д. 38. Л. 2. Традиционно в отечественной литературе распространенность колесно-гусеничной схемы в РККА объяснялась возможностью движения танков на гусеницах в ходе прорыва обороны противника и переходом на колесное движение после выхода на дороги с твердым покрытием в глубине обороны. В действительности колесно-гусеничная схема движения привлекала советских специалистов возможностью увеличения срока службы гусениц за счет движения на колесах в ходе учебных маршей, что позволяло экономить ограниченный ресурс гусениц. Именно по

этой причине еще в 1928 г. Оружобъединение заказало германскому конструктору И. Фольмеру проект модернизации первого советского танка МС-1/Т-18 с целью перевода его на колесно-гусеничную схему движения. Но учитывая, что стоимость модернизированного Т-18 увеличивалась на 50%, проект был признан неперспективным (см.: Там же. Д. 5. Л. 163). После того, как был решен вопрос создания гусениц с длительным сроком службы, колесно-гусеничная схема ушла в прошлое.

¹¹ Там же. Д. 107. Л. 6 об.–7.

¹² Там же. Л. 5.

¹³ Там же. Д. 340. Л. 21. В служебной переписке командования РККА того времени так было принято называть германских партнеров по военно-техническому сотрудничеству.

¹⁴ См.: *Свирин М.Н.* Броня крепка: история советского танка, 1919–1937. М., 2005. С. 124.

¹⁵ РГВА. Ф. 31811. Оп. 1. Д. 38. Л. 349, 347.

¹⁶ Там же. Оп. 3. Д. 7. Л. 13.

¹⁷ Заявленные характеристики «танка-истребителя» включали: мощность двигателя воздушного охлаждения – 60 л.с., вес – 3 т, длина – 3 м, ширина – 1,8 м, высота с башней – 1,4 м, вооружение – 20 мм автоматическая пушка, броня – 15 мм, скорость – 40 км/ч, экипаж – 3 чел., запас хода – 200 км, боекомплект – 1000 снарядов, стоимость – 300 000 марок за 2 экз. (см.: Там же. Л. 11.)

¹⁸ Там же. Л. 9.

¹⁹ Там же. Л. 19.

²⁰ Там же. Л. 17.

²¹ Там же. Ф. 33988. Оп. 3 а. Д. 202. Л. 193.

²² Там же. Оп. 3. Д. 301. Л. 157–158. Далее А.И. Егоров указывал более точное количество танков в РККА: всего на 1 мая 1933 г. – 5644 танка: Т-27 – 2430, Т-37 – 50, Т-18 – 865, Т-26 – 1550, БТ – 710, Т-24 – 25, Т-28 – 12, Т-35 – 2. «Этот итог, – заключал начальник Штаба РККА, – говорит о СО-ВЕРШЕННО ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОМ успехе...» (Там же. Л. 171).

²³ Там же. Ф. 31811. Оп. 3. Д. 176. Л. 177. Д. 255. Л. 26–27.

²⁴ Там же. Л. 200–201.

²⁵ Там же. Оп. 2. Д. 399. Л. 131–132 об.

²⁶ Там же. Л. 185.

²⁷ Там же. Оп. 3. Д. 254. Л. 144. Два образца танка Штрауслера, приобретенные в 1935 г. и 1937 г., прошли испытания на заводах № 185 и № 174, после чего были переданы в Научно-исследовательский институт бронетанковой техники (НИАБТ) полигон в Кубинке «для постановки их в Музей». (Там же. Оп. 2. Д. 1122. Л. 22).

V

**ВЗАИМОВОСПРИЯТИЕ
В КОНТЕКСТЕ ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ**

А.В. Топычканов

**Российские и европейские резиденции:
практика сопоставления в XVII в.**

Один из плодотворных подходов к изучению восприятия явлений основан на анализе языковых средств, используемых для их описания. Этот подход дает эмпирический материал для понимания процедур обозначения, связывающих реалии со знаком. В том случае, если речь идет о восприятии инокультурных явлений, возможно выявить устойчивые и часто осознанные стратегии понимания или непонимания чужой культуры¹. В данной статье рассмотрены подобные стратегии на примере сопоставления российских и европейских загородных резиденций в иностранных описаниях России XVII в.²

Главным фактором в восприятии загородных резиденций является то, что в России, по крайней мере до конца XVII в., не было специальных терминов для обозначения загородных резиденций и всего того, что было им присуще на Западе. Зверинцы для разведения диковинных зверей не отличали от охотничьих дворов, сады для прогулок называли обычным садом, а декоративную посадку цветов и пряных растений – огородом. Царские резиденции обычно именовались «государевыми» или «дворцовыми» селами. В первом случае речь шла о подчинении села Приказу Тайных дел, а во втором – Приказу Большого дворца. Связь государева двора с селом доходила до

того, что площадь перед двором обычно использовалась для сельских сходов и торга. Только в середине XVII в. наметилось разделение усадебной и сельской зон. В сфере религиозной жизни это приводит к тому, что рядом с загородными дворцами появляются домовые храмы, предназначенные для богослужения в присутствии царской семьи. Первым домовым храмом была деревянная церковь Казанской иконы Богородицы в Коломенском, выстроенная в начале 1650-х годов³. Процесс дифференциации усадебной и сельской зон усилился с начала хозяйственной деятельности Тайного приказа в 1663 г. В подчиненных ему резиденциях вместо традиционного хлебного оброка, принятого в селах Приказа Большого дворца⁴, было введено деление на государеву и крестьянскую пашни⁵, а на государевой земле появились царские «заводы» (сады, аптекарские огороды, винокурни, стекольный, кирпичный заводы и пр.). В 1663–1664 гг. в Измайлове впервые было предпринято отделение государева двора от сельского поселения. Село было перенесено на другой берег реки Рубки (Серебрянки) на пустошь Хоругино, здесь же была выстроена сельская церковь. Однако приказная изба и, вероятно, место крестьянского схода Измайловской дворцовой волости остались близ царской резиденции. К концу XVII в. процесс дифференциации усадебной и сельской зон был далек от своего завершения. По крайней мере, в делопроизводственной лексике резиденции по-прежнему именовались «дворцовыми селами». Культура царских резиденций в XVII в. не выделилась в качестве особого явления, наподобие итальянских и французских парадных усадеб того же времени или русской дворянской усадьбы XIX в.

Таким образом, различия российской и европейской придворной культуры вынуждали иностранных посетителей царских резиденций самостоятельно принимать решение, насколько царские загородных резиденций соответствует резиденциям европейским. В этой ситуации они выбирали различные стратегии описания.

Первая стратегия заключается в противопоставлении российской и западной резидентской культуры и обычно выражается в использовании для описания российских резиден-

ций максимально общих понятий, например «дом», «дворец». Эту стратегию выбрал дипломат и путешественник Якоб Рейтенфельс, побывавший в Москве в начале 1670-х годов и издавший в 1680 г. в Падуе «Сказание о Московии». Согласно переводу А.И. Станкевича, там говорится следующее: «в небольшом расстоянии от города виднеются несколько летних дворцов, назначенных для отдохновения царей, куда они имеют обыкновение по временам удаляться, дабы собраться с новыми душевными силами»⁶. В оригинальном тексте слово «летний» отсутствует. Употребляется общее понятие «дворец» – *palatio*⁷. Таким образом, Рейтенфельс явно не стремится сблизить российские и итальянские резиденции. На выбор этой стратегии могло повлиять то, что книга была посвящена великому герцогу Тосканскому Козимо III Медичи, которому служил Рейтенфельс, а Медичи владели одними из самых роскошных резиденций не только в Италии, но и в Европе (например, флорентийским палаццо Питти с садами Боболи).

Рейтенфельс не отрицает, что российские дворцы производят впечатление. Например, о Коломенском он говорит так: дворец «кажется точно только что вынутым из ларца, благодаря удивительным образом искусно исполненным резным украшениям, блистающим позолотою». Однако при этом не преминул подчеркнуть, что зверинец представляет собой «лес, обнесенный забором и наполненный стадами разных животных»⁸.

Подобную стратегию выбрал французский путешественник Де Ла Невилль. В «Записках о Московии», посвященных Людовику XIV, превратившему Версаль в одну из самых роскошных европейских резиденций, он пишет: «Цари имеют в окрестностях Москвы несколько деревянных дворцов (*maison*), которые неправильно называют потешными (*plaisance*), поскольку там нет ни садов, ни гуляний. Они только окружены стенами, из боязни нападений поляков и татар, что случилось 50 лет тому назад»⁹. А.С. Лавров перевел слово *maison* как дворец, хотя это неверно, так как французские дворцы обычно назывались *château*, а *maison* – это дом. Таким образом, Невилль на-

зывает царские дворцы просто «домами» и демонстративно лишает их «увеселительного» характера.

Причины выбора этой стратегии, вероятно, связаны не только с определенной литературной традицией или дипломатическими неудачами, которые постигли Де Ла Невилля в России. Скорее всего, на обоих авторов повлияло то, что они описывали царские «дворцы» и «дома», хорошо зная итальянские и французские резиденции во времена их наивысшего расцвета. Поэтому для них бинарная оппозиция свой-чужой естественным образом обрела свою реальность при сопоставлении резиденций.

Вторая стратегия заключалась в сближении явлений российской и европейской культуры, несмотря на их принципиальные различия. Такая стратегия, в частности, характерна для царского врача Самуэля Коллинса, который связывал возникновение нового стиля в оформлении дворцов с польским влиянием: «С тех пор как его величество (царь Алексей Михайлович. – А.Т.) был в Польше, видел тамошний образ жизни и стал подражать польскому королю, круг его понятий расширился: он начинает преобразовывать двор, строить здания красивее прежнего, украшать покои обоями и заводить увеселительные дома»¹⁰. В этом сообщении Коллинс, с одной стороны, подчеркивает различия российской и европейской придворной культуры, а с другой – говорит об их сближении в результате усиления польского влияния. Чтобы обозначить процесс сближения культур резиденций, он характеризует российские дворцы понятием «увеселительный» – *pleasure*¹¹. Во всех европейских языках XVII в. существовали эквивалентные понятия: *plaisance* во французском, *lust* в немецком и т.д. Из вышеприведенного высказывания Де Ла Невилля следует, что для него критерием «увеселительности» были наличие садов и условий для пешех прогулок. Рейтенфельс оценивал также характер зверинца. Все они обращали внимание на существование дворца. Если сторонники первой стратегии описания царских резиденций лишали их увеселительности, то С. Коллинс, не понаслышке знавший о жизни царского двора, говорит о примерном соответствии российских резиденций этому критерию.

Для *третьей стратегии* характерно безусловное признание сходства российских и европейских резиденций. Начиная с XVI в. в произведениях иностранных дипломатов и путешественников уже можно встретить термин «увеселительный» применительно к российским резиденциям (нем. *Lusthaus*)¹². Однако только единицы после переноса понятия пытались найти более точный эквивалент в западной придворной культуре. Так, например, чешский путешественник второй половины XVII в. Бернгард Таннер в планировке одного из измайловских садов обнаружил влияние итальянского садово-паркового искусства¹³.

Как к этим стратегиям относилась российская сторона? Несмотря на критику безделья и негативные значения понятий «прохлада», «потеха» и «гулянье», на протяжении XVI–XVII вв. можно наблюдать довольно устойчивую практику, когда и правители, и подьячие соглашались применять эти понятия в отношении царских резиденций. В наказе 1569 г. гонцу в Литву Ф.И. Мясоедову предписывалось отвечать на вопрос о причинах пребывания царя в Александровой слободе: «Государская воля, где хочет тут живет. А то село близко Москвы, а государь живет для своего прохладу. А государство свое правит на Москве и в Слободе»¹⁴. В то же время российские дипломаты признавались, что в России XVI в. не было увеселительных садов¹⁵.

В XVII в. загородные потехи стали обычным явлением. Их организацией занималась Потешная палата и Приказ Тайных дел, создавший более 10 резиденций, в том числе Измайлово и Алексеевское. Российские представители, нанимая в Европе садовников, прямо говорили, что они нужны для увеселительных садов¹⁶. При этом, как установила А.А. Аронова, основным руководством для разбивки измайловских садов стали проекты люстгартенов (увеселительных садов) немецкого архитектора Езефа Фурттенбаха¹⁷. Таким образом, для российской стороны, по крайней мере в XVII в., было характерно признание сходства российских и западных резиденций. Однако так же редко, как и европейцы, русские пытались найти точные эквиваленты между ними. Например, дипломат Андрей

Матвеев, осмотрев в 1705 г. французскую резиденцию Фонтблo, написал: «Сие село Фонтблo и его место зело подобно есть селу Измайлову его царского величества, что близ Москвы, кроме гор каменных»¹⁸. Это сравнение настолько краткое, что вряд ли можно понять, по каким параметрам Матвеев сравнивал две абсолютно разные резиденции. Скорее всего, он оценивал характер природного ландшафта.

На фоне формирования культуры российских загородных резиденций XVII в. можно наблюдать сосуществование трех стратегий их описания в произведениях иностранных путешественников и дипломатов: противопоставление, сближение и отождествление. Сложно определить причины выбора той или иной стратегии. Пока можно обратить внимание на то, что определенное влияние оказывал контекст: знатоки жизни итальянских и французских дворов сомневались в увеселительном характере царских усадеб. Подобное «непонимание» отчасти было характерно и для западной придворной культуры, отличающейся чрезвычайным разнообразием¹⁹. Для российской стороны в XVII в. в целом было характерно отождествление российских и европейских резиденций. Привлечение более широкого круга источников позволит уточнить предложенную схему.

---

¹ *Scheidegger G.* Perverses Abendland – barbarisches Russland: Begegnungen des 16. und 17. Jahrhunderts im Schatten kultureller Missverständnisse. Zürich, 1993; *Нойманн И.* Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004.

² См. также: *Топычканов А.В.* Российские и европейские резиденции XVII в.: опыт сравнительного анализа // Коломенское: материалы и исследования. М., 2008. Вып. 12. С. 7–18.

³ Российский государственный архив древних актов. Ф. 396. Оп. 2. Ед. хр. 306. Л. 49 об.

⁴ См., например: *Kotošixin G.* O Rossii v Carstvovanie Alekseja Mixajloviča: text and commentary Oxford, 1980. P. 101.

⁵ *Заозерский А.И.* Царская вотчина XVII в.: из истории хозяйственной и приказной политики царя Алексея Михайловича. 2 просм. и испр. изд. М., 1937. С. 99–100.

⁶ Цит. по: Утверждение династии. М., 1997. С. 305.

- ⁷ [Reutenfels J.]. De rebus Moschoviticis ad Serenissimum Magnum Hetruriae Ducem Cosmum Tertium. Patavii: Typis Petri Mariae Frambotti Bibliopol. Sup. pergm, 1680. S. 112.
- ⁸ Цит. по: Утверждение династии. С. 305.
- ⁹ Невилль Ф. *de la*. Записки о Московии. М.; Долгопрудный, 1996. С. 107–108, 168–169.
- ¹⁰ Утверждение династии. С. 207. «Увеселительными домами» (англ. *pleasure house*, нем. *lusthaus*) в XVII в. чаще всего именовали загородные резиденции.
- ¹¹ Collins S. The Present State of Russia: In a Letter to a Friend at London. London, 2003. P. 27.
- ¹² См., например: Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. М., 1925. С. 73, 106.
- ¹³ Перевод И. Ивакина: «один [сад] убран наподобие садов итальянских» (Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. М., 1891. С. 70) – не совсем точно передает мысль Таннера, что сад воспроизводил планировку итальянских садов – «unus ad Italicorum hortorum formam comptus» (Tannero B.L.F. Legatio Polono-Lithuanica in Moscoviam potentissimi Poloniae regis ac Reipublicae mandato et consensu anno 1678. Norimbergae, 1689. S. 72).
- ¹⁴ Сборник Русского исторического общества. СПб., 1892. Т. 71: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 3: 1560–1571 гг. С. 591. См. также: Садуков П.А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 66–68.
- ¹⁵ Сборник Русского исторического общества. СПб., 1883. Т. 38: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англиею. Т. 2: С 1581 по 1604 год. С. 171.
- ¹⁶ Рейман А.Л. Голландское влияние на садово-парковое искусство Петербурга первой четверти XVIII в. // Петр I и Голландия: русско-голландские научные и художественные связи в эпоху Петра Великого. СПб., 1998. С. 305.
- ¹⁷ Аронова А.А. Сады Петра Великого: личная страсть и государственная целесообразность // Искусствознание. 2001. № 1. С. 268–269.
- ¹⁸ Русский дипломат по Франции: (записки Андрея Матвеева). Л., 1972. С. 61.
- ¹⁹ Ср.: Duindam J. Vienna and Versailles: The Courts of Europe's Dynastic Rivals, 1550–1780. Cambridge, 2003.

Трансформация идеи дворцово-паркового комплекса Версаля в контексте межкультурной коммуникации

Понятие Версаль давно стало нарицательным. В пространственно-временном континууме любой образованный человек ассоциирует Версаль с именем Людовика XIV – «короля-Солнце», с эпохой утверждения абсолютизма во Франции. Версаль – уникальный ансамбль дворца, парка, города – стал главной резиденцией короля и центром государства.

В ландшафтном искусстве этот дворцово-парковый комплекс стал своеобразным эталоном, поскольку именно в нем идея сакрализации власти получила наиболее яркое воплощение. Не случайно впоследствии неоднократно предпринимались попытки воспроизвести архитектурно-ландшафтную концепцию Версаля в ином историко-культурном контексте: в конце XVII в. – в Ганновере (Херренхаузен), в Англии (Чэтсворт, владения герцогов Девоншира), в Нидерландах (дворец *Het Loo*, спроектированный для Вильгельма и Марии Оранских), в Швеции (дворец Дроттнингхольм) и в Речи Посполитой (замок Виланов – летняя резиденция Яна III Собеского); в XVIII в. – в Габсбургской монархии (Шенбрунн и Эстерхаза), в Российской империи (Петергоф), в курфюршестве Пфальц (Шветцинген, летняя резиденция принца Карла Теодора), в королевстве Дания (Фреденсборг), в королевстве Испания (Ла Гранха де Сан Ильдефонсо в Сеговии – резиденция Филиппа V) и в королевстве Португалия (Келуз – резиденция португальской королевской семьи); в XIX в. – в Германской империи (Линдерхоф и Херренкимзее – резиденции Людвига II Баварского); в середине XX в. – в СССР (МГУ имени М.В. Ломоносова на Ленинских горах). Однако идейное содержание

этих комплексов не только различалось, но и существенно отличалось от прототипа. На примере нескольких дворцово-парковых комплексов в контексте межкультурной коммуникации будет показано, как трансформировалась идея дворцово-паркового комплекса Версаля в разных конкретно-исторических условиях.

Межкультурная коммуникация как «прямой или опосредованный обмен информацией между представителями различных культур»¹ осуществляется в различных формах и на разных уровнях. Известно, что наибольший объем информации передается и воспринимается людьми в невербальной форме, прежде всего – визуально. Наряду с межличностным общением, важную роль в межкультурной коммуникации играет обмен информацией на уровне социумов. Одним из каналов передачи социальной информации в невербальной форме являются садово-парковые комплексы.

Принципы теории информации разработал американский инженер и математик К. Шеннон². Он предложил универсальную схему передачи сообщения, однозначное кодирование и декодирование которого возможно при помощи искусственного языка. Схема включала пять элементов, последовательно обеспечивающих связь: источник информации; передатчик; канал; приемник; адресат. Применительно к социальным объектам схема К. Шеннона должна быть адаптирована с учетом особенностей человеческой психики как элемента коммуникационных цепей, а также многозначности лексических единиц естественных языков. Положения теории К. Шеннона могут быть использованы при изучении садово-парковых комплексов как компонента субъектно-объектной коммуникации с учетом их специфики.

Семантическое кодирование заключенной в садово-парковых комплексах информации осуществляется на своеобразном языке символов. При этом соотношение визуальной и вербальной информации дает представление об общем и особенном в ландшафтном оформлении садов и парков как феномене культуры. Специфика заключается в комплексном воздействии архитектурно-ландшафтной композиции на различ-

ные органы чувств. «Восприятие “образа” и “облика” сада более сложно, чем в других изобразительных искусствах, – совершенно справедливо утверждают известные отечественные специалисты А.П. Вергунов и В.А. Горохов. – Оно еще более изменчиво, чем сама физическая основа сада. День, утро или вечер, пасмурная, ветреная или тихая ясная погода, летнее или зимнее состояние – всё это отражается на восприятии пейзажа, меняет представление о нем, отпечатывается в сознании не только через зрительные впечатления, включаются и слух, и обоняние, даже осязание»³. Психические особенности человека (избирательность восприятия, пассивность внимания, влияние опыта на понимание и т.п.) могут создавать информационный шум, снижающий возможности коммуникации.

Сады и парки создаются под влиянием национально-культурных традиций и могут быть рассмотрены как целенаправленно созданная архитектурно-ландшафтная композиция. В контексте современной теории коммуникации компоненты ландшафта, архитектуры и декоративного убранства рассматриваются в качестве репрезентационных средств как одна из категорий передатчиков, преобразующих сообщение в кодированный сигнал, который может быть передан по каналу. Характерной особенностью репрезентационных средств является то, что созданный с их помощью «текст» может существовать независимо от коммуникатора и самостоятельно осуществлять коммуникативную миссию⁴.

Адекватной дешифровке информации, заложенной в знаково-символьной системе, и более глубокому постижению образного строя сада способствует знание истории садово-паркового искусства, законов построения и восприятия архитектурно-ландшафтных композиций и некоторых основ ботанической науки. Ландшафтная композиция рассчитана, прежде всего, на чувственное, а не рациональное восприятие и потому создается по законам художественного произведения.

Эстетическое единство любой художественной композиции достигается сочетанием формы, текстуры и цвета ее компонентов. Принято считать, что в системе визуальной информации цвет выполняет не только коммуникативную, но также позна-

вательную и выразительную функции, причем как последовательно, так и одновременно. Хроматика как вид невербальной коммуникации изучает роль смысловой нагрузки цвета как коммуникативного кода.

Применительно к садам и паркам в процессе коммуникации важно учитывать «удельный вес» различных невербальных семиотических средств, с использованием которых создается объемно-пространственная структура садово-парковой композиции. Важнейшими из них являются: масштаб; пропорциональность; ритм; симметрия и асимметрия; контраст и подобие; ориентация; свет и цвет; пластика объектов; фактура материалов. Поэтому комплексное изучение феномена садово-парковых комплексов в контексте невербальной межкультурной коммуникации предполагает междисциплинарное исследование различных аспектов проблемы: информационных, идейно-политических, историко-культурных, ботанических и других.

Природно-климатические и ботанические факторы в значительной степени определяют облик и образ сада. В этом ключе сады и парки можно рассматривать как искусственно созданные растительные сообщества (фитоценозы). Значимыми становятся: специфика подбора и размещения растений в различных климатических условиях; структура и особенности экспозиций и коллекций; сезонные эффекты и разногодичная изменчивость. Поскольку с годами композиция меняется, знание механизмов развития растительных сообществ – от суточных до многолетних – влияет на ее построение с расчетом на отдаленную перспективу.

Особенности восприятия и понимания образа садов и парков представителями разных культур находят отражение и в литературном аспекте: в беллетристике, поэзии, в воспоминаниях современников о садах и парках. В этом смысле представляет интерес трансформация образа Версаля во временном срезе в рамках различных национально-культурных традиций и в разных жанрах – от французского утопического романа конца XVIII столетия⁵ до отечественной поэзии Серебряного века и мемуаров «живописца Версаля»⁶.

Поскольку в садово-парковых комплексах отражаются идейно-политические тенденции эпохи, сады и парки выступают как невербальное средство выражения идеологии. При этом важное значение имеют: типология садов и парков, их эстетика и стилистика, а также трансформация композиции и ее функционального назначения.

Главную идею, воплощенную в дворцово-парковом комплексе Версаля – «Государство – это я» – Людовик XIV сформулировал еще до начала строительства. Версаль задумывался как миниатюрная копия новой организации пространства государства, отмечающего новый политический порядок, новое устройство мира. В философском аспекте такая концепция опиралась на утвердившуюся к этому времени гелиоцентрическую научную картину мира: «структура [французского] социума ... устроена наподобие солнечной системы с планетами-провинциями, вращающимися вокруг столицы в Париже или Версале», – отмечает Г.Д. Гачев⁷.

Сравнение Людовика XIV – «короля-солнце» – с греческим богом Аполлоном было не только мифологической игрой, но, прежде всего, государственной стратегией. Таким образом, дворцово-парковый ансамбль должен был отражать принцип порядка, согласно которому осуществлялась власть в королевстве. Этот принцип четко отражен в символике парка, дворца, декоративном оформлении всех деталей.

Истинным шедевром ландшафтного искусства в период правления Людовика XIV (1661–1715) стал французский парк, блеск которого затмил все другие сады Европы, созданный в регулярном стиле. Этот стиль предполагает открытую планировку, которая подчеркивает целостность и масштаб композиции. В основе ее построения лежат иерархия элементов, чередующихся в определенном ритме, и соотношение всех ее составляющих с главной осью. Именно на ней расположен центр ансамбля – дворец (дом), а сад служит как бы его продолжением. Во всех элементах господствует принцип зеркальной симметрии и прямых линий.

В этом заключается принципиальное отличие европейских садов от восточных, связанное с различным пониманием и по-

строением пространства. Если, например, японский сад выражает философское и эстетическое представление о человеке как о части мира природы, где пространство надделено символическим смыслом, то европейский парк – это преобразованная человеком, декоративно «улучшенная» природа как олицетворение торжества его разума и воли над хаотичным миром⁸. Само понятие «ландшафт» в европейской культуре появилось в Новое время и выражало взгляд на природу горожанина, отделенного в повседневной жизни от естественного природного окружения.

Средства проксемики – языка пространства – выполняют в процессе коммуникации регулирующую функцию. Использование физического пространства садов и парков для передачи невербальных сообщений предполагает выделение части пространства в качестве маркированной – сакральной; учет знаковости деления пространства: при горизонтальном членении – выделение доминирующей оси ориентации; сценическую организацию пространства, что обуславливает возможность его театрализации. Именно Версаль, где сценическая организация пространства играла важную роль, и где впервые был устроен зеленый театр, дал импульс для последующей театрализации садовых ландшафтов.

Версаль стал демонстративным артефактом, в котором «искусство дошло до того, что как бы рождает вторую природу»⁹. В триедином ансамбле Версаля (город – дворец – парк) именно сады способствовали распространению французского регулярного стиля. Благодаря Версалью в целом повысилась значимость садового искусства в культуре.

В Версале дорога, ведущая в Париж, служит началом главной композиционной оси. Главная ось ориентирована с востока на запад, и такая ориентация символизирует движение Солнца, наблюдаемое с Земли. Территорию дворца со всеми почетными дворами от города отделяет великолепная чугунная решетчатая ворот, украшенная изображениями королевских лилий и атрибутами Аполлона – Солнца и лиры.

Главная ось проходит через центр дворца, которым являются королевские покои. Их композиционная точка – спальня

короля. Здесь проходили самые торжественные аудиенции и продолжительные церемонии. Спальня короля окнами обращена на восток. Из Спальни видно, как восходит солнце, которое при закате отражается в зеркальной поверхности Большого канала, служащего продолжением главной оси. Кровать Людовика XIV примыкала к стене Зеркальной галереи, сквозь 17 окон которой открывается вид на парк. 15 ниш напротив окон заполнены высокими зеркалами, которые были изготовлены во Франции. Они отражают парк с главной аллеей, водоемами, небом, иллюзорно расширяя пространство зала.

В интерьерах Версальского дворца проявилось и новое отношение к свету: там впервые была применена окраска потолков в белый цвет, что усилило освещенность помещений. В садах *à la française* свет впервые получил повышенную композиционную и семантическую значимость. Таким образом, физика света, как естественного – солнечного, так и искусственного – света иллюминаций, переходила в версальских садах и дворце в его символику, подчеркивая блеск королевской власти и ее олицетворения – «короля-солнце».

Все украшения дворца – солнце, лилии, инициал короля – подчинены одной цели – воздать хвалу королю. Вся эта символика отразилась и в планировке и украшении парка. От партера перед дворцом широкая мраморная лестница спускается на изогнутую полукругом наклонную террасу (Подкова), ведущую к цветочному партеру. В центре полукруга устроен фонтан Латоны (матери Аполлона и Артемиды). Аллеи ведут к овальному бассейну с колесницей Аполлона – это апофеоз короля-Солнца. Под большим напором центральная струя выбрасывается на высоту 20 метров, а боковые – 15-метровые, устремляясь ввысь, вырисовывают королевскую эмблему – цветок лилии.

Парк, украшенный статуями и фонтанами, заканчивается между бассейном Аполлона и Большим каналом. За фонтаном Аполлона простирается Большой канал (шириной в 120 и длиной почти в 1600 м). Он был заключительным аккордом ансамбля. На расстоянии почти трех километров от дворца высокие пирамидальные тополя «Королевской решетки» замыкают

этот единственный в мире вид, где все, что может охватить взор, превращено в общую декорацию. Таким образом, невербальные семиотические средства «языка пространства», с использованием которых создается объемно-пространственная структура архитектурно-ландшафтной композиции, позволяет достичь эффекта масштабной театрализации физического пространства.

Основная идея, заложенная в ансамбле Петергофа, – военно-морское могущество России. После побед при Полтаве (1709 г.) и Гангуте (1714 г.) в ходе Северной войны 1700–1721 гг. Петр I задумал создать в Петербурге дворцовый ансамбль, который показал бы мощь и блеск русского двора. Петр I настойчиво искал достойные примеры для создания дворцовых ансамблей в России, и французские королевские резиденции, конечно, не могли оказаться вне поля зрения царя. В мае 1717 г. во время двух визитов в Версаль Петр I подробно осмотрел его.

Петр I переосмыслил идею творчески. Если Версальский дворец расположен на выровненном месте, то Петергоф – на возвышенности. Большой дворец стоит на естественном уступе высотой 16 метров. С верхней террасы дворца открывается перспектива на Большой каскад с водопадными лестницами и Морской, или Самсоновский, канал, который рассекает парк на две почти равные части и идет от Большого дворца к Финскому заливу.

Композиционным центром Большого каскада является фонтан «Самсон, раздирающий пасть льва». Выбор сюжета знаменателен. В период Северной войны лев, изображенный на шведском гербе, был символом врага, а Полтавская битва произошла 27 июня 1709 г., в день святого Сампсония. Именно поэтому библейский Самсон, побеждающий льва, наиболее полно и художественно олицетворял победу России над Швецией.

В рельефе средней части лестницы Большого каскада представлен барельеф Латоны – как отсылка к фонтану Латоны в Версале. И хотя отсылка к Версалю очевидна, смысл – иной:

Россия обрушивается на врагов, которые пытаются отрезать ее от воды, закрыв выход к морю.

Канал в Версале рассчитан на зрелищный эффект – создание перспективы. Тогда как в Петергофе канал не только создает визуальный эффект – в перспективе можно увидеть купола Санкт-Петербурга, но и имеет функциональное значение. Он выводит в Финский залив, и Петр I использовал канал в качестве подъездной аллеи к дворцу¹⁰.

По замыслу Петра, Петергоф должен был стать триумфальным памятником успешного завершения борьбы России за выход к Балтийскому морю. Этот замысел удалось блистательно осуществить.

Шёнбрунн – резиденция австрийских Габсбургов, императоров Священной Римской империи, появился в результате постепенного развития от 1693 г. до 1790-х годов, отражая интересы и вкусы двух монархов, Леопольда I (имп. 1658–1705) и императрицы Марии Терезии. Леопольд I был постоянным участником антифранцузских коалиций европейских держав, направленных против политики Людовика XIV.

Шёнбрунн был создан как вызов Версалю. При взгляде с поднятой террасы в центре дворца, сад разворачивается зрелищной 180-градусной панорамой. Аллеи с огромным центральным партером расходятся как лучи звезды. Все это окружено пространствами лесов, которые, кажется, поддерживают массивные живые изгороди. Первоначальная планировка парка, относящаяся к 1695 г., приписывается французскому ландшафтному архитектору Жану Триэ. Он создал партер и лесной массив из 20 тысяч буков, а также создал живые изгороди из привезенных из Франции пурпурных грабов.

По изначальному замыслу, дворец в Вене должен был стоять на вершине холма, от которого к парку вел террасированный спуск. Но из-за того, что Австрия вела многочисленные войны (австро-турецкая 1683–1699 гг. и 1716–1718 гг.; за Испанское наследство 1701–1714 гг.; участие в войне за Польское наследство 1733–1735 гг. и в русско-турецкой войне в 1737–1739 гг.), средств на реализацию столь грандиозного замысла

не хватало. Поэтому проект был изменен, и дворец поставили внизу.

Затем интерес к парку надолго угас. Он возобновился вновь, когда в 1740 г. на трон взошла Мария Терезия, правление которой (1740–1780) стало важным этапом в развитии абсолютизма в австрийских землях. Она провела ряд реформ, направленных на усиление государственной централизации. В области внешней политики ключевой задачей для австрийских Габсбургов стало, во-первых, отстоять свой статус императоров Священной Римской империи, а, во-вторых, добиться победы над Пруссией, к которой по итогам войны за Австрийское наследство 1740–1748 гг. отошла Силезия. В поисках союзников против Пруссии, армия которой в это время при Фридрихе II считалась сильнейшей в Европе, Мария Терезия ориентировалась, прежде всего, на Францию. Однако добиться возвращения Силезии во время Семилетней войны (1756–1763 гг.) не удалось. Тем не менее, в ее ходе 18 июня 1757 г. в сражении при Колине (в Богемии) австрийская армия нанесла Фридриху II его первое поражение.

В честь этой победы в Шёнбрунне на вершине холма, на том месте, где первоначально предполагалось поставить дворец, была возведена монументальная ротонда – *Glorietta*. Ее венчает скульптурная композиция, изображающая орла на земном шаре – символ могущества австрийского государя как императора Священной Римской империи. В результате в Шёнбрунне, в отличие от Версаля, самой высокой точкой ансамбля является не дворец, а *Glorietta*. Именно от нее открывается вид на парк, дворец и город.

Резиденция Херренкимзее Баварского короля Людвига II – поклонника Рихарда Вагнера и Людовика XIV (своего деда и крестного отца) – задумывалась как копия Версаля. Однако несколькими годами ранее Людвиг II пытался создать в Баварии дворец и сады по образцу Версаля в небольшой горной резиденции Линдерхоф, на месте расположенного поблизости охотничьего павильона своего отца. Но в отличие от Версаля, распланированного на выровненной поверхности, ландшафтный архитектор К. фон Эффнер в 1870 г. при создании проекта

следовал традициям итальянского Возрождения. Используя особенности рельефа, террасы и каскады были органично «вписаны» в альпийский пейзаж. Террасы выложены на холмистой местности, а расходящиеся от них дорожки ведут в парк и далее в окружающий его лес. В итоге в Линдерхофе сочетаются такие разновидности парков, как итальянский террасный и барокко с элементами пейзажного парка.

Главная аллея, ориентированная с севера на юг, сбегает по склону холма. Внизу, в центре бассейна перед замком бьет фонтан, струи которого достигают в высоту 25–30 метров. За дворцом возвышается небольшой храм Венеры; к нему ведет лестница с 30-ю мраморными ступенями, у подножия которой расположен фонтан со скульптурной группой «Нептун». Композиция цветочного партера перед дворцом изображает королевскую лилию – герб Бурбонов, а в расположенном рядом деревянном павильоне был установлен бюст Людовика XIV.

Хотя Линдерхоф задумывался как королевская вилла, которая должна была напоминать Версаль, его часто сравнивают с Малым Трианоном. Эта резиденция Людвига II стала местом его уединения в своеобразном театрализованном мире, где он был одновременно и зрителем и исполнителем. В окружающих замок парковых постройках Людвиг II претворял в жизнь вagnerовские фантазии: Охотничий домик был построен согласно сценографии первого акта оперы «Валькирия», а грот Венеры воссоздавал интерьер из первого акта «Тангейзера». Для соответствующего освещения грота туда даже провели электричество – впервые в Баварии: энергию вырабатывала одна из лучших динамо-машин того времени компании «Сименс-Шухерс».

Однако когда стало очевидным, что для создания резиденции, подобной Версалию, требуется гораздо больше места, архитектор оставил работу над садом и переключился на дворец Херренкимзее.

Людвиг II решил создать на принадлежащем ему острове Херренинзель на озере Кимзее памятник своему кумиру – Версаль в миниатюре. В 1803 г. остров был конфискован у церкви, а в 1873 г. его купил Людвиг II. Год спустя он осмотрел Версаль, а в 1878 г. началось строительство дворца как копии

французского оригинала. По замыслу короля, архитектор должен был создать памятник абсолютной монархии. В отличие от Версаля, представлявшего собой конгломерат зданий разного времени, Херренкимзее изначально задумывался как единое целое.

Территория – 42 га гораздо меньше, чем площадь Версальского парка. Канал (длиной 200 метров) – короче, но визуально, благодаря перспективе, при впадении канала в озеро создается эффект увеличивающегося пространства.

Версаль представлял собой квинтэссенцию идеи абсолютной власти короля. Людвиг II тоже мечтал об этом, но время было другое: уже существовала Германская империя, в состав которой входило Баварское королевство. Херренкимзее представляет собой не оригинальный замысел, не переосмысление, а копию и реконструкцию Версаля в миниатюре.

Ансамбль МГУ имени М.В. Ломоносова на Ленинских (ныне – Воробьевых) горах создавался после победы в Великой Отечественной войне как дворец науки, которая поддерживается государством. Центральная ось архитектурно-паркового комплекса ориентирована на Кремль как символ государственной власти.

Непосредственно в архитектурно-ландшафтном комплексе МГУ главная ось начинается со смотровой площадки Воробьевых гор; по направлению к Главному зданию МГУ на ней расположена аллея с фонтанами и бюстами отечественных ученых. Композиционным центром Главного здания является Актный зал, где проходят важнейшие университетские события, и фойе Актного зала, украшенное барельефными портретами ученых, представляющих разные отрасли науки, разные эпохи и страны.

Продолжением центральной оси уже в XXI в. стал Интеллектуальный центр – Фундаментальная библиотека МГУ. Между Главным зданием и библиотекой – памятники М.В. Ломоносову и И.И. Шувалову как инициаторам основания университета. Симметрично относительно главной оси расположились новые корпуса университета, в названиях которых – Ломоносовский и Шуваловский – подчеркнута историческая преемст-

венность. За Фундаментальной библиотекой планируется построить Технологическую долину МГУ. Таким образом, идея, заложенная и реализуемая в архитектурно-планировочном решении территории МГУ на Воробьевых горах, развивается, так как любой дворцово-парковый комплекс – это объект, существующий во времени.

Французский философ, историк и литератор Андре Лефевр отмечал: «Когда творения человека переживают причину своего существования, на них как будто налагается печать безысходного сожаления о том, что им придавало жизнь». Идея, воплощенная в Версале и многочисленных вдохновленных им королевских резиденциях, со временем себя изжила. С точки зрения концепции постиндустриального общества, богатство человечества до конца XVIII в. составляла земля – территория. В современную эпоху богатство человечества согласно этой концепции составляют знания. И в этом смысле архитектурно-ландшафтный комплекс МГУ – не только национальный памятник, но и материализованный, и материализующийся символ эпохи.

История культуры может быть представлена как история возникновения, развития, трансформации, смены идей, которые оказали и оказывают влияние на духовную жизнь человеческого общества. В этом смысле определенный интерес представляет трансформация идеи Версаля в контексте межкультурной коммуникации.

Версаль как комплексное явление: резиденция монарха и синтетическое произведение искусства – не только служил сценой французской политической и придворной жизни, создавая для нее пространственный и семантический контекст, но и стал знаковым явлением французской культуры. В дворцово-парковом ансамбле Версаля как особом типе культурного пространства сады имели и символическое значение. Трудно не согласиться с мнением И.И. Свириды, что «сад как священный топоним был знаком сакрализации власти»¹¹. Поэтому все подражания Версалю, прежде всего, предполагали создание или преобразование сада. Однако в иных историко-культурных условиях попытки копировать оригинал (от Херренхаузена в Ган-

нове, начатого в 1672 г., до Херренкимзее Людовика II Баварского в 1880-е годы) приводили к далеким от прототипа результатам, в каждом случае различным.

Использование дворцово-паркового ансамбля не только в качестве сцены под открытым небом для проведения праздников и театральных постановок, но и как своеобразной «площадки» для демонстрации военной силы и политического авторитета стимулировало европейских правителей создавать собственные «Версали» как выражение идеи власти. Однако идейное содержание этих дворцово-парковых ансамблей различалось, и существенно отличалось от прототипа.

Итак, парк Шёнбрунн, который именовали «австрийским Версалем», создавался как вызов знаменитому прототипу, а Херренкимзее – «баварский Версаль» – как подобие оригинала, тогда как в Петергофе, который в свое время окрестили «русским Версалем», и в архитектурно-ландшафтной композиции МГУ имени М.В. Ломоносова – «советском Версале» – идея, заложенная во французском образце, была творчески переосмыслена.

Если Версаль стал символом абсолютной власти короля (равного небесному светилу, дарующему жизнь природе и людям), то Петергоф – это символ власти монарха, побеждающего врага и утверждающего свое положение равного среди сильнейших монархов; Шёнбрунн воспринимался как попытка, апеллируя к известному образцу, создать символ всё еще мировой державы, а Херренкимзее – как символ тоски по безвозвратно ушедшему (воссоздание домашней копии известного оригинала). В этом смысле архитектурно-ландшафтная композиция МГУ имени М.В. Ломоносова является примером использования формы для прославления новой идеи (как масштабный памятник – дворец, прославляющий знания).

---

¹ Молчанова Г.Г. Когнитивная поликодовость межкультурной коммуникации: вербалика и невербалика: учеб. пособие. М., 2014. С. 35.

- ² *Shannon C.E.* A Mathematical Theory of Communication // The Bell System Technical Journal. 1948. Vol. 27, no. 7. P. 379–423; no. 10. P. 623–656. Русский перевод: *Шеннон К.Э.* Математическая теория связи // *Шеннон К.Э.* Работы по теории информации и кибернетике. М., 1963. С. 243–322.
- ³ *Вергунов А.П., Горохов В.А.* Русские сады и парки. М., 1988. С. 6.
- ⁴ См.: *Гавра Д.П.* Основы теории коммуникации. СПб., 2011. С. 104–105.
- ⁵ *Мерсье Л.С.* Год две тысячи четыреста сороковой: сон, которого, возможно, и не было. Л., 1977.
- ⁶ См.: *Бенуа А.Н.* Мои воспоминания: в 5 кн. М., 1990. Т. 1–2.
- ⁷ *Гачев Г.Д.* Мой Декарт // Встреча с Декартом: философ. чтения, посвящ. М.К. Мамардашвили, 1994 год. М., 1996. С. 207.
- ⁸ *Николаева Н.С.* Японские сады. М., 1975.
- ⁹ Цит по: *Ахутин А.В.* Понятие «природа» в античности и в новое время («фюсис» и «натура»). М., 1988. С. 5.
- ¹⁰ *Дубяго Т.Б.* Русские регулярные сады и парки. Л., 1963.
- ¹¹ *Свирида И.И.* Между sacrum и profanum: топос сада // Оппозиция сакральное/светское в славянской культуре. М., 2004. С. 114–130.

Отражение Китая в русской живописи первой половины XIX в.

«Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Эта житейская мудрость очень важна для понимания процесса формирования образа и представления. «Такие репрезентанты, как рисунок, скульптура и фотография, принципиально отличаясь друг от друга как разные способы изображения, могут тем не менее служить для фиксации (трансляции)... образа»¹. Фиксированный образ имеет двойную природу. С одной стороны, он передает ощущение, впечатление от предмета изображения. С другой стороны, содержит информацию о своем создателе. Для распознавания зрительного образа требуется определенная информация, позволяющая так или иначе его интерпретировать. В этом плане исследование формирования визуального образа Китая в русском общественном сознании представляет значительный интерес.

Довольно длительное время Китай существовал в воображении европейцев лишь благодаря описаниям путешественников, первым из которых стало сочинение Марко Поло «Книга о разнообразии мира» (1275 г.). Позже большую популярность приобрела книга сэра Джона Мандевиля («Приключения сэра Джона Мандевиля», 1357–1371 гг.).

Сложилась даже определенная традиция изображения Китая, «в котором все принимало ослепительный, сказочный облик и казалось идеальной рамкой для совершенного общественного устройства. До XVI века в сознании европейцев складывался фантастический образ сказочной страны»². Постепенно европейцы и сами перенимают китайские образцы, все более удаляясь от первоначальных и создавая свой собственный «Китай», который «в представлении европейцев, становится в эту эпоху страной мечтаний и пленительной сказки, куда несутся помыслы и поэтические восторги; литература Европы

полна картин “воображаемого Китая”, страны идеально-декоративной жизни; его все чаще привлекают в качестве контраста к изображению современной действительности. [...] это своеобразное проявление духа рококо, его стремления к капризной игре сатирического ума, к форме скептического “эссе” [...] Китай не перестал привлекать к себе сильное внимание французского общества, когда на смену капризной причуде мысли пришла эпоха конструктивного мышления растущей буржуазии. Скептицизм сменялся материализмом; начиналась эпоха просвещения. Но Китай не потерял своего интереса ни для философов, ни для художников новой эпохи»³.

Первые более или менее достоверные сведения о географии Китая появляются в Европе лишь к середине XVII в. В 1654 г. вышел «Новейший китайский атлас» Мартина Мартина. Наконец, в 1664 г. в Риме опубликована книга Атанаса Кирхера «Китайские иллюстрации». И хотя иллюстрации были довольно удалены от природы, некоторые детали отличались поразительной точностью. Таким образом, визуализация образа Китая в Европе начинается в середине – второй половине XVII в.

В России представления о Китае сложились значительно позже. Некоторые сведения о Китае приводились в «Хожении за три моря» Афанасия Никитина (1466–1472 гг.)⁴. Однако, по мнению ряда исследователей, в Китае Афанасий Никитин не был⁵. Еще одна легенда о путешественниках в Китай связана со временем Ивана IV. Речь идет о путешествии казаков Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева в Китай в 1567 г. Однако историки со времен Карамзина спорят, что же было на самом деле – путешествие Бурнаша Ялычева или Ивана Петлина⁶.

Первая попытка создать визуальный образ Китая в России – иллюстрации к «Запискам о посольстве в Китай», составленным участниками российского посольства Избрантом Идесом и Адамом Брандом. «Записки» были снабжены 29 гравюрами, исполненными рисовальщиками в Амстердаме, при подготовке издания книги, вышедшей в 1704 г.

Как следовало из текста «Записок о посольстве в Китай» (гл. VI), в составе посольства находился художник-голландец, но он умер в дороге. «В титуле немецкого издания 1707 г. го-

ворится, что географическая карта и гравюры на меди были сделаны по дорожным рисункам самого Идеса, но в подлиннике об этом не говорится; надо полагать, что и карта и гравюры были сделаны искусными рисовальщиками в Амстердаме лишь по устной подсказке автора (или Н.К. Витсена), как обычно делалось в других географических трудах того времени»⁷. О гравюрах в тексте говорится несколько раз, причем имеются прямые отсылки. Между прочим, в дальнейшем гравюры эти довольно охотно тиражируются в качестве иллюстраций к различным описаниям Китая.

Отсутствие собственного визуального образа Китая к первой четверти XVIII в. в России объяснялось не только нерегулярностью контактов, но и особенностями развития техники гравюры и живописи. Кроме того, русские путешественники не имели обыкновения зарисовывать свои впечатления, хотя заметки оставляли достаточно многословные. Поэтому первые «портреты» Китая приходят в Россию из Европы. Отсюда и особенности этого образа: гравюры мало объясняют Китай и больше свидетельствуют о традиции оформления печатных изданий в Европе в конце XVII – начале XVIII в.

Тем не менее, европейский образ Китая оказался очень близок России. Причиной стала мода на «шинуазри», захватившая Европу в XVIII в. Искусство шинуазри – довольно сложный «эстетический компромисс». «Расцвет международной торговли и естественное в связи с ним освоение принципов западного искусства (как ответ на запросы внешнего рынка) вызвало в китайских экспортных вещах, производившихся в Гуанчжоу/Кантоне, поток стилевых трансформаций, определяемых исследователями как *chinoiserie in reverse* (“китайщина наоборот” или “европейщина”)), – пишет Т.Б. Арапова⁸. К аналогичным выводам приходит и М.А. Неглинская: «Колорит росписей был чересчур пестрым, не свойственным восточной манере, а в композиции было добавлено больше цветов и растений, закрученных в замысловатые сплетения. Все это выглядело романтично, даже несколько слащаво, и должно было производить должное впечатление на жителей Европы»⁹.

Именно такой образ Китая привлекает и русских императоров, и аристократию. Китайский фарфор, игрушки, ткани становятся предметом коллекционирования, подчеркивают социальный статус их обладателя. Следуя моде, Екатерина II тоже собирает значительную коллекцию китайских вещей. В Царском Селе в китайском стиле были построены Большой и Малый Каприз, Китайская деревня, Скрипучая беседка, Крестовый мост, Китайский театр, Китайские мостики, Драконов мост, Большой китайский мост. В 1762–1768 гг. Антонио Ринальди построил Китайский Дворец в Ораниенбауме. Наконец, в Петербурге появился «китайский театр».

В 1777 г. на сцене этого театра был поставлен «Монолог из китайской трагедии, называемой Сирота» по пьесе Вольтера «Китайская сирота» (перевод А.П. Сумарокова) на музыку Д. Анджолини. Среди первых балетов на китайские темы, показанных в России, по сообщению Я. Штелина, был балет «Китайское императорское свадебное празднество»¹⁰. Есть также упоминания о постановке балетов «Китайцы в Европе» (1767 г.) и «Китайцы».

Одновременно прагматичная императрица способствует появлению собственных мастеров, которые были способны воссоздать китайский стиль и в фарфоре, и в предметах интерьера, и в архитектуре, причем некоторые из них обучаются своему искусству не только в Европе, но и непосредственно в Китае. Конечно, в России «шинуазри» приобретает специфические черты. В качестве примера можно привести работы Федора Власова, в которых, по мнению Т.Б. Араповой¹¹, имеется ряд деталей, связывающих их с иконописной традицией.

Таким образом, Россию не обошло увлечение «китайщиной». Причем речь шла не о постижении Китая, а именно о шинуазри – самопрезентации Китая перед лицом Европы. Начало XIX в. становится временем настоящего «открытия» Китая для России. Первыми популяризаторами Китая в русском обществе становятся путешественники, ученые и, конечно, деятели духовной миссии.

Одними из первых путешественников, запечатлевших встречу с Китаем в XIX в., были Иван Федорович Крузенштерн

и Юрий Федорович Лисянский, в 1803–1806 гг. совершивших первую российскую кругосветную экспедицию на кораблях «Надежда» и «Нева».

Отправляясь в экспедицию, Иван Федорович мечтал видеть в ее составе профессионального художника, и, обосновывая это желание, даже писал, что при каждой экспедиции должен быть живописец и на каждом корабле двое ученых, всего же 8: для астрономии 2, для физики 1, для ботаники 2, для зоологии 1, для минералогии и геологии 2.

И действительно, в составе экспедиции был «живописец Курляндцев». Видимо, речь идет о Степане Семеновиче (по другим сведениям – Петровиче) Курляндцеве (1770–1822). Он начал обучаться в Академии художеств в возрасте тридцати лет под руководством профессора Г.И. Угрюмова, известного своими историческими работами живописца. В 1800 г. «посторонний ученик Курляндцев» получил малую серебряную медаль, на следующий год – уже большую. В 1802 г. С.С. Курляндцеву присваивают звание «назначенного» в академики, а в 1803 г. за полотна «Страдание Спасителя» и «Танкред, сражающийся с Аргантом, во время путешествия Герминия, и Фавтин вспомоществует ему» художника удостоивают звания академика¹². Это означало, что определенного положения в российской художественной жизни С.С. Курляндцев достиг.

Он был включен в состав экспедиции И.Ф. Крузенштерна. Однако, по мнению одних исследователей, его вынуждены были ссадить с корабля из-за большой свиты Н.П. Резанова. Другие исследователи считают, что Курляндцев числился как раз в свите Резанова, и был ссажен за пьянство и непотребное поведение вместе с Федором Петровичем Толстым. Наконец, терпение Крузенштерна кончилось, и во время пребывания экспедиции в Камчатке в свите посланника Резанова произошла перемена – поручик гвардии граф Толстой, доктор посольства Ф.П. Бринкен и живописец Курляндцев оставили корабль и отправились в Петербург сухим путем¹³. Приняты вновь кавалерами посольства капитан И.И. Федоров и поручик Д.И. Кошелев. Таким образом, экспедиция лишилась профессиональ-

ного живописца, однако рисунки все же были исполнены. Их авторами стали ученые, входившие в состав экспедиции.

Современники не сразу оценили прелесть их гравюр. Английский издатель, например, не считал нужным публиковать гравюры из-за «их невыразительности и незначительности информации, которую они несут, так что книга не претерпит урона и без них»¹⁴. Однако это были первые зарисовки с натуры, выполненные русскими путешественниками. Через несколько лет они будут издаваться отдельно¹⁵. Ряд иллюстраций не был опубликован и хранится в архивах¹⁶.

Таким образом, отсутствие профессионального художника в составе экспедиции оказалось до известной степени удачей – русский читатель увидел «подлинный» Китай, зафиксированный именно с этнографической точностью.

Между тем, некоторые представления о Китае в русском обществе все же присутствовали. После заключения Нерчинского договора 1689 г. началась приграничная торговля с Китаем через Нерчинск, Селенгинск, и затем – через Кяхту. Сам город был построен в 1727 г., статус торговой слободы получил в 1743 г. Кяхта стала специфическим феноменом синкретизма русской и китайской культур.

Обстановка на границе не всегда была спокойной, и в 1802 г. снаряжается экспедиция – «объехать с целью военно-стратегического осмотра Азиатскую и Европейскую Россию»¹⁷. Определяя цель экспедиции, Г.М. Спренгпортен отмечает: «В 1802 году я получил лестное поручение объездить часть России и ее южные границы от Кяхты до Корфу в сопровождении нескольких офицеров и одного рисовальщика для сбора живописных объектов»¹⁸. В состав экспедиции входили майор М.Ф. Ставицкий и А.Х. Бенкендорф (тогда флигель-адъютант) и профессиональный художник – Емельян Михайлович Корнеев¹⁹.

С 1788 г. Е.М. Корнеев учился в Академии художеств в Санкт-Петербурге, окончил которую по классу исторической живописи. Получал медали: в 1795 г. – 2-ю серебряную, в 1799 г. – 1-ю серебряную и 2-ю золотую. В 1800 г. за картину «Изгнание Христом торгующих из храма» был удостоен 1-й золотой медали и звания художника и оставлен при академии

пенсионером на три года для усовершенствования в мастерстве. В феврале 1802 г. Е.М. Корнеев отправился в экспедицию под руководством генерала Е.М. Спренгпортена и в течение 1802–1804 гг. побывал в Оренбургской губернии и в Сибири вплоть до Кяхты.

Поскольку миссия была секретной, материалы о ней издавать не были, однако впоследствии некоторые работы Е.М. Корнеева, сделанные во время этой экспедиции, вошли в иллюстрированный альбом, поднесенный Александру I²⁰. Издателями альбома были граф Карл Рехберг и Жорж-Бернар Делпинг. Всего предполагалось 4 варианта издания, которые должны были отличаться качеством бумаги и раскраски. Намеревались выпустить 200 экземпляров, но война помешала напечатать запланированное число.

К сожалению, в 1824 г. при пожаре имущество художника погибло, однако некоторые его работы сохранились. В настоящее время выявлена 91 работа художника, и сейчас они находятся в отделе изобразительных материалов Государственного исторического музея. Китайским сюжетам посвящены прямо или косвенно три работы – «Вид цепи гор Хамар-Дабан, разделяющей Китай и Россию» (1802 г.); «Вид Кяхты на границе с Китаем» (1802 г.) и «Китайские купцы» (1809 г.). Главное значение картин 1802 г. в стремлении к документальной точности, что предопределялось задачами экспедиции. Работа 1809 г. отличается по стилю – в ней присутствует некоторое влияние шишуазри как в композиции, так и в манере изображения.

Что же касается вербальных свидетельств, то первые подробные записки о Кяхте и Маймачене 20-х годов XIX в. оставил А.П. Степанов²¹, который находился там по делам службы в 1826 г. Наряду с описанием улиц, зданий Кяхты и Маймачена, он приводит ценные сведения о местном русском и китайском населении, о назначении променных цен во время торга, об обмене и т.д. В описании А.П. Степанова Кяхта предстает «слободой миллионеров», говорящей на особенном, «кяхтинском» языке, с купцами, пьющими французское шампанское и заедающими его китайскими и русскими блюдами, беспечным и нескудным бытом – своеобразной этносоциальной утопией.

В 1805 г. с посольством графа Ю.А. Головкина в Китай отправили трех профессиональных художников – А.Е. Мартынова, И.П. Александрова и Т.А. Васильева. Предлогом для посольства стали поздравления цинского императора с восшествием на престол Александра I. И хотя само посольство не увенчалось успехом и добралось только до Урги, сделанные зарисовки легли в основу альбомов «Виды России и Монголии» (акварели, 23 листа, 1806–1810 гг.), «Типы народов России и Монголии» (39 листов, 1808 г.), «Живописное путешествие от Москвы до китайской границы» (29 листов, 1814–1819 гг.). Большая часть их носила видовой характер.

В эти годы вышли обширные сочинения о Китае. «Китайцы между собою весьма обходительны, они вообще имеют тихий, сговорчивый и человеколюбивый нрав [...] а только к иностранцам, хотя наружно и кажутся они чрезвычайно также ласковы и вежливо с ними обходятся, но внутренно к ним недоверчивы и завистливы», – читаем мы в «Новейшем и подробнейшем историко-географическом описании Китайской империи» И.А. Орлова²². Таково было общее представление о китайцах и их отношении к иностранцам. В 1824 г. было опубликовано трехтомное «Путешествие в Монголию и Китай» Е.Ф. Тимковского²³, а вслед за этим статьи и переводы о Китае начинают публиковать «Московский Телеграф» и «Сибирский Вестник».

В 1820-е годы большую популярность приобретают сочинения о Китае о. Иакинфа (Никиты Яковлевича Бичурина)²⁴ – они даже удостоились внимания А.С. Пушкина и положительных отзывов В.Г. Белинского. Знакомство и дружба Пушкина с Бичуриным началось около 1828 г.²⁵ Рассказы о. Иакинфа (Бичурина), хоть и воспринимавшиеся несколько скептически, настолько захватили поэта, что он даже хотел отправиться в Кяхту или в Китай. 11 октября 1830 г. А.С. Пушкин пишет Н.Н. Гончаровой, что хотел бы отправиться в Кяхту²⁶. Еще раньше, 7 января 1830 г. он обращается к А.Х. Бенкендорфу с просьбой «о позволении посетить Китай с посольством, которое туда отправляется»²⁷.

Речь, конечно, шла не о посольстве, а об 11-й духовной миссии, которая должна была вот-вот отправиться из Петербурга. С ней на Дальний Восток отправлялись друзья А.С. Пушкина – о. Иакинф (Бичурин) и Павел Львович Шиллинг²⁸. Увлечшись коллекционированием китайских и индийских редкостей, книг и рукописей, Шиллинг стал одним из ведущих специалистов МИД по Азиатскому Востоку. Его работы по изучению культуры народов Востока и изданию собранной им вместе с о. Иакинфом (Н.Я. Бичуриным) коллекции китайских документов были отмечены научной общественностью, и в 1828 г. Шиллинг был избран членом-корреспондентом Императорской академии наук по разряду литературы и древностей Востока.

В своих поездках по буддийским монастырям (дацанам) Шиллинг собирал предметы быта и культуры различных народностей и рукописные книги. Все собранное свозилось в Кяхту, где Бичурин выполнял предварительную обработку коллекции. 9 марта 1822 г. Шиллинг с о. Иакинфом (Бичуриным) вернулись в Санкт-Петербург и привезли огромную коллекцию предметов быта, культуры и культа народов Азии, многочисленные книги и рукописи.

Среди предметов, привезенных из Китая, было огромное количество рисунков, составивших альбом «О народах обитающих по берегам Амура от реки Уссури до устья его, по всему берегу Восточного моря от пределов Кореи до границы Российской и по всем островам вдоль всего берега лежащим». То, что рисунки и подписи альбома, с 1822 г. хранящегося в Императорской Публичной Российской национальной библиотеке и неоднократно описанного в печатных каталогах, были выполнены о. Иакинфом, лишь недавно установила историк русского искусства Е.В. Нестерова²⁹.

Некоторое представление о Китае складывалось в русском обществе, в том числе, благодаря художникам, находившимся в составе Духовной миссии.

Первым из них был Антон Михайлович Легашев. Судьба художника складывалась не очень удачно. Обучаясь в Академии художеств с 1820 г., он получил малую и большую сереб-

ряные медали, однако когда в 1825 г. Совет Академии ходатайствовал о присвоении Легашеву звания художника XIV класса, Николай I выразил неудовольствие его работами и присвоение звания отложил. В результате Легашев получил звание некласного художника в 1829 г. и был включен в состав Пекинской духовной миссии.

Он прибыл в Пекин в 1830 г. Перед отъездом в Китай он получил подробные инструкции от Петербургской академии художеств: выяснить состав и способы применения китайских акварелей и других красок, реалистично отобразить встречающихся в пути людей и их одежды, предметы утвари, музыкальные инструменты, оружие, строения, растения и животных. Из отчета, присланного Легашевым в 1839 г., видно, что им в Пекине было исполнено 26 больших исторических и духовных картин и 24 портрета важных китайских сановников.

Кроме того, для русского подворья в Пекине и храма при нем им были написаны «Образ Спасителя», «Св. Дева», «Успение Богородицы», «Св. царица Елена», «Архистратиги Михаил и Гавриил», «Иисус Христос в Гефсиманском саду» и многие другие.

Вернувшись из Пекина в 1841 г., Легашев просил Академию дозволить ему изготовить китайские краски и назначить его преподавателем, но в этом ему было отказано: Академия нашла, что европейские краски лучше китайских, а познания Легашева не так велики, чтобы определить его наставником Академии.

После А.М. Легашева в Китае был Кондратий Ильич Корсалин. 15 августа 1839 г., получив звание некласного художника, он был зачислен кандидатом на должность штатного художника 12-й Русской духовной миссии в Китае, прибыл в Пекин в 1840 г. и пробыл там около трех лет³⁰, написал более 100 портретов чиновников цинской администрации.

По возвращении в Россию Корсалин был возведен в звание академика портретной живописи. Участвовал в академических выставках: в 1861 г. выставил картину «Вид Ван-Шеушана, загородного дворца китайского императора в 8-ми верстах от Пекина» (1860 г., Государственный Русский музей), в 1867 г.

экспонировал «Вид загородного дворца богдыхана, в 16-ти верстах от Пекина». В 1866 г. написал иконы Рождества и Воскресения Христова, которые были установлены в церкви русского консульства в г. Хакодате, в Японии.

В составе 13-й миссии был художник Иван Иванович Чмутов. Он окончил класс исторической и портретной живописи Ф.А. Бруни, а после поездки в Италию учился у П.В. Басина. В 1848 г. И.И. Чмутов был назначен академиком живописи, но программу не представил и на следующий год был зачислен в состав 13-й миссии.

Прибыв в Китай в 1850 г., он провел там целых десять лет, однако законченных работ этого периода у Чмутова осталось не много – несколько зарисовок и акварелей пейзажного и жанрового характера. С некоторых из них были сделаны литографии, напечатанные в книге Е. П. Ковалевского «Путешествие в Китай» (1853 г.) и в «Русском художественном листке» (1858 г.).

После возвращения в Санкт-Петербург И.И. Чмутов представил на выставке Императорской Академии художеств в 1860 г. портреты маньчжурского князя, китайского чиновника III класса и их жен.

При всем различии творческой манеры и возможностей художников, в их работах проявляется нечто общее. Во-первых, главной и в каком-то смысле стилеобразующей здесь является пейзажная и жанровая традиция. В пейзаже стоит отметить перенос интереса с экзотической стороны на ландшафтную. Преобладающий тип пейзажа – это панорама, краски отличаются умеренностью. В жанре на место пасторальных сцен с этническим колоритом все больше выходят бытовые подробности с некоторым даже философским подтекстом. Во-вторых, непосредственное знакомство с культурной традицией Китая накладывает некоторый отпечаток на творческую манеру русских художников.

Подводя итог, можно отметить следующее.

Знакомство русского общества с реальным Китаем началось довольно поздно. Сведения о первых контактах были или засекречены, или забыты. Более или менее известными стали

сведения о посольстве Избранта Идеса и Адама Бранта. Изданная за границей, проиллюстрированная иностранными художниками, книга во многом предопределила традицию восприятия Китая через призму европейского шинуазри.

Накопление сведений о Китае в конце XVIII в. подготавливает русское общество к иному восприятию Китая. Уже в начале XIX в. изображения китайцев носят подчеркнуто этнографический характер. Важной составляющей «узнавания» Китая становится восприятие через систему «свой-чужой». При этом Китай «приближается» настолько, что возникает уже синкретичная культура Кяхты. Популяризации нового образа Китая способствует деятельность Духовной миссии и в особенности о. Иакинфа (Н.Я. Бичурина).

Анализируя образ Китая в русском общественном сознании 30–40-х годов XIX в., В.В. Сербиненко приходит к выводу, что этот образ ничего принципиально нового уже собой не представлял, будучи хорошо известным по западноевропейским образцам стиля шинуазри³¹. В полной мере с ним согласиться нельзя.

В начале XIX в. в русском общественном сознании появляется собственное представление о Китае и китайцах. Оно существенно отличается от «французского Китая» шинуазри, значительно проще и понятнее, экзотика отходит на второй план.

«Шинуазри» постепенно вытесняется значительно более достоверным этнографическим образом, и образ этот, вначале – новый и привлекательный, впоследствии теряет очарование именно в силу своей обыденности. В 1840–1850-е годы мода на Китай еще держится, но уже заметно ослабевает. Дальний Восток вообще несколько отошел на второй план, уступая моде на арабов, персов и турок. Некоторое разочарование в Китае возникает отчасти потому, что Россия, в силу целого ряда причин, утратила свои позиции в дальневосточном регионе. Все больше Китай ассоциируется с косностью и отсталостью – до такой степени, что в полемике западников и славянофилов последних, например, упрекают в «китаизме»³².

Однако это падение интереса продлится недолго – уже в 1850-е годы дальневосточная тема становится довольно значимой не только во внешней политике России, но и в общественном сознании.

-
- ¹ *Аванесов С.С.* Визуальная антропология: образ, субъект и коммуникация // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. Вып. № 9 (137). С. 230.
- ² *Бу Ю-Фанг.* Стилистические тенденции «шинуазри» в русском искусстве второй половины XVIII века: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.04. СПб., 2000. С. 37.
- ³ *Алексеев М.П.* Пушкин и Китай // А.С. Пушкин и Сибирь. М.; Иркутск, 1937. С. 112.
- ⁴ «А от Южного Китая до Северного идти сухим путем шесть месяцев, а морем четыре дня идти... Китайская же пристань весьма велика. Делают там фарфор и продают его на вес, дешево». Цит. по: *Никитин Афанасий.* Хождение за три моря Афанасия Никитина, 1466–1472. М., 1980. С. 102.
- ⁵ См.: *Семенов Л.С.* Путешествие Афанасия Никитина. М., 1980.
- ⁶ См. об этом подробнее: *Мясников В.С.* Новые документы о поездке в Китай Ивана Петлина // Советское китаеведение. 1958. № 1. С. 148–150.
- ⁷ *Идес Избрант, Бранд Адам.* Записки о посольстве в Китай (1692–1695) / вступ. ст., пер. и коммент. М.И. Казнина. М., 1967. С. 371.
- ⁸ См.: *Арапова Т.Б.* Китайские расписные эмали XVIII века с европейскими сюжетами // Научные сообщения Государственного музея искусства народов Востока. М., 1987. Вып. 13. С. 91–111.
- ⁹ *Неглинская М.А.* Шинуазри в Китае: цинский стиль в китайском искусстве периода трех великих правлений (1662–1795). М., 2012. С. 123.
- ¹⁰ *Штелин Я.* Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России. М., 1990. Т. 1. С. 158.
- ¹¹ См.: *Арапова Т.Б.* Китайские изделия художественного ремесла в русском интерьере XVII – первой четверти XVIII века: (к истории культурных контактов Китая и России в XVII–XVIII вв.) // Общество и государство в Китае. М., 1984. Вып. 2. С. 205–210.
- ¹² См.: *Кондаков С.Н.* Юбилейный справочник Императорской Академии художеств, 1764–1914 / сост. С.Н. Кондаков. СПб., [1915]. [2: Часть библиографическая]. С. 107.
- ¹³ См.: *Толстой С.Л.* Федор Толстой Американец. М., 1990.
- ¹⁴ *Федорова О.М.* Вокруг света с Крузенштерном [электронный ресурс] // На века. СПб., 2005. № 7. С. 14. URL: http://www.rba.ru/content/activities/section/06/na_veka/07_2005.pdf (дата обращения: 11.06.2015).
- ¹⁵ Атлас к путешествию вокруг света И.Ф. Крузенштерна (*Krusenstern I.F.* Atlas zur Reise um die Welt ... SPb., 1810–1814. 5 Bde), включающий гравюры, сделанные по рисункам естествоиспытателя В.Г. Тилезуса и астронома И.-К. Горнера, карты, нарисованные лейтенантом Е.Е. Левенштер-

- ном и мичманом Ф.Ф. Беллинсгаузеном под руководством Крузенштерна. Этот атлас – приложение к трехтомному первому изданию описания плавания Крузенштерна. Он включает 33 пейзажа, 44 портрета, 38 изображений животных и растений, 18 карт, 17 листов с видами берегов, 4 листа с изображениями этнографических предметов: «Собрание карт и рисунков, принадлежащих к Путешествию флота капитана 1-го ранга и кавалера Юрия Лисянского на корабле Нева» (СПб., 1812) и английское издание его плавания (*Listansky U. A voyage round the world ... London, 1814*), включающие 13 карт, 3 листа с этнографическими рисунками, 2 пейзажа, выполненные Лисянским; *Langsdorff G. Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803 bis 1807. Frankfurt a. Main, 1812. Bd. 1–2*), которое включает рисунки натуралиста Г.Г. Лангсдорфа – 12 пейзажей, 5 жанровых сцен, 3 портрета, 13 листов этнографических рисунков; 2 пейзажа Е.К. Фридрици и 6 чертежей лодок и байдар, выполненных корабельным подмастерьем И. Корякиным; Альбом Г.Г. Лангсдорфа (*Langsdorff G.H. Plantes recueillies pendant le Voyage des Russes autour du monde par Langsdorff et Fischer. Tübingen: Cotta, 1810*), который включает изображения 30 видов растений.
- ¹⁶ Архивная рукопись Е.Е. Левенштерна включает более 170 рисунков: 36 пейзажей, в том числе 18 японских, 95 изображений этнографических предметов – из них 69 японских, 10 портретов, 16 карт и видов берегов, 9 жанровых сцен, 14 карикатур (ЦГИАЭ*. Ф. 1414. Оп. 3. Д. 3–4). Текст рукописи издан в: *Е.Е. Левенштерн. Вокруг света с Иваном Крузенштерном / сост. А.В. Крузенштерн, О.М. Федорова; пер. с нем. Т.К. Шафрановской. СПб., 2003. 600 с.: ил. Часть иллюстраций опубликована в: Вокруг света с Крузенштерном / сост. А.В. Крузенштерн, О.М. Федорова. СПб., Крига, 2005. 288 с.: ил. Рисунки В.Г. Тилезиуса из альбомов, хранящихся в Москве (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 178. № М106935 (1–2)) частично опубликованы там же: Вокруг света с Крузенштерном. См. также: *Барышева Е.А., Фоменко И.Ю.* Два альбома Тилезиуса фон Тиленау // Восточная коллекция. 2011, лето. С. 122–126). 4 рисунка В.Г. Тилезиуса хранятся в Архиве РАН (Р. IV, т. 1, № 800).*
- ¹⁷ Русский биографический словарь. СПб., 1900. Т. 2. С. 267.
- ¹⁸ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 732 (Спренгпортен Г.М.). Оп. 1. Д. 4. Л. 50–52.
- ¹⁹ О нем см.: *Гончарова Н.Н.* Е.М. Корнеев. Из истории русской графики начала XIX века. М., 1987.
- ²⁰ *Rechberg Charles de. Les peuples de la Russie ou description des moeurs, usages et costumes des diverses nations de l'Empire de Russie, accompagnee de 94 figures colones = (Рехберг Карл. Народы России, или Описание нравов, обычаев и костюмов различных национальностей Российской империи). Paris: D. Colas, 1812–1813. Vol. 1. [2], 13, [138] с., 48 л. ил.; Vol. 2. [2], [138] с., 48 л. ил.*

---

* Архив Эрмитажа – примеч. ред.

- ²¹ Александр Петрович Степанов (1781–1837) – русский писатель, первый губернатор Енисейской губернии, губернатор Саратовской губернии, краевед, близкий друг декабриста Г.С. Батенькова.
- ²² Орлов И.А. Новейшее и подробнейшее историко-географическое описание Китайской империи. Сочиненное коллежским советником и кавалером Иваном Орловым. М., 1820. Ч. 1. С. 185.
- Иван Андреевич Орлов (1765–1840) – причетник 7-й миссии.
- ²³ Егор Федорович Тимковский – тайный советник. В 1820 г. по предложению М.М. Сперанского, бывшего тогда сибирским генерал-губернатором, сопровождал в Пекин духовную миссию во главе с архимандритом Петром Каменским. Возвратился из Китая 1 августа 1821 г. По результатам поездки было издано по Высочайшему повелению на казенный счет трехтомное сочинение «Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах» (СПб., 1824).
- ²⁴ Никита Яковлевич Бичурин (в монашестве Иакинф) (1777–1853) – российский китаевед, член-корреспондент Петербургской АН с 1828 г. С 1807 г. возглавлял духовную миссию в Пекине. По возвращении из Китая в 1822 г. был осужден, лишен звания архимандрита и сослан на Валаам. Затем, по настоянию Министерства иностранных дел, был назначен переводчиком при Азиатском департаменте Министерства.
- ²⁵ Алексеев М.П. Указ. соч. С. 127.
- ²⁶ Пушкин А.С. Письмо Гончаровой Н.Н., 11 октября [1830 г., Болдино]: [перевод] // Пушкин А.С. Письма. М.: Л., 1928. Т. 2: Письма, 1826–1830. С. 109.
- ²⁷ Цит. по: Алексеев М.П. Указ. соч. С. 135.
- ²⁸ Павел Львович Шиллинг (Пауль Карл Эмиль барон Шиллинг фон Канштадт) (1786–1837) – русский ученый, электротехник и востоковед.
- ²⁹ «Первый альбом» о. Иакинфа (Н.Я. Бичурина): исследования и комментарии. СПб., 2010. С. 15.
- ³⁰ Смирнов Г.Ю. А.М. Легашев, К.И. Корсалин, И.И. Чмутов, Л.С. Игорев // Русское искусство: очерки о жизни и творчестве художников. Середина девятнадцатого века. М., 1958. С. 552–556.
- ³¹ Сербиненко В.В. К характеристике образа дальневосточной культуры в русской общественной мысли XIX в. // Общественная мысль: исследования и публикации. М., 1989. Вып. 1. С. 119–139.
- ³² См., например, переписку И.В. Киреевского с А.И. Кошелевым: Киреевский И.В. Полн. собр. соч. М., 1911. Т. 2. С. 273.

Архитектура русского стиля в европейском отражении: рецепция, критика, апология

В литературе, затрагивающей тему русского стиля, общим местом является мысль об оригинальности этого направления на фоне прочих неостилей в архитектуре и декоративном искусстве эклектики. Важнейшим обстоятельством, позволяющим исследователям говорить об особом статусе русского стиля, является невосприимчивость к его эстетической программе за рубежами Российской империи¹. Принято считать, что иностранные архитекторы избегали включать формы русского стиля в свой творческий репертуар, а зарубежные заказчики не имели сочувствия к идеологии русского стиля. Последнее кажется логичным, ведь в содержательном плане русский стиль служил визуальной репрезентацией представления о независимости и самобытности русского зодчества, развивавшегося вплоть до Петровских преобразований «свободно и правильно, без посторонних давлений»².

Страстным пропагандистом русского стиля был В.В. Стасов, для которого первостепенную важность имела связь этого феномена не столько с допетровской традицией зодчества, сколько с практикой народного деревянного строительства³. Но и «демократическое» истолкование русского стиля зиждилось на признании его исключительным достоянием отечественных архитекторов, ради чего Стасову пришлось специально заверять своих читателей в «русскости» В. Гартмана и И. Ропета – главных, по его мнению, мастеров подлинно национально-го стиля⁴.

Нарратив, выработанный современниками, был некритически воспринят отечественными архитектуроведами советского времени, которым пришлось работать в ситуации «железного занавеса». В результате этого описание русской архи-

тектуры XIX в. лишалось того интернационального контекста, без учета которого многие явления в ней оказываются необъяснимыми. Неосвещенным оставался и вопрос о территориальных границах русского стиля, о его рецепции за рубежами Российской империи и о восприятии этого явления иностранцами.

В этой небольшой статье я постараюсь показать, что дискуссия о русском стиле во второй половине XIX в. вовсе не была делом исключительно отечественных специалистов. В Европе с интересом наблюдали за этими поисками и даже не только в роли пассивных созерцателей. Здесь уместно напомнить о том, что хронологически самым ранним опытом комплексного описания и анализа истории русской архитектуры стал труд Э.Э. Виолле-ле-Дюка, напечатанный в Париже в 1877 г. и через два года изданный в русском переводе Н.В. Султанова⁵. На страницах журнала «Зодчий», выходявшего с 1872 г., можно найти материалы, дающие представление о том, какую реакцию вызывало в Европе обращение русских архитекторов к разработке национально-самобытных мотивов, и о распространении этих мотивов в практике их европейских коллег. Наряду с публикациями в «Зодчем», источниками для исследования данного вопроса могут служить материалы зарубежной прессы. Кроме того, мною будет использована современная справочная литература, посвященная православному церковному строительству за рубежом.

Фактором, повлиявшим на распространение русского стиля за пределами Российской империи, стали, в первую очередь, междинастические браки, связавшие в XIX столетии Романовых со многими правящими домами Европы. Кроме того, благодаря развитию железнодорожного сообщения, выросла мобильность представителей обеспеченных слоев общества. Практика длительных путешествий и выездов на европейские курорты потребовала устройства православных духовных центров вдалеке от России. И хотя заказ на строительство храма, исходивший от русских путешественников или эмигрантов, чаще всего выполнялся русским архитектором (как правило, связанным с Академией художеств и/или придворными кругами), имели место некоторые исключения.

В качестве примера может служить собор святителя Николая в Штутгарте, возведенный в 1895 г. по проекту немецкого специалиста Людвига Айзенлора. Появление в Штутгарте православной миссии объясняется матримониальными связями русской императорской семьи с Вюртембергским двором. Инициатива постройки храма исходила от герцогини Веры Константиновны (1864–1912), внучки императора Николая I, супругой Вильгельма-Евгения Вюртембергского⁶.

Здание храма в трактовке Л. Айзенлора имеет асимметричную композицию, состоящую из основного четверика, вытянутого с запада на восток, крытой паперти и примыкающего с юго-запада входного крыльца, над которым возвышается шатровая колокольня. Последняя является наиболее близкой по формам к русскому стилю, в его модной тогда «московско-ярославской» версии. Основной же четверик таких ассоциаций не вызывает, даже несмотря на применение узнаваемых деталей допетровской архитектуры – наличников со сдвоенными кокошниками, угловых лопаток, обработанных ширинками, карнизов с сухариками и т.п. Подчеркивая высокое качество отделочных работ, выполненных внутри церкви местными подрядчиками, обозреватель журнала «Зодчий» отмечал вместе с тем, что «стиль ее и пропорции заставляют желать очень многого»⁷.

Для того, чтобы понять, под каким углом зрения воспринимался русский стиль в Германии, следует помнить о том, что вторая половина XIX в. в Западной и Центральной Европе ознаменовалась разочарованием в романтической идее использовать неклассические формы средневековой архитектуры в интересах будущего. Задаваясь в 1884 г. риторическим вопросом о том, какой из исторических стилей является высшим (наиболее достойным возрождения в современных условиях), архитектор и профессор Королевского колледжа в Лондоне Роберт Керр заключал: «Ренессанс в той или иной из своих форм»⁸. Архитектура Возрождения выражала не только важную для эпохи идею всеобъемлющей красоты, но и идеалистические устремления буржуазной Европы, склонной ассоциировать себя с итальянскими городами-республиками, культура и

общественно-бытовой уклад которых был «открыт» для современников Георгом Фойгтом и Якобом Буркхардтом⁹. Именно в таком идейном контексте развивалось творчество Готфрида Земпера, активного поборника неоренессанса и мастера, которому, по мнению соотечественников, «удалось разрешить запутанный вопрос о стиле, вполне отвечающем запросам времени»¹⁰.

На этом фоне деревянные терема и каменные храмы в русском стиле, проекты которых можно было видеть в экспозиции Российской империи на Всемирных выставках, должны были вызывать неоднозначную реакцию. В обзоре архитектурной части русского отдела выставки 1873 г. немецкий журналист был предельно скептичен: «Считаем, однако, нужным заметить, что усваиваемый ими (русскими архитекторами. – *И.П.*) с особым пристрастием русский стиль не составляет плодотворной почвы, на которой могла бы взрасти и развиваться самостоятельная русская школа. На усвоение этого стиля, к которому принадлежит множество выставленных в Вене проектов, частью уже исполненных, мы смотрим единственно как на распространяемую под напором современной национально-русской пропаганды моду, которая, продержавшись некоторое время, вслед за тем непременно исчезнет. Что новое направление могло достигнуть такого значения – в этом факте мы видим прямое сильнейшее доказательство отсутствия в петербургской архитектурной школе принципа. <...> Достоинно, тем не менее, удивления умение русских академиков справляться с этим стилем и то искусство, с каким они умеют смягчить его грубость, облагородить его пропорции и формы, так что в большинстве случаев им удается достигнуть оригинальных и прекрасных эффектов. В классической стране противоречий, где благороднейшие произведения человеческой умственной культуры стоят рядом с плевелами чистейшего варварства, – нас не должна столько поражать странность художественных противоречий, ибо последние возникли из сочетания художественных форм Греции с причудливой пышностью древне-Московии»¹¹.

Резонно предположить, что немецкое неприятие архитектурных опытов русского стиля не разделялось в соседней Франции. В пользу этого свидетельствует не только упомянутый выше труд Э.Э. Виолле-ле-Дюка, искренне попытавшегося обосновать самобытную природу русского средневекового зодчества, но и архитектурно-строительная практика. На парижской Всемирной выставке 1889 г., прославившейся в первую очередь 300-метровой башней конструкции Гюстава Эйфеля, экспонировалось небольшое сооружение в русском стиле, созданное французским архитектором. По проекту Шарля Гарнье, находившегося в зените славы после постройки Оперы, были возведены 44 компактных здания, каждое из которых представлял формы жилой архитектуры разных времен и народов¹². Наряду с «жилищем египтян», «жилищем ассирийцев» и «жилищем галло-романской эпохи», вниманию посетителей предлагался и «дом в русском стиле XV века» – изящная постройка с большими оконными проемами и бочкообразной кровлей, весьма отдаленно напоминавшая традиционные для выставочных репрезентаций России «теремки». Русский стиль (с отчетливым ближневосточным характером) выступал у Гарнье как страница из этнографического атласа и один из языков «исторических цивилизаций»¹³, чья экзотичность увлекает художника возможностью нового творческого опыта.

Аналогичное прочтение русского стиля демонстрирует каменный храм Пресвятой Богородицы и Николая Чудотворца в Ментоне, на Французской Ривьере. Курортный Ментон, расположенный примерно на середине пути между Сан-Ремо и Ниццей, стал в последней четверти позапрошлого столетия одним из центров русской благотворительности за рубежом. В 1880 г. здесь было основано «Русское общество вспоможения нуждающимся соотечественникам», поскольку место это было последней надеждой и пристанищем для множества больных чахоткой из России¹⁴. Постройка православной церкви, осуществленная при активном содействии жившей на Ривьере великой герцогини Мекленбург-Шверинской Анастасии Михайловны (1860–1922), внучки Николая I и двоюродной сестры Александ-

ра III, была закономерным продолжением этой социальной программы.

По сведениям С.Н. Забелина (в тексте которого, впрочем, нет ссылки на источник информации), храм был спроектирован в 1892 г. датчанином Гансом-Георгом Терслингом¹⁵, учеником Гарнье и одним из преуспевающих архитекторов Лазурного побережья, обладавшим репутацией строителя роскошных вилл, казино и отелей. Если Л. Айзенлор в Штутгарте пытался оперировать аутентичными формами русского стиля, почерпнутыми, видимо, из доступных ему изображений, то Терслинг, кажется, больше полагался на свои художественную фантазию и вкус. Он трактовал русский стиль как вариант ориентализма, в котором тектоническая логика с успехом заменяется фантастичностью и приоритетом декоративного начала. Архитектура ментонского храма позволяет распознать в ней симбиоз неороманских, неоготических и неомавританских мотивов, из которого возникает форма, одинаково не тождественная ни тому, ни другому, ни третьему, но при этом бесспорно выразительная и изящная. Последнее из упомянутых качеств доходит почти до рокайльной грациозности в декоративных главках, разнесенных по углам четверика и поддерживаемых консолями, подобно башенкам крепостного бастиона.

Наряду с храмом в Ментоне, несомненный интерес для нашего обзора представляет церковь Михаила Архангела в Каннах, которые были вторым по значимости «русским» городом Французской Ривьеры после Ниццы. Здание храма, потребность в котором была вызвана численным разрастанием русской колонии на Лазурном Побережье, возводилось с 1894 по 1896 г. на средства частных благотворителей, в первую очередь великих князей¹⁶. Имя автора проекта не установлено¹⁷, но он, по-видимому, также увидел образ русской церкви сквозь призму местной архитектурной моды. Можно было бы сказать, что композиция храма в Каннах напоминает русские одноглавые церкви, покрытые на четыре ската. Однако конфигурация алтарной части, где апсиду заменяет прямоугольный выступ, для русского стиля столь же не характерна, как и сложная фактура каменной облицовки фасадов. Но самым оригинальным эле-

ментом внешней композиции, безусловно, является колокольня – поднятая на четырех пилонах, необычайно легкая по массам и тем очень мало напоминающая русские аналоги.

Пожалуй, наиболее «русским» по своему облику из храмов, воздвигнутых на Ривьере, является храм Христа Спасителя в Сан-Ремо, строившийся в 1912–1913 гг. на средства родовитых курортников из России по эскизу А.В. Щусева. Разработка детального проекта была осуществлена местным инженером-архитектором Пьетро Агости¹⁸, применившим в качестве конструктивной основы здания железобетонный каркас, что обеспечило сжатые сроки завершения строительства.

Композиция храма в Сан-Ремо действительно очень близка к образцам русского стиля, ориентированного на «московско-ярославское узорочье» XVII столетия. Стройный четверик завершается аттиковым поясом кокошников и венчается компактным пятиглавием (световым является только центральный барабан). Фактурная полихромная облицовка луковичных глав с очевидностью отсылает к популярному прообразу – московскому собору Покрова на Рву (Василия Блаженного). Шатровая колокольня, примыкающая к четверику с южной стороны, дополняет впечатление аутентичности облика храма. При ближайшем рассмотрении выясняется, что обработка фасадов не характерна для «московско-ярославского узорочья» и более напоминает резной византийский декор: карнизы, капители полуколонн, архивольты и т.п.; многоцветные керамические изразцы в ширинках заменены рельефными розетками. Любопытно, что сами итальянцы определяют стиль русской церкви в Сан-Ремо как «византийско-мавританский»¹⁹.

Впрочем, итальянская почва всё-таки оказалась наиболее восприимчивой к содержательной стороне русского стиля, даже если на уровне формы получалось не слишком убедительно. В 1881 г. в числе сооружений Национальной выставке в Милане была возведена «русская изба», спроектированная архитектором Карло Форменти. Миланская постройка не имела никакого отношения к России: в ней разместилась лавка итальянского торговца вином и газированной водой²⁰. «Русская изба» не была разобрана, подобно другим павильонам выставки, а,

будучи выкуплена миланским муниципалитетом за 12 тысяч лир, продолжала использоваться по первоначальному назначению и простояла вплоть до 1943 г., когда погибла во время одной из бомбардировок города союзниками²¹. Пресса, сообщавшая об открытии павильона Форменти, не только расхваливала его, называя одним из самых удачных на выставке, но и вполне раскрывала его идейный подтекст: «Павильон призван напомнить о бедной России в самой гениальной ее части, т.е. в характерных очертаниях ее хижин, о России без нигилистов и динамитных взрывов. Единственные взрывы, раздающиеся [здесь] с утра до вечера, – это хлопки открывающихся бутылок и взрывающих ввысь пробок»²².

Перед нами – емкое описание образа России, какой она виделась европейцам конца XIX в. Причудливая бревенчатощатровая архитектура, наряду с газетными сообщениями о петербургских бомбистах, могла стать подходящей темой для беседы миланцев за бокалом холодного просекко. И это обстоятельство говорит об успешности русского стиля как проекта, фундаментальная цель которого заключалась в конструировании русской идентичности посредством архитектуры. Русский стиль органично вписался в репертуар европейской эклектики, обозначив при этом вполне определенные грани русского культурного мифа, адресованного западному зрителю.

---

¹ См., например: *Лисовский В.Г.* «Национальный стиль» в архитектуре России. М., 2000. С. 4.

² [*Парланд А.А.*]. Храм Воскресения Христова, сооруженный на месте смертельного поранения в Бозе почившего Императора Александра II на Екатерининском канале в С.-Петербурге. СПб., 1907. С. 1.

³ См.: *Стасов В.В.* Двадцать пять лет русского искусства. Наша архитектура // *Стасов В.В.* Избранные сочинения: в 3 т. М., 1952. Т. 2. С. 519 и след.

⁴ «Не надо, на основании их фамилий, воображать себе, что они немцы. Нет, они даже по-немецки-то никогда и не знали» (Там же. С. 517). «Иван Павлович Ропет» – псевдоним архитектора Ивана Николаевича Петрова.

⁵ *Виолле-ле-Дюк Э.Э.* Русское искусство, его источники, его составные элементы, его высшее развитие, его будущность. М., 1879. См. подробнее: *Pechenkin I.* To the Origins of “Russian Style” of 19th Century Architecture: Between East and West // *Texts: Art and Literature Scientific and Analytical Journal.* Bruxelles, 2013. 2. P. 59–76.

- ⁶ Русские храмы и обители в Европе / авт.-сост. В.В. Антонов, А.В. Кобак. СПб., 2005. С. 78–86.
- ⁷ Шмеллинг Л. Русские православные церкви за границей // Зодчий. 1900. № 7. С. 91.
- ⁸ Цит. по: *Pevsner N. Some Architectural Writers of the Nineteenth Century.* Oxford, 1972. P. 301, 308. См. также: *Кожар Н. «Renaissance des beaux arts» и неоренессанс в архитектуре XIX века // Архитектура мира. Запад–Восток: архитектурные школы Нового и Новейшего времени. М., 1998. Вып. 7. С. 89–95.*
- ⁹ Имеются в виду первые издания книг: *Voigt G. Die Wiederbelebung des classischen Alterthums oder das erste Jahrhundert des Humanismus.* Berlin, 1859; *Burckhardt J. Die Kultur der Renaissance in Italien.* Basel, 1860.
- ¹⁰ *Брекер М. Очерк истории искусств.* СПб., 1898. С. 240.
- ¹¹ Взгляд немецкой прессы на русскую архитектуру, представленную на Всемирной выставке в Вене // Зодчий. 1874, № 7. С. 92 (Хроника).
- ¹² *Garnier Ch., Ammann A. L’Habitation Humaine.* Paris, 1892. P. 702.
- ¹³ *Bouvier B. Charles Garnier (1825–1898), architecte historien de L’Habitation humaine // Livraisons d’histoire de l’architecture.* 2005. Vol. 9, no. 1. P. 47.
- ¹⁴ Русские храмы и обители в Европе. С. 283.
- ¹⁵ *Забелин С.Н. Русские церкви в Европе // Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1999. С. 589–600.* В книге «Русские храмы и обители в Европе» В.В. Антонова и А.В. Кобака церковь в Ментоне фигурирует как анонимная постройка. См.: *Антонов В.В., Кобак А.В. Указ. соч. С. 284.*
- ¹⁶ *Забелин С.Н. Указ. соч. С. 589–600.*
- ¹⁷ Русские храмы и обители в Европе. С. 273.
- ¹⁸ См.: *Талалай М.Г. Русская церковная жизнь и храмоздательство в Италии.* СПб., 2011. С. 129. А.В. Щусев посчитал свой эскиз настолько сильно искаженным в постройке П. Агости, что фактически отказался от авторства.
- ¹⁹ См.: Там же. С. 130.
- ²⁰ All’Esposizione Nazionale. Davanti al padiglione russo // *L’Illustrazione Italiana.* 1881. 17 luglio (no. 29). P. 58.
- ²¹ Esposizione di Milano 1881 / a cura di G. Lopez. Milano, 1981. P. 25.
- ²² *L’Illustrazione Italiana.* 1881. 17 luglio (no. 29). P. 58.

VI

«ДРАНГ НАХ ОСТЕН?..» РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ

Е.В. Мамонова

Немецкий опыт в русской интерпретации: освещение культуркампа в публицистике М.Н. Каткова

В 1863 г. Россия, при подавлении польского восстания, столкнулась с активной вовлеченностью католического духовенства в национальное движение. Как подчеркивал в одной из своих статей, пользовавшихся исключительной популярностью, М.Н. Катков, обосновывавший, а во многом и вдохновлявший политику империи в Польше, «властолюбивой шляхте, желающей властвовать над русским народом, подало руку властолюбивое римско-католическое духовенство, желающее поработить православную Церковь»¹. Это потребовало принятия ряда мер, накладывавших ограничения на действия католических организаций, что в свою очередь приводило к упрекам (в том числе со стороны папы римского) в религиозных притеснениях и даже гонениях. В защиту проводимой государством политики Катков зачастую ссылался на то, что римский папа обвинял в гонениях на католицизм не только православную Российскую империю, но и многие протестантские и даже католические государства Европы, из-за «необходимости для каждого государства без исключения защищать свои интересы, интересы своих народов от чрезмерно властолюбивых притязаний латинской церкви»². Действительно, и в

Европе католическая иерархия постоянно вступала в конфликт с окружающей действительностью. В 1864 г. появился знаменитый «Силлабус», по оценке И.С. Аксакова, – акт отлучения от Церкви современной цивилизации³. В 1870 г. на I Ватиканском соборе был принят догмат о папской непогрешимости. В том же году в результате объединения Италии папа лишился своих владений и объявил себя «ватиканским пленником». В Германской империи после объединения началась многолетняя борьба за контроль государства над католической церковью, получившая впоследствии название «культуркампф». Неоднократно рассматривая в своих статьях вопрос о том, каким должно быть положение католической церкви в государстве, Катков, разумеется, обращался к зарубежному опыту. Особенно интересны с этой точки зрения его передовицы о конфессиональной политике Бисмарка. Михаил Никифорович следил за борьбой между германским правительством и католической иерархией с азартом болельщика. В этих статьях ярко отразились его представления о католицизме и о тех принципах, на которых должна основываться государственная политика в отношении к нему. Но если взгляды Каткова на русско-германские отношения⁴ и на политику Бисмарка⁵ уже нашли отражение в историографии, его позиция относительно культуркампфа еще не стала предметом специального исследования.

В первую очередь надо заметить, что борьбу германского государства с католической иерархией Катков считал вынужденной, а жесткие меры – необходимыми. «В Германии после блистательных побед, создавших ее единство, – писал он, – возникло тревожное опасение за политику Римского престола, который числит в Германии множество подданных, особенно при новом догмате, дающем папе столь безусловную власть над совестью людей и при всегдашних притязаниях Римской церкви вмешиваться в политические дела. Могло бы случиться, что римско-католическое духовенство в Германии, следуя указаниям из Рима, стало бы направлять пасомые им населения против Германии и в смысле ее врагов»⁶. Была ли эта угроза реальной? Трудно сказать. С одной стороны, некоторые совре-

менные германские историки пишут, что Бисмарку просто нужен был общий враг для мобилизации и объединения общества⁷. С другой стороны, Катков отмечал, что вообще-то католическое духовенство вовсе не гнушалось использовать духовный авторитет в политической борьбе. Так, в Австрии, по его словам, «церковь явно вступила в борьбу не только с министерством, но и с повелениями законодательной власти, орудуя для своих целей всеми подручными средствами и не стесняясь даже, для осуществления их, злоупотреблением церковной кафедры и причастия»⁸. Впрочем, речь шла не только об опасениях. Катков цитировал немецкие газеты, утверждавших, будто «папа поставил себе целью разрушение Германской империи»⁹, и империя вынуждена была защищаться. Уже в 1872 г. он писал, что эта борьба «достигла, по-видимому, того пункта, за которым паллиативные меры оказываются обыкновенно недостаточными и является необходимость приступить к решительным действиям»¹⁰.

Катков четко формулирует идею Бисмарка, с которой полностью солидарен: подданные любого вероисповедания должны признавать государственные законы, а не иметь высший авторитет на стороне. Михаил Никифорович называет очень убедительной речь профессора Гнейста, возмущенного претензиями католической иерархии на право оставаться вне государственного контроля. «Государство, – рассуждал он, – принуждает родителей-католиков крестить своих детей по обрядам католической церкви, – но не смей оно заботиться о том, чему учит эта церковь и какие обязанности возлагает на восприемников. Государство должно принуждать католических подданных вступать в брак по правилам этой церкви, – но не смей оно спрашивать, признает ли священник прусский закон о браке. Государство обязывает подданных платить налоги в пользу церкви, оно наделяет католическую церковь богатыми дотациями, – но не смей оно спрашивать, употребляются ли эти доходы для церковной надобности или для других целей. Государство обязывает детей учиться правилам католической веры, – но не смей оно справляться, чему учат их священники. Государство наказывает за оскорбление духовного сана, за на-

рушение тишины при богослужении, но оно, говорят, не должно справляться, какие изменения вносятся в церковные учреждения... Мы, со своей стороны, могли бы присовокупить, – добавляет Катков, – что государство, обеспечивая порядок и самое существование римской католической церкви, имеет полное право и обязанность требовать, чтоб она не была враждебным государству политическим или национальным учреждением»¹¹.

При этом политика Бисмарка в вероисповедном вопросе не казалась Каткову антирелигиозной или антицерковной. «Не подлежит сомнению, – утверждал он, – что государство вооружилось не против церкви как собрания верующих, а только против политических интриг под прикрытием церкви»¹². Смысл этой политики Михаил Никифорович видел в том, чтобы «выбить римско-католическую церковь из ее политических и национальных союзов»¹³. Собственно, этого же результата Катков желал бы добиться и в России. «Можем ли мы ожидать, – задавался он вопросом, – чтобы католическое духовенство, признаваемое и содержимое нашим правительством, было искренно предано интересам России, когда оно принуждено считать себя органом и символом враждебных России, недозволительных в ней национальных польских притязаний?»¹⁴

Впрочем, нетрудно заметить, что необходимость вмешательства и контроля была связана с тем официальным положением, которое занимала католическая церковь в России и в Германии. Однако это официальное положение не казалось Каткову правильным и необходимым. Примером для подражания в этом вопросе для него была Англия, где, по его словам, не было ничего подобного. Публицист отмечает, что состоявшийся в Лондоне митинг для выражения сочувствия папе Пию IX и изгоняемым из Германии иезуитам «прошел без всякого шума и возражений и не возбудил ничего беспокойства». «Не свидетельствует ли этот факт, – риторически вопрошал Михаил Никифорович, – как безвреден и безопасен может быть католицизм в не католических странах, если только он поставлен в надлежащие отношения к государству?»¹⁵ В чем же суть этих «надлежащих отношений»? Она, по словам Кат-

кова, заключается в том, что «с тех пор как в нынешнем столетии католики в Англии были совершенно уравнены в гражданских и политических правах с протестантами, государство, продолжая признавать только государственную церковь, воздержалось от всякой опеки и заботы о других исповеданиях, требуя от их последователей только одного, чтоб они наравне со всеми прочими гражданами повиновались законам страны. Так, английское правительство не препятствует назначению католических епископов в Англии, но и не заботится о том, чтоб они были назначены; точно также и в деле воспитания оно не запрещает католических школ, но устраняет зато от себя всякую заботу о их содержании, и до сих пор католики не жаловались на такое положение»¹⁶. Именно такая схема взаимоотношений католической церкви и государства казалась Каткову идеальной, хотя и не осуществимой сразу ни в Германии, ни в России.

Катков неоднократно подчеркивал, что основной задачей «культуркампа» было выстраивание границ. «Нужно было, – писал публицист, – не касаясь собственно церковных дел и предоставляя полную свободу всем вероисповедникам, вооружиться правом надзора, контроля и вмешательства, чтоб иметь возможность пресекать всякое уклонение римского духовенства в политическом смысле, которое бы стало опасным для государства»¹⁷. Прямая цель законопроектов, обсуждаемых в 1873 г.¹⁸, по словам Каткова, – «дать государству средство защиты от возможных политических интриг под авторитетом церкви»¹⁹. Принимаемые правительством меры должны были, как считал, ссылаясь на подконтрольные Бисмарку газеты, публицист «поставить всю католическую церковь в невозможность вредить Германии, заставить ее уважать законы и благо страны»²⁰. В результате же всего этого, полагал он, «то привилегированное положение, которое занимала до сих пор в Германии католическая церковь в смысле государственного учреждения, должно постепенно пасть, и вместе с тем рушится и то влияние, которым пользовалась ультрамонтанская партия среди католического населения»²¹.

На самом деле все было несколько сложнее. Обсуждавшиеся в газетах и в законодательных палатах идеи предполагали не только «полное устранение католического духовенства от школы» и «введение гражданского брака» (что действительно лишило бы церковь государственных функций), но и «ограничение власти иерархии над членами церкви, высшего духовенства над низшим»²². Катков в числе целей, «к коим должна стремиться церковная политика правительства», называл не только «разобщить южно-германских партикуляристов и ультрамонтанов», но и «ослабить власть духовенства, ограничить его права по наложению церковных наказаний»²³. Между тем, самому Каткову было вполне понятно, что здесь речь идет не о размежевании церкви с государством, но о вмешательстве государства в собственно церковные дела. Отметив, что и в Австрии отношения между епископатом и правительством далеко не безоблачные, Михаил Никифорович утверждал, что там «были бы немислимы некоторые меры, принимаемые ныне прусским правительством относительно римской церкви, как, например, назначение протестантского пастора инспектором над римско-католическими училищами, или восстановление отлученного старокатолика в должности каноника кафедрального собора с обязательною для всех совещаний капитула этого собора подписью отлученного каноника. Еще менее были бы возможны в Австрии правительственные меры вроде объявлений, состоявшихся во многих местностях Познанской, Фульдской и других епархий, что все церковные отправления и таинства, как бракосочетания, крестины и прочее, совершаемые и уже совершенные приходским священником, присланным от епископа без утверждения правительства, будут считаться недействительными»²⁴. Примечательно, что Михаил Никифорович, с одной стороны, ни разу не осуждает Бисмарка за подобные меры, с другой стороны, с гордостью отмечает, что в России гораздо больше веротерпимости, что здесь невозможно столь бесцеремонное отношение к внутренним делам той или иной конфессии²⁵. В статьях, посвященных положению католиков в Российской империи, он никогда не предлагает ничего подобного (в основном его идеи сводятся к «располя-

чиванию» католической церкви, то есть к тому, чтобы «разрешить» использовать русский язык в дополнительном католическом богослужении – не вместо латыни, а вместо польского, и по возможности влиять на национальный состав духовенства, привлекая католических священников из славянских стран, или из немцев, только чтобы поляков поменьше). Более того, применительно к Российской империи, Катков решительно возражает против вмешательства во внутри конфессиональные вопросы (например, он считает абсурдом рассмотрением католических богослужебных книг православной духовной цензурой).

Кроме того, в проведении антикатолических законопроектов германское правительство опиралось на поддержку либералов, для которых, по словам Каткова, «вера есть не больше как простая мораль», тогда как для множества людей «дороги интересы родного германского государства», но «они для них все-таки не дороже свободы совести и того сокровища, которое они имеют в вере»²⁶. И потому не только католики, но и многие протестанты в Германии боятся, чтобы, в результате политики Бисмарка, «неверие не овладело церковью; они опасаются вольнодумства будущих священников»²⁷. В результате, хотя Катков и сочувствовал проводимой Бисмарков политике, радовался ее успехам, как правило, несколько преувеличивая их, одновременно он констатировал, что складывавшаяся ситуация совсем не так безоблачна: «Немецкие публицисты... торжествуют успехи. Пассивное сопротивление ультрамонтанов им не страшно, но они с боязнью видят, что вероисповедный мир исчез; вражда между католиками и не католиками ожила с новой силой, и никогда еще не были так неприязненны друг другу верующие и неверующие»²⁸. Михаил Никифорович делал вывод, что католическим епископам все-таки удалось превратить борьбу из политической в религиозную.

Однако сам он продолжал воспринимать и изображать эту борьбу как исключительно политическую. Уже в 1878 г., описывая попытки нового папы Льва XIII наладить отношения с германским правительством, Катков цитирует его письмо, в котором католическим епископам предписывается с «покорностью и послушанием» «исполнять законы (те однако, кото-

рые не противоречат вере и долгу католиков)», и резюмирует, что, следовательно, борьба продолжается, ибо ультрамонтаны толкуют вновь принятые законы как противоречащие велениям церкви²⁹. Понимал ли он, что любой христианин и относительно законов любого государства обязан делать ту же оговорку? Скорее всего, да. Но именно применительно к католикам ситуация виделась ему несколько иной: что противоречит «вере и долгу католиков», решал непогрешимый папа, являющийся не только главой церкви, но и светским государем³⁰. Именно этот ракурс позволял Каткову игнорировать вопрос о том, не нарушают ли те или иные действия германского правительства свободы совести и прав верующих. Для сравнения можно сказать, что к другим конфессиям – например, к старообрядцам или к старокатоликам – Катков относился как к религиозному феномену³¹. Католики же были для него явлением преимущественно светским и политическим.

В то же время, игнорируя притеснения католиков в Германии и даже сочувствуя правительству Бисмарка в его борьбе с ультрамонтанами, Катков не призывал заимствовать и применять в России те или иные меры. Однако он и не акцентировал их неприемлемость. Для него было гораздо важнее указать своим читателям на сходство проблем, возникающих у некатолических государств с католицизмом, и на те принципы верховенства закона над конфессиональными дисциплинарными нормами и лояльности подданных, исходя из которых следовало их так или иначе решать.

---

¹ Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей, 1863 год. М., 1897. № 130. Далее: Катков, 1863 год.

² Там же. № 154-А.

³ Аксаков И.С. Сочинения. М., 1886. Т. 4. С. 309.

⁴ Хевролина В.М. Власть и общество: борьба в России по вопросам внешней политики, 1878–1894 гг. М., 1999. С. 22–41.

⁵ Так, например, В.А. Твардовская отметила, что для Каткова Бисмарк был «наиболее близким по духу государственным деятелем», а его опыт борьбы с социалистическим движением расценивался московским публицистом как «почтительный». См.: Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия: (М.Н. Катков и его издания). М., 1978. С. 231.

- ⁶ Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей, 1873 год. М., 1897. № 111-А. Далее: Катков, 1873 год.
- ⁷ Такая версия политики Бисмарка получила наименование «негативная интеграция». Согласно ей, «железный канцлер» имитировал внутренние конфликты «таким образом, чтобы иметь возможность вести большинство “верных империи” элементов против меньшинства “врагов империи”, которые должны были казаться “серьезной опасностью”, не представляя, тем не менее, на деле угрозы сложившейся системе». Цит. по: Беспалова Л.Н. Немецкие историки о методах управления Отто фон Бисмарка // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы. Нижневартовск, 2013. Ч. 1. С. 8.
- ⁸ Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей, 1872 год. М., 1897. № 182, 195-А. Далее: Катков, 1872 год.
- ⁹ Там же. № 161.
- ¹⁰ Там же. № 102.
- ¹¹ Там же. № 124.
- ¹² Катков, 1873 год. № 111-А.
- ¹³ Катков, 1872 год. № 46.
- ¹⁴ Катков, 1863 год. № 168.
- ¹⁵ Катков, 1872 год. № 175.
- ¹⁶ Там же. № 175.
- ¹⁷ Катков, 1873 год. № 111-А.
- ¹⁸ Законы об образовании и назначении священников, о границах дисциплинарной власти церкви, об учреждении королевского суда по церковным делам, об ограничении права церковных наказаний и выходе из церкви.
- ¹⁹ Катков, 1873 год. № 111-А.
- ²⁰ Катков, 1872 год. № 161.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ Катков, 1873 год. № 304-А.
- ²⁴ Там же. № 199-А.
- ²⁵ Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей, 1871 год. № 160; Катков, 1872 год. № 87-А.
- ²⁶ Катков, 1872 год. № 56.
- ²⁷ Там же. № 111-А.
- ²⁸ Катков, 1873 год. № 111-А.
- ²⁹ Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей, 1878 год. М., 1898. № 332-А.
- ³⁰ См., например: Катков, 1872 год. № 182.
- ³¹ Подробнее см.: Мамонова Е.В. : 1) Старокатолическое движение в публицистике М.Н. Каткова // Вестник Православного Свято-Гихоновского гуманитарного университета. Серия 2, История. История Русской Православной Церкви. 2012. № 4 (47). С. 102–110 ; 2) Единоверие в публицистике М.Н. Каткова // Ключевские чтения-2011. М., 2011. Т. 1. С. 199–206.

**Немецким автомобилем
по русскому бездорожью:
восприятие западных инноваций
в Российской империи**

Век железных дорог существенно изменил представления людей о пространстве и расстояниях. Но если железная дорога, связавшая крупные города и промышленные центры, предполагала дальние поездки, то более локальные маршруты стало возможным преодолевать на автомобиле. Появившись на исходе XIX в., к 1910-м годам автомобиль проник на все континенты, уверенно вытесняя тарантас, дилижанс и карету. В России начала XX в. внимательно следили за прогрессом в этой области: «Автомобильное дело теперь развивается с такой быстротой, с какой свое время отнюдь не росло железнодорожное...», – отмечал в 1913 г. обозреватель газеты «Речь»¹. Однако до конца 1920-х годов автомобиль оставался практически исключительно импортным продуктом. Современные тому времени журналисты нередко говорили о «ничтожестве» российской автомобильной жизни: «Второй год XX столетия окончательно и незыблемо установил прочное положение автомобилизма в современной жизни. Постараемся припомнить заслуги старого года, так много поработавшего на пути прогресса. Мы начнем, конечно, с “заграницы”, т.к. если движимые ложным патриотизмом, поставим на первое место нашу “рассейскую” автомобильную жизнь, то – увы! только убедимся в ее ничтожестве», – писал в 1903 г. один из ведущих отечественных автомобильных журналов². В 1911 г. из 5492 автомобилей только 37 были отечественного производства³. IV Международная Автомобильная выставка 1913 г. ярко подчеркнула преобладание на российском рынке немецких производителей: свою продукцию представили на выставке 27 фирм из Герма-

нии, 21 – из Франции, 9 – из Англии, 6 – из Америки, 5 – из Италии и т.д.⁴

Официальные представительства фирм-производителей появились в России уже в конце XIX в. Первым был Карл Шпан, который начал импортировать немецкие автомобили «Бенц». Затем вперед ненадолго вырвались французские компании, но уже с 1905 г. на рынке России снова доминировали немцы. К 1914 г. их доля возросла до 82% всего российского автомобильного рынка, между тем как французов со второго места вытеснили англичане. Успех германских дилеров объяснялся многими причинами: и территориальной близостью, и отлично налаженной рекламой вкупе с умением угодить российскому покупателю (вплоть до эмблем и логотипов на русском языке), и успехами немецких автомобилей в различных гонках и пробеггах, и непревзойденным качеством немецких машин, и отлично организованным сервисом именно у отделений германских заводов, и, наконец, активностью немецкой диаспоры в России, образовавшей особое лобби в русской армии и других казенных учреждениях. На испытательных пробеггах военного министерства машины германского производства регулярно оказывались в лидерах. Интересно отметить, что сама Германия отставала по моторизации от Франции и Англии (немецкое население было беднее), но именно это заставляло немецких производителей авто ориентироваться на экспорт и быть толерантными к специфическим условиям страны-импортера.

Мы располагаем целым корпусом воспоминаний современников той эпохи, уделивших внимание теме автомобиля и автомобилизации в России начала XX в. Наиболее интересными из них являются мемуары Владимира Владимировича Набокова (1899–1977), Марии Альфредовны Добровейн (урожденная Руперти, 1896–1996), Галины Николаевны фон Мекк (1891–1985) и князя Владимира Николаевича Долгорукова (1893–1966), известного в советское время как писатель В. Владимиров. Почти все они имели в своем распоряжении автомобили (у фон Мекков, Набоковых и Руперти имелось по несколько машин), некоторые были и вовсе отчаянными автолюбителями,

принимая участие в гонках и автопробегах. Тем не менее, в написанных ими строках неизменно присутствует оттенок восприятия автомобиля как предмета незаурядного – дорогостоящей иностранной диковины, доступной лишь представителям очень узкого социального круга.

«Прежде всего я смотрел, – вспоминал В.В. Набоков, – который из двух автомобилей, “Бенц” или “Уолзлей”, подан... Первый... был мышиного цвета ландолет. По сравнению с бесшумной электрической каретой, ему предшествовавшей, очерк этого “Бенца” поражал своей динамичностью, но, в свою очередь, стал казаться старомодным и косо квадратным, как только... длинный черный английский лимузин роллсройсовских кровей стал делить с ним гараж во дворе дома. Этой драгоценной городской машине он (шофер. – *О.Ш.*) откровенно предпочитал красный, с красными кожаными сидениями “Торпедо-Опель”, которым мы пользовались в деревне; на нем он возил нас по Варшавскому шоссе, открыв глушитель, со скоростью семидесяти километров в час, что тогда казалось упоительным, и как гремел ветер, как пахли прибитая дождем пыль и темная зелень полей»⁵.

М.А. Добровейн (Руперти) так описывала семейные автомобили: «В Москве машина была марки “Серполет”, шла она не на бензине. В Липовке (имение Руперти в Подмосковье. – *О.Ш.*) – автомобиль “Мерседес-Бенц”. Летом авто было открытым, а зимой закрытым»⁶. Описание семейного гаража, оставленное Г.Н. фон Мекк, менее подробно: «В городе автомобили вошли в нашу семью лишь после 1907 года. Но тогда только мы имели по одному на каждого члена семьи»⁷.

Как уже было сказано, автомобиль довольно долгое время оставался своеобразной «сенсацией» русской жизни. В своих емких и ироничных очерках дореволюционной Москвы В.Н. Долгоруков отмечает: «Из обычных и всем надоевших “достопримечательностей” четырехчасовой Петровки и Кузнецкого был автомобиль г-на Акромчадалова – низкая, длинноватая, открытая машина с курносым радиатором, из дешевых моделей американской фирмы “Hupmobile”»⁸.

Появление собственного авто, конечно, становилось еще более грандиозным событием, нежели зрелище чужой «достопримечательности» на улице. «Все началось в 1898 г., – вспоминает Г.Н. фон Мекк, – когда однажды утром первый в России автомобиль на платформе, запряженный лошадьми, был доставлен из Киева в Копылово (имение фон Мекк близ Киева. – *О.Ш.*). Его сгрузили и поставили во дворе перед конюшней. Отца в это время не было, и никто не мог заставить автомобиль заработать. Вокруг него собрались кучер, конюхи, столяры, плотники, повар, прачка, и мы, дети, забрались внутрь, а автомобиль толкали по участку. Слегка испуганные собаки держались в стороне. Через несколько дней приехал отец с механиком. В тот же день начались наши приключения»⁹. Другим первопроходцем российского автомобилизма был отец М.А. Добровейн (Руперти): «В каком году он купил первую машину, я не помню. Произошло это чуть ли не в последних годах XIX столетия. Он был одним из первых, кто в Москве не только завел машину, но и сам управлял ею»¹⁰.

Действительно, обладать автомобилем в те годы вовсе не означало собственноручно «править» им. Поэтому не менее ярким воспоминанием для наших мемуаристов являлся образ шофера-механика, посвященного в тайны этого нового и экзотического дела. «В Москве был шофер, француз *monsieur Victor*, с черными усиками. В Липовке был шофером несимпатичный немец», – пишет М.А. Добровейн (Руперти)¹¹. Чаще всего профессионалами автомобилизма в России рубежа столетий являлись иностранцы – как правило, французы и немцы. Достаточно вспомнить личного водителя Николая II французского инженера, механика и изобретателя Адольфа Кегресса (1879–1943), сконструировавшего гусеничный движитель для легковых автомобилей, весьма полезный в условиях русской зимы. Идеалом для состоятельного автолюбителя тех лет вполне официально провозглашалась: «собственная специально оборудованная мастерская, для всевозможных исправлений самодвижущихся экипажей под руководством опытного механика француза»¹².

Впрочем, бывали и исключения. В частности, В.В. Набоков вспоминал, что семейный автомобиль «состоял под управлением кроткого бледнолицего шофера Волкова. Пирогов, второй шофер, был довольно независимый толстячок, покинувший царскую службу оттого, что не захотел быть ответственным за какой-то не нравившийся ему мотор. Когда в 1915 году Пирогова призвали, его заменил корявый, кривоногий, черный, с каким-то диким выражением желтых глаз Цыганов, бывший гонщик, участвовавший в международных состязаниях и сломавший себе три ребра в Бельгии. Летом или осенью 1917 года он решил, несмотря на энергичные протесты отца, спасти страстно полюбившейся ему “Уозлей” от возможной конфискации, для чего разобрал его на части, а части попрятал в различные, одному ему известные места, и, вероятно, был бы привлечен моим отцом к суду, если бы не помешали более важные события»¹³. В начале автомобилизации в России шоферы и механики являлись одним из самых слабых ее звеньев: зачастую они не имели специального образования. Андрей Платонович Нагель (1977–1956), один из первых автомобильных журналистов в России, предостерегал своих читателей в 1904 г.: «Если вам в мастерской говорят, что вашу машину надо отрегулировать, не медлите – купите скорее нож и сделайте себе харакири: вам будет несравненно веселее, чем видеть или чувствовать, что ваше детище терзают чужие руки»¹⁴.

Однако самые яркие страницы воспоминаний о раннем отечественном автомобилизме посвящены эпизодам встречи автомобиля с населением. «В окнах домов появлялись любопытные лица, из ворот и калиток выбегали взрослые и дети. Последние бежали вслед за автомобилем. Прохожие останавливались и долго глядели на удаляющуюся машину, а ломовые извозчики торопливо хватали своих лошадей под узды, закрывали им глаза ладонями. Нередко старухи крестились или отплеывались при виде “бесовского наваждения”»¹⁵. М.А. Добровейн (Руперти) пишет: «Куры с громким кудахтаньем бежали перед машиной, почему-то никуда не сворачивая, утки с криком взлетали, бабы выскакивали из домов, хватали ребяти-

шек и тащили их с собой, собаки с воем прятались в подворотни – не хватало только того, чтобы начали бить в набат»¹⁶.

Сатирический дух приведенных выше описаний соседствует у наших мемуаристов с размышлениями о тех социальных контрастах, которые автомобиль делал еще более осязаемыми. У В.В. Набокова находим воспоминание о поездках в Тенишевское училище: «Повернув на Невский, автомобиль минут пять ехал по нему, и как весело бывало без усилия обгонять самых быстрых и храпливых коней, – какого-нибудь закутанного в шинель гвардейца в легких санях, запряженных парой вороных под синей сеткой. <...> Особой причиной раздражения было еще то, что шофер “в ливрее” привозит “барчука” на автомобиле, между тем как большинство хороших тенишевцев пользуется трамваем»¹⁷. М.А. Добровейн (Руперти) пишет о чувстве неловкости, охватывавшем ее в схожей ситуации: «Иногда отец отвозил нас в школу на автомобиле, на открытом “Мерседесе”. Но брат и я предпочитали ездить поездом. Автомобили были в то время большой редкостью. Мы стеснялись подъезжать на машине к нашим гимназиям, и папа нас ссаживал, не доезжая до них по крайней мере за две улицы, т.к. мы не хотели, чтобы товарищи видели, что у нас есть автомобиль»¹⁸.

Многие из мемуаристов сетовали на затруднительность эксплуатации автомобиля в российских реалиях: «Честно говоря, сидеть в легких санях позади кучера Александра, мчаться по покрытым снегом московским улицам, завернувших в меховую шубу, доставляло мне и маме не меньшее удовольствие, чем езда на автомобиле в деревне. Автомобили созданы для хороших дорог», – заключала Г.Н. фон Мекк¹⁹. М.А. Добровейн (Руперти) признается: «Для прогулок, чтобы покататься, мы никогда не садились в автомобиль»²⁰. Вспоминая о дальних поездках из Москвы в Италию, совершавшихся ее отцом раз два в году, она перечисляет проблемы, поджидавшие на пути российского автомобилиста: «скверные дороги, полное отсутствие мастерских, редкие возможности закупки бензина и панический страх населения»²¹.

«Количество автомобилей, курсирующих по городу, – читаем у В.Н. Долгорукова, – было весьма невелико, и большинство из них принадлежало богатым купцам и кое-кому из аристократов. Было с десяток прокатных контор, отпускавших автомобили по вызову, но ими пользовались редко из-за дороговизны оплаты. <...> Москвич-обыватель смотрел на автомобиль как на праздную, ненужную и даже вредную забаву богачей. По существу это так и было: легковой автомобиль был дорогим предметом роскоши, мало пригодным к уличным дорожным условиям тогдашней Москвы и ее окрестностей и доступным лишь ограниченному количеству людей. Все условия содержания автомобиля были чрезвычайно сложны и дороги. Приспособленных гаражей не было, добывание запасных частей, бензина, камер и покрышек, ремонт – все это стоило больших материальных затрат, а за исключением только крупных городов, было просто невыносимо»²². Другой московский мемуарист, также акцентирует внимание на привилегированности владения личным транспортным средством и наличии услуг проката автомобилей: «Легковые автомобили самых разнообразных марок, типов и конструкций были у частных лиц, либо в прокатных гаражах. Под гаражи использовались каретные сараи, имевшиеся во многих домах. Прокат стоил дорого и был по карману только очень богатым людям»²³.

И тем не менее, автомобилизация в Российской империи набирала обороты. Флагманом борьбы с тем дефицитом специальной инфраструктуры, на который мог жаловаться отец М.А. Добровейн (Руперти), также выступили германские фирмы. Наибольшего успеха в этом достигло предприятие немецкого подданного Карла Людвиг Крюммеля (1846–1935). Основанная им в Петербурге в конце XIX в. «Экипажно-автомобильная фабрика Карла Крюммеля» занималась изготовлением и ремонтом автомобильных кузовов, а также предоставляла услуги хранения и содержания автомобилей. Стоит заметить, что фирма К. Крюммеля была единственным в России представителем американско-французского производителя автомобилей «Готчикс». Именно дилерская деятельность составляла основу бизнеса и позволяла развивать другие его направления – в част-

ности, строительство общественных гаражей: многоместные паркинги были построены в Ковенском пер., 5 (1909) и на Дивенской ул., 9 (1913)²⁴. Строительство обоих сооружений осуществила фирма «Товарищество асфальтового и бетонного производства Бодо Эгесторф и К^о», сферой деятельности которой было производство канализационных, водопроводных, асфальтовых и других строительных работ на основе бетонных и железобетонных конструкций, а также биологическая очистка сточных и канализационных вод. Учредителями фирмы были германские подданные: купец Бодо Егорович Эгесторф²⁵ и директор-распорядитель русского товарищества торговли цементом Макс Францевич Рюгенберг²⁶, российский потомственный почетный гражданин, купец Константин Александрович Гротен²⁷. Правление и производство находилось в Санкт-Петербурге²⁸.

Неоднозначность фигур архитекторов, чьи подписи стоят на проектах, заставило обратить внимание на деятельность как строительной фирмы, как и самого заказчика. К сожалению, нельзя с уверенностью говорить о том, что какое-либо здание здесь могло послужить прототипом. В данном случае вызывают интерес зарубежные практики как таковые и место петербургских примеров в мировом гаражном строительстве. Однако внучка К.Л. Крюммеля, Н.Л. Зиверт (Качалина), вспоминала, что К.Л. Крюммель неоднократно выезжал за границу, в частности Германию, по рабочим делам фирмы²⁹. Кроме того, рекламный каталог фирмы «Бодо Эгесторф и К^о» демонстрировал примеры продукции и сообщал, что товарищество ведет проектирование индивидуальных и типовых одно- и двухэтажных автомобильных стоянок из бетонных камней с квартирами для шоферов³⁰.

Несомненно, практика строительства крупных многоэтажных гаражей пришла в Россию из-за рубежа. В 1916 г. в «Инженерном журнале» была опубликована статья инженера Всеволода Александровича Зашука (1868–1943) о заграничных автомобильных гаражах³¹. Заметка представляет собой отчет автора о совершенной им в 1913 г. командировке в Англию, Германию, Францию и Бельгию с целью ознакомления с современными строительными практиками. Об этой командиров-

ке В.А. Защук будет упоминать и в автобиографии 1932 г.: «Был командирован частной компанией за границу для изучения авто-гаражного дела»³². Здесь же приложена копия письма: «Вы уполномочены отправляться в заграничную поездку с целью ознакомления на месте с устройством центральных гаражей и организации их эксплуатации, равно всех полезных для проектируемого предприятия сведений. <...> Желательно по возможности получить планы сооружения тех заграничных центральных гаражей, которые будут Вами осмотрены», –ставлял в июне 1913 г. директор-распорядитель правления акционерного общества «Строитель» Григорий Абрамович Бернштейн³³, которое являлось инициатором этой поездки. Общество занималось продажей строительных материалов и производством строительных работ.

В 1916 г. на страницах журнала «Автомобиль» появилось небольшое, но хорошо проиллюстрированное сообщение о «гараже нового типа». Речь идет о многоэтажном гараже Американского Автомобильного Клуба в Нью-Йорке на 350 автомобилей, который привлек анонимного автора статьи своими способами перемещения автомобиля во внутrigаражном пространстве, используя «особые галереи с наклонным полом, связывающие все этажи, по которым автомобиль легко катится и вверх и вниз на собственном ходу»³⁴.

Стоит отметить, что отечественная автомобильная пресса не часто фиксировала на своих страницах новинки западных достижений. Это может объясняться тем, что автомобилисты были хорошо знакомы с ними непосредственно из первоисточников. В «Ежегоднике автомобилизма» (издания 1910 и 1911 гг.) указываются такие издания, как немецкие «Allgemeine Automobil Zeitung» и «Automobil-Welt Flugwelt», французские «Le Moniteur Automobile», «L'Auto», «L'accessoire de l'Automobile», австро-венгерский «Automobil-Zeitung und offizielle mitteilungen» и др.

Помимо заведений К. Крюммеля в столицах находилось представительства различных иностранных, прежде всего немецких, фирм, которые помимо реализации собственно автомобильной продукции, занимались ее ремонтом, хранением и

имели для этого специальную инфраструктуру. Здесь хочется упомянуть такие специализированные заведения, как техническая контора германского завода «Дюркопп и К^о», автомобильное отделение Акционерного общества «Г.А. Лесснер», гараж и ремонтная мастерская «Автогруз» автомобилей «Скания», английский гараж и авторемонтная мастерская русского отделения английской фирмы «Воксхолл» в Санкт-Петербурге, контора и салон-гараж «Общества моторов Даймлер», магазин автомобилей «Опель» в Москве.

Зарубежный опыт привлекался и для разработки правил и норм содержания автомобилей, гаражей и легковоспламеняющихся и горюче-смазочных материалов: «В настоящее время (1914. – *О.Ш.*) техническая комиссия при Московской Городской Управе занята разработкой правил устройства и содержания гаражей. В виду интереса, который представляет собой этот вопрос, считаем необходимым познакомить наших читателей с существующими за границей, в Европе, правилами постройки и содержания помещений, служащих для хранения автомобилей»³⁵. Далее были приведены выдержки из подобных правил во Франции (1905 г.), Англии (1907 г.) и Германии (1912 г.). В это время в Петербурге подобная же комиссия ознакомилась с действующим законодательством до гаражному вопросу в городах Америки и Европы, в частности Берлине, Вене, Париже и Гамбурге, а также пригласила для наглядной демонстрации современных систем безопасности при работе с легковоспламеняющимися жидкостями представителей Акционерного общества «Мартин и Гюнеке» (Берлин), как ведущей фирмы по производству предохранительных устройств и емкостей для хранения подобного рода веществ, признав их лучшими³⁶.

Слова эпохи автомобилизма были также заимствованиями. Так, слово «гараж» первоначально возникло во французском языке: «*garer*» – «укрывать». В то же время в зарубежной практике мы встречаем попытки обозначения пространства для хранения автомобиля исходя из особенностей национального языка. Так, например, в Германии различают несколько разновидностей понятия «гараж» в зависимости от размеров самого

предприятия: «*Garage*», как правило, небольшой по вместительности, «*Grossgaragen*» – большой общественный коммерческий гараж, предоставляющий набор необходимых услуг по техническому обслуживанию, заправке горюче-смазочными материалами, продаже запчастей и расходных материалов, а также обеспечению отдыха и проживанию профессиональных водителей. К третьему типу относились «*Hochgarage*» или «*Parkhaus*» – большие многоэтажные гаражи с практически исчерпывающим набором всевозможных услуг автомобилизации: от продажи новых автомобилей до школы шоферов. В английском языке французское слово «гараж» было первоначально применено специально для зданий, предназначенных для хранения большого количества автомобилей, и было впервые использовано в 1900 г. Для небольших структур, как правило, использовались такие выражение, как «моторный дом» (“*motor house*”) либо «моторные конюшни» (“*motor stables*”)³⁷. В русский язык слово «гараж» проникло в начале 1900-х годов вместе со словом «автомобиль», но прижилось не сразу. Первоначально места для хранения автомобилей именовались помещениями «для моторов»³⁸. В словарях А.Н. Чудинова (1910) слово «гараж» толкуется как «место стоянки и хранения автомобилей»³⁹ и Е. Ефремова (1911) – «постоялый двор для автомобилей, где производится также чистка и починка»⁴⁰. «Энциклопедический словарь» бр. Гранат (1911) называет гаражом «место для хранения и починки велосипедов, мотоциклетов и автомобилей»⁴¹. Все словари уточняют, что слово заимствовано из французского языка. Интересным является факт, связанный с деятельностью «Общества возрождения художественной Руси». Общество в пропаганде за очищение русского языка предлагало заменить ряд иностранных слов русскими аналогами⁴². В числе прочих вошли и слова, связанные с автомобилем. «Автомобиль» предлагалось заменить на «самоход», «автомобилист» – на «самоходчика», «грузовой автомобиль» – на «грузовик», «мотор» – на «двигатель», а «гараж» – на «сарай для самовозов».

За двадцатилетнюю историю автомобилизма в дореволюционной России, от появления первых самодвижущихся эки-

пажей во второй половине 1890-х годов до краха империи в 1917 г., технические характеристики, надежность и экономическая доступность сделали автомобиль хоть и не массовым, но широко востребованным средством передвижения.

Мемуары очевидцев раннего этапа отечественной автомобилизации позволяют острее ощутить сомнения, одолевавшие тех, кто рискнул ступить на зыбкую стезю прогресса. Мы увидели, как участники событий фиксировали появление первого автомобиля в своей семье, смену марок, разрастание автопарка, характеризовали наемных шоферов и трудности передвижения, связанные как с состоянием дорожной инфраструктуры, так и с реакцией других участников движения, участие в соревнованиях, пробегах и других способах проведения досуга, какие эмоции доставляла им поездка, как часто они их совершали и готовы ли были терпеть ради этого неудобства.

Важнейшую роль в процессе автомобилизации Российской империи сыграла рецепция иностранного опыта, осуществляемая по нескольким каналам. В первую очередь, это был импорт самой автотехники, большая часть которой поступала в Россию из Германии. Однако Россия импортировала не только сами машины, но и квалифицированные кадры. В начале XX в. российско-германские связи проявились и в сфере организации автомобильной инфраструктуры, в частности, строительстве и оборудовании гаражей, некоторые из которых обладали достаточно сложной конструкцией и были рассчитаны на значительное число машиномест.

Следует отметить, что дореволюционный этап автомобилизации России до сравнительно недавнего времени по идеологическим причинам оставался вне поля зрения отечественных историков. Лишь в конце 1980-х годов у исследователей появился интерес к этой практически неразработанной теме, хотя подавляющее большинство существующих публикаций посвящено сугубо техническим аспектам бытования автомобиля в дореволюционной России⁴³. В данной статье мы попытались представить автомобилизацию как факт культурной истории поздней Российской империи, отраженный на уровне частных судеб и личных впечатлений современников.

-
- ¹ *Новорусский М.* Успехи техники // Ежегодник газеты «Речь» на 1913 год. СПб., 1913. С. 488.
- ² Автомобиль в 1902 году // Автомобиль. 1903. № 1. С. 2.
- ³ Торгово-промышленный мир России. Пг., 1915. Отд. 3, ч. 3. С. 3.
- ⁴ Современное состояние автомобилизма // Автомобили 1913 года. СПб., 1913. Ч. 1. С. 25.
- ⁵ *Набоков В.В.* Другие берега. СПб., 2013. С. 177–179. Подробнее об автомобиле в творчестве В.В. Набокова см.: *Левинг Ю.* Вокзал – Гараж – Ангар: Владимир Набоков и поэтика русского урбанизма. СПб., 2004.
- ⁶ *Добровейн М.А.* На рубеже двух эпох: автобиограф. записки. М., 2001. С. 68.
- ⁷ *Мекк Г.Н. фон.* Как я их помню. М., 1999. С. 97–98.
- ⁸ *Владимиров В.* (Долгоруков В.Н.). В былой Москве. М., 2010. С. 37.
- ⁹ *Мекк Г.Н. фон.* Указ. соч. С. 94.
- ¹⁰ *Добровейн М.А.* Указ. соч. С. 68.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Правила для гаража Российского автомобильного общества // Автомобиль. 1906. № 23. С. 1530–1531.
- ¹³ *Набоков В.В.* Указ. соч. С. 178–179.
- ¹⁴ *Нагель А.Н.* Неизбежные вопросы // Автомобиль. 1904. № 20. С. 671–673.
- ¹⁵ *Владимиров В.* Указ. соч. С. 121.
- ¹⁶ *Добровейн М.А.* Указ. соч. С. 70.
- ¹⁷ *Набоков В.В.* Указ. соч. С. 180, 182.
- ¹⁸ *Добровейн М.А.* Указ. соч. С. 43.
- ¹⁹ *Мекк Г.Н. фон.* Указ. соч. С. 97.
- ²⁰ *Добровейн М.А.* Указ. соч. С. 68.
- ²¹ Там же. С. 71.
- ²² *Владимиров В.* Указ. соч. С. 119, 121–122.
- ²³ *Гуревич А.Я.* Москва в начале XX века. Б.М., 2010. С. 47.
- ²⁴ Подробнее о гаражах см.: Акционерное Общество «Бодо Эгесторф и Ко»: каталог-справочник. [СПб.], 1914. С. 48–51; *Кириков Б.М., Штиглиц М.С.* Архитектура ленинградского авангарда: путеводитель. СПб., 2008. С. 56–57; *Кириков Б.М.* Архитектурна Петербурга-Ленинграда: страницы истории. СПб., 2014. С. 240–242; *Шурыгина О.С.* Автомобильные гаражи фирмы К.Л. Крюммеля как атрибут модернизации городской среды Петербурга начала XX века // Архитектурное наследство. М.; СПб., 2016. Вып. 64. С. 222–235.
- ²⁵ Весь Петербург на 1913 год, адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга. СПб., 1913. Ч. 3. С. 730.
- ²⁶ Там же. С. 553.
- ²⁷ Там же. С. 172.
- ²⁸ *Шрадер Т.А.* «Немецкое засилье» и борьба с ним в Петрограде и губернии в годы Первой мировой войны // Немцы в Санкт-Петербурге: биографический аспект, XVIII–XX вв. СПб., 2009. Вып. 5. С. 253.

- ²⁹ Благодарю потомков семьи К.Л. Крюмеля: внучку Нину Леонидовну Зиверт (Качалину) (1906–2008) за оставленные воспоминания о дедушке и праправнука Роберта Рейнке, поделившегося ими с автором.
- ³⁰ Акционерное Общество «Бодо Эгесторф и Ко»: каталог-справочник. С. 47, 97, 100.
- ³¹ *Защук В.А.* Заметка о заграничных автомобильных гаражах // Инженерный журнал. Пг., 1916. № 2. С. 121–139.
- ³² Государственный архив Российской Федерации. Ф. 539. Оп. 4. Д. 10105. Л. 15.
- ³³ Там же. Л. 35.
- ³⁴ Новый тип гаража // Автомобиль. 1916. № 14. С. 6666.
- ³⁵ К проекту обязательных постановлений о постройке и содержании гаражей в г. Москве и пригородах // Там же. 1914. № 2. С. 30–31; № 3. С. 32.
- ³⁶ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф 513. Оп. 38. Д. 4.
- ³⁷ *Morrison Kathryn A., Minnis John.* Carscapes: The Motor Car, Architecture, and Landscape in England. Yale, 2012. P. 75.
- ³⁸ См., например, гараж дачи великого князя Бориса Владимировича в запасном доме: Зодчий. 1910. Вып. 2. Л. 19.
- ³⁹ Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка: материалы для лексической разработки заимствованных слов в рус. лит. речи. Изд. 3-е, тщательно испр. и значит. доп. ... СПб., 1910. С. 138.
- ⁴⁰ *Ефремов Е.* Новый полный словарь иностранных слов, вошедших в русский язык и с указаниями происхождения их, ударений, отраслей знания и с расширенной энциклопедической частью / сост. по рус. и иностр. источникам Е. Ефремов. М., [1911]. С. 93.
- ⁴¹ Энциклопедический словарь Т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К^о». М., [1911]. Т. 12. Стб. 532.
- ⁴² Азбучный справочник для замены иностранных слов русскими // Общество возрождения художественной Руси и Федоровский городок Царского Села: (сборник документов и материалов). СПб., 2013. С. 200–319.
- ⁴³ См., например: *Шляхтинский К.В.* Автомобиль в России. М., 1993; История автомобильного транспорта России до 1917 г. М., 1994; *Шугуров Л.М.* Погоня за Руссо-балтом. М., 2004; *Шляхтинский К.В.* Россия: гении и дороги. М., 2007; *Рубец А.Д.* История автомобильного транспорта России. М., 2008; *Кирилец С.В., Канинский Г.Г.* Автомобили Русской Императорской армии. М., 2010; и др.

Политическое противоборство в Веймарской Германии глазами советских граждан*

Представленная работа продолжает изыскания автора по проблеме взаимного отражения русских и немцев в первой половине прошлого столетия¹. В ней основное внимание будет обращено на свидетельства современников – советских граждан о духовной атмосфере и политическом противоборстве в Веймарской республике. Среди тех, чьи опубликованные сообщения были проанализированы, – известные политики РСФСР/СССР, писатели и журналисты, а также случайные свидетели, оказавшиеся в Германии межвоенного времени.

Недолгая история Веймарской республики была насыщена острым идейным противоборством. Нарком просвещения РСФСР/СССР А.В. Луначарский видел ее, прежде всего, в культуре и искусстве. По его наблюдениям, с близких большевикам позиций писал К. Штернхейм², на защиту ценностей республики встал писатель с мировым именем Т. Манн³. Наблюдения наркома дополнял корреспондент «Известий» Зонтер. В статье «Новая немецкая военная литература» он выделил произведения Л. Франка, Р. Шикеле, Э.М. Ремарка, Л. Ренна и других авторов, вскрывавших ужасы Великой войны и истинные причины поражения Германии⁴. Правда, в Веймарской республике творили не только эти писатели. Зачастую издательства охотнее публиковали «творения», восхвалявшие войну, геройство на поле брани и фронтовое братство⁵. К этой группе «литераторов-ура-патриотов» примыкали авторы исто-

---

* Материал подготовлен в рамках государственного задания Минобрнауки РФ на проведение научно-исследовательской работы № 33.526.2014/К «Российская интеллигенция и европейские интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности XX – начала XXI вв.: виртуальность и реальность».

рических романов, мифологизировавших прошлое, превозносивших «германца-воина-завоевателя» и выявлявших врагов государства⁶. Свою лепту в борьбу с левыми и демократическими идеями вносили также мемуаристы, оправдывавшие политику кайзеровской империи и не принявшие Ноябрьскую революцию 1918 г.⁷

По наблюдениям А.В. Луначарского, в начале XX в. идейное противостояние охватило также изобразительное искусство Германии. По его наблюдениям, многие немецкие художники, в частности О. Дикс, Г. Грос и К. Кольвиц, порвали с буржуазной традицией и пытались сблизиться с революцией⁸. Особое удовлетворение у наркома вызывало то обстоятельство, что творчество этих людей было созвучно коммунистической пропаганде и линии вверенного ему Наркомпроса.

В Веймарской республике идейная борьба захватила и кино⁹. Прославлению милитаристского прошлого служили фильмы вроде «Фридрикус Рекс» о прусском короле Фридрихе II, благодаря которому, по мнению Луначарского, «довольно тонко» в сознание зрителей впитывалась та «угорелая любовь к Отечеству», за которой «сейчас же следует приступ ненависти к людям других национальностей»¹⁰. Подобным «кинопроизведениям» в Германии противостояли (или противопоставлялись) работы режиссеров левых политических взглядов. В середине 1920-х годов экраны Веймарской республики с ошеломляющим успехом обошел фильм С.М. Эйзенштейна «Броненосец Потемкин»¹¹. Драматизм сюжета, талант режиссера, великолепная музыка Э. Майзеля, заказанная к картине известной российской/советской актрисой и общественным деятелем М.Ф. Андреевой, порой доводили зрителя до экзальтации¹². Столь бурная реакция на революционные события в России вкупе с сюжетом фильма, по свидетельству корреспондента «Известий» Л. Кайт, вызвали недовольство правых сил Германии, и они попытались сначала запретить демонстрацию картины¹³, а когда выяснилось, что немецкая общественность сделать этого не позволит, внесли в нее редакционную правку. По воспоминаниям сотрудника советского торгового представительства в Германии С.Ф. Хундадзе, в консервативной Бава-

рии, например, чтобы продемонстрировать зрителям «торжество порядка» над бунтовщиками, сцену расстрела демонстрации на Потемкинской лестнице (в Одессе) перенесли в конец фильма¹⁴. Подобному «редактированию» подвергались и другие советские кинокартины¹⁵.

В начале 1930-х годов, в период острейшего социально-политического и экономического кризиса, на экраны Веймарской республике вышел художественный фильм «На Западном фронте без перемен», снятый в США режиссером Л. Майлстоуном по одноименному роману Э.М. Ремарка. Нарком А. Луначарский после просмотра, охарактеризовав картину как сильную и пацифистскую, заметил: «Кажется, здесь собрано все для того, чтобы сделать войну ненавистной»¹⁶. Фильм с первого дня вызвал яростные протесты крайне правых, прежде всего, национал-социалистов. Они неоднократно срывали сеансы и в конце концов добились запрета на демонстрацию фильма¹⁷.

По наблюдениям советских граждан, идейно-политическое противостояние не обошло и театральные подмостки Веймарской республики. Так, самодеятельные народные театры, находившиеся под сильным влиянием Коммунистической партии Германии, старались в основу репертуара положить пьесы революционного содержания. В этой среде пользовались популярностью также агитационные «живые газеты», форма которых была позаимствована у советских агитационных эстрадных коллективов «Синяя блуза». Но не только самодеятельные театры пропагандировали революционные идеи. На профессиональной сцене, как отмечал Луначарский, это делали выдающиеся немецкие режиссеры Э. Пискатор¹⁸ и Б. Брехт, которые, кстати, не отрицали факт влияния на свое творчество советского агитпроптеатра¹⁹.

Театр, близкий к социал-демократии, прежде всего «Фольксбюне», пытался дистанцироваться от острых политических спектаклей, но они иногда всё-таки прорывались на его сцену. Несомненно, революционный подтекст имела пьеса А.В. Луначарского «Освобожденный Дон Кихот», которая была поставлена на сцене театра «Фольксбюне» в середине 1920-х годов и имела сценический успех²⁰. В 1932 г. этот театр представил

зрителю спектакль по произведению австрийского драматурга, прозаика и странствующего актера Л. Анценгрубера «Четвертая заповедь». Эта драма о торжестве предрассудков, калечивших жизнь, отражала реалии XIX в., но, как отметил А. Луначарский, оказалась близка современникам. В частности, из-за создания актерами образа «фашиста – последователя А. Гитлера»²¹.

Граждане СССР, побывавшие в Веймарской Германии, с некоторым удивлением замечали, что политическое противоборство добралось даже до оперного искусства. Нарком иностранных дел СССР Г.В. Чичерин в 1929 г., проходя в Германии очередной курс лечения, посетил в курортном Баден-Бадене постановку «Лерштюк», музыку к которой написали П. Хиндемит и К. Вайль. Позже глава НКВД так описал свои впечатления: «Сцена не манит к себе слушателя. Наоборот, сцена “опускается” к слушателю, его “приглашают петь вместе”... Политические намеки, на стенах висят лозунги. При исполнении в Баден-Бадене висели коммунистические лозунги»²². Политическая заостренность постановки вызвала недовольство буржуазной и аристократической публики, отдохнувшей на всемирно-известном курорте. В итоге разразился скандал.

Постепенно, с ростом влияния НСДАП, подобных конфликтов в театрах становилось все больше. Более того, как вспоминала Н.А. Луначарская-Розенель, участились факты прямого преследования прогрессивных режиссеров и актеров, особенно тех, у кого происхождение не отвечало «арийским канонам»²³.

В Веймарской Германии все годы ее существования велась бескомпромиссная полемика печатных изданий разных партий и политических движений²⁴. Корреспондент «Известий» Л. Кайт разглядела ее даже в ежедневных календарях²⁵. Противостояние начиналось уже с символики цвета. Так, военно-морской календарь, ориентированный на немцев с правоконсервативными взглядами, был выдержан в монархических черно-бело-красных цветах, в социал-демократическом ежедневнике преобладали республиканские черно-красно-золотые краски, а календарь, изданный КПП, был кроваво-красным – как проле-

тарское знамя. Еще больше различались издания по содержанию. В военно-морском календаре 90% печатного пространства заняли заметки о полководцах, а также военные игры, изображения батальных сцен, где враги Германии «всегда были повержены». Из событий после Ноябрьской революции 1918 г. этот ежедневник отметил лишь два. Первое – монархическое капповское восстание 1920 г. «с ядовитыми примечаниями» о бегстве из Берлина социал-демократического правительства. Второе – оккупация в январе 1923 г. франко-бельгийскими войсками Рурской области и расстрел ими одного из лидеров германского националистического сопротивления Л. Шлягетера (гитлеровцы возведут его в ранг национальных героев). В календаре СДПГ весь материал был ориентирован на позитив и выдержан в духе: «Как прекрасен мир! Как у нас в современной Германии все хорошо!». Напротив, в ежедневнике КПГ преобладали картины нищеты, безработицы, увольнений и забастовок. Кайт, сравнивая ежедневники, категорично заявляла: лишь издание КПГ отражает реалии.

Советские граждане, посещавшие Веймарскую республику, нередко становились свидетелями многотысячных демонстраций и жестоких столкновений политических противников на улицах больших и маленьких городов. Их пик обычно приходился на время многочисленных избирательных компаний. В этот период советские современники невольно обращали внимание на активность и изобретательность немцев в проведении агитационных мероприятий. Так, в кратчайшие сроки все подходящие и неподходящие места оказывались обклеенными партийными плакатами. На улицах появлялись автомобили, украшенные знаменами и лозунгами разномастных политических движений, с которых разбрасывались агитационные листовки, а в кинотеатрах запускались предвыборные ролики.

В постоянном поиске новых форм агитации немцы, как отмечали советские граждане, оставались привержены одной из традиций, родившихся задолго до Веймарской Германии, – проводить политические собрания в пивных. Здесь же чаще всего и ожидали итогов голосований. Инженер В.С. Емельянов так описал происходящее: «Каждый час владелец пивной или

ресторанчика получал по телефону сведения о результате подсчета голосов и, поднявшись на подмостки, громогласно сообщал их присутствующим. По репликам, по возгласам и аплодисментам публики можно было судить о ее симпатиях и антипатиях»²⁶.

В Веймарской республике представителям разных партий было небезопасно ходить на собрания друг друга. Так, корреспондент «Известий» Вагнер стал свидетелем того, как социал-демократы не дали и пяти минут агитатору от КПГ для выступления и сбросили его с эстрады. Коммунисты, впрочем, в свою очередь, по сообщению того же источника, выявив на своем собрании «шпиона», крепко его избили²⁷.

Часто стычки между политическими противниками перерастали в массовые кровавые столкновения. Корреспондент «Известий» Вехтер во время президентской кампании весны 1925 г. видел драки воочию и позже сообщил, что только за один день политических столкновений в Берлине три человека были убиты и не менее 30 ранено²⁸. В последнее воскресенье перед парламентскими выборами 1928 г. столицу сотрясли более 100 столкновений, в одном из которых ранение получил даже начальник берлинской полиции²⁹. В последние годы Веймарской республики из-за роста популярности и агрессивности нацистов количество жертв возросло многократно³⁰.

Приезжавшие в Германию из СССР отмечали, что чаще всего драки на политической почве возникали не спонтанно, а были спланированы. Обычно их готовили военизированные партийные формирования – «Стальной шлем» у националистов, «Рейхсбаннер» у СДПГ, «Союз красных фронтовиков» у КПГ, «Штурмовые отряды» (СА) у НСДАП³¹. Осуществляя нападения, эти полувоенные формирования пытались сорвать мероприятия враждебной политической организации, запугать ее членов, а то и убить одного из видных функционеров.

Массовый террор, по наблюдениям советских корреспондентов, иногда помогал одной из противоборствующих сил добиваться желаемых целей. Так, Л. Кайт в 1926 г. решила проанализировать итоги голосования по вопросу об отчуждении в пользу государства собственности бывших правящих

фамилий государственных образований, входивших в состав Германской империи (это голосование более известно как «Референдум об экспроприации князей»). Изучив материалы, корреспондент «Известий» с недоумением и досадой констатировала: угрозы противников референдума привели к тому, что голосовавших в Померании и Мекленбурге (северных землях Германии, в которых земля в большой степени принадлежала аристократии) оказалось меньше зарегистрированных здесь членов КПП и СДПП, хотя обе партии выступали за конфискацию имущества аристократов³².

Обычно в драках политические противники били не только руками и ногами, но также использовали палки, железные прутья, ножи и кастеты. Поскольку стычки часто происходили в пивных или недалеко от них, и тогда в ход шли бутылки, пивные кружки, ножки сломанных стульев, сами стулья и столы. В последние годы существования Веймарской республики, как сообщали практически все посещавшие эту страну, в стычках стало все чаще применяться огнестрельное оружие³³. По наблюдениям Л. Кайт, иногда столкновения перестали в масштабные битвы, в которые втягивались жители улиц и даже целых кварталов³⁴.

Отдельно рассмотрим оценки советскими гражданами веймарского парламента. Вхожие в рейхстаг корреспонденты большевистских изданий В. Сольский, Вехтер, Л. Кайт и др. обычно внимание обращали не на процесс законотворчества, а на реакцию депутатов на выступления друг друга. Из их сообщений формировался следующий образ: депутаты рейхстага заняты, главным образом, тем, чтобы демонстративно громкими разговорами или выкриками, в том числе с использованием нецензурной лексики, помешать выступлениям политических противников³⁵. Еще одной формой протеста был бойкот, когда депутаты одной или нескольких фракций во время выступления оппонента или при голосовании покидали зал заседаний³⁶.

По свидетельствам советских граждан, в рейхстаге политические противники подчас разыгрывали настоящие спектакли. Наиболее талантливыми в этом деле показали себя коммунисты. Так, по сообщению Сольского, в мае 1924 г. депутаты от

КПП внесли в зал заседаний рейхстага большие синие очки, напоминавшие те, в которых военный преступник, генерал и националист Э. Людендорф во время Ноябрьской революции 1918 г. бежал в Швецию³⁷. Затем они стали выкрикивать имя социал-демократа В. Зольмана, который сыграл заметную роль в подавлении революционных выступлений во время Рурского кризиса 1923 г. При этом коммунисты вопрошали: не перешел ли он уже к фашистам? В заключении политспектакля депутаты-коммунисты преподнесли депутату от СДПГ Э. Ауэру букет красных роз, явно намекая на его соучастие в разгроме Советской республики в Баварии и проводя прямую параллель с цветами, подаренными лейтенанту графу А. фон Арко-Валли, – убийце независимого социал-демократа и участника революционного движения в Баварии К. Эйснера. Не менее любопытное представление коммунисты разыграли в феврале 1929 г. Во время выступления представителя СДПГ Р. Брейтшейда по вопросу о ратификации Договора об отказе от войны в качестве орудия национальной политики (Договора Бриана – Келлога) они внесли в зал заседаний и положили перед трибуной настоящую «огромную гранату». Этим актом КПП пыталась разоблачить двуличие правящих кругов, которые на словах ратовали за мир, но на деле поощряли нелегальные вооружения рейхсвера³⁸.

С усилением в рейхстаге фракции НСДАП политпостановок стало меньше. Гитлеровцы, если и «ставили» таковые, то они были весьма примитивными. Примером может служить корреспонденция Кайт из рейхстага в мае 1932 г. Тогда 4 депутата от НСДАП, лишенные за неподобающее поведение права участия в 30 заседаниях, сначала отказались покидать зал, а затем под одобрительные крики однопартийцев уселись в кресла министров и демонстративно закурили³⁹.

Главным средством политической борьбы нацистов в рейхстаге и ландтагах стала элементарная драка. Средство предельно грубое и простое, но для достижения цели – срыва заседаний или голосования, надо признать, весьма эффективное. Как сообщали советские корреспонденты, угрозы физического насилия звучали в германских выборных учреждениях

Веймарской республики с момента ее рождения⁴⁰, но все-таки драки были исключительным явлением. Ситуация изменилась после парламентских выборов 14 сентября 1930 г., по итогам которых НСДАП стала второй по силе фракцией рейхстага. С этого времени, как отмечала Кайт, драки, провоцируемые гитлеровцами в германском парламенте, участились⁴¹.

Ситуация ухудшилась еще больше после июльских выборов 1932 г. Фракция гитлеровцев в рейхстаге стала самой многочисленной. В итоге законотворчество и обсуждение насущных вопросов в германских парламентах всех уровней стало совершенно невозможным⁴². Правящие круги вынуждены были перейти к изданию президентом чрезвычайных законов на основе статьи 48 Конституции⁴³.

В жестком политическом противоборстве симпатии советских граждан были целиком на стороне германских коммунистов. Нападения на членов компартии, «Союз красных фронтовиков» или другие формирования большевистского толка оценивались советскими журналистами и другими современниками как «неслыханная провокация», «подлое нападение», «избиение мирных людей» и т.д.⁴⁴ Однако, как деяние, заслуживающее всяческого уважения, описывались случаи, когда коммунисты «наказывали» своих политических противников. Например, лидер Коминтерна Г.Е. Зиновьев с нескрываемым удовлетворением вспоминал, как на съезде независимых социал-демократов в 1920 г. рабочие грозили кулаками одному из правых вождей Независимой социал-демократической партии Германии⁴⁵ А. Криспину, а затем «поколотили молодцов», раздававших антибольшевистские воззвания⁴⁶. Оказавшийся в 1928 г. в Веймарской республике некто В. Шамшур со страниц «Известий» почти голливудскими ковбоями изобразил коммунистов, которые под угрозой применения огнестрельного оружия похитили редактора ведущей газеты СДПГ «Форвертс» Ф. Штампфера⁴⁷.

История Веймарской республики была недолгой, что, однако, воспринималось советскими современниками как закономерность. Ведь еще V Конгресс Коммунистического Интернационала в 1924 г., объединив социал-демократию и фашизм,

отбросил возможность парламентского демократически-реформистского пути развития⁴⁸ и провозгласил дилемму: «Или пролетарская революция и диктатура пролетариата – или открытая буржуазная реакция и фашизм». Для большевистских журналистов эта установка стала основанием для многочисленных пророчеств гибели рейхстага как воплощения германской демократии, то есть природы, уходящей в историческое небытие⁴⁹.

Немецкие коммунисты были противниками Веймарской республики и ее учреждений. Они, как открыто признавал Н.В. Домбровский, не верили «в возможность мирного уничтожения капитализма» и шли в парламент с единственной целью: показать его полную неспособность в защите интересов трудящихся⁵⁰. Поэтому, как отмечали корреспонденты «Известий», члены КПГ приходили в рейхстаг нарочито в рабочей одежде, не приветствовали министров вставанием, в ответ на здравицу в честь республики кричали «Долой!», а в день принятия Конституции, якобы в знак траура, приспустили красное знамя на партийном доме в Берлине⁵¹.

С точки зрения советских граждан, такое поведение было совершенно естественным и оправданным. Как, впрочем, понятным для них было и то, что националисты и фашисты в ответ на пение в рейхстаге «Интернационала» затягивали «Дейтчланд, Дейтчланд юбер аллес», а в День Республики вывешивали монархические и земельные штандарты.

Многими советскими людьми жесткая борьба партий в Веймарской республике воспринималась нормой политической жизни. Причина этого отчасти объясняется их симпатиями к партии большевиков, которая довольно специфически трактовала вопросы о праве и гуманизме. Даже А.В. Луначарский, о котором пишут не просто как о большевике, а как о большевике-интеллигенте, увидел в фильме «На Западном фронте без перемен» изъян, делавший его демонстрацию в СССР невозможной, – картина звала в толстовство с его моралью «не убий»⁵², советская же молодежь должна готовиться к новым войнам и революциям, естественными спутниками которых являются насилие и кровь. Но объяснять появление отмеченных в данной работе безапелляционных оценок, которые дава-

ли советские граждане происходившему в Германии, исключительно их приверженностью большевизму, нам представляется не вполне правомерным. Проблема глубже. И, по нашему мнению, связана она с господством в интеллектуальном сообществе России начиная с XIX в. линии на бескомпромиссное деление мира «на своих и чужих»⁵³. Поэтому для граждан СССР, а тем более для корреспондентов газеты «Известия», было естественным то, что германские коммунисты борются против всех партий сразу. В СССР весьма рано осознали, что с приходом А. Гитлера к власти нацисты начнут истреблять политических противников и, в первую голову, коммунистов⁵⁴. Но в этой связи поставим риторический вопрос: а что стало бы с немецкими республиканско-демократическими силами, если бы к власти пришла КПП, чей образ создали современники – советские граждане?

---

¹ Черноперов В.Л. : 1) Социально-экономические достижения Веймарской республики глазами советских современников // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2007. Вып. 4. С. 270–292 ; 2) Германия 1923 г. в преломлении изданий текстильной столицы СССР // Российская история. 2011. № 5. С. 158–161 ; 3) Образы «Россия и русские», «Кайзеровская империя и немцы», «Антанта и народы стран Соглашения» на страницах дневника Ю.В. Готье (1917–1918 гг.). URL: <http://tosmir.iriran.ru/archival.php?id=44>; и др.

² Луначарский А.В. Собр. соч.: в 8 т. М., 1965. Т. 5. С. 443.

³ Там же; Луначарский о кино: Статьи. Воспоминания. Документы. М., 1965. С. 250.

⁴ Зонтер. Новая немецкая военная литература // Известия. 1929. 31 июля.

⁵ С 1919 по 1933 г. в Веймарской республике было издано 124 фронтowych романа, и почти вся эта литература реабилитировала германских политиков и военных стратегов Первой мировой войны, оправдывала агрессивную внешнюю политику кайзеровской империи (*Orlowski H. Pierwsza wojna światowa w literaturze niemieckiej lat 1919–1939 // Przegląd Zachodni. 1968. N 4. S. 372–373*).

⁶ Подробнее см.: *Андреев А.Н.* Немецкий исторический роман как источник по истории формирования менталитета населения Веймарской республики // Веймарская республика: история, историография, источниковедение: межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 2008. Вып. 4. С. 158–179.

⁷ См.: *Баев В.Г.* Германское государство в межвоенный период 1919–1933 гг. в зеркале мемуарной литературы 60–80-х гг. XX в. Тамбов, 2002. С. 34–44, 48–56; *Биск И.Я.* Немецкая мемуарная литература как источник

- по истории Веймарской республики: 11/8-1919 – 30/1-1933): дис. ... канд. ист. наук. Л., 1960; *Ланник Л.В.* Историю пишут проигравшие: становление германской военной историографии Первой мировой войны в 1920–1930-х годах // Новая и новейшая история. 2014. № 6. С. 129–144.
- ⁸ *Луначарский А.В.* : 1) Об искусстве / предисл. И.А. Сац; примеч. И.А. Сац, А.Ф. Ермакова. М., 1982. Т. 1. С. 327, 336–340, 344–345, 369–370 ; 2) Собр. соч.: в 8 т. М., 1964. Т. 4. С. 377.
- ⁹ Macht und Ohnmacht der Weimarer Republik / Autorenkollektiv unter Leitung von M. Weißbecker. Berlin, 1990. S. 162–169.
- ¹⁰ Луначарский о кино. С. 188.
- ¹¹ *Кайт Л.* Грандиозный успех фильма «Броненосец Потемкин» // Известия. 1926. 23 мая.
- ¹² Жизнь для партии – жизнь для народа: М.Ф. Андреева по воспоминаниям и письмам // Москва. 1957. № 9. С. 152.
- ¹³ *Кайт Л.* Мракобесие германской реакции // Известия. 1926. 17 июля.
- ¹⁴ Жизнь для партии – жизнь для народа. С. 153.
- ¹⁵ Мария Федоровна Андреева. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. М., 1963. С. 189.
- ¹⁶ Луначарский о кино. С. 189.
- ¹⁷ О борьбе германских националистов против демонстрации фильма «На Западном фронте без перемен» см., напр.: *Винцер В.* Солдат трех армий: мемуары немецкого офицера. М., 1973. С. 52.
- ¹⁸ *Луначарский А.В.* Собр. соч.: в 8 т. М., 1966. Т. 6. С. 475–478.
- ¹⁹ *Шнейерсон Г.* Эрнст Буш и его время. М., 1971. С. 24–35.
- ²⁰ *Луначарский А.В.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 5. С. 494.
- ²¹ Там же. Т. 6. С. 493.
- ²² *Чичерин Г.В.* Моцарт: исследовательский этюд. 8-е изд. Л., 1987. С. 162
- ²³ *Луначарская-Розенель Н.А.* Память сердца. 4-е изд. М., 1977. С. 140, 155, 179–182.
- ²⁴ Из насчитывавшихся в Веймарской республике в разные годы от 2938 до 4703 газет – подавляющее большинство открыто или завуалировано были связаны с правыми партиями (*Биск И.Я.* Пресса Веймарской Германии. Иваново, 1995. С. 24, 30–32).
- ²⁵ *Кайт Л.* Сквозь призму календаря // Известия. 1926. 7 янв.
- ²⁶ *Емельянов В.С.* О времени, о товарищах, о себе. 2-е изд. [М., 1974]. С. 25.
- ²⁷ *Вагнер.* Картинки выборов в германский рейхстаг // Известия. 1924. 9 дек.
- ²⁸ *Вехтер.* Исторические выборы // Там же. 1925. 3 мая.
- ²⁹ *Кайт Л.* Обострение предвыборной борьбы в Германии // Там же. 1928. 15 мая.
- ³⁰ *Биск И.Я.* История повседневной жизни населения в Веймарской республике: учеб. пособие. Иваново, 1990. С. 150.
- ³¹ Членов «Стального шлема» насчитывалось до 300 тыс., «Рейхсбаннера» – до 3,5 млн., «Союза красных фронтовиков» – до 150 тыс. (*Bracher K.D.* Die Auflösung der Weimarer Republik: eine Studie zum Problem des Machtverfalls in der Demokratie. 2. verb. und erw. Aufl. Stuttgart; Düsseldorf, 1957. S. 144–145; *Dupeux L.* «National Bolschewismus» in Deutschland, 1919–1933: Kommunistische Strategie und konservative Dynamik. München, 1985. S. 209).

- ³² *Кайт Л.* После плебисцита // Известия. 1926. 29 июня.
- ³³ *Кайт Л.* : 1) Гитлеровцы готовятся к походу на Мюнхен и Дассау // Там же. 1932. 2 июля ; 2) Кровавые уличные столкновения в городах Германии // Там же. 3 июля ; 3) Разгул фашистского террора в Германии // Там же. 5 авг.
- ³⁴ *Кайт Л.* В Германии кровавые столкновения продолжают // Там же. 5 июля.
- ³⁵ *Сольский В.В.* Сумерки рейхстага // Там же. 1923. 13 дек.; *Вехтер.* Въезд Гинденбурга в Берлин // Там же. 1925. 15 мая; *Кайт Л.* : 1) Бурный инцидент в рейхстаге // Там же. 1927. 10 июля ; 2) В рейхстаге начались прения по вопросу о броненосцах // Там же. 1928. 16 нояб. ; 3) Тактика националистов в рейхстаге // Там же. 1932. 12 мая.
- ³⁶ *Сольский В.* : 1) В рурские дни // Там же. 1923. 24 янв. ; 2) Берлинские письма // Там же. 1924. 24 июля; и др.
- ³⁷ *Сольский В.* Открытие германского рейхстага // Там же. 1924. 31 мая.
- ³⁸ *Кайт Л.* Пакт Келлога принят рейхстагом. Обличительное выступление коммунистов // Там же. 1929. 7 февр.
- ³⁹ *Ее же.* Срыв сессии рейхстага // Там же. 1932. 13 мая.
- ⁴⁰ *Кайт Л.* : 1) Бурные сцены в рейхстаге // Там же. 1926. 12 июня ; 2) Открытие прусского ландтага // Там же. 1929. 9 июня.
- ⁴¹ *Кайт Л.* : 1) Нацисты провоцируют столкновения в рейхстаге // Там же. 1930. 12 окт. ; 2) Открытие германского рейхстага прошло довольно бурно. Вызывающее поведение национал-социалистов во главе с Гитлером // Там же. 14 окт. ; 3) Срыв сессии германского рейхстага // Там же. 1932. 13 мая; и др.
- ⁴² Продолжительность сессий рейхстага в 1921 г. – 102 дня, в 1922 г. – 131 день, 1923 г. – 112 дней, 1924 г. – 31 день, 1925 г. – 139 дней, 1926 г. – 115 дней, 1927 г. – 107 дней, 1928 г. – 84 дня, 1929 г. – 91 день, 1930 г. – 94 дня, 1931 г. – 56 дней, 1932 г. – 11 дней (*Баев В.Г.* Документы рейхстага как источник по истории Веймарской республики // Веймарская республика: история, историчноеведение, историография: межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 1988. С. 20, примеч. 12).
- ⁴³ Рейхстаг в 1930 г. издал 98 законов, в 1931 г. – 34, а за весь 1932 г. – всего 5, зато резко возросло количество законов на основании статьи 48 Конституции: с 5 в 1930 г. до 60 в 1932 г. (*Баев В.Г.* Германский конституционализм (конец XVIII – первая треть XX вв.): историко-правовое исследование. Тамбов, 2007. С. 335).
- ⁴⁴ См., напр.: *Горкин И.А.* Инцидент в Телькове // Известия. 1925. 21 июня; *Кайт Л.* : 1) Избиение мирной демонстрации // Там же. 1926. 21 окт. ; 2) Неслыханная провокация социал-демократов в Берлине // Там же. 1929. 4 мая; 3) Как социал-фашисты готовятся к Веймарской конституции // Там же. 8 авг.
- ⁴⁵ НСДПГ – левая социалистическая партия в Веймарской Германии. Была создана в апреле 1917 г. Одним из ее лидеров был Карл Каутский. В конце 1931 г. НСДПГ прекратила свое существование, войдя в состав Социалистической рабочей партии Германии (СРПГ).
- ⁴⁶ *Зиновьев Г.Е.* Двенадцать дней в Германии. Пг., 1920. С. 51.

- ⁴⁷ *Шамиур В.* Как надули редактора «Форвертса» // Известия. 1928. 21 окт.
- ⁴⁸ Коммунистический Интернационал в документах (1919–1932 гг.). М., 1933. С. 401.
- ⁴⁹ См., напр.: *Сольский В.* : 1) Очерки о современной Германии // Известия. 1923. 9 дек. ; 2) Сумерки германского рейхстага // Там же. 13 дек. ; 3) Конец германского рейхстага // Там же. 1924. 18 марта; *Штейнборн И.* Берлинские письма. На пути к буржуазному блоку // Там же. 5 сент.; *Кайт Л.* Кризис парламентского режим в Германии // Там же. 1929. 9 марта.
- ⁵⁰ *Домбровский Н.* Как живут люди в Германии. М., 1929. С. 39.
- ⁵¹ *Сольский В.* В рурские дни; *Кайт Л.* : 1) Последние дни рейхстага // Известия. 1928. 1 апр. ; 2) Веймарская годовщина // Там же. 1929. 15 авг.
- ⁵² Луначарский о кино. С. 190.
- ⁵³ См., напр.: *Черноперов В.Л., Усманов С.В.* Вместо введения: российская интеллигенция и западные интеллектуалы в современном мире: модели социально-политического поведения // Интеллигенция и интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности. Иваново, 2014.
- ⁵⁴ Документы внешней политики СССР. М., 1969. Т. 15. С. 621; *Шейнис З.С.* Товарищ Сергей. М., 1990. С. 127–128. С установлением фашистской диктатуры из 300 тыс. членов КПГ 145 тыс. пройдут через тюрьмы и концлагеря, 30 тыс. будут убиты (Проблемы мира и социализма. 1960. № 5. С. 61).

**«Вопреки народному сомнению,
пакт настоящий»:
советско-германский
договор о ненападении 1939 г.
и советское общество**

В последние годы многочисленные исследования (в основном статьи, но вышло уже и несколько достаточно серьезных монографий) посвящены настроениям советского общества в разные периоды его истории, чаще всего – в 1920–1940-е годы. В данной статье речь пойдет о реакции советского общества на пресловутый «пакт Молотова – Риббентропа» и последовавшие сразу за ним события августа – сентября 1939 г.

Прежде всего, необходимо сделать несколько замечаний по поводу имеющихся источников по изучению внешнеполитических представлений советского общества.

Периодическая печать практически теряет свое значение как источник по массовому или общественному – что далеко не всегда одно и то же – сознанию. Теперь она становится не столько отражением мнений и настроений разных социальных групп (прежде всего тех, что составляли «образованный класс»), сколько орудием и средством пропаганды. Как правило, картина мира, которая рисовалась в газетах, в том числе, и со ссылками на общественное мнение, очень существенно отличалась от представлений, бытовавших в обществе.

Если в США уже в 1935 г., в Великобритании – в 1937-м, во Франции – в 1939-м начали работу институты Гэллапа, проводившие регулярные опросы общественного мнения, давая тем самым довольно объективную, а главное, динамичную картину, в том числе, и по вопросам внешней политики, в СССР подобных институтов не было. В какой-то степени данные подобных опросов заменяли информационные материалы НКВД, пар-

тийных и советских органов. Дополнительные сведения содержатся также в доступных сейчас историкам документах личного происхождения.

Коротко остановимся на ключевом моменте достоверности информационных материалов. Как замечает по поводу подобных сводок современный исследователь, «относительность достоверности видится в тройной степени погрешности, присущей любым агентурным документам: во-первых, многое зависит от политических позиций, симпатий источника информации, во-вторых – от личности готовящего сводку или донесение, в-третьих, как известно, люди не всегда говорят вслух то, что думают на самом деле (как, впрочем, не всегда думают и о том, что и кому говорят). Вместе с тем отмеченные погрешности в большей мере влияют на персональные оценки и характеристики, единичные высказывания и отдельные факты. Для обобщений, выявления основных тенденций общественных настроений они не имеют решающего значения, поскольку в достаточной мере сглаживаются, нивелируются»¹. При этом необходимо помнить, что в сводки, которые отправлялись «наверх», попадали, как правило, типичные, характерные высказывания, многократно встречавшиеся в донесениях агентуры, в материалах цензуры и т.д.

Нет возможности проверить достоверность исходных материалов. Что касается их изменения и редактирования в процессе обработки, то в той степени, в какой позволяет это проследить сохранность и доступность сводок, можно констатировать, что смысл информации практически не менялся².

Обилие рассекреченных спецсводок и специнформаций, в которых отражались в первую очередь «негативные», с точки зрения властей, факты, привело многих исследователей к выводу, что именно здесь выявлялись подлинные настроения широких масс. Однако в действительности все было гораздо сложнее.

Во-первых, именно на сбор негатива были прежде всего нацелены как информаторы НКВД, так и составители сводок. Если посмотреть соответствующие партийные информации, бросается в глаза их заметно более оптимистический характер

(тоже «корректировавший» действительность, но уже в другую сторону).

Во-вторых, повышенное внимание, которое уделялось в той или иной сводке конкретной проблеме, могло быть вызвано как ее реальной остротой, так и позицией составителей, которым заранее рекомендовали обратить внимание именно на этот сюжет.

Помимо материалов НКВД, вторым важнейшим каналом получения информации о настроении общества служили сводки и обзоры, подготовленные партийными органами. Кроме того, обзоры и сводки о настроениях готовило Главное политическое управление РККА и ВМФ, а также ВЛКСМ, ВЦСПС, различные государственные учреждения, в частности, аппарат Верховного Совета СССР, в том числе секретариат председателя Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинина, редакции крупнейших газет, прокуратура и т.д.

Главным недостатком почти всех подобных информационных материалов является отсутствие каких бы то ни было статистических данных (исключение – материалы перлюстрации³). Подводя итог, можно утверждать, что советские информационные материалы, как правило, не позволяли оценить «удельный вес» тех или иных настроений в обществе. Составители сводок нередко подчеркивали массовость или, напротив, единичность различных высказываний, однако подобные оценки субъективны, ничем не подтверждены, и в результате вызывают сомнения.

Очевидно, тем не менее, что советское политическое руководство имело в целом достаточно полную и адекватную картину *спектра настроений* в обществе; притом важнейшим условием достоверности информации являлся ее комплексный характер – перепроверка данных одних материалов другими. Именно это делает информационные материалы основным источником по проблеме массовых настроений советского общества.

Что касается источников личного происхождения, обычно, прежде всего, в этом качестве упоминаются мемуары. Однако и по цензурным соображениям (это относится главным образом к мемуарам и другим произведениям, выходящим в советское время⁴), и по причине естественной аберрации памяти,

все они создавались с учетом знания того, что происходило позднее. Как отмечалось в одном из обобщающих трудов по источниковедению, «мысли мемуариста, умудренного опытом, уже знающего все последствия описываемых событий прошлого, эти мысли, вольные или невольные, часто вкладываются в голову того, может быть, даже совсем не прозорливого, и совсем даже не смелого, и далеко не сообразительного участника давней истории, каковым мемуарист был когда-то»⁵. Классическим примером может служить часто цитируемые строки из воспоминаний наркома авиационной промышленности А.И. Шахурина: «К тому времени, когда меня назначили наркомом (1940 г.), было совершенно ясно, что войны нам не избежать. Никто не ошибался и в отношении предполагаемого противника. Это могла быть только гитлеровская Германия»⁶. На самом деле в те годы не только в массовом сознании, но и среди военной и политической элиты существовали самые различные представления и об угрозе войны, и о предполагаемом противнике⁷.

Таким образом, мемуары при изучении рассматриваемой проблемы могут быть использованы только для каких-то частных примеров, иллюстрирующих общие положения.

По сравнению с воспоминаниями, дневники имеют то преимущество, что в них фиксируется сиюминутная ситуация, причем именно так, как ее в данный момент воспринимает автор дневника. Помимо своих собственных впечатлений и размышлений, он записывает мелочи быта, высказывания друзей и знакомых, свое отношение к тем или иным значимым, по его мнению, событиям. Все это достаточно редко отражается в других видах источников, за исключением, пожалуй, частных писем – но там подобные сюжеты гораздо более фрагментарны, да и частных писем, не считая «писем во власть», сохранилось немного. Более того, именно в дневниках видно, насколько внутренне противоречивыми и изменчивыми были представления о международной ситуации и ее перспективах у каждого отдельного человека.

К сожалению, когда речь идет об опубликованных дневниках, всегда остается вероятность, что они были подвергнуты

редактированию. Конечно, при подготовке к печати можно сократить случайные записи о погоде, хозяйственных делах, интимных переживаниях... хотя для изучения повседневности тех лет и такие сведения имеют значение. Но иногда «обработка» дневников фактически превращается в фальсификацию источника.

Здесь уместно привести пример подобной фальсификации. В 90-е годы множество раз и в публицистике, и в академических изданиях приводилась цитата из дневника М.М. Пришвина за октябрь 1939 г., когда он откликается на начало Второй мировой войны. Помимо журнальных публикаций фрагментов дневников⁸, обычно цитировалось книжное издание 1990 г., где эта запись выглядела следующим образом: «5 октября 1939. Открывается политика, похожая на борьбу двух зверей. Коварство необычайное и охотничьи хитрости – явление обычное между зверьми. Вот чего и боится наш русский человек, когда слышит о “дружбе” с фашистами»⁹.

Разумеется, современными читателями, исследователями в том числе, это высказывание (в соответствии с контекстом) было воспринято как намек на Гитлера и Сталина и именно в этом смысле многократно цитировалось и упоминалось.

А вот как эта запись выглядела на самом деле (во избежание всяких сомнений привожу полную запись, без отточий; все многоточия принадлежат Пришвину):

«5 октября 1939. Жизнь всех людей переменилась, потому что каждый теперь про себя передумывает свое понимание жизни. Открывается политика, похожая на борьбу двух зверей, *Германии и Англии. Гитлер завлекал к себе зверя А., чтобы поймать в западню. Он пугал А. тем, что СССР отнимет у него Индию, Египет... И когда зверь А. вступил в западню, внезапно задремала пружина: то был военный союз с СССР. Коварство необычайное, но дипломатические, военные и охотничьи хитрости – явление обычное между зверьми* (курсив мой. – А.Г.)... Вот чего и боится наш русский человек, когда слышит о “дружбе” с фашистами. И еще русский человек боится “ярма” и даже знает, что оно при всех условиях обязательно для него. Сегодня ночью по радио впервые было сказано об Индии: что там начи-

наются волнения. Гитлер, уничтоживший у себя коммунизм, сколько он во всем другом мире создал коммунистов, заключив союз с СССР. Он и у нас-то заставил теперь признать внутренне большевиков, а не по принуждению. Никогда у нас не было сознания собственного достоинства, и “заграница” всегда считалась сделанной как бы из другого материала: мы как бы хлопчатобумажные или дерюжные, а там люди шелковые. Теперь начинает это меняться... После ликвидации панов перед всеми стоит вопрос: а может быть, и лорды станут в то же положение? И вообще Польша является теперь ярким примером. Варвары жить хотят, и в этом оправдание их жестокости»¹⁰.

Характерно, что в издании 1990 г. пропуск, радикально изменивший смысл высказывания, никак не оговаривался и даже не был отмечен отточием.

Иногда в качестве самостоятельного источника называются слухи. Это, действительно, важный показатель ожиданий и опасений общества, однако они фиксировались в тех же дневниках, мемуарах, сводках и прочих документах, составляя их неотъемлемую часть, и уже поэтому вряд ли могут рассматриваться как отдельный источник¹¹.

* * *

Среди наиболее вероятных противников СССР в 1930-е годы назывались Япония, Англия, Польша, а с 1933 г. – все чаще Германия. Войну с Германией ожидали и в 1936, и в 1937 гг., а в 1938 г. в Белоруссии возникла полноценная «военная тревога», связанная с кризисом вокруг Чехословакии. Вместе с тем подписание советско-германского договора о ненападении 1939 г. было встречено со смешанными чувствами.

Во всех исследованиях, затрагивающих эту тему, во всех мемуарах, где автор вспоминает о событиях августа 1939 г., навязчиво подчеркивается ощущение шока от внезапного изменения тона советской прессы, от самого факта подписания акта о ненападении со страной, которая в пропаганде последних лет изображалась в самом негативном свете. Действитель-

но, подобный поворот событий для многих оказался потрясением.

Во многих дневниках встречаются схожие формулировки – «неожиданно крутой поворот...»¹², «известие это (сообщение о подписании пакта. – *А.Г.*) поразило нас, как гром среди ясного неба... это явилось для нас полной неожиданностью»¹³.

Именно акцент на неожиданности происшедшего характерен практически для всех комментариев. Но дальше начинаются серьезные разночтения в оценке данной неожиданности.

Интересное исследование А. Блюма, основанное на ленинградских материалах, дает картину самых противоречивых настроений. В частности автор приводит такую оценку составителей одной из сводок: «Со стороны отдельных лиц заключение договора вызвало явное недоумение, непонимание причин, предшествовавших этому факту, и поэтому неправильное толкование данного мероприятия Советского правительства. Нами зафиксированы высказывания, извращенно истолковывающие политику Советского правительства и факт заключения договора с Германией. Отдельные из этих высказываний имеют явно антисоветский характер. Имеют место явно извращенные, клеветнические и антисоветские высказывания со стороны отдельных лиц, расценивающих заключение советско-германского договора о ненападении как осуществление планов Гитлера по захвату СССР и как беспринципность политики СССР»¹⁴. Так, в качестве примера «извращенного» высказывания цитировались слова писателя Л. Пантелеева, который в беседе со студентами заявил, что СССР мог заключить договор только с Германией, так как обе страны тиранические и имеют сходные системы управления. Со странами, где в основе управления демократия, договориться, по его мнению, было невозможно...¹⁵

Необходимо, однако, отметить, что во многих современных исследованиях сохраняется традиция выделять прежде всего негативные оценки пакта. Это касается и вышеупомянутой работы А. Блюма, и не менее интересной статьи двух петербургских авторов, где утверждается: «Документы органов госбезопасности и информаторов горкома ВКП (б) свидетельствовали

о болезненном восприятии практически всеми слоями населения сближения с нацистами»¹⁶. Опять-таки, высказывания в поддержку пакта упоминаются вскользь, а затем идут многочисленные и разнообразные примеры негативных оценок. Как подчеркивают авторы статьи, представители практически всех слоев населения выражали недоверие германскому правительству, которое «будет продолжать свою агрессивную политику», направленную сначала против Франции, Англии и Польши, а затем и СССР. Рабочие ряда предприятий и служащие учреждений оценивали договор как «очередную аферу Гитлера». Студент сельхозинститута предсказывал, что «через пару лет [Германия] начнет свою агрессивную политику в отношении к Советскому Союзу». Как заявил некий инженер Теплоэлектропроекта, «немцы ловко использовали затяжку в наших переговорах с Англией и Францией и извлекли для себя максимальные выгоды, развязав себе руки для достижения агрессивных целей. Нам этот договор не нужен, так как мы воевать с Германией не собирались, для немцев же это блестящий политический ход, который они сделали для их мирных стремлений и успокоения общественного мнения. Если этот договор на один-два года оттянет войну с Германией, то когда она все же возникнет, нам на помощь Франции и Англии рассчитывать не придется. Заключение торгового и политического договора повлечет за собой экономическое закабаление СССР Германией»¹⁷.

Однако материалы самих сводок дают несколько иную картину. Так, в Краснодарском крае в сводке от 1 сентября отмечалось, что большинство трудящихся «продолжает положительно рассматривать советско-германский пакт и одобряет действия Советского правительства». Конечно, подобные высказывания можно списать на бездумную или неискреннюю поддержку любых шагов власти, но одновременно звучали развернутые и аргументированные комментарии. Например: «Заключение пакта является событием огромной важности, поднимающей престиж СССР. Пакт – есть удар по нынешней политике Англии и Франции, политике натравливания Германии на СССР. Он в известной степени заглушит очаг войны против СССР на Западе. Заключение советско-германского

пакта – есть крупнейшая победа советской дипломатии, в результате которой разрушен антикоминтерновский пакт». Москович Королев высказался следующим образом: «Я одобряю заключенный договор о ненападении с Германией, этим договором мы отбиваем охоту у других капиталистических государств проводить свою агрессивную политику, так как теперь наиболее сильные две державы имеют между собой договоренность, которым помешают выполнять свои планы и напасть на СССР»¹⁸.

Пожалуй, наиболее полно выразил настроения значительной части советских граждан, у которых подписание пакта вызвало одобрительную реакцию, тамбовский служащий Н.С. Логинов (беспартийный и антисоветски настроенный, как подчеркивалось в сводке НКВД): «Я хотя во многом не разделяю Советскую политику, но должен прямо сказать, что внешнюю политику соввласть повела сейчас замечательно. Молодцы – прямо говорю. Ведь только прикиньте, что получилось за какие-нибудь 20–30 дней: договор с Германией, перемирие с Японией, наконец, совместное с Германией коммюнике. По существу перевернулась вверх дном вся мировая политика. И наши поступили очень мудро, что заключили договор с Германией и действуют совместно с ней. Черт ли нам воевать с Германией ради каких-то английских и французских колоний. Не один ли черт, кто ими пользуется, Германия или Англия, нам-то что. Зато мы теперь от войны избавились, хоть на десяток лет. Это, право слово, очень хорошо, мудро. Англия и Франция едва ли теперь будут продолжать войну. Они опростоволосились, упустили договориться с нами, теперь пусть пожинают плоды. Прямо молодцы наши»¹⁹.

Английский журналист А. Верт, ссылаясь на знакомого французского корреспондента, подчеркивал: «по мнению многих русских, этот пакт воздал Англии и Франции по заслугам за все их грязные проделки, которые они годами творили в отношении Советского Союза»²⁰. Это наблюдение подтверждается записью в дневнике драматурга А.К. Гладкова от 23 августа 1939 г.: «До этого все возвращающиеся из города привозят слух, что днем прилетел Риббентроп. Многие об этом говорят

со злорадством, которое психологически понятно. Причина этому в политическом бл...е Англии и Франции в испанском вопросе, в Мюнхене и в неудаче вчерашних переговоров»²¹.

С другой стороны, как отмечалось составителями сводки, недовольные Советской властью «высказывают сожаление о заключении пакта, т.к. он на несколько лет отсрочил начало и разворот военных действий Германии против СССР»²². Во многих высказываниях сохранялось недоверие к Германии, в частности встречались утверждения, что теперь Германия может захватить Данциг, Польшу, Франция, Англию, приблизиться к нашим границам и в нужный момент ударить по СССР²³.

С пактом связывались и достаточно традиционные уже опасения, вызванные вечным советским дефицитом. Рабочий Михайлов из Московской области утверждал: «Весь хлеб, видно, в Германию и Польшу увезли, а нас баснями кормят»²⁴. В Ленинграде в очереди некая гражданка жаловалась: «То испанцев, то китайцев, а теперь Гитлера кормим, одеваем. Народ душится в очередях»²⁵. Работник потребкооперации из Татарской АССР Б. Муслин на заседании сельсовета говорил: «Боясь Германии, советское правительство с ней заключило торговый договор, вместо заброски промтоваров и бакалейных изделий в селькоопы, все отправляют в Германию, в селькоопках нет ничего и нам работникам селькоопов больше делать нечего... селькоопы пустуют»²⁶. В станице Ново-Украинской Краснодарского края, беседуя о советско-германском пакте, несколько местных жителей сошлись на том, что «этим договором мы себя оголили, теперь начнут качать от нас хлеб и другое сырье в Германию. Германия, используя договор, создаст запасы сырья, а потом повернет оглобли против СССР. Политика Германии тонкая, мы хвалимся заключением договора только потому, что его не понимаем, а вот как только выкачают хлеб от нас, появится недостаток в хлебе, тогда мы все сразу пойдем, в чем заключался этот договор»²⁷.

Л.В. Шапорина, вообще резко негативно относившаяся к советской власти и ее политике, 24 августа 1939 г. записала в дневнике: «Пакт о ненападении – какой ценой! “Для спасения

революции” Ленин отдал 6 стран и контрибуцию, чужое добро легко отдается, отдал моря, а сейчас что мы отдадим? Риббентроп не ехал бы за мелочами. Уж верно стоит – Paris vaut bien une messe*. Вероятно, пойдет в Германию все сырье, нефть, уголь и все прочее, мы, навоз, удобрим благородную германскую почву. Руки Гитлера развязаны. Польша последует за Чехословакией. Угроза Франции – Франции, нашей второй родине... А еще теплые тела убитых в Испании, Чехословакии? Сволочи. Я не могу, меня переполняет такая невероятная злоба, ненависть, презрение, а что можно сделать?»²⁸

Л.В. Шапорина вела свой дневник в Ленинграде, но ее оценка пакта во многом совпала с оценкой Л.Ю. Бердяевой, которая 22 августа писала в Париже: «Coup de foudre!** Гитлер заключил пакт о ненападении с СССР! Мое давнишнее предчувствие сбывается, и Россия покрывает себя несмываемым пятном позора... Два паука соединили свою паутину, и один из них, конечно, запутается и погибнет в ней. Конечно, Сталин, который из боязни войны и революции, которая снесет ему голову, идет на все, чтобы уцелеть»²⁹. В этой связи можно сказать, что Шапорина являлась одним из представителей т.н. «внутренней эмиграции», и, конечно, в этом она была не одинока³⁰.

И вместе с тем та же Шапорина отмечает и другую реакцию – облегчение. Один ее знакомый тут же заявил: «Ну, слава богу, по крайней мере, пять лет войны не будет, можно писать оперу», другой – «рад, что не будет войны, и “надо торопиться строить”»³¹. М.М. Пришвин 1 сентября 1939 г. рассуждает: «Эволюция в чувствах в отношении к событию мира с Германией: 1) Радость. 2) Мы – те же, а мир – “какая-то очередная хитрость”...»³². И позднее он неоднократно возвращается к пакту, то сомневаясь в его результатах – «мы сами после первой (глупой) радости тоже очнулись, все равно и нам не миновать войны: победит Гитлер – с ним, его победят – с тем, кто победил»; то, особенно после ввода советских войск на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии, утверждая с

---

* Париж стоит мессы (фр.).

** Удар грома! (фр.).

видимым оптимизмом: «вопреки народному сомнению, пакт настоящий... Ликвидация окончательная недоверия к пакту и объяснение его происхождения: от пропаганды ненависти к фашистам, от оппозиции (иногда безграничной) к правительству»³³.

Много позже, в декабре 1941 г., в своем блокадном дневнике Г.А. Князев вспоминал: «Мне, как и многим, казалось, что в 1939 году война СССР с Германией предотвращена. Мы жили этим самообманом. Войны с Германией мы не ожидали. Даже за несколько дней до нападения на нас Гитлера мы не верили, что произойдет чудовищная катастрофа»³⁴.

Многие далеко не всегда одобрявшие политику советского руководства представители интеллигенции в целом поддерживали и оправдывали пакт. Как писал в своем дневнике 26 августа 1939 г. А.К. Гладков, «Сталин сделал смелый ход. Есть в этом элемент авантюризма. Многие осуждают пакт за его политическую безнравственность. Это пустяки, конечно. Политика всегда в той или иной мере безнравственна. Суть пакта – наша попытка остаться нейтральными в случае возможной войны. Но может ли она удалась, хотя бы временно?»³⁵

Достаточно сдержанно ситуацию оценил старый большевик А.Г. Соловьев. Его запись от 31 августа лаконична и даже, кажется, отдает фатализмом: «На внеочередной сессии Верховного совета Молотов выступил с сообщением о подписании договора с Германией. Сказал: “Вчера мы были врагами, сегодня мы перестали быть врагами”. Все поняли, другого выхода не было. Договор ратифицировали»³⁶.

* * *

Нападение Германии на Польшу, то есть собственно начало мировой войны, было воспринято по-разному. Многие, даже после вторжения Германии в Польшу, не верили, что начинается большая война. Предполагали, что дело закончится провокацией или демонстрацией силы со стороны Германии; надеялись на то, что Франция и Англия (тем более СССР) не вступят в войну, и так далее³⁷.

Показательны рассуждения А.К. Гладкова, датированные 1 и 3 сентября (до получения известия об объявлении Францией войны Германии): «Если Польша струсит и в последний момент отдаст Данциг, то это не принесет долгого мира и на будущее лето опасность войны будет еще сильнее, ибо сильнее станет Германия. Вероятно, ближайшие дни все решат. Но долго ли США и СССР сумеют оставаться нейтральными?.. Гитлер еще не дал ответа на ноты. Мир может быть спасен, только если немцы, заняв Данциг и коридор, остановятся. Коридор уже перерезан. Если у Гитлера хватит мудрости заявить, что цели Германии достигнуты, то союзники признают это “свершившимся фактом” и не станут воевать. Думаю, что все правители этого желали бы, но есть еще и такие вещи, как инерция пущенной в ход мобилизационной машины и призраки национального самолюбия»³⁸.

Однако 3 сентября Вторая мировая война стала свершившимся фактом. И А.Г. Маньков прокомментировал это так: «Война! Вот она, дорогушка (потирание рук – судорожно). Ну что ж – босые, голодные пойдем воевать. Впрочем, что я говорю – нас оденут и накормят. Мы голодны здесь, а там – мы будем сыты...»³⁹

Но и после начала войны ситуация оставалась во многом неясной для большинства советских граждан. 9 сентября Вс.В. Иванов записал: «Москвичи ринулись в магазины, покупают что можно. Никто не знает, с кем мы будем воевать»⁴⁰.

Отношение к Польше было сложным; порой высказывались весьма жесткие оценки: «Польша своим криком и дерзким поведением вынудила Германию выступить»⁴¹. Однако подобные настроения вряд ли преобладали. Как вспоминал позднее писатель К. Симонов, «когда началась война немцев с Польшей, все мое сочувствие так же, как и сочувствие моих товарищей по редакции военной газеты, где мы вместе работали, было на стороне поляков, потому что сильнейший напал на слабейшего и потому, что пакт о ненападении пактом, а кто же из нас хотел победы фашистской Германии в начавшейся европейской войне, тем более легкой победы? Быстрота, с которой немцы ворвались и шли по Польше, огорошивала и тревожила»⁴².

Вступление советских войск на польские территории 17 сентября также для многих оказалось неожиданностью, хотя накануне в некоторых дневниках уже отмечались новые антипольские нотки в советской пропаганде, а А.К. Гладков 13 сентября предположил: «Мне почему-то кажется, что где-то в дипломатических канцеляриях уже кипит новое варево – очередной раздел Польши».

Впрочем, «очередной раздел Польши» в советском обществе был встречен скорее одобрительно. Одни приветствовали возможность распространения социализма на новые территории, другие – восстановление законных границ и интересов России. Академик В.И. Вернадский, в частности, записывал в дневнике 3 октября 1939 г.: «Захват (Западной) Украины и Белоруссии всеми одобряется... политика Сталина – Молотова реальная, и мне кажется правильная, государственная – русская»⁴³.

Подобная позиция отнюдь не была исключением. Как подчеркивает современный исследователь В.А. Токарев, отношение таких видных историков, как Ю.В. Готье, Б.Д. Греков, В.И. Пичета, Е.В. Тарле, к разделу Польши демонстрирует их поддержку пропагандистских акций сталинского руководства. Большинство из них придерживалось «великорусской» точки зрения, рассматривая Западную Украину и Белоруссию как осколки Киевской Руси и тем самым находя историческую справедливость в их присоединении. Хотя присущие им либеральные взгляды не позволяли безоговорочно соглашаться с политикой Сталина, это не помешало им принять самое активное участие в пропагандистской кампании по поводу «воссоединения» Украины и Белоруссии⁴⁴.

Любопытен комментарий по этому поводу одного из тех, кто реализовывал установки политического руководства в области пропаганды. Видный журналист Л.К. Бронтман 18 сентября записал в дневнике: «Речь Молотова (о решении ввести войска на польскую территорию. – *А.Г.*) ошеломила весь мир. Пресса Англии, Франции, Америки захлебывалась от злобного воя. Они кричали, что большевики способствуют гитлеризации Европы, что все это было договорено еще в Москве при подпи-

сании советско-германского пакта о ненападении, что это расшатывает устои социализма. Второй удар им нанесло советско-германское коммюнике о том, что действия СССР не противоречат пакту. До этого буржуазная пресса говорили, что вступление наших войск в Польшу осложнит отношения СССР с Германией. Голодной курице просо снится!»⁴⁵ Как и многие журналисты и литераторы, Л. Бронтман, очевидно, предполагал последующую публикацию своих дневников. Они отредактированы и идеологически выдержаны. Впрочем, это еще не означает, что Бронтман не был искренним в тех или иных оценках и выводах...

По мнению А.К. Гладкова, ввод советских войск на польские территории означал вступление СССР в мировую войну. Когда в газетах появились сведения о новой демаркационной линии, в соответствии с которой немцы должны были отойти и очистить часть захваченной территории, тот же Гладков не без удивления отметил: «Получается, Гитлер таскал для Сталина каштаны из огня». И, как бы подводя итог, 27 сентября он записывает в дневнике: «Сегодня в “Правде” в одной из корреспонденций из Западной Украины поляки называются “ненавистным врагом”. А всего только полтора месяца назад мы предлагали этим “ненавистным врагам” свою вооруженную помощь. Вот что такое политика! К счастью, у людей память коротка и подобная фразеология скользит поверх сознания»⁴⁶.

Академик Б.М. Ляпунов⁴⁷ «в беседе источнику»⁴⁸ заявил: «Теперь как будто наше правительство начинает понимать основные задачи России... Существование Польши, как самостоятельного государства – оскорбительно для России, которая всегда была и будет бить поляков. Теперь поляков вернут в то состояние, в котором они должны быть по своим моральным и культурным качествам. Жаль лишь, что наши правители действуют слишком осторожно. Нужно немедленно ликвидировать румынских братушек и всякие там Эстонии и Финляндии на севере, а после этого заявить о наших интересах на Балканах»⁴⁹.

Впрочем, среди интеллигенции встречались и иные настроения; в частности, композитор Н.Ю. Тюлин⁵⁰ говорил: «Мы нанесли удар в спину израненной и окровавленной

Польши... Наша внешняя политика исполнена вероломства относительно западных демократий, которые этого Советскому Союзу не простят, и впоследствии нам придется за это поплатиться»⁵¹.

Отношение к Польше, как отмечал К. Симонов, во многом определялось атмосферой напряженности в советско-польских отношениях последних десятилетий. К тому же ни Англия, ни Франция, объявив войну Германии, вопреки своим обещаниям так и не пришли на помощь Польше. Неудивительно поэтому, что тот же Симонов встретил вступление советских войск на территорию Польши «с чувством безоговорочной радости»⁵².

Те же настроения владели и многими красноармейцами, которые участвовали в походе на Западную Украину и Белоруссию. Один из них в ноябре 1939 г. писал своему другу, тоже красноармейцу, в Ленинградский военный округ: «В этом году и мне пришлось идти в рядах непобедимой славной Красной армии вызволять от гнета помещиков наших братьев украинцев и белорусов». Другой гордо заявлял: «О международной обстановке не забываем и всегда готовы по зову правительства выступить на защиту своих священных границ, а также для освобождения трудящихся любого государства, которые хотят мирной жизни»⁵³.

Конечно, красноармейцы являлись той социальной группой, которая в наибольшей степени подвергалась активной индоктринации. И это приносило результаты. Как вспоминал Л.К. Шкаренков, служивший в 1940–1941 гг. в РККА, «я был в курсе всех международных событий, давал их оценки, которые вроде бы и самостоятельны, но не расходятся с основными положениями официальной пропаганды»⁵⁴. При этом результаты пропаганды влияли не только на самих красноармейцев – во-первых, они поддерживали постоянные связи с родственниками и знакомыми, и, во-вторых, после окончания службы возвращались в привычную среду, где к их мнению прислушивались.

Что же касается основной массы советских граждан, то они из них в ходе выборов в ноябре 1939 г. интересовались, на каких основаниях присоединили Западную Украину и Бело-

руссию, в то время как другие высказывали недоумение – почему при определении границ Варшава осталась у Германии⁵⁵. И многие приветствовали освобождение народов западной Белоруссии и западной Украины «от ига капиталистов и помещиков бывшей Польши... ига панских панов (так в документе. – *А.Г.*), которые годами издевались над его [народа] кровной землей и не давали процветать ныне освобожденной нами – советским народом – новой молодой республике»⁵⁶.

Многие искренне полагали, что правительство удачно использовало момент для оказания помощи украинцам и белорусам, проживающим на территории Польши, и что переход Красной Армией польской границы является прежде всего защитой собственных интересов СССР. «Ожидать того, когда Гитлер, забрав всю Польшу, а потом укрепится на нашей границе и объявит нам войну, так лучше сейчас принять необходимые меры» – такие высказывания были зафиксированы в Калининской области⁵⁷.

Немало было и негативных высказываний – прежде всего, опасались, что Гитлер, захватив Польшу, после Польши договорится с Англией и Францией и они «общими силами пойдут воевать против нас». Да и само присоединение западных земель Украины и Белоруссии расценивалось по-разному – так, некто Овчаренко из Запорожской области, «бывший кулак» по определению составителя сводки, говорил: «Напрасно радуются бедные галичане и белорусы. Наши спасители покажут им свободу, обложат налогами и попросят в колхоз»⁵⁸. Подобные настроения отмечались и среди самих «освобожденных». Некий сельский учитель из Вилейского района заявил, что Красная Армия освободила народ Западной Белоруссии и Западной Украины «не от нищеты и бесправия, а от хорошей жизни»⁵⁹. И такие высказывания были отнюдь не единичными.

Сомнения относительно правильности и целесообразности проводимой политики по расширению границ СССР на запад испытывала часть участников походов. Вот несколько мнений красноармейцев: «Почему мы идем защищать Западную Украину и Белоруссию, ведь у нас политика мира, пусть они сами освобождаются, а на нас не нападают, ну и ладно... у нас есть

лозунг, что мы чужой земли не хотим, а зачем же мы перешли польскую границу? Ведь в Польше и в других странах есть компартия, есть пролетариат, ну и пусть они сами совершают революцию и своими силами избавляются от помещиков и капиталистов». Некоторые оценки были еще более резкими: «Пишут о мире, а на самом деле стали агрессорами. Население Западной Украины и Белоруссии не нуждается в нашей помощи, а мы ее захватываем и только формально сообщаем, что не воюем, а становимся на их защиту... наши почувствовали слабость польской армии и давай заниматься захватнической политикой. Мы всюду пишем и говорим против агрессоров, а по существу дела сами являемся ими»⁶⁰.

Наконец, многие современники пытались проанализировать последствия подписания пакта с Германией и присоединения Западной Украины и Белоруссии. В частности, весьма интересны рассуждения писателя Ю.Л. Слезкина. 12 сентября 1939 г. он записал в дневнике: «Сейчас, когда все говорят о предстоящей войне и почему-то усиленно нажимают на то, что Германия нас предаст и будет воевать с нами, я еще более укрепился в своем первоначальном мнении. Германии нет никакого резона воевать с нами. Ей необходим наш нейтралитет в войне с Польшей». Через несколько дней, 29 сентября, уже после вступления советских войск в Западную Украину и Белоруссию и подписания «договора о дружбе и границе» с Германией, Слезкин предполагает: «Если САШт (Северо-Американские Штаты. – *А.Г.*) станет на сторону Франции и Англии и война продолжится – несомненно к нам (то есть СССР и Германии. – *А.Г.*) присоединится Япония (разграничив с нами сферу влияния в Китае) и тогда создастся такой массив территориально-монолитный, что с ним ничто уже не сравнится и ему не противостоит. А какой кулак в сторону английских владений в Азии!»⁶¹

Контрастируют с его позицией предположения Вс. Вишневого, который в своем дневнике 31 августа 1939 г. утверждал: «В случае необходимости, – через МНР и Китай стукнем Японию, чтобы развязаться на Востоке... при случае – денонсировать договор с Германией и ударить»⁶².

* * *

Таким образом, подписание советско-германского договора о ненападении 23 августа 1939 г. и последующие события были встречены в советском обществе со смешанными чувствами. С одной стороны, явно ощущался шок от внезапного изменения тона советской пропаганды и внешнеполитического курса в целом; с другой – советско-германский договор, казалось, гарантировал мирное будущее на ближайшее время и поэтому был воспринят с явным облегчением.

К подобным выводам приходит и М.В. Дьяченко. В своей интересной диссертации она широко использует мемуары и воспоминания, но при этом делает следующее заключение: «Примечательно то, что большинство негативных оценок пакту авторы дают по прошествии нескольких десятилетий, после тяжелых последствий, причиной некоторых из которых был этот договор. В имеющихся же источниках предвоенных лет преобладают все-таки одобрение и принятие этого документа»⁶³.

Слухи то о войне, то о нормализации отношений с Германией и ее противниками возникали и гасли на протяжении всего периода августа 1939 – июня 1941 г., но никакого единомыслия, никакого общего понимания происходящего и ближайшего будущего, вопреки современным представлениям, в советском обществе не было⁶⁴.

А вот в исторической памяти советско-германский пакт 1939 года надолго остался как одна из ступеней к страшной войне. После подписания в августе 1970 г. договора между СССР и ФРГ о признании нерушимости послевоенных границ и решении спорных вопросов мирным путем, как подчеркивает современный исследователь, «в откликах, высказываниях и вопросах граждан часто проводилась параллель между Московским договором и пактом о ненападении между СССР и Германией от 1939 г. Опасения, что может повториться ситуация, когда Германия нарушила подписанный договор и напала на Советский Союз, постоянно звучали на собраниях и партийных активах, посвященных Московскому договору»⁶⁵. По свидетельству В.М. Фалина, после подписания в августе 1970 г. договора между СССР и ФРГ о признании нерушимости по-

слевоенных границ и решении спорных вопросов мирным путем, Л.И. Брежнев позвонил ему и шутя сказал: « – Что же ты наделал! – Что, Леонид Ильич? – В регионе от Волги до Урала народ соль, спички, мыло расхватал. Договор с немцами подписан, значит, жди войны...»⁶⁶.

---

¹ Рожков А.Ю. Первая смерть вождя: болезнь и кончина В.И. Ленина в общественном восприятии // Россия XXI. 1995. № 5/6. С. 131.

² К подобным выводам приходили и другие исследователи. См., например: Яров С.В. Источники по истории политического протеста в Советской России в 1918–1923 гг. СПб., 2001.

³ О перлюстрации подробнее см.: Измозик В.С. : 1) Перлюстрация в первые годы советской власти // Вопросы истории. 1995. № 8. С. 26–35 ; 2) Глаза и уши режима: государственный политический контроль за населением Советской России в 1918–1928 гг. СПб.: УЭиФ, 1995. 164 с.

⁴ Речь идет обо всех формах цензуры – официальной, через систему Главлита, которую проходили все публикации; неофициальной, на уровне редакций и издательств; и, наконец, может быть наиболее эффективной форме цензуры – «самоцензуре», которая включалась уже в момент написания (в крайнем случае, в момент авторского редактирования) текста в зависимости от сиюминутной конъюнктуры.

⁵ Теория, история, метод: источники российской истории: учеб. пособие для гуманитарных специальностей. М.: РГГУ, 1998. С. 636.

⁶ Шахурин А.И. Крылья победы. М., 1984. С. 42.

⁷ См.: Голубев А.В. «Если мир обрушится на нашу республику...»: советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. М., 2008. С. 155–163.

⁸ Пришвин Михаил. Дневник 1939 // Октябрь. 1998. № 2. С. 144–158.

⁹ Пришвин М.М. Дневники. М., 1990. С. 277.

¹⁰ Его же. Дневники. СПб., 2010. Т. 10: 1938–1939. С. 437–438.

¹¹ Подробнее см.: Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории. Челябинск, 2011; Голубев А.В. : 1) Крестьянские слухи и толки: источник или предмет исследования?: (на примере внешнеполитических стереотипов 1920-х годов) // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв.: источники и методы исследования. Рязань, 2011. С. 301–313 ; 2) Слухи как источник изучения внешнеполитических стереотипов советского общества 1920-х годов // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2012. Вып. 6, ч. 2. С. 236–255.

¹² Маньков А.Г. Дневники тридцатых годов. СПб., 2001. С. 229. Аркадий Георгиевич Маньков (1913–2006) – известный историк, заслуженный деятель науки РСФСР. В 1939 г. студент ЛГУ.

¹³ Аллендорф М. [Дневник М. Аллендорф]. URL: [http://prozhito.org/search/diaries/\[366\]/date/1900-01-1/dateTop/2000-01-1/keywords/-/locations/-/mentioned_persons/-/tags/-/languages/\[1\]/](http://prozhito.org/search/diaries/[366]/date/1900-01-1/dateTop/2000-01-1/keywords/-/locations/-/mentioned_persons/-/tags/-/languages/[1]/) (дата обращения 24 июля 2016 г.).

- Марина Александровна Аллендорф (1915–1994) – художник-график. В 1939 г. учащаяся техникума.
- ¹⁴ *Блюм А.* Настроения ленинградцев в связи с началом Второй мировой войны, август – сентябрь 1939 г.: (по донесениям осведомителей НКВД) // *Разномыслие в СССР и России (1945–2008): сб. материалов науч. конф., 15–16 мая 2009 г., [Европейский ун-т в С.-Петербурге].* СПб., 2010. С. 19.
- ¹⁵ Там же. С. 20. Леонид Пантелеев (Алексей Иванович Еремеев; 1908–1987) – советский писатель.
- ¹⁶ *Ломагин Н., Савинова Н.* Образ прибалтийских стран в СССР в предвоенный период (1934–1940 гг.) // *Образ Другого – страны Балтии и Советский Союз перед Второй мировой войной.* М., 2012. С. 184.
- ¹⁷ Там же. С. 185.
- ¹⁸ Центральный архив общественных движений Москвы. Ф. 74. Оп. 1. Д. 76. Л. 8.
- ¹⁹ *Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД, 1918–1939: документы и материалы.* М., 2012. Т. 4: 1935–1939. С. 797.
- ²⁰ *Верт А.* Россия в войне, 1941–1945. М., 1967. С. 60.
- ²¹ *Гладков А.К.* «Всего я и теперь не понимаю»: из дневников (1936–1940) // *Наше наследие.* 2014. № 110. С. 111. Имеются в виду англо-франко-советские переговоры, проходившие в Москве в августе 1939 г. Александр Константинович Гладков (1912–1976) – советский драматург и киносценарист.
- ²² *Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД ...* Т. 4. С. 791.
- ²³ Там же. С. 792; *Иванов В.А.* Миссия ордена: механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х – 40-х гг.: (на материалах Северо-Запада РСФСР). СПб., 1997. С. 244.
- ²⁴ *Трагедия советской деревни. Коллективизации и раскулачивание, 1927–1939.* М., 2006. Т. 5: 1937–1939, кн. 2: 1938–1939. С. 493.
- ²⁵ Цит. по: *Блюм А.* Указ. соч. С. 20
- ²⁶ *Кривоножкина Е.Г., Ханитова И.И.* Сельское население Татарской АССР накануне и в годы Великой Отечественной войны (1937–1945 гг.) Казань, 2011. С. 300.
- ²⁷ *Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД ...* Т. 4. С. 792.
- ²⁸ *Шапорина Л.В.* Дневник. М., 2011. Т. 1. С. 237–238. Любовь Васильевна Шапорина (1879–1967) – создательница первого в советской России театра марионеток, художница, переводчица, первая жена композитора Ю.А. Шапорина.
- ²⁹ *Бердяева Л.Ю.* Профессия – жена философа. М., 2002. С. 184. Лидия Юдифовна Бердяева (1871–1953) – поэтесса, деятель русской диаспоры во Франции. Жена философа Н.А. Бердяева.
- ³⁰ «Внутренняя эмиграция – это самое решительное неприятие советской власти, самое решительное отрицание ее теоретических основ, обычно ничем не обнаруживаемое». См.: «Свершилось. Пришли немцы!»: идейный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны. М., 2012. С. 5.
- ³¹ *Шапорина Л.В.* Указ. соч. С. 238.

- ³² *Пришвин М.М.* Дневники. Т. 10. С. 409.
- ³³ Там же. С. 422, 425–426.
- ³⁴ *Князев Г.А.* Дни великих испытаний: дневники, 1941–1945. СПб., 2009. С. 374. Георгий Алексеевич Князев (1887–1969) – историк и архивист, в 1929–1963 гг. директор Архива АН СССР.
- ³⁵ *Гладков А.К.* Указ. соч. С. 111.
- ³⁶ *Соловьев А.Г.* Тетради красного профессора (1912–1941) // Неизвестная Россия. XX век: архивы, письма, мемуары. М., 1993. Вып. 4. С. 205. Александр Григорьевич Соловьев (1893–1980) – партийный деятель, в 1939 г. возглавлял агентство «Международная книга».
- ³⁷ См., например: *Иванов Вс.В.* Дневники. М., 2001. С. 44. Всеволод Вячеславович Иванов (1895–1963) – советский писатель и драматург.
- ³⁸ *Гладков А.К.* Указ. соч. С. 111–112.
- ³⁹ *Маньков А.Г.* Указ. соч. С. 229.
- ⁴⁰ *Иванов Вс.В.* Указ. соч. С. 45.
- ⁴¹ Цит. по: Советская повседневность и массовое сознание, 1939–1945. М., 2003. С. 19.
- ⁴² *Симонов К.* Глазами человека моего поколения; Размышления о И.В. Сталине. М., 1988. С. 79.
- ⁴³ *Вернадский В.И.* Дневники, 1935–1941. М., 2006. Кн. 2: 1939–1941. С. 56. Любопытно, что еще в апреле 1920 г. В.И. Вернадский писал в дневнике: «Идея государства Российского войдет и дальше в историю как воссоздание силой: Бессарабия, Кавказ, Прибалтика, части, захваченные Польшей, – вернутся». См.: *Вернадский В.И.* Дневники 1917–1921 гг. Киев, 1997. [Кн.] 2: Январь 1920 – март 1921. С. 64.
- ⁴⁴ *Токарев В.А.* В фарватере советской пропаганды 1939: (к стратегии выживания старшего поколения историков) // Толерантность и власть: судьбы российской интеллигенции. Пермь, 2002. С. 199–200.
- ⁴⁵ *Бронтман Л.* Дневники Л. Бронтмана. URL: [http://prozhito.org/search/diaries/\[15\]/date/1939-01-01/dateTop/-/keywords/-/locations/-/mentioned_persons/-/tags/-/langauges/\[0\]/](http://prozhito.org/search/diaries/[15]/date/1939-01-01/dateTop/-/keywords/-/locations/-/mentioned_persons/-/tags/-/langauges/[0]/) (дата обращения 26 июля 2016 г.). Лазарь Константинович Бронтман (1905–1953) – корреспондент, с мая 1941 г. начальник информационного отдела газеты «Правда».
- ⁴⁶ *Гладков А.К.* Указ. соч. С. 113.
- ⁴⁷ Борис Михайлович Ляпунов (1862–1943) – языковед-славист, действительный член Академии наук с 1923 г.
- ⁴⁸ То есть информатору НКВД.
- ⁴⁹ Цит. по: *Блюм А.* Указ. соч. С. 22.
- ⁵⁰ Юрий Николаевич Тюлин (1893–1978) – музыковед, педагог и композитор, заслуженный деятель искусств России (1957), доктор искусствоведения. Профессор Ленинградской (с 1935) и Московской (с 1971) консерваторий.
- ⁵¹ *Блюм А.* Указ. соч. С. 22–23.
- ⁵² *Симонов К.* Указ. соч. С. 80.
- ⁵³ *Зензинов В.М.* Встреча с Россией. Как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную армию, 1939–1940. Нью-Йорк, 1944. С. 332, 356.

- ⁵⁴ *Шкаренков Л.К.* Память о войне // Россия и современный мир. 1995. № 2. С. 260. Леонид Константинович Шкаренков (1921–1999) – историк, специалист по истории русского зарубежья.
- ⁵⁵ Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 161. Оп. 6. Д. 756. Л. 63 об.
- ⁵⁶ Советская повседневность и массовое сознание. С. 15, 21.
- ⁵⁷ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД ... Т. 4. С. 795.
- ⁵⁸ Там же. С. 800–801.
- ⁵⁹ Цит. по: *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны: советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997. С. 100.
- ⁶⁰ Цит. по: *Дьяченко М.В.* Общественно-политические настроения в СССР накануне Великой Отечественной войны, 1939–1941 гг.: дис. на соискание учен. степ. канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2009.
- ⁶¹ Цит. по: *Корочкова О.Ю.* Дневник Ю.Л. Слезкина: внешнеполитические коллизии в оценках русского писателя // Проблемы российской истории. М.: Магнитогорск, 2006. Вып. 7. С. 482–483. Юрий Львович Слезкин (1887–1947) – писатель, получивший известность в 1910-х годах. В 1930-е годы работал над многотомной эпопеей о Первой мировой войне, уделяя много внимания ее дипломатической истории. В связи с этим Слезкин внимательно следил за внешнеполитическими событиями конца 1930-х годов, что отразилось в его дневнике.
- ⁶² *Вишневский Вс.* «...Сами перейдем в нападение»: из дневников 1939–1941 годов // Москва. 1995. № 5. С. 104. Всеволод Витальевич Вишневский (1900–1951) – советский писатель и драматург.
- ⁶³ *Дьяченко М.В.* Указ. соч. С. 117.
- ⁶⁴ См.: *Голубев А.В.* Мир начала 1940-х гг. глазами русского писателя // Российская история. 2013. № 3. С. 149–154.
- ⁶⁵ *Чернявский А.В.* Внешняя политика СССР в общественном мнении советских граждан, 1964–1982 гг.: дис. на соискание учен. степ. канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2017. С. 96.
- ⁶⁶ URL: <https://regnum.ru/news/1475019.html> (дата обращения 26 июля 2016 г.). Валентин Михайлович Фалин (род. 1926) – советский государственный деятель и дипломат, в 1968–1971 гг. возглавлял 3-й Европейский (германский) отдел МИДа.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алпатов Сергей Викторович – кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Беляков Андрей Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный университет путей сообщения (Рязанский филиал).

Белянкин Юрий Сергеевич, – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Голиков Кирилл Андреевич – кандидат биологических наук, старший преподаватель, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Голубев Александр Владимирович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН.

Дубровина Ольга Владимировна – Ph.D in Humanities, преподаватель, Университет Модены и Реджо-Эмилии (Италия).

Жукова Лекха Вильевна – кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Киличенков Алексей Алексеевич – доктор исторических наук, доцент, профессор, Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета.

Куприянов Павел Сергеевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН.

Купцова Ирина Валентиновна – доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Лисейцев Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН.

Лохматов Алексей Максимович – магистрант, Высшая школа экономики, Кельнский университет (Германия).

Малахов Вадим Александрович – аспирант, Российский государственный гуманитарный университет.

- Мамонова Елена Владимировна* – зав. редакцией журнала «Российская история».
- Моисеев Максим Владимирович* – кандидат исторических наук, зав. Сектором, объединение «Музей Москвы».
- Мухаматулин Тимур Анварович* – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт российской истории РАН
- Невежин Владимир Александрович* – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН.
- Печенкин Илья Евгеньевич* – кандидат искусствоведения, доцент, Российский государственный гуманитарный университет.
- Станков Кирилл Николаевич* – кандидат исторических наук, ассистент, Волгоградский государственный университет.
- Старицын Александр Николаевич* – ведущий библиограф, Институт научной информатики по общественным наукам РАН.
- Толстиков Александр Владимирович* – кандидат исторических наук, доцент, Петрозаводский государственный университет.
- Топычканов Андрей Владимирович* – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.
- Черниловский Артем Александрович* – кандидат исторических наук, доцент, Приокский государственный университет (филиал в г. Карачев, Брянская область).
- Черноперов Василий Львович* – доктор исторических наук, доцент, зав. Кафедрой, Ивановский государственный университет.
- Шамин Степан Михайлович* – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт российской истории РАН.
- Шаповалова Анна Сергеевна* – аспирант, Institut d'études politiques, Paris.
- Шурыгина Ольга Сергеевна* – независимый исследователь.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Голубев А.В.</i> Предисловие	3
---------------------------------------	---

I. Дипломатия как форма межкультурного взаимодействия

<i>М.В. Моисеев.</i> Посольские дары – «поминки» в контексте взаимоотношений России и постордынских государств: проблемы изучения	12
<i>А.В. Беляков.</i> Посольство И.И. Чемоданова в Венецию 1656 г.	32
<i>С.В. Алтатов.</i> Европейская брачная дипломатия XVIII в. в зеркале русской рукописной и фольклорной традиции	43
<i>К.Н. Станков.</i> Статейный список В.М. Михайлова как исторический источник	55
<i>В.А. Невежин.</i> Элементы грузинского застолья в церемониале дипломатических приемов И.В. Сталина 1941–1945 гг.	78

II. Средства массовой информации и пропаганда

<i>В.А. Малахов.</i> Освещение еврейских погромов 1881–1882 гг. в России британской и германской прессой	95
<i>О.В. Дубровина.</i> Итальянский проект «Радио Москва»	106
<i>Т.А. Мухаматулин.</i> «Выставляли сборные команды, что снижало спортивный интерес к встрече»: визит испанских рабочих спортсменов в СССР осенью 1933 г.	121
<i>А.С. Шаповалова.</i> «Передовая общественность всего мира на защиту СССР!»: советская агитационная кампания по процессу «Промпартии» в Европе (1930 г.)	131

III. Религия и церковь

<i>А.В. Толстиков.</i> Религиозный аспект понимания политических границ в допетровской России (на примере российско-шведских отношений)	145
<i>А.Н. Старицын.</i> Православные приходы Швеции через призму русской церковной реформы XVII в.	164
<i>Ю.С. Белякин, С.М. Шамин.</i> «Сказание о двух старцах»: европейский памфлет и русское старообрядчество в XVIII столетии	186
<i>А.М. Лохматов.</i> Образ СССР в рефлексии польской католической интеллигенции (1945–1948 гг.)	201

IV. Через прицел: взаимовосприятие в условиях войн и конфликтов

<i>Д.В. Лисейцев.</i> «В чужом пиру похмелье»: польские участники свадьбы Лжедмитрия I и русское общество XVII в.	215
<i>П.С. Куприянов.</i> «Мучительная шабая»: японский плен в записках А.И. Хлебникова	231
<i>А.А. Черниловский.</i> Англо-германское военно-морское соперничество в начале XX в. глазами русских военных	251
<i>И.В. Купцова.</i> О Франции из Франции (образ союзника в годы Первой мировой войны глазами М. Волошина)	264
<i>А.А. Киличенков.</i> «...Мы рисуем себе страхи нашего технического отставания»: оценки зарубежного танкостроения руководством РККА в конце 1920-х – 1930-е годы	277

V. Взаимовосприятие в контексте визуальной культуры

<i>А.В. Топычканов.</i> Российские и европейские резиденции: практика сопоставления в XVII в.	291
<i>К.А. Голиков.</i> Трансформация идеи дворцово-паркового комплекса Версаля в контексте межкультурной коммуникации	298

Л.В. Жукова. Отражение Китая в русской живописи первой половины XIX в.	313
И.Е. Печенкин. Архитектура русского стиля в европейском отражении: рецепция, критика, апология	328

**VI. «Дранг нах Остен?..»
Россия и Германия**

Е.В. Мамонова. Немецкий опыт в русской интерпретации: освещение культуркампа в публицистике М.Н. Каткова	337
О.С. Шурыгина. Немецким автомобилем по русскому бездорожью: восприятие западных инноваций в Российской империи	346
В.Л. Черноперов. Политическое противоборство в Веймарской Германии глазами советских граждан	360
А.В. Голубев. «Вопреки народному сомнению, пакт настоящий»: советско-германский договор о ненападении 1939 г. и советское общество	374
Сведения об авторах	397

Научное издание

**РОССИЯ И МИР
ГЛАЗАМИ ДРУГ ДРУГА:
ИЗ ИСТОРИИ
ВЗАИМОВОСПРИЯТИЯ**

Выпуск восьмой

Утверждено к печати

*Ученым советом Института российской истории
Российской академии наук*

Редактор: О. А. Пруцкова
Компьютерная верстка Л. П. Андриановой

Подписано к печати 27.06.17. Заказ № .
Формат 60×84/16. Гарнитура NewtonTT
25,25 п.л. 19,93 уч.-изд.л.
Тираж 300 экз.

Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19